

**РӘСӘЙ ХАЛЫКТАРЫ ТЕЛДӘРЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҢЫНЫҢ
КӨНҮЗӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ**

**XVIII Бөтә Рәсәй фәнни конференция материалдары
(халык-ара катнашлыкта)**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ**

**Материалы XVIII Всероссийской научной конференции
(с международным участием)**

БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ ФЭНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ
РФА ТЕЛ ҒИЛЕМЕ ИНСТИТУТЫ
РФА ӨФТҮ ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘЗӘБИӘТ ИНСТИТУТЫ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ МӘҒАРИФ МИНИСТРЛЫҒЫ

**РӘСӘЙ ХАЛЫКТАРЫ ТЕЛДӘРЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҢЫНЫҢ
КӨНҮЗӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ**

Күренекле төрки телдәре белгесе, филология фәндәре докторы,
СССР Фәндәр академияһының мөхбир ағзаһы,
РСФСР-зың Педагогия академияһы академигы
Н. К. Дмитриевтың тыуыуына 120 йыл тулыуға арналған
XVIII Бөтә Рәсәй фәнни конференция
(халык-ара катнашлыкта) материалдары
(Өфө, 24-26 май, 2018 йыл)

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ**

Материалы XVIII Всероссийской научной конференции
(с международным участием), посвященной 120-летию
известного лингвиста-тюрколога,
доктора филологических наук, члена-корреспондента АН СССР,
академика Академии педагогических наук РСФСР Н. К. Дмитриева
(Уфа, 24-26 мая, 2018 год)

УДК 81'28 (063)
ББК 81.2 – 67

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVIII Всероссийской научной конференции (с международным участием). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. 248 с.

ISBN 978-5-91608-169-5

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XVIII Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», посвященной 120-летию известного языковеда-тюрколога, доктора филологических наук, члена-корреспондента АН СССР, академика Академии педагогических наук РСФСР Н. К. Дмитриева (1898-1954). В них нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской диалектологии, проблемы развития новейших направлений языкознания.

Сборник адресован языковедам, фольклористам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем тем, кто интересуется вопросами диалектологии языков народов России.

Ответственный редактор:

член-корреспондент АН РБ, доктор филологических наук, профессор
Ф. Г. Хисамитдинова

Редакционная коллегия:

Ш. В. Нафиков, З. А. Сиразитдинов, Г. Н. Ягафарова

Рецензенты:

А. Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Высшая школа татаристики и тюркологии им. Г. Тукая ИФМК Казанский федеральный университет, г. Казань);

З. А. Хабибуллина, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа)

Составитель:

А. М. Ишегулова

На обложке дана карта из отчета Н. К. Дмитриева о маршруте лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР в 1928 г.

ISBN 978-5-91608-169-5

© Коллектив авторов, 2018

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018

Предисловие

В 2018 году исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося тюрколога XX века Н. К. Дмитриева (1898-1954). Его имя, имя русского ученого с большой буквы с благодарностью произносят во всех странах и республиках тюркского мира. Не составляет исключения и Республика Башкортостан, где работали и продолжают трудиться его ученики, ученики его учеников, где он читал блестящие лекции и доклады не только по тюркским языкам, но и фольклору и этнографии, где он создал первую академическую грамматику башкирского языка, ставшую образцом для написания грамматик не только тюркских, но и монгольских, финно-угорских и кавказских языков бывшего Советского Союза. Кроме академической грамматики, Н. К. Дмитриевым по различным аспектам башкирского языкознания написано около 70 работ, собран огромный диалектный материал по языку горно-лесных башкир, которые не потеряли актуальности и сегодня. Поэтому вполне логично, что на все юбилеи Н. К. Дмитриева Институт истории, языка и литературы вместе с Институтом языкознания РАН проводит научные конференции, посвященные его памяти. Нынешняя юбилейная конференция Н. К. Дмитриева проводится в рамках постоянного форума диалектологов России «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Данный форум, восходящий еще к авторитетнейшей в Советском Союзе Всесоюзной конференции — совещанию по диалектологии тюркских языков (1956 г. начало), имеет 62-летнюю историю и в этом году проводится в восемнадцатый раз. Конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» давно переросла свой статус. Она давно стала международной, в ней принимают участие исследователи не только из ближнего, но и дальнего зарубежья, крупные ученые из российских научных центров и вузов страны. Следует отметить, что из года в год повышается качество докладов и выступлений, особенно молодежи, которая составляет половину участников данного форума. Не составляет исключения и данная XVIII конференция, в которой в разной форме принимают участие исследователи из Москвы и Санкт-Петербурга, Казани и Ижевска, Екатеринбурга и Тулы, Махачкалы и Сыктывкара, Калуги и Тобольска, Горно-Алтайска и Кудымкара, а также из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Турции и Японии.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ДМИТРИЕВА

Статья посвящена 120-летию выдающегося лингвиста, тюрколога, слависта Н. К. Дмитриева. В статье дается обзор основным трудам по турецкому, гагаузскому, азербайджанскому, кумыкскому и другим тюркским языкам. Перечень научных трудов свидетельствуют о широте исследований Н. К. Дмитриева.

Ключевые слова: *Н.К.Дмитриев, тюркология, грамматика, диалектология.*

THE CAREER OF N. K. DMITRIEV. The article is devoted to the 120th anniversary of the outstanding linguist, Turkologist, Slavist N. K. Dmitriev. The authors provides an overview of the chief works on Turkish, Gagauz, Azerbaijani, Kumyk and other Turkic languages. The list of scholarly publications testifies to the breadth of N.Dmitriev's research activities.

Keywords: *N. K.Dmitriev, Turkology, grammar, dialectology.*

Н. К. Дмитриев родился в Москве 28 августа (10 сентября по новому стилю) 1898 г. в интеллигентной семье. Его отец, Константин Николаевич (1867-1943), имел математическое образование, служил в полевой артиллерии, после отставки работал бухгалтером. Мать, Екатерина Александровна (1878-1958), была очень способной и одаренной и хорошо владела французским языком. Все ее время было посвящено семье и воспитанию детей, старшим из которых был Николай Константинович.

Отец Николая Константиновича по делам службы бывал в Средней Азии, Турции, Египте. Рассказы отца о восточных странах и живущих там людях, вероятно, способствовали пробуждению у Николая Константиновича большого интереса к Востоку, который впоследствии привел его к научным занятиям восточными проблемами, и востоковедение стало его профессией.

В 1908 г. Николай Константинович поступил в 3-ю Московскую мужскую гимназию, которую окончил в 1916 г. с золотой медалью. В гимназии он серьезно углубленно изучал классические языки и литературу. В то же время Николай Константинович настолько хорошо изучил иврит, что состоятельные еврейские семьи приглашали его для преподавания древнееврейского языка своим детям.

По окончании гимназии Николай Константинович поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1920 г. В университете, помимо занятий классическими языками, Николай Константинович находил время изучать общее языкознание и южнославянские языки, в особенности болгарский и сербский, и овладел ими настолько, что в дальнейшем переводил произведения русских писателей на сербский язык. Одновременно с этим (1916-1918) он занимался на курсах иностранных языков Берлица, изучая английский и итальянский языки, и успешно окончил эти курсы.

В 1918 г., повинуясь внутреннему чувству влечения к Востоку, Николай Константинович поступил в Лазаревский институт восточных языков (с 1921 г. Московский институт востоковедения). Диапазон дисциплин, коими занимался Николай Константинович, просто поразителен. Он поступил сразу на три разряда: турецкий, арабский и персидский, посещая занятия крупнейших ученых того времени. Но этого оказалось, было мало: Николай Константинович изучал еще пехлевийский и сирийский языки, а из тюркских — азербайджанский, башкирский и казахский.

В 1922 г. Николай Константинович успешно окончил Московский институт востоковедения с твердым желанием посвятить все силы только тюркологии.

Еще до того, в 1921 г., он стал младшим научным сотрудником Восточной секции Научно-исследовательского института языка и истории литературы.

В 1922 г. Н. К. Дмитриев познакомился с крупным славистом А. М. Селищевым который предложил ему заняться славяно-тюркскими языковыми отношениями, в частности славянскими материалами, интересными для истории тюркских языков. В 1924 г. Н. К. Дмитриев представил в Восточную секцию сразу три работы: очерк по османской мимологии, исследования по элементам турецкого языка и быта в сербских сказках и материалы по казанско-татарскому фольклору — записи татарских песен с их лингвистическим и фольклористическим анализом. Это послужило основанием для присуждения ему звания старшего научного сотрудника.

В 1925 г. Н. К. Дмитриев подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Элементы турецкого языка в сербском фольклоре». Тогда же он получил приглашение от акад. А. Н. Самойловича и начал работать в Ленинградском институте живых восточных языков. Там он состоял сначала в должности доцента, с 1929 г. — в должности профессора и с 1930 г. до закрытия института в 1938 г. — в должности заведующего кафедрой турецкого языка. В 1926 г. Н. К. Дмитриев начал чтение лекций по тюркским языкам на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета. Когда в 1944 г. в Ленинградском университете был организован Восточный факультет, а на нем кафедра тюркской филологии, Н. К. Дмитриев возглавил ее и руководил ею до января 1948 г. Здесь он создал и читал ряд курсов по тюркскому языкознанию: введению в тюркологию; сравнительную грамматику тюркских языков; историю турецкого языка; курсы по турецкой и туркменской диалектологии; ряд общих курсов по турецкому, туркменскому, крымскотатарскому языкам и специальных курсов по турецкому, азербайджанскому и балкарскому языкам, а также курс по фольклору тюркских народов и ряд других тюркологических курсов, которые до него никем не читались. Кроме того, для аспирантов он читал повышенные курсы по турецкому, кумыкскому, балкарскому, азербайджанскому языкам, по сопоставительной грамматике русского и турецкого языков, по тюркской палеогеографии. В Институте живых восточных языков помимо основных курсов по турецкому языку и фольклору Н. К. Дмитриев читал также специальный аспирантский курс «История изучения турецкого языка». Одновременно он работал научным сотрудником 1-го разряда Азиатского музея АН СССР (позднее Институт востоковедения АН СССР), где занимался разбором периодических изданий на тюркских языках.

В 1938 г. Н. К. Дмитриев получил степень доктора филологических наук. Одновременно с работой в ленинградских вузах Н. К. Дмитриев состоял с 1926 по 1932 г. старшим научным сотрудником монголо-финно-турецкой секции Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков народов Запада и Востока, а после реорганизации его в 1930 г. в Ленинградский научно-исследовательский институт речевой культуры и Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания — заведующим секцией тюркских языков.

Работая в Ленинграде, Н. К. Дмитриев сохранял связи в Москве. В Московском университете он работал с 1928 г. доцентом, а с 1929 г. — профессором; с 1930 по 1939 г. руководил кафедрой тюркских языков, а в 1940-1942 гг. — кафедрой тюркской филологии; в 1943-1954 гг. он фактически руководил Восточным отделением филологического факультета (с 1949 г. — официально). Там же в 1929-1930 гг. он читал курсы для студентов: турецкий фольклор, историю турецкой литературы, узбекский язык, башкирский язык. В 1937 г. в ЦНИИИП он читал специальный курс по якутскому языку. Позже, опять же в МГУ, им был прочитан курс «Обзор ближневосточных литератур». В 1940-1941 гг. он читал в Баку в Азербайджанском университете для аспирантов на азербайджанском языке: введение в языки агглютинативного строя и азербайджанский язык. С 1942 г. Н. К. Дмитриев читал на

Восточном отделении и филфака МГУ введение в тюркологию, сравнительную грамматику тюркских языков, общий курс по туркменскому языку.

Помимо обучения в вузах студентов-тюркологов Н. К. Дмитриев много сил отдавал повышению квалификации учителей из среды тюркоязычных народов. В 1932 г. он читал в Москве цикл лекций на курсах повышения квалификации тюрко-татарских учителей; с 1934 по 1937 г. руководил балкарским, башкирским, казахским, крымскотатарским, кумыкским и туркменским отделениями ленинградских и московских курсов редакторов-переводчиков и преподавал там соответствующие тюркские языки. С 1935 по 1954 г. заведовал тюркской секцией Научно-исследовательского института национальной педагогики, впоследствии Института нерусских школ и Института национальных школ. Как преподаватель Николай Константинович обладал даром просто и ясно излагать то или иное правило языка или характерные черты фольклорного сюжета. Рассказанное и объясненное им крепко запоминалось.

С 1938 по 1954 г. Н. К. Дмитриев был заведующим тюркским сектором Научно-исследовательского института языка и письменности АН СССР (в 1950 г. реорганизованного в Институт языкознания АН СССР).

Н. К. Дмитриев вел огромную научно-административную работу, будучи избираем в многочисленные ученые советы, научные и экспертные комиссии. За выдающиеся заслуги в области развития тюркологической науки и подготовки научных кадров из среды представителей тюркских народов в 1943 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР; в 1944 г. — членом-корреспондентом, а в 1945 г. действительным членом Академии педагогических наук РСФСР. Кроме того, он получил почетное звание заслуженного деятеля науки Туркменской ССР, Башкирской и Чувашской АССР. В 1949 г. Дмитриев стал членом бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Имел ряд правительственных наград за активную работу: ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета», медали «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «В память 800-летия Москвы» и др. [Аракин, 1972].

Бурная научно-педагогическая деятельность, работа на износ рано подкосили здоровье Н. К. Дмитриева. Он умер 22 декабря 1954 г. Его студенты и аспиранты, все его коллеги до сих пор сохранили о нем самые теплые воспоминания. О добром и чутком его отношении к людям, ученикам, коллегам, друзьям ходят легенды. О его бескорыстной дружеской помощи люди помнят всю жизнь. Его учениками с гордостью называют себя очень многие крупные российские тюркологи. Абсолютно вне сомнений и его высокие человеческие качества: отмеченные в мемориальной статье Э. В. Севортыяна «исключительная внимательность и чуткость к людям, верность и принципиальность в отношениях с товарищами по работе и науке» [Севортыян, 1955], порядочность, — безоговорочно подтверждаются людьми, лично знавшими Н. К., и запечатлены в принадлежащих ему персоналиях [Дмитриев, 1947].

Обратимся к научной деятельности Н. К. Дмитриева: его вклад в тюркологическую науку был весьма велик, и любая тема, которой он занимался, обнаруживала новые, доселе никем не затронутые аспекты.

Сам Н. К. Дмитриев в автобиографии, сохранившейся в его личном деле, так определил основные направления своих научных интересов:

1. Сравнительная грамматика тюркских языков.
2. Изучение современных тюркских языков Кавказа, Крыма, Поволжья и Приуралья.
3. Проблемы Тигсо-Slavica.
4. Фольклор тюркских народов.

В краткой статье невозможно подробно рассказать об исследованиях Николая Константиновича по тем направлениям, которые он себе наметил. Приходится говорить лишь об основных вехах творческого пути Николая Константиновича.

Теоретические взгляды Николая Константиновича на состояние и развитие языка вообще и тюркских языков в частности сложились под влиянием традиций основателя московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова (1848-1914), сыгравшего большую роль в развитии сравнительно-исторического направления в языкознании. Что касается сравнительно-исторического языкознания, то к началу своей деятельности Н. К. Дмитриев, по-видимому, был хорошо образован в наиболее развитой к тому времени области компаративистики — индоевропеистике. Будучи студентом-классиком, он обучался в Московском университете как раз в то время, когда лекции по сравнительно-историческому языкознанию (предмету, обязательному для классиков) читал ученик Ф. Ф. Фортунатова проф. В. К. Поржезинский (1870-1929). В своей работе Н. К. Дмитриев всегда исходил из принципа генетического родства тюркских языков; нам, во всяком случае, не известно ни одного реверанса в сторону «нового учения о языке» в его работах (чего не удалось избежать даже такому признанному специалисту по алтайскому сравнительно-историческому языкознанию, как Н. Н. Поппе).

В области сравнительной тюркологии взгляды Н. К. Дмитриева основывались на работах виднейших тюркологов: В. В. Радлова (1837-1918), П. М. Мелиоранского (1906), А. Е. Крымского (1871-1942), А. Н. Самойловича (1880-1938). Н. К. Дмитриев был определенно знаком со всеми имевшимися в этой области достижениями: в своих работах он ссылается как на труды русских ученых, так и на западные исследования (в частности, Ю. Немета); кроме того, он, по-видимому, хорошо знал и работы по алтаистике: ссылка на работу А. Соважо 1929 г. [Sauvageot, 1929] имеется в его лекциях по введению в тюркологию за 1944 г.; кроме того, в распоряжении Л. С. Левитской - имеется сделанный рукой Н. К. Дмитриева подробный конспект с разбором алтаистических работ Н. Н. Поппе. Его работы по сравнительной тюркологии посвящены, не собственно проведению компаративистской процедуры с тюркскими языками, а проблемам диахронической типологии родственных языков, однако можно сказать, что принцип историзма пронизывает все лингвистические работы Николая Константиновича. Первая его статья (1927) в этом направлении носит, скорее пробный характер [Dmitrijev, 1927]. В ней он, обосновав тезис о слабом (одноударном) произношении *p* в ряде огузских и кыпчакских языков, высказывает предположение о связи этой фонетической особенности с наличием чередования *p//z* в тюркских языках. В работе 1929 г. [Дмитриев, 1929] кроме интересных типолого-фонетических наблюдений над межзубными звуками в тюркских языках, содержится и собственно компаративистское открытие: систематизировав ранее известные и собственные сведения по соответствиям башкирских и туркменских межзубных (соответствие башкирского *θ* общетюркскому *s* было замечено В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым, соответствие башкирского *з* общетюркскому *z* — Н. Ф. Катановым, но соответствия туркменских межзубных и переход *s>h* в начале башкирского слова и служебных морфем, по-видимому, впервые в явной форме показаны в этой статье) и приведя представительное количество примеров, он обосновал их место в системе фонетических соответствий между тюркскими языками; во всяком случае, именно на эту работу как на источник ссылается М. Ряснен в соответствующем разделе своих Материалов [Ряснен, 1955, 151-154].

Вполне естественно, что Николай Константинович следовал взгляду П. М. Мелиоранского, высказанному в начале текущего века, что создание сравнительно-исторической грамматики является «кардинальной задачей» тюркского языкознания. В 1950 г. в секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР под руководством

Николая Константиновича был составлен план подготовки сравнительной грамматики тюркских языков и началось немедленное его исполнение. В течение семи лет были написаны и опубликованы четыре тома коллективного труда «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков»: часть I «Фонетика» (1955), часть II «Морфология» (1956), часть III «Синтаксис» (1961) и часть IV «Лексика» (1962). Все книги вышли при участии Николая Константиновича как автора и как редактора.

Во введении к первому выпуску Н. К. Дмитриев следующим образом сформулировал задачу работы: «Подготовительным этапом к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков должна послужить сравнительно-описательная грамматика современных тюркских языков, ориентированная на то, чтобы исследовать внутренние законы развития языков этой группы» [Исследования..., 1955, 5]. Таким образом, эти исследования также в значительной мере имеют историко-типологическую и просто типологическую направленность. Ч. I состоит из очерков Н. К. Дмитриева (ему принадлежит большинство из них), Ф. Г. Исхакова, А. А. Пальмбаха, Э. В. Севортяна и Н. А. Баскакова по фонологической и фонетической типологии тюркских языков и фонологическим особенностям отдельных тюркских систем и трех статей Н. К. Дмитриева по наиболее известным фонетическим соответствиям между тюркскими языками (л//ш, р//з и р//д//т//з//тс//й), имеющим обзорный характер. В разделах, составленных Н. К. Дмитриевым, хотя и излагаются факты, к тому времени известные сравнительно-исторической тюркологии (см., например, упомянутые «Материалы» М. Рясненна, с. 58-63, 141 — 142, 153-156), но делается это на редкость систематично, дифференцированно, например с учетом синхронного фонемного статуса долгот в упоминаемых языках (что редкость для сравнительно-исторической работы, написанной в традиционном стиле); кроме того, что касается процессов ассимиляции и диссимиляции согласных, то здесь приводятся результаты морфонологических исследований самого Дмитриева, проведенных при составлении его кумыкской и башкирской грамматик. Остальные тома «Исследований» носят уже чисто типологический характер. Ч. II «Морфология» включает ряд очерков Н. К. Дмитриева и Э. В. Севортяна по общетюркским грамматическим категориям, лексикограмматическую классификацию тюркских слов Ф. Г. Исхакова и несколько очерков по словоизменению и словообразованию Ф. Г. Исхакова, Н. А. Баскакова и А. А. Юлдашева. Ч. III «Синтаксис» содержит три статьи общего плана (Н. К. Дмитриеву принадлежит статья «Детали простого предложения») и очерки по отдельным проблемам синтаксиса каракалпакского, узбекского и азербайджанского языков. Ч. IV «Лексика» состоит из «Опыта сравнительного словаря современных языков» Ф. Г. Исхакова, представляющего, в частности, попытку оценить степень расхождения основного лексического состава в наиболее изученных тюркских языках — метод, принятый впоследствии на вооружение тюркской лексикологией, и трех этюдов по конкретным лексикологическим проблемам отдельных тюркских языков. Известно, что в планы Н. К. Дмитриева входило после «Исследований» создание этимологического словаря тюркских языков, а затем сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Прошло почти полвека с той поры. Исполняя завет Николая Константиновича, сектор тюркских языков (ныне Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН) начиная с середины 80-х годов опубликовал семь томов «Этимологического словаря тюркских языков». Завершена работа по написанию и изданию «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ, 1984-2006] в 6 томах.

Интерес Н. К. Дмитриева к сравнительно-историческому языкознанию выражался не в последнюю очередь в манере подачи материала в работах, посвященных описательной фонетике и лексикологии (как, впрочем, и морфологии и синтаксису). Именно в этих

описаниях обязательно присутствует «сравнительно-исторический» или историко-типологический) фон. Таковы его многочисленные заметки по тюркской диалектологии, фонетические разделы в грамматиках современных тюркских языков, в которых обязательно упоминаются нетривиальные развития из «общетюркского» [Dmitrijev, 1932] (в частности, в работах по турецкой диалектной и гагаузской фонетике отмечены случаи сохранения первичной тюркской долготы). Как писал Э. В. Севортян, «тщательно и скрупулезно отмечая с присущим ему [Н. К. Дмитриеву] чутьем и острой наблюдательностью своеобразные черты исследуемого конкретного языка, он вместе не уклонялся от поставленной им перед собой общетюркологической задачи: вскрывать в каждом тюркском языке типичные черты и свойства, характеризующие генетическое и структурное единство тюркских языков» [Севортян, 1955, 162]. Несомненно, наличие такого фона значительно повышает информативность описания.

Достоинства Н. К. Дмитриева как грамматиста, однако, этим не исчерпываются. Превосходно зная тюркский языковой материал и при этом широко ориентируясь в других типах, он смог значительно продвинуть теоретическую грамматику тюркских языков, убедительно (и в каждом случае очень четко) проинтерпретировать с теоретической точки зрения многие их морфологические и синтаксические особенности. Таково его учение о конкретной и абстрактной принадлежности, о категории *определенности /неопределенности* в тюркском имени, о тюркской изафетной конструкции (типы определительных сочетаний), о синтаксисе подчинительных конструкций и сложного предложения, а также исследование различных типов трехчленной дальности в указательных местоимениях, интерпретация изменяемых послелогов-наречий как пространственных имен, исследования по совершаемостным и модальным противопоставлениям в тюркских глагольных системах. В грамматических описаниях, принадлежащих его перу, содержатся отдельные теоретико-грамматические разработки, которые впоследствии дали начало целым тюркологическим направлениям. В «Строе турецкого языка» [Дмитриев, 1962], например, содержатся наблюдения над морфологической разноместностью турецкого ударения (приводится список минимальных (пар) и делается вывод об ударении как морфологическом маркере. Там же, в лексикологическом разделе, дан поразительный по изяществу семасиологический анализ группы глаголов движения в турецком языке в связи с другими тюркскими языками. В «Грамматике кумыкского языка» сформулирована схема тюркских видовых форм, которая впоследствии стала широко применяться тюркологами.

Простота, ясность и доступность научного языка работ Николая Константиновича создавали некую художественность, особый поэтический стиль всех его трудов – от маленькой статьи до объемистой книги, стиль, по которому можно сразу узнать автора.

Для ряда тюркских языков Н. К. Дмитриев впервые дал квалифицированное лингвистическое описание. Это прежде всего кумыкский язык — один из языков Дагестана, который длительное время служил дагестанским койне, — о котором до работ Дмитриева в тюркологии имелись довольно отрывочные сведения. Николай Константинович сделал первое описание морфологии (1934) и синтаксиса (1935) кумыкского языка. На основании этих предварительных публикаций он составил и в 1940 г. опубликовал первую в истории науки «Граматику кумыкского языка». Этот труд Николая Константиновича наряду с детальным описанием кумыкского языка и его диалектов впервые установил переходный характер кумыкского языка между языками огузского и кыпчакского типа.

Н. К. Дмитриев впервые занялся систематическим описанием башкирского языка и после 20-летнего изучения создал его теоретическую грамматику («Грамматика башкирского языка» 1948 г.). До этого Николай Константинович опубликовал ряд статей по различным проблемам башкирской фонетики, грамматики, диалектологии и словаря, начинал со статьи

«Этюды по фонетике башкирского языка», вышедшей в 1927 г. на французском языке. История создания «Грамматики» не проста. В 1940 г. рукопись готовой башкирской грамматики была сдана в типографию и погибла во время блокады Ленинграда. У Николая Константиновича остались черновики утраченного труда. Путем большого напряжения сил и воли к 1945 г. Николаю Константиновичу удалось восстановить рукопись и снова сдать ее в издательство Академии наук. В 1948 г. фундаментальный труд «Грамматика башкирского языка», ценный для башкироведения и тюркского языкознания в целом, увидел свет. В новой грамматике Николай Константинович искусно сочетал синхронный и диахронный подходы в описании строя одного из тюркских языков. Окончательную формулировку здесь получило мнение Николая Константиновича об особом виде придаточного предложения в башкирском и других тюркских языках — неличных оборотах со своим подлежащим в неопределенном падеже. В 1950 г. «Грамматика башкирского языка» вышла на башкирском языке. На этой грамматике и многочисленных трудах Н. К. Дмитриева по башкирскому языку (их более 70) основывается фактически все современное башкироведение.

Из тюркских языков южной, огузской, группы внимание Николая Константиновича с давних пор привлекали гагаузский, азербайджанский и туркменский языки. Используя как источник записи языка бессарабских гагаузов, сделанные В. А. Мошковым и помещенные в 10-м томе «Образцов народной литературы тюркских племен» В. В. Радловым (1904), Н. К. Дмитриев дал детальное описание этого языка — его фонетического и грамматического строя (1932, 1939) [Дмитриев 1932; 1939] и словарного состава (50-е годы), придя к решительному заключению, что гагаузский язык является «особым языком тюркской группы» [Дмитриев, 1962, 271-284].

Интерес к азербайджанскому языку появился у Н. К. Дмитриева еще в студенческие годы и был предметом его постоянного внимания. Николай Константинович дал описание диалектного состояния города Ганджа (1932), сделал анализ азербайджанских стихотворений, записанных армянскими буквами, как диалектного источника (1934), подробно изучил мимологические образования азербайджанского языка (1961). В 1947 г. выступая в Бакинском университете, Николай Константинович сформулировал важнейшие задачи, которые стояли тогда перед азербайджанским языкознанием, не утратившие своей научной значимости и по сей день (1949). В 1941 г. в Ленинградское отделение Издательства АН СССР Николай Константинович сдал рукопись грамматики азербайджанского языка, которая погибла во время блокады города — горестная потеря не только для автора, но и для науки.

Упорно занимаясь туркменским языком, его диалектами, Николай Константинович сделал описание синтаксиса туркменского языка [Дмитриев, 1962, 395-432] и фольклорно-диалектного языка туркменских сказок Марыйского района [Дмитриев, 1954, 28-63].

Н. К. Дмитриев не оставил без внимания и обширную кыпчакскую группу тюркских языков. Помимо упомянутых уже кумыкского и башкирского предметом его внимания были крымско-татарский, балкарский и татарский языки. Известна лекция Николая Константиновича о методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора (1934). Из курса лекций Николая Константиновича студентам балкарцам выросла работа по малоизвестному тогда балкарскому языку — «Синтаксис балкарского языка» [Дмитриев, 1954, 358-394].

Татарский язык вошел в орбиту исследований Николая Константиновича очень рано — еще в студенческие годы. Исследовательская работа по татарскому языку началась с публикации в 1926 г. диалектного материала — стихотворных записей на татарском языке от уроженца г. Белебей. Публикации продолжались в 1928 и 1932 гг. — по языку мишарей (на французском и немецком языках).

Нельзя не отметить особенно тонкую по анализу и проникновенную по духу работу Николая Константиновича о Каюме Насыри — «Каюм Насыри как филолог» (1947). Николай Константинович отдал дань глубокого уважения одному из выдающихся деятелей татарского народа, называя его «прововестником... культурной весны и возрождения» татар.

Николай Константинович занимался сопоставительным изучением татарского языка с башкирским, чувашским и русским. К этому циклу относятся две книги: «Очерки по методике преподавания русского языка в татарской школе» (1948) — совместно с В. М. Чистяковым; «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе» (1952) — совместно с Н. З. Бакеевой. В 1955 г. вышла книга Николая Константиновича «Грамматическая терминология в учебниках родного языка» на материале трех языков — татарского, башкирского и чувашского.

Славистическая и тюркологическая подготовка Николая Константиновича позволила ему заниматься исследованием тюрко-славянских языковых отношений на основе славянских языков и тюркских текстов в славянской транскрипции. Его работа в этой области имели значение и для тюркологии, и для славистики.

Исследования Н. К. Дмитриева в области Tigris-Slavicae распадаются на три направления. Хронологически первое из них — попытки выяснения особенностей тюркских диалектов, дошедших до исследователя в славянской передаче. Это исследования тюркских заимствований в сербском языке: в 1928 и 1929 гг. им опубликованы четыре статьи под единым названием «Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию» [Дмитриев, 1928], посвященные турецким лексическим и грамматическим заимствованиям в сербском языке. К этому циклу примыкают еще две работы: «Османские глоссы XVI в.» (1926) [Дмитриев, 1926, 210-216] и «Материалы по османской диалектологии. Фонетика кармалицкого» языка» (1928) - исследования славянских транскрипций старотюркского языкового материала. Сопоставление русского и тюркского языков, направленное на повышение качества преподавания русского языка в национальной школе, привело ученого к ряду интересных научных результатов. Ср., например, разделы, написанные им (в соавторстве) в упоминавшихся выше работах [Дмитриев, Чистяков, Бакеева, 1952]: «Наречия в татарском и русском языке», «Русские предлоги и татарские послелогии», «Глаголы движения в языках тюркской группы», «Глаголы речи в языках тюркской группы», «Глаголы мышления» и под. Наконец, еще одна область, в которой Н. К. Дмитриев совершил общепризнанный научный прорыв и вывел ее на новый уровень — это изучение тюркизмов в русском языке.

Собственно тюркологический анализ тюркизмов в славянских языках не мог особенно успешным вплоть до 30-40-х годов XX в., когда появились словари ряда тюркских языков на территории СССР. До того, а также и позже, пожалуй вплоть до 60-х годов XX в., большинство тюркологов, особенно на Западе, пользовались в основном материалом словаря В.В. Радлова, очень большого, но все же далеко не полного и, главное, неравномерно фиксирующего тюркскую лексику в различных языках. В частности, материал словаря Радлова никоим образом не может ответить на вопрос, имеется ли рефлекс данного общетюркского слова в данной группе тюркских языков. Полно была зафиксирована в первую очередь турецкая лексика, отсюда преобладание ссылок на турецкий как источник тюркизмов. В исследованиях по заимствованиям проводилась главным образом предварительная фиксация тюркизмов, без особого внимания к конкретным условиям заимствования — времени и конкретизации тюркского языка-источника. Так, в словаре Ф. Миклошича [Miklosich, 1884; 1885; 1890] предположительный тюркский источник маркируется только как «турецкий» или «северно-тюркский» (т.е. кыпчакский), иногда как «восточнотюркский», что может означать «чагатайский» (литературный язык карлуков и

кыпчаков с XVI по XVIII вв.), но не более точно, и, во всяком случае, не обсуждается возможность выбора из разных источников. Надо сказать, что примерно такая маркировка сохраняется и в словаре М. Фасмера [Фасмер, 1964-1973].

Однако уже в 1929 г. на 1-м съезде славистов в Праге польский востоковед Т. Ковальский выступил с программным докладом, где выдвинул требования хронологизации тюркского заимствования и точного определения его источника. Как ответ на эту работу появилась (в 1958 г.; писалась в 1941-1942 гг.) программная же статья Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» [Дмитриев, 1958, 3-47], где помимо постановки соответствующих задач анализируется значительный объем русских тюркизмов и демонстрируется связь принципов хронологизации, точного определения источника заимствования и его культурно-исторической верификации. Можно считать эту работу хронологической вехой, отмечающей выход науки о тюркизмах в славянских языках на новый этап; с тех пор появилось значительное количество работ, соответствующих этому новому уровню. Заниматься тюркизмами в русском языке Н. К. Дмитриев начал гораздо раньше; первая его работа на эту тему — «Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича» [Дмитриев, 1926, 13-16]. Анализ материала здесь уже проведен так, что позволяет автору сделать вывод: «Приведенные выше сопоставления отражают фонетические черты тюркских языков Поволжья (татары, башкиры, казак-киргизы), Западной Сибири и, реже, Туркестана, что т.о. подтверждает доводы Кутепова о родине соколов». В статье «Турецкие элементы в русских арга» [Дмитриев, 1931, 159-179] ему также удается локализовать источники заимствований исходя из сравнительной фонетики тюркских языков: «При самой грубой локализации... приходится допустить, что центром зарождения турцизмов в русских арга явилось Урало-Поволжье (татары, башкиры и мешеряки) и Кавказ (азербайджанцы), отчасти Крым (крымские татары)...

Тюркологи-фольклористы высоко оценивают работы Н. К. Дмитриева по тюркскому фольклору. Действительно, он не только тщательно собирал фольклорный материал (не пренебрегая при этом точной лингвистической транскрипцией), но и дал ряд ценных фольклористических разработок. В 1926 г. он издал тексты и переводы поволжско-татарских песен [Dmitrijev, 1926], снабдив их большим очерком об истории изучения татарских песен, о тюркской метрике и сюжетах песен. Много работ Дмитриева посвящено башкирскому фольклору, в частности башкирскому народному стихосложению. В 1939 г. вышел сборник турецких [Дмитриев, 1939], а в 1941 г. — башкирских народных сказок [Дмитриев, 1941] с обширными примечаниями и введением Н. К. Дмитриева, включающим лингвистический и литературоведческий анализ сказок. Во Введении к изданию русского перевода горно-алтайского эпоса «Когу-тэй» [1935] Н. К. Дмитриев дает краткие сведения по мифологии Горного Алтая, анализ жанров и форм алтайского фольклора, сравнение алтайского эпоса с тувинским, якутским и монгольским, с одной стороны, и с эпосом среднеазиатских тюрков — с другой; описание алтайского стихосложения; анализ сюжетов эпоса (по системе Аарне). У него имеется также несколько работ по туркменскому (вводная статья, очерк, содержащий анализ жанров и сюжетов, и комментарии к изданию сказок Марыйского района [1954], татарско-мишарскому, крымскотатарскому, азербайджанскому фольклору. Отчасти занимала его и славянская фольклористика: ему принадлежит перевод «Сербских народных сказок», который в 1942 г. был принят к изданию (опубликован в 1956 г.) [Дмитриев, 1956].

Мы не беремся обозреть здесь все темы, которых касался Н. К. Дмитриев в своем научном творчестве. Упомянем еще историю отечественной тюркологии (в частности, подробно освещавшуюся им в лекциях по введению в тюркологию), разработку опросных анкет для лингвистико-фольклорных экспедиций (в которых сам Дмитриев принимал активное участие), тюркскую мимологию (крайне редкий в лингвистический пример

действительно научного анализа изобразительных слов), отдельные частные области тюркской лексикологии. Некоторые исследования Н. К. Дмитриева до сих пор остаются непревзойденными в своей области, а открытые им направления ждут продолжателей.

Литература

Аракин В. Д. Николай Константинович Дмитриев. М.: Изд-во МГУ, 1972 (содержит библиографию трудов Н. К. Дмитриева). Arakin V. D. Nikolay Konstantinovich Dmitriev. Moscow: izd-vo MGU, 1972 (contains a bibliography of the writings of N. Dmitrieva).

Севортян Э. В. Из истории развития советской тюркологии: (Памяти Н.К. Дмитриев ИАН ОЛЯ. М., 1955. Т. 14. Вып. 2. С. 169. Sevortyan E. V. History of the development of Soviet Oriental studies: (In Memory of N. Dmitriev, JAN OLA. Moscow, 1955. Vol. 14. P. 169.

Дмитриев И. К. Памяти В.Д. Смирнова // JRAS. L., 1928. Ou II, April. P/ 408-410. Он же. А. М. Селищев и тюркская филология // Докл. и сообщ. филол. фак. МП М., 1947. Вып. 4. С. 66-82. Dmitriev I. K. In memory of V. D. Smirnov // JRAS. L., 1928. Ou II, April. P / 408-410. Ibid. A. M. Selishchev and Turkic Philology, Philol. FAK. MP Moscow, 1947. Vol. 4. С. 66-82.

Sauvageot A. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Bud., 1929.

Dmitrijev N.K. On the pronunciation of the common Turkic "R" // JRAS. 1927. July. 1927. P. 521-527. (рус. пер. см.: Дмитриев Н.К. О произношении общетюркского «Р» // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 7-11).

Dmitrijev N.K. "Th" in the modern Turkish languages // Мо. Or. 1929. XXIII/ P/ 40-47 (рус. Пер. см.: Дмитриев Н.К. Звук "th" в современных тюркских языках) // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 7-11).

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 151-154 (рус. пер.; см. оригинал: Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der turkischen Sprachen. Helsinki, 1949).

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1: Фонетика. С. 5. {Research on comparative grammar of the Turkic languages. Moscow, 1955. Part 1: Phonetics. P. 5.}

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974; Он же. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «Б». М.: Наука, 1978; Он же. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980; Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989; Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на «К», «К». М.: Языки русской культуры, 1997; Они же. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». М.: Индрик, 1999. {E. V. Sevortyan Etymological dictionary of the Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases in vowels. Moscow: Nauka, 1974; Etymological dictionary of the Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases in "B". Moscow: Nauka, 1978; Idem. Etymological dictionary of the Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases in "B", "G" and "D". Moscow: Nauka, 1980; Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on "Zh", "Zh", "Y". Moscow: Nauka, 1989; Levitskaya L. S., Dybo A.V., Rassadin V. I. Etymological dictionary of the Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic lexical bases on "K", "K". Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1997; Idem. Etymological dictionary of the Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic lexical bases in "K". Moscow: Indrik, 1999.}

Тенишев Э. Р., Гаджиева Н. З., Кормушин И. В., Левитская Л. С. и др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984; Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Гаджиева Н.З., Кормушин И.В. И др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988; Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М., 1986; Тенишев Э. Р., Благова Г.

Ф., Добродомов И. В., Дыбо А. В. и др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997. {Tenishev E. R., Hajiyeva N. 3., Kormushin I. V., Levitskaya L. S. *et al.* Comparative-historical grammar of the Turkic languages: Phonetics. Moscow, 1984; Tenishev E. R., Blagova G. F., Gadzhieva N.Z. Kormushin I. V. *et al.* Comparative-historical grammar of the Turkic languages: Morphology. Moscow, 1988; Gadzhieva N. 3., Serebrennikov B. A. A comparative-historical grammar of the Turkic languages Syntax. Moscow, 1986; Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. V., Dybo A.V. Comparative historical grammar of the Turkic languages: Vocabulary. Moscow, 1997.}

Dmitrijew N. K. [Дмитриев Н.К.] Zur azerbajdschnischen Dialektforschung // WZKM. 1932. Bd. 38. S. 241-248.; *Idem.* Tatarisch-mischaarishe Studien // *Idid.* S. 129-144; Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940; Он же. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. {Dmitriev N. K. Grammar of the Kumyk language. Moscow-Leningrad, 1940; *Idid.* Grammar of Bashkir language. Moscow-Leningrad, 1948.}

Севортян Э. В. Из истории развития советской тюркологии. С. 162. {Sevortyan E. V. From the history of development of the Soviet Turkic studies. P. 162.}

Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М.: Издательство восточной литературы, 1960. {Dmitriev N. K. The Turkish language. Moscow: Izd-vo Vost. lit. 1960.}

Dmitrijew N.K. [Дмитриев Н.К.] Gagausische Lautlehre. I — III // АО. 1932. Vo1. IV, N 2, 3; 1933. Vo1. V, N 1; Дмитриев Н.К. Гагаузские этюды // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1939. № 20. Сер. «Филол. науки». Вып. 1. {Dmitriev N. K. Gagauz sketches // Proceedings of the Leningrad univ. Leningrad, 1939. No 20. Ser. "Philol. sciences.» Vol. 1.}

Дмитриев Н. К. К вопросу о словарном составе гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 271-284. {Dmitriev N. K. To the question of the lexicon of the Gagauz language. In: *The structure of the Turkic languages.* Moscow, 1962. P. 271-284.}

Дмитриев Н. К. Основные вопросы туркменского синтаксиса // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 395-432. {Dmitriev N. K. The Main issues of the Turkmen syntax. In: *The structure of the Turkic languages.* Moscow, 1962. P. 395-432.}

Дмитриев Н. К. Язык туркменских сказок Марыйского района // Туркменские народные сказки Марыйского района / Тексты записал и перевел Н.Ф. Лебедев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 28-63. {Dmitriev N. K. The language of Turkmen fairy tales of the Mary district. In: *Turkmen folk tales of Mary district / Texts recorded and translated by N. F. Lebedev.* Moscow-Leningrad: Publishing house of USSR Academy of Sciences, 1954. P. 28-63.}

Дмитриев Н. К. Синтаксис балкарского языка // Строй тюркских языков. С. 358-394. {Dmitriev N. K. Syntax of the Balkar language. In: *Structure of the Turkic languages.* P. 358-394. }

Дмитриев Н. К. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию. ("У // ДАН. Сер. В. 1928, № 2. С. 17-22; № 12. С. 268-275; 1929. № 5. С. 89-95; № 6. С. 103-108. {Dmitriev N. K. Sketches on the Serbian-Turkish language interaction. ("Y // DAN. Ser. B. 1928, No. 2. С. 17-22; No. 12. P. 268-275; 1929. No. 5. Pp. 89-95; No. 6. P. 103-108.}

Дмитриев Н. К. Османские глоссы XVI в. // ДАН. Сер. В. 1926. С. 210-216. {Dmitriev N. K. The Ottoman glosses of the XVI century, Proceedings of the USSR Academy of sciences. Ser. B. 1926. }

Дмитриев Н. К., Чистяков В. М., Бакеева Н. 3. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М.: Учпедгиз, 1952. {Dmitriev N. K., Chistyakov V. M., Bakeeva N. 3. Essays on the methodology of teaching Russian and native languages in Tatar school. Moscow: Uchpedgiz, 1952. }

Miklosich F. Die turkischen Elemente in den Sud- und Osteuropaischen Sprachen, Bd. 1-2. // Denkschriften der Kaiserlicher Akademie der Wissenschaften zu Wien. № 34 (1884); № 35 (1885); № 38 (1890). Wien.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1964-1973. Т. 1-4 (рус. пер., см. оригинал; Vasmer M. Russisches etymologisches Worterbuch. Heidelberg, 1953-1958. Bd. 1-3).

Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М.: ГИС, 1958. Вып. 3. С. 3-47. {Dmitriev N. K. On the Turkic elements of the Russian lexicon. In: Lexicographic collection. Moscow, 1958. Vol. 3. P. 3-47.}

Дмитриев Н. К. Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича // ДАН. Сер. В. 1926. № 1. С. 13-16. {Dmitriev N. K. Turkish lexical elements in the nomenclature of king Alexei Mikhailovich's falcons // DAN. Ser. B. 1926. No 1. P. 13-16.}

Дмитриев Н. К. Турецкие элементы в русских аргот // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 159-179. {Dmitriev N. K. Turkic elements in Russian Argot. In: *Jazyk i literatura*. Leningrad, 1931. Vol. 7. P. 159-179.}

Dmitrijev N.K. [Дмитриев Н. К.] Les chansons populaires tatares et leur formation / *JA*. Paris. 1926. Vol. 208. № 2.

Турецкие народные сказки / Общ. ред. и прим. Н.К. Дмитриева. Л., 1939. {Turkish folk tales / ed. and notes by N. Dmitriev. Leningrad, 1939.}

Башкирские народные сказки / Ред., введ. и прим. Н.К. Дмитриева. Уфа, 1941. {Bashkir folk tales / Ed., introd. and notes by N. Dmitriev. Ufa, 1941.}

Алтайский народный эпос «Когутэй». М.; Л., 1935. С. 13-38. {Altai national epos *Kogutaj*. Moscow-Leningrad, 1935. P. 13-38.}

Туркменские народные сказки Марыйского района. М.; Л.: ИАН СССР, 1954. {Turkmen folk tales of the Mary district. Moscow-Leningrad: IAN, USSR, 1954.}

Сербские народные сказки. / Пер. на рус. яз. Н.К. Дмитриева. М., 1956. {Serbian folk tales. / Russ. transl. by N. Dmitriev. Moscow, 1956.}

УДК 811.512.1 (092):811.512.141

Ф. Г. Хисамитдинова, г. Уфа

Н. К. ДМИТРИЕВ И БАШКИРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В настоящей статье, посвященной юбилею известного тюрколога, слависта Н.К.Дмитриева, сделана попытка раскрыть роль ученого в развитии башкироведческой науки. С этой целью описываются материалы лингвистико-фольклорного подотряда академической экспедиции АН СССР. Этот подотряд, возглавляемый Н.К.Дмитриевым, в 1928-1929 гг. собрал огромный диалектный материал в деревнях Тамьян-Катайского кантона. Данный материал лег в основу ряда статей, а также «Грамматики башкирского языка». Кроме языкового материала, под руководством Н.К.Дмитриева были записаны более 150 пословиц и загадок, около 800 образцов песенного творчества башкир, множество легенд и преданий, сказок, исторических и этнографических сведений об инзер-катайцах, махмут-катайцах и др. Собранный материал позволил Н.К.Дмитриеву написать программную статью «К вопросу об изучении башкирского языка», которая сыграла огромную роль в развитии не только башкирского, но и тюркского языкознания Советского Союза. В соответствии с изложенной в данной статье программой под руководством или при содействии Н.К.Дмитриева были организованы в Башкортостане диалектологические экспедиции, написаны статьи по различным аспектам башкирского языкознания, составлены русско-башкирский и другие словари, учебники и методические разработки. В статье описывается и личный вклад Н.К.Дмитриева, который помимо первой академической грамматики башкирского языка, написал более 70 работ, имеющих отношение к башкирскому языку. Его труды по фонетике, лексике, русско-башкирским языковым отношениям актуальны и сегодня. В статье подчеркивается роль ученого и в подготовке языковедческих и педагогических кадров для республики.

Ключевые слова: Н.К.Дмитриев, тюрколог, башкировед, башкирский язык, грамматика, диалект, русское заимствование, слово.

N. K. DMITRIEV AND BASHKIR LINGUISTICS. *In this article devoted to the 120 th anniversary of the famous Turkologist, Slavist NK Dmitriev, an attempt was made to reveal the role of the scientist in the development of Bashkir science. For this purpose, the materials of the linguistic-folklore detachment of the academic expedition of the USSR Academy of Sciences are described. This group, headed by N.K. Dmitriev, in 1928-1929. collected a vast dialect material in the villages of the Tamyan-Katai canton. This material formed the basis of a number of articles, as well as the " A Grammar of the Bashkir Language." In addition to the linguistic material, more than 150 proverbs and riddles, about 800 samples of Bashkir songwriting, many legends and sagas, fairy tales, historical and ethnographic information about the Injar-Qatay and Mahmut - Qatay, etc. were recorded under the guidance of N.K. Dmitriev. The collected material permitted N.K. Dmitriev to write a program article On the Study of the Bashkir Language, which*

played a huge role for the development of not only the Bashkir but also the Turkic linguistics of the Soviet Union. In accordance with the program outlined in this article, dialectological expeditions were organized in Bashkortostan under the leadership or with his assistance, articles on various aspects of Bashkir linguistics were written, Russian-Bashkir and other dictionaries, textbooks and methodological manuals have been compiled. The article also describes the personal contribution of N.K. Dmitriev who, besides the first academic grammar of the Bashkir language, wrote about 70 works related to the Bashkir language. His works on phonetics, vocabulary, Russian-Bashkir linguistic relations are relevant today. The article emphasizes the role of the scholar in the training of linguistic and pedagogical personnel for the republic.

Key words: *N. K. Dmitriev, Turkologist, Bashkir scholar, Bashkir language, grammar, dialect, Russian borrowing, word.*

В 2018 г. мировая тюркологическая наука отмечает 120-летний юбилей выдающегося тюрколога, слависта, востоковеда, башкироведа, члена-корреспондента АН СССР, действительного члена Академии педагогических наук России, заслуженного деятеля науки Башкортостана, Туркменистана и Чувашии, доктора филологических наук, профессора Московского и Санкт-Петербургского университетов Николая Константиновича Дмитриева.

Н.К.Дмитриев родился 28 августа (10 сентября по новому стилю) 1898 г. в Москве. Блестяще окончив гимназию, в 1916 г. он поступил на историко-филологический факультет МГУ. В университете под руководством лучших профессоров того времени Н.К.Дмитриев занимался как классическими индоевропейскими, так и современными южнославянскими языками. Кроме этого, он параллельно изучал английский и итальянский языки.

В 1918 г. Н.К.Дмитриев стал студентом знаменитого Лазаревского института (с 1921 г. Московский институт востоковедения), в котором он учился сразу на трех отделениях: турецком, арабском и персидском. В институте, кроме классических восточных языков, Н.К.Дмитриев занимался пехлевийским, сирийским, а из тюркских – азербайджанским, башкирским и казахским. Получение такого всестороннего образования как по классическим, так и по современным языкам способствовало тому, что Н.К.Дмитриев стал одним из ведущих лингвистов страны [Гарипов, 1959, 7-11, Тенишев, Дыбо, 2008]. Безусловно, этому содействовали также титанический труд, большой исследовательский талант, настойчивость и поразительная разносторонность, характерная этому великому ученому. Разумеется, приход именно такого ученого к башкирскому языку, который до Н.К. Дмитриева был практически обделен вниманием известных тюркологов XVIII-XIX вв., и обусловил дальнейший прорыв в изучении башкирского языка. В результате именно по башкирскому языку была создана одна из первых академических грамматик, которая стала образцом для разработки научных грамматик большинства языков Советского Союза [Дмитриев, 1948]. Этот прорыв обусловил позднее появление новой академической грамматики башкирского языка, разработанной в 70-годах прошлого столетия под руководством известного тюрколога А. А. Юлдашева [Грамматика..., 1981]. Данная грамматика как академическая грамматика нового поколения, причем грамматика одного из тюркских языков, стала модельной работой, по образцу и подобию которой позднее были созданы новые грамматики тюркских языков. Безусловно, и сегодняшнее башкирское языкознание считается одним из продвинутых благодаря тому, что Н.К.Дмитриев, во-первых, дал программу для его развития, во-вторых, подготовил кадры, в-третьих, лично написал главную книгу башкирского языка – грамматику [Дмитриев, 1948].

Первые исследования Н.К. Дмитриева по башкирскому языку появились еще в 1924 г. Именно тогда он опубликовал две рецензии, посвященные башкироведческой тематике. Первая рецензия была посвящена сборнику под названием «Боронғоларҙың һүҙҙәре» («Слова древних»). Вторая рецензия была написана на книгу стихов башкирского поэта Даута Юлтыя «Үмәрткыларым» («Мои памятники») [Гарипов, 1959, 12]. Со второй половины двадцатых годов XX в. Н.К.Дмитриев начинает активно заниматься башкирским языком. Как результат в 1927 г. на французском языке вышла его известная статья «Этюды по фонетике башкирского языка» в журнале «Jornal asiatique» [Гарипов, 1971, 33-41].

С этого времени почти ежегодно стали выходить статьи Н.К.Дмитриева, посвященные тому или иному аспекту башкирского языкознания. Всего им опубликовано более 70 работ, имеющих отношение к башкирскому языку [Гарипов, 1952, 12-16].

В 1928 г. Н. К. Дмитриев был назначен руководителем лингвистико-фольклорного подотряда академической экспедиции АН СССР в Башкортостан. Со своим подотрядом в 1928 г. он работал в деревнях Тамьян-Катайского кантона, в которых были собраны языковые материалы по говорам башкир Катайской и Усмангалинской волостей. Кроме языкового материала, членами экспедиции были записаны более 150 пословиц и загадок, около 800 песен (как он пишет, *йыров*) множество легенд и преданий, исторические и этнографические сведения об инзер-катайцах и махмут-катайцах, собраны архивы мечетей, рукописные книги отдельных лиц, тамги [Благова, 2012]. Этот богатый материал вместе с подготовленными сведениями, представляющими собой «Список селений Тамьян-Катайского кантона» с указанием типа населенного пункта, числа жителей по переписи 1926 г., национального состава, свидетельствуют о вкладе Н.К.Дмитриева в создание источниковедческой базы башкирского языка и башкироведческой науки страны. Отчеты лингвистико-фольклорного подотряда хранятся в архиве РАН. А краткий отчет этой экспедиции, подготовленный Н. К. Дмитриевым, увидел свет в «Бюллетене башкирского областного бюро краеведения» в 1928 г. [Дмитриев, 1928, 9-12]. Появление статьи-отчета способствовало введению в научный оборот нового, т.е. диалектного материала по башкирскому языку. В результате материалы башкирских диалектов и говоров стали более активно проникать в исследования не только самого Н. К. Дмитриева, но и его коллег.

В 1928 г. появилась еще одна статья Н. К. Дмитриева по башкирскому языку, [Дмитриев, 1959]. Данная статья, называемая «К вопросу об изучении башкирского языка», стала программой для дальнейшего развития лингвистической науки Башкортостана. Н.К.Дмитриев в названной статье впервые поставил вопрос о трех китах, опираясь на которые должна развиваться башкирская лингвистика. По мнению Н. К. Дмитриева, поскольку башкирский язык является одним из тюркских языков, необходимо определить его место в системе тюркских языков. Вот как он пишет об этом сам: «Приступая к начальному изучению башкирского языка, не следует забывать о том, что этот язык входит в большую семью тюркских языков. Поэтому одновременно с изучением самого башкирского языка необходимо будет определить его отношение к другим, близким ему языкам, а также проследить историю изменения его форм» [Дмитриев, 1959, 18].

Во-вторых, Н.К.Дмитриев подчеркивает необходимость изучения башкирского языка, как и любого другого, не только в статике, но и динамике. Об этом он пишет следующее: «Башкирский язык, как и все другие языки, представляет собой своего рода «организм», который живет и изменяется, старые формы в нем отмирают, новые нарождаются. Через два-три года запечатленная нами картина языка, наша описательная грамматика по мере более глубокого исследования материала уже полностью не будет совпадать с новым отображением языка, – мы же этого не могли принять во внимание.

В результате сравнения подобных описаний (или грамматик) языка, полученных в близкие между собой отрезки времени, мы сможем определить характер постепенного изменения языка, то есть судьбу башкирского языка за десять, двадцать и более лет. Поэтому, в изучении башкирского языка необходимо перейти от современного языка, изучать который в настоящее время очень легко, к поискам древнего языка, который должен выделяться с помощью косвенных, сравнительных способов. Опираясь на современный язык весьма удобно, потому что в наших руках находится много материала. Этот материал, целиком относясь к статике языка, должен включать в себя все виды разговорного и современного литературного языка» [Дмитриев, 1959, 20-29].

Третьим китом в изучении башкирского языка, по мнению Н.К.Дмитриева, являются его диалекты и говоры. Он пишет: «Поскольку живой язык состоит из различных диалектов или наречий, работу следует начинать с изучения этих последних; в данном случае надо описать отдельные диалекты или наречия башкирского языка и затем сравнить их между собою. Для этого все места, где говорят по-башкирски, следует разделить на несколько частей и изучать диалекты каждой из них по отдельности». [Дмитриев, 1959, 20-21]. В данной статье Н.К.Дмитриев также говорит о методах, источниках исследования башкирского языка. Для нас важно, что еще на заре развития башкирского языкознания Н.К.Дмитриев пишет о

необходимости экспериментального изучения языка, о таком источнике, как фольклорные тексты и т.д. Ср.: «Если мы хотим сосредоточить свое внимание на каком-либо из тюркских языков, то эта работа никогда не должна обособляться от изучения фольклора. Не только в башкирском, но даже в турецком языке, письменная разновидность которого существенно отличается от разговорной речи, фольклор служит основной базой для работы лингвиста. Если фольклор с точки зрения своего содержания близок к объектам изучения истории литературы и даже этнографии, то с точки зрения своей формы, своего языка фольклор является одним из основных источников тюркологической лингвистики» [Дмитриев, 1959, 19].

Интересны и выводы, сделанные Н.К.Дмитриевым об особенностях башкирского языка. Ср.: «Башкирский язык является одним из самых оригинальных среди тюркских языков. Как понимать существование в этом языке *h* вместо *c* (*hant* вместо *sat*), *c* вместо *ч*, наличие *з* и *ц*? Нельзя ли усмотреть в этом влияние иносистемных языков? Ведь у соседящих с бурятами монголов, а также у иранцев встречается *h* вместо *c*. Другими словами, в голову приходит такая гипотетическая мысль: а не является ли башкирский язык смешанным, не лежит ли в его основе какой-либо другой язык?» [Дмитриев, 1959, 28].

В 1929 г. увидела свет статья Н.К.Дмитриева «Звук *δ* в современных тюркских языках», посвященная описанию природы данного звука в башкирском и туркменском языках в сравнении с турецким. Автор, сравнивая башкирские *з* и *ц* с аналогичными туркменскими звуками, приходит к выводу о том, что эти звуки в башкирском языке являются фонемами и входят в фонетическую систему данного языка. Во-вторых, Н.К.Дмитриев, рассмотрев *δ* башкирского и туркменского языков, объяснил происхождение этих звуков, которые, по его мнению, восходят к общетюркским *z* и *d*. В-третьих, рассмотрев башкирский и туркменский звук *ø*, который соответствует турецкому *s*, Н.К.Дмитриев пришел к выводу о том, что «туркменский *ø* более отодвинут назад и на слух разделяется на два звука, *t+ø*, образуя аффрикату. Что же касается башкирского *ц*, то он, как подчеркивал в свое время Н.Ф.Катанов, близок к английскому. Рассмотрев употребление *ø* в башкирском и туркменском языках, Н.К.Дмитриев отметил, что в середине и конце слова они соответствуют общетюркскому *s*. Что же касается начала слова, то здесь башкирский язык отличается не только от туркменского, но и других тюркских языков тем, что в его анлауте вместо общетюркского *s* употребляется звук *h*, в то время как в туркменском – *ø* [Дмитриев, 1962, 12-18]. К сожалению, сравнительно-сопоставительное изучение звука *δ* в тюркских языках, начатое Н.К.Дмитриевым, не было продолжено ни туркменскими, ни башкирскими фонетистами. Сегодня, когда получили развитие современные экспериментальные методы, следовало бы возобновить изучение звуков *ц* и *з* башкирского и туркменского языков для выяснения их природы, истоков происхождения, тем более, что под унификационным влиянием литературных языков диалектные варианты этих звуков, а также употребление данных звуков сокращаются, отдельные факты уже уходят из языка.

В 1929 г. увидела свет статья Н.К.Дмитриева «Варваризмы в башкирском языке», которая написана на материале, собранном им во время экспедиции. Работа состоит из двух частей. Первая часть представляет собой описание самих варваризмов. Вторая часть статьи представляет собой глоссарий башкирских заимствований из русского языка.

В первой части статьи Н.К. Дмитриев описывает природу, структуру, состав, функционирование варваризмов в башкирской разговорной речи. Наблюдения, сделанные им во время экспедиции, позволяют Н.К.Дмитриеву сделать выводы о том, что варваризмы башкирского языка в основном восходят к русской диалектной речи. Ср.: *баструк* 'тюрьма', от рус. диал. *вострог*; *ыстырам* 'срам', от рус. диал. *страм*; *барник* 'чайник', от рус.диал. *парник*; *духтыр* 'доктор, врач', от рус. диал. *дохтур* и др. [Дмитриев, 1962, 437].

Второе важное наблюдение Н.К.Дмитриева касается проблем адаптации русских заимствований к фонетическим особенностям башкирского языка. Ср. *тарилкә* 'тарелка', *бот* 'пуд', *кантур* 'контора', *тулкә* 'только' и др. [Дмитриев, 1962, 438-441].

В данной статье вызывает интерес еще одно замечание Н.К.Дмитриева. Он пишет о том, что язык интеллигентной части населения или владеющих в той или иной степени русским

языком башкир резко отличается от языка остальной части башкирского населения. Во-первых, эта часть населения в массовом порядке использует заимствования, во-вторых, они почти не адаптируют русизмы к особенностям башкирской фонетики. В результате артикуляция указанной группы башкир постепенно меняется, а именно начинает отходить от артикуляции материнского языка. Изложенные факты свидетельствуют о том, что употребление варваризмов обуславливает изменение фонетики, морфологии, даже синтаксиса башкирского языка.

Во второй части статьи о варваризмах Н.К.Дмитриев представил, как уже говорилось выше, глоссарий башкирских заимствований из русского языка. Глоссарий дан в алфавитном порядке, он включает в себя более 400 лексем. Каждое слово дано с указанием населенного пункта, в отдельных случаях информатора. Безусловно, такая документированность делает глоссарий ценным источником по истории башкирского языка и его диалектов.

В 1930 г. была опубликована статья Н.К.Дмитриева «Арабские элементы в башкирском языке». В данной статье Н.К.Дмитриев впервые в башкироведении арабизмы делит на две части. Первую группу составляют арабизмы, проникшие в башкирский язык довольно давно и являющиеся более активными и адаптированными. Как пишет Н.К.Дмитриев, «эти заимствования предстают как нечто органическое в живой речи современных башкир». Это различные названия, собственные имена, религиозные и некоторые бытовые термины. Вторую группу арабизмов башкирского языка Н.К.Дмитриев называет «пассивный» словарь арабизмов. Эти лексемы потенциально понятны всему башкирскому языковому коллективу, но в полной мере они используются лишь отдельными лицами. Выделив две группы арабизмов, Н.К.Дмитриев рассматривает проблемы их адаптации. Особое внимание им уделено рассмотрению фонетических процессов, семантических изменений, происходящих с заимствованиями в говорах и диалектах башкирского языка [Дмитриев, 1962, 187-200]. В целом, как и в предыдущих статьях, Н.К.Дмитриев, рассмотрев общие вопросы арабских заимствований в башкирском языке, наметил пути их дальнейшего изучения.

В 1930 г. появилась еще одна очень интересная статья Н.К.Дмитриева. Эта статья называется «О парных словосочетаниях в башкирском языке». Материалом для статьи послужили собранные Н.К.Дмитриевым и его коллегами во время экспедиций 1928 и 1929 гг. диалектные материалы. В начале статьи Н.К.Дмитриев дает сведения об истории изучения данной группы лексики в тюркских и других языках. Далее он парные слова башкирского языка делит на несколько групп. Первую группу, по мнению Н.К.Дмитриева, составляют лексемы, компонентами которых являются слова с реальными значениями, которые могут употребляться и отдельно. Объединившись, эти слова вместе создают новое значение. Далее Н.К.Дмитриев анализирует компоненты этой группы слов. Что же касается второго типа парных слов, то Н.К.Дмитриев подчеркивает, что части этой группы лексем не одинаковы по функции. Их вторая часть не ассоциируется как отдельное слово. Эта часть парного слова не связана конкретным значением. По своей фонетической природе вторая часть парного слова является сколком с основного семантического элемента. Далее также анализируются компоненты парных слов данной группы. Н.К.Дмитриев выделил еще две группы парных слов. Их он назвал морфологизированными. Сюда он отнес словосочетания типа *ашар – ашамаҫ* 'ел и не ел', *аслы – тужлы* (у Н.К.Дмитриева *асты-тужты*) 'не сыт и не голоден' и др. Кроме этой группы, он выделил еще одну группу, которую назвал «мимологической». Сюда он отнес слова типа *шатыр–шотор* 'обозначение треска', *урыҫ-һурыҫ* 'по частям, мелкими кусками' и т.д. [Дмитриев, 1962, 133-152].

Особое место в исследованиях Н.К.Дмитриева занимают работы, посвященные русско-башкирским языковым отношениям. Кроме статьи о варваризмах, еще до Великой Отечественной войны он написал статью «Русско-башкирские языковые отношения», которая осталась незаконченной. Впервые она была опубликована только в 1962 г. [Дмитриев, 1962, 465-482].

Статья начинается с краткого теоретического вступления, в котором он развивает свои мысли, сформулированные еще в статье о варваризмах. Далее в ней излагается авторская версия о характере аналитического материала, предлагается его классификация, проводится

обзор конкретных источников. Кроме этого, в работе рассматриваются наиболее характерные особенности русско-башкирского двуязычия в области семантики, лексики и частично грамматики. К сожалению, данный труд остался не законченным. Но, как отмечает известный тюрколог Т.М. Гарипов, «без нее [этой статьи – Ф.Г.] история русско-башкирского языкового взаимодействия была бы неполной» [Гарипов, 1971, 35].

После указанных и других статей Н.К. Дмитриев написал свою главную книгу по башкирскому языкознанию. Это была первая академическая грамматика башкирского языка. В 1940 г. рукопись готовой башкирской грамматики была сдана в типографию, но, к сожалению, погибла во время блокады Ленинграда. У Николая Константиновича остались черновики утраченного труда. Путем большого напряжения сил и воли к 1945 г. ему удалось восстановить рукопись и снова сдать ее в издательство Академии наук. В 1948 г. этот фундаментальный труд, ценный для башкироведения и тюркского языкознания в целом, увидел свет [Дмитриев, 1948].

В новой грамматике Николай Константинович искусно сочетал синхронный и диахронный подходы в описании строя одного из тюркских языков. В «Грамматике ...» окончательную формулировку получила гипотеза Н. К. Дмитриева об особом виде придаточного предложения в башкирском и других тюркских языках – неличных оборотах со своим подлежащим в неопределенном падеже. В «Грамматике...» им впервые были поставлены и решены также ряд вопросов, имеющих общетюркологическое значение, в частности, учение о грамматическом развитии слова, критерии выделения морфологически неформированных частей речи, вопрос об указательных местоимениях и др. В 1950 г. «Грамматика башкирского языка» вышла на башкирском языке, что способствовало не только развитию теории грамматики, но и обогащению лингвистической терминологии башкирского языка [Дмитриев, 1950]. Таким образом, «Грамматика...» внесла огромный вклад в развитие башкирского и тюркского языкознания в целом. Разработанные в «Грамматике...» Н. К. Дмитриевым вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса тюркских языков не потеряли актуальности и сегодня.

Н.К. Дмитриев своими книгами и статьями, участием в работах научных и научно-практических конференций, редактированием словарей и других работ башкирских исследователей, чтением докладов и лекций, подготовкой научных кадров способствовал развитию филологической науки Башкортостана и других тюркоязычных республик и стран. Под руководством Н.К. Дмитриева были составлены все крупные двуязычные словари, уточнены нормы нового литературного языка, разработаны вопросы терминологии, орфографии и орфоэпии башкирского языка. Даже вопросы составления учебников башкирского языка не остались без внимания Николая Константиновича. Это был настоящий русский интеллигент, относящийся с глубоким уважением к языку и культуре башкирского и других малых народов России. Именно поэтому с большой любовью собирал и изучал он язык и фольклор, литературу и этнографию башкирского и других народов страны.

Литература

Благова Г.Ф. Научное наследие Н.К.Дмитриева в Архиве РАН (Обзор) Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2001. 297 с. {Blagova, G. F. Scientific heritage of N. Dmitriev in the archives of the Russian Academy of Sciences (Review) Nicholas Dmitriev. The 100th birth anniversary. Moscow: Nauka, 2001. 297 p.}

Гарипов Т.М. Н.К. Дмитриев и изучение русско-башкирского двуязычия // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 33-41. {Garipov, T. M. N. K. Dmitriev and the study of Russian-Bashkir bilingualism. In: *Structure and history of the Turkic languages*. Moscow: Nauka, 1971. P. 33-41.}

Гарипов Т.М. Н.К. Дмитриев и советское башкироведение // Вопросы башкирской филологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7-11. {Garipov, T. Dmitriev N. K. and the Soviet Bashkir studies. In: *Problems of Bashkir Philology*. Moscow, 1959.}

Гарипов Т.М. Труды Н.К. Дмитриева по башкироведению // Вопросы башкирской филологии. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 12-16. {Garipov, T. M. Works of

N.K. Dmitriev on Bashkir studies. In: *Problems of Bashkir Philology*. Moscow, 1959. P. 12-16.}

Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. Юлдашев А.А. М., 1981. 495 с. {Grammar of the modern Bashkir literary language / Ed. Yuldashev A. A. Moscow, 1981. 495 p.}

Дмитриев Н.К. Варваризмы в башкирском языке // Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 438-441. {Dmitriev, N. K. Barbarisms in the Bashkir language. In: *The structure of the Turkic languages*. Moscow: Izdatel'stvo vost. literatury, 1962. P. 438-441.}

Дмитриев Н.К. Арабские элементы в башкирском языке // Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 187-200. {Dmitriev, N. K. Arabic elements in the Bashkir language. In: *The structure of the Turkic languages*. Moscow: Izdatel'stvo vost. literatury, 1962. P. 187-200.}

Дмитриев Н.К. Башкорт теленең грамматикаһы. Өфө: Башгосиздат, 1950. 300 б. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. Ufa: Bashkir publishing house, 1950. 300 p.}

Дмитриев Н.К. К вопросу об изучении башкирского языка Пер. Т. М. Гарипова // Вопросы башкирской филологии. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 17-23. {Dmitriev, N. K. To the question of the study of the Bashkir language. Transl. T.M.Garipov. In: *Problems of Bashkir Philology*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. P. 17-23.}

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. 2-е изд. М.: Наука, 2007. 232 с. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. II ed. Moscow: Nauka, 2007. 232 p.}

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. 276 с. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. 276 p.}

Дмитриев Н.К. Звук δ в современных тюркских языках // Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 12-18. {Dmitriev N. K. The sound δ in the modern Turkic tongues. In: *The structure of the Turkic languages*. Moscow: Izdatel'stvo vost. literatury, 1962. P. 12-18.}

Дмитриев Н.К. Краткий отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда экспедиции Академии наук // Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. Уфа, 1928, № 3. С. 9-12. {Dmitriev N. K. Concise report on the work of the linguistic and folklore sub-unit of the Academy of Sciences expedition. In: *Bulletin of the Bashkir regional Bureau of study of the local lore*. Ufa, 1928, № 3. P. 9-12.}

Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке // Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 133-152. {Dmitriev N. K. On paired phrases in the Bashkir language. In: *The structure of the Turkic languages*. Moscow: Izdatel'stvo vost. literatury, 1962. P. 133-152.}

Дмитриев Н.К. Русско-башкирские языковые отношения // Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 465-482. {Dmitriev N. K. Russian-Bashkir language relations. In: *The structure of the Turkic languages*. Moscow: Izdatel'stvo vost. literatury, 1962. P. 465-482.}

НАЗВАНИЯ МЯТЫ (MENTHA) В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Статья представляет собой опыт лингвогеографического исследования фитонимического пласта удмуртского языка и посвящена диалектным названиям мяты. Рассматривается территориальное распространение лексических вариантов, дается их этимологическая характеристика, определяются основные структурно-семантические принципы номинации, описывается фонетическое разнообразие. Работа выполнена в рамках создания Диалектологического атласа удмуртского языка (ДАУЯ). Источником для исследования послужили диалектные материалы лаборатории лингвистического картографирования УдГУ, данные лексикографических работ по удмуртскому языку. В удмуртских диалектах выявлено несколько наименований мяты. На современном этапе развития диалектов широкое распространение получили заимствованные из тюркского и русского языков формы бут'н'ик и м'ата. Хронологически бут'н'ик считается более ранним заимствованием, нежели м'ата. Установлено, что наиболее древней формой является собственно удмуртское название зынтурын, которое имеет тенденцию к исчезновению в связи с заменой на заимствованные лексемы и контаминированные формы.

Ключевые слова: удмуртские диалекты, мята, диалектологический атлас, лингвогеографический анализ, принцип номинации, этимология, заимствованная лексика.

NAMES OF MINT (MENTHA) IN UDMURT DIALECTS. The article is an experience of linguo-geographic investigation of the phytonymic layer of the Udmurt language and it is dedicated to the dialectal names of mint. The territorial distribution of lexical variants is considered, their etymological characteristics are given, the basic structural and semantic principles of nomination are determined, phonetic diversity is described. The work was carried out within the framework of the Dialectological Atlas of the Udmurt language (DAUL). The sources for the study were the dialectal materials of the Laboratory of Linguistic Mapping of the Udmurt State University and data of lexicographical works on the Udmurt language. Several names of mint were found in Udmurt dialects. At the present stage of development of dialects, the Turkic borrowing but'n'ik and the Russian word m'ata are widespread. Chronologically, the but'n'ik is considered an earlier borrowing than the m'ata. It is established that the most ancient form is the Udmurt name zynтурын, which tends to disappear in connection with the replacement of borrowed lexemes and contaminated forms.

Keywords: Udmurt dialects, mint, dialectological atlas, linguogeographical analysis, nomination principle, etymology, borrowed word.

Лексические, морфологические и фонетические формы названий мяты в удмуртских диалектах

1.1.1. м'ата 1, 2, 3, 6, 8, 9, 14, 22, 29, 42, 44, 50, 51, 53, 56, 58, 59, 60, 61, 64, 66, 67, 71, 72, 74, 76, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 106, 110, 117, 121, 122, 123   1.1.2. м'ата 24, 27 (2), 28, 29, 30, 31, 35, 37, 56   1.1.3. мйата 39, 41, 43, 57, 61, 79, 101, 115, 127, 154   1.1.4. мэта 90, 102, 104, 105   1.1.5. мата 12, 13   1.1.6. матой 128, 129, 130   2.1.1. зыммата 93   3.1.1. зынтурын 68, 69, 70, 73, 80   3.1.2. зьмтурьн 35   3.1.3. зынтурым 18, 114   3.1.4. зыӥтурым 117, 118, 120, 124, 125, 126, 156, 157, 158, 159   3.1.5. зыӥтурым 159, 163, 165, 173

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16.18.02007)

- 3.1.6. зыӥтурьм 160, 161, 164, 167, 169
 3.1.7. зыӥтуры^ом 155
3.1.8. зыӥтурум 153
 3.1.9. зыӥтурум 175
4.1.1. зыӥгыл' 153, 162
5.1.1. бут'н'ик 54, 55, 62, 75, 103, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 119, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 145, 146, 147, 148, 149, 166, 172, 174
 5.1.2. бу'т'н'ик 111, 112, 119, 143, 144, 145в, 152, 168, 170, 171
 5.1.3. бу'н'ик 124, 126, 134
 5.1.4. букн'ик 146
5.1.5. бурт'н'ик 107
5.1.6. быт'н'ик 10, 11, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 32, 33, 34, 38, 40, 52, 63
 5.1.7. быт'н'ик 24, 31
 5.1.8. бьт'н'ик 25, 26, 29, 30, 36, 45, 46, 47, 48, 49
 5.1.9. бы'н'ик 139, 140, 141;
 5.1.10. бь'н'ьк 142
5.1.11. бэ'н'ык 138

Мята – травянистое душистое растение семейства губоцветных [БТСРЯ, 2003, 568]. В диалектах удмуртского языка выявлено пять наименований мяты: *м'ата*, *зыммата*, *зынтурын*, *зыӥгыл'*, *бут'н'ик*.

Лексический вариант *м'ата* имеет несколько фонетических форм в удмуртских диалектах: *м'ата*, *мйата*, *мэта*, *мата*, *матой*. Слово заимствовано из русского языка, согласно М. Фасмеру, общеславянское, пришедшее через германское посредство из латинского языка [Фасмер, 1971, 31]. Фонетический вариант *м'ата*, соответствующий русской литературной форме, имеет более широкое распространение в диалектах. Формы *м'ата*, *м'ата*, *мйата* довольно часто встречаются в северном наречии. В южном наречии слово фиксируется редко. Так, в собственно южном диалекте оно отмечено в трех опорных пунктах (110, 117, 127), а в периферийно-южном диалекте записано только в д. Калмияры (154) Пермского края. Самая высокая частотность употребления и фонетическая вариативность наблюдаются в срединных говорах. Многообразие форм, по-видимому, связано с проникновением слова через устно-разговорную речь. В удмуртских письменных источниках лексема впервые фиксируется в 1847 году: *мята* 'мята' (1847) [ГлазМатв. 1847, 182; СарМатв. 1847, 182], далее *mjato*, *mata* (S) [Wiedemann, 1880, 502]. Б. Мункачи отмечает вид мяты: *mijata Sar*. 'мята садовая' (1896) [Munkácsi, 1990, 719]. В последующих словарях обозначается только род растения: *мята* [УРС 1983: 293]; *мята* (*мета*, *мата*) [Соколов, 1994, 101]; *мята* [УРС, 2008, 453]. В работе Л. Л. Карповой «Лексика северного наречия удмуртского языка» слово *мйата*, выявленное в ярском и глазовском говорах, дано как 'мята садовая' [Карпова, 2013, 325].

Для лексического варианта *бут'н'ик* характерна междиалектная корреспонденция гласных *у* ~ *ы* в первом слоге (*бут'н'ик* ~ *быт'н'ик*). Фонетическая форма с гласным *у* (*бут'н'ик*) в основном фиксируется в южном наречии, встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия и в водзимоньинско-омгинском диалекте срединных говоров. Вариант с гласным *ы* (*быт'н'ик*) в большей степени характерен для говоров северного и бесермянского наречий. Фонетические вариации с гамзой (*бы'н'ик*, *бэ'н'ык*, *бь'н'ьк*) записаны в кукморском и шошминском говорах периферийно-южного диалекта. Относительно происхождения данного слова в удмуртском языке до сих пор не существует однозначного мнения. Еще в конце XIX века Ю. Вихманн отметил данную лексему как заимствование из чувашского (булгарского) или татарского языка (1891–1894) [Wichmann,

1987, 24], а Б. Мункачи – как татарское слово (1896) [Munkácsi, 1990, 619]. В современной лингвистике одни ученые относят ее к болгаризмам [Тараканов, 1982, 90; Насибуллин, 2009, 40–41], другие – к татаризмам [Алатырев, 1988, 216–217; Әхмәтъянов, 2001, 51]. Исследователь Ю. Дмитриева отмечает, что чувашское название *pětněk (kuräk)*, *pätn'äk koräk*, *pětměk* в значении ‘мята’ характерно только для языков Волго-Камского региона, ср. башк. *bötnök*, тат. *bötnek*, *mötlök*, *bätn'ik*, тат. кряш. *metnek*, мар. *pirtn'tk*, *pütn'äk*, удм. *butn'ik*, морд. м. *butlek* [Дмитриева, 2001, 91]. Исследователь Н. И. Исанбаев высказывает мнение о том, что марийцы заимствовали слово *пүтн'ык* Л, *пүртн'ук* В бр., *пёртн'ёк* Г из татарского языка [Исанбаев, 1989, 73]. Мы полагаем, что исследуемая лексема была заимствована удмуртами из болгарского языка, поскольку она функционирует во всех удмуртских диалектах, что является особенностью болгаризмов. Татарские заимствованные слова, характерные для южного наречия и срединных говоров, обычно не встречаются в северном наречии. Относительно проникновения слова в тюркские языки ученые также придерживаются разных взглядов. По мнению этимологов В. Г. Егорова, Р. Ахметьянова, возможным источником данного слова в тюркских языках могло быть русское народное название мяты *мятник* [Егоров, 1964, 159; Әхмәтъянов, 2001, 51], М. Р. Федотов высказывается о том, что это контаминация с рус. *мята* [Федотов, 1996, 428]. А. В. Дыбо полагает, что **bütniik* ‘мята’ может быть пратюркским иранизмом [Дыбо, 2007: 122]. В удмуртских письменных источниках слово *бут'н'ик/ быт'н'ик* отражается с конца XVIII века: *bytn'ik* (1786) [Могилин, 1998, 36]; далее *бутник*, *бытник* (1892) [Верещагин, 2006, 35]; *bitNik G*, *bidnyk*, *bytnyk*, *buknik MU* (1891–1894) [Wichmann, 1987, 24]; *bQt'nik Jel.*, *but'nik Kaz.*; *budnik* (1896) [Munkácsi, 1990, 619]; *бутник* [Крылов, 1919, 7]; *бутник* [РУС, 1931, 32]; юж. *бутник*, св. *бытьник* (1932) [Борисов, 1991, 34]; *бутник* [УРС, 1983, 59]; *бутник* [Соколов, 1994, 10]; *бутник* [УРС, 2008, 86]. В преобладающем большинстве словарей обозначено родовое название растения без выделения вида, и только в трех работах уточняется, что это вид дикой мяты. Так, Г. Верещагин отмечает его как луговая мята (1892) [Верещагин, 2006, 35]; в материалах Б. Мункачи по елабужскому и казанскому диалекту – это мята полевая (1896) [Munkácsi, 1990, 619], у Л. Л. Карповой в ярском и глазовском говорах – мята речная [Карпова, 2013: 96].

Лексический вариант *зынтурын / зынтурым* встречается в северном и южном наречиях, срединных говорах. Вариант *зынтурын* с ауслатным согласным *n* зафиксирован в бalezинском говоре северного наречия, селтинском говоре средне-западного диалекта, в отдельных населенных пунктах якшур-бодьинского и нылгинского говоров средне-восточного диалекта. Фонетический вариант с конечным согласным *m* (*зынтурым*) записан в южных говорах Можгинского и Малопургинского районов УР. За пределами Удмуртской Республики слово функционирует в д. Дым-Дым-Омга Кировской области. В буйско-таньпском, канлинском, шагиртско-гондырском, красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта употребляется фонетический вариант с заднеязычным согласным *ŋ* (*зынтурым*), в опорных пунктах 153, 175 распространена форма *зы\турум*. *Зынтурын* является двусоставным собственно удмуртским словом: *зын* ‘пахучий’ + *турын* ‘трава’, букв. ‘пахучая трава’. Слово *зын* имеет общепермское происхождение (см. *зыммата*). Лексему *турын* относят к ранним иранским заимствованиям: к. *турун*, иж. *турын*, вв. *турин* < **turin* – ф. *taarna*, *tarna*, эст. *tarn* < ф.-у. **tarna* [КЭСК, 287; UEW, 792]. В письменных источниках конца XIX – начала XX веков рассматриваемый лексический вариант записан в значении ‘клоповник’: *зынтурым* (1892) [Верещагин, 2006, 101]; (1932) [Борисов, 1991, 109]. С 1983 года слово *зынтурын* фиксируется как ‘донник белый’ и диалектное ‘мята’ [УРС, 1983, 157]; далее *зынтурын* ‘мята’ [Соколов, 1994, 101]; *зынтурын* ‘1. донник белый’ 2. зубровка душистая 3. мята’ [УРС, 2008, 234].

Лексический вариант *зыммата* имеет единичную фиксацию в д. Верх. Постол (93) Завьяловского района УР. Наименование состоит из двух генетически разнородных основ: *зым* (лит. *зын*) ‘пахучий’ + *мата* ‘мята’. *Зын* – исконное слово (см. *зынтурын*), *мата* – заимствование из русского языка (см. *м'ата*). В основе номинации лексической единицы *зыммата* – запах, издаваемый мятой. Лексема зафиксирована в биологическом словаре удмуртского языка: *зын мета* [Соколов, 1994, 101].

Слово *зыҗгыл'* выявлено в д. Гожан (153) Куединского района Пермского края и д. Большетуганеево (162) Калтасинского района РБ. В д. Гожан параллельно с названием *зыҗгыл'* используется вариант *зыҗтурум*. *Зыҗгыл'* – сложное слово, образованное с помощью прилагательного *зыҗ* (лит. *зын*) ‘пахучий’ и существительного *гыл'* ‘цветок’. Слово *гыл'* является заимствованием из татарского языка, ср. тат. *гөл* ‘цветок, цветы (культурные растения, выращенные обычно в горшках)’ [ТРС, 2007, 322]. По всей видимости, данная форма произошла от *зынтурым*, под влиянием татарского языка компонент *туруым* заменился на *гыл'*. В основе номинации слова – запах и соотнесение мяты с культурными растениями. Исследуемое название зафиксировано в биологическом и удмуртско-русском словарях: *зынгыль* ‘мята’ [Соколов 1994, 101]; *зынгыль* ‘диал. мята’ [УРС, 2008, 234].

Лексема *лызнычы* в значении ‘мята’ выявлена только в лексикографических работах [Соколов, 1994, 101; УРС 2008: 234], в удмуртских диалектах нами не зафиксирована. По происхождению исконно удмуртское название, состоит из двух компонентов: *лыз* ‘синий’ + *нычы* ‘блоха’, букв. ‘синяя блошница (блошиная трава)’. Слово *лыз* имеет финно-пермское происхождение: удм. *лыз*, к. *лӧз*, мар. *loštaš*. доперм. *•lʃs* [КЭСК, 162]. Лексему *нычы* ‘блоха’ относят к общепермскому периоду: удм. *нычы*, к. *нычи*. Общеп. *•рис* [КЭСК, 237]. Данное наименование указывает на наличие цветков синего оттенка и способность растения отпугивать своим запахом блох [Бусыгина, 2014, 134]. Названием *лызнычы* в удмуртских диалектах и литературном языке обычно обозначают душицу. Перенос названия с одного растения на другое (с душицы на мяту) основан, по всей вероятности, на том, что оба эти растения являются пахучими, имеют синее соцветие, используются в быту для борьбы с насекомыми, завариваются как чай.

Итак, рассмотрев удмуртские названия мяты в лингвогеографическом аспекте, мы выяснили, что лексические варианты *м'ата*, *бут'н'ик* / *быт'н'ик*, *зынтурын* на современном этапе развития языка являются общеудмуртскими, т. е. представлены во всех диалектах. Полагаем, что наиболее древним из имеющихся названий мяты является *зынтурын*. Данное слово состоит из исконных основ, фиксируется повсеместно, характеризуется фонетической вариативностью, используется для создания гетерогенных контаминаций, сохранилось у периферийно-южных удмуртов. Лексема, по-видимому, утратила свои былые позиции в удмуртских диалектах в связи с проникновением заимствований, имеющих тюркское и русское происхождение. Параллельное употребление в одном опорном пункте двух генетически разнородных лексем (*зынтурын* – *м'ата*; *быт'н'ик* – *м'ата*) в северном наречии и (*зынтурым* – *бут'н'ик*) – в южном наречии показывает процесс перехода от собственно удмуртского названия к заимствованному слову и постепенную замену на севере тюркского заимствования русским. Опираясь на отдельные лексикографические работы, мы выяснили, что наименование *бут'н'ик* в некоторых диалектах обозначало дикую мяту, а *м'ата* – садовую. Русское заимствованное слово распространилось в срединных говорах и северном наречии в зоне интенсивного влияния русского языка, оно практически полностью нивелировало удмуртское и болгарское названия мяты. В отдельных населенных пунктах на основе исконного названия сформировались такие поздние контаминированные формы, как *зыммата* (93) и *зыҗгыл'* (152, 163), где первая часть слова удмуртская, а вторая – заимствованная. Названия *м'ата* и *бут'н'ик* / *быт'н'ик* на сегодняшний день

характеризуются наиболее широкой распространенностью, при этом слово *м'ата* имеет тенденцию к расширению своих границ под активным воздействием русского языка, а ареал употребления собственно удмуртского наименования *зынтурын / зынтурым* сужается.

Список сокращений

В бр. – бирский говор марийского языка, вв. – верхне-вычегодский диалект коми языка, Г – горное наречие марийского языка, диал. – диалектный, иж. – ижемский диалект коми языка, к. – коми язык, кя. – коми-язьвинский диалект, Л – луговое наречие марийского языка, мар. – марийский язык, РБ – Республика Башкортостан, св. – северный диалект удмуртского языка, тат. – татарский язык, удм. – удмуртский язык, УР – Удмуртская Республика, ф. – финский язык, ф.-у. – финно-угорский праязык, юж. – южный диалект удмуртского языка.

Литература

Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. УАССР, 1988. 240 с. {Alatyrev, V. I. Etymological dictionary of the Udmurt language: Letters A, B. Izhevsk: Scientific Research Institute under the Council of Ministries of the UASSR, 1988. 240 p.}

Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с. {Atamanov, M. G. The origin of the Udmurt people. Izhevsk: Udmurtia, 2010. 576 p.}

Борисов Т. К. Удмурт кылюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов. Ижевск, УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. 384 с. {Borisov TK Explanatory Udmurt-Russian dictionary: About 15000 words. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the USSR, 1991. 384 p.}

БТСРЯ = Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с. {Great Dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint, 2003. 1536 p.}

Бусыгина Л. В. Комментарий к карте «Душица» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск IV. Ижевск: «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. С. 130–136. {Busygina L. V. Commentary to the map «Marjoram» // Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Issue IV. Izhevsk: Scientific and Publishing Center «Regular and chaotic dynamics», 2014. P. 130-136.}

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений. В 6 томах: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]. / Под. ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 288 с. {Vereshchagin, G. Ye. Collected Works: In 6 volumes: Votyak-Russian Dictionary [= Udmurt-Russian Dictionary] / Edited by V. M. Vanyushev. Vol. 6. Book 2. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Academy of Sciences, 2006. 288 p.}

ГлазМатв. = Господа Нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелиста Матвея на русском и вотском языках, Глазовского наречия. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1847. 234 с. {The Gospel of Our Lord Jesus Christ from the holy evangelist Matvey in Russian and Votyak language of the Glazov dialect. Kazan: Printing house of the Imperial Kazan University, 1847. 234 p.}

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Debrecen, 2001. 211 с. {Dmitrieva, Yu. Chuvash folk names of wild plants. Debrecen, 2001. 211 p.}

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007. 227 с. [Электронный ресурс. URL: [http:// www.bulgari-istoria-2010.com](http://www.bulgari-istoria-2010.com)]. {Dybo, A. V. Linguistic contacts of early Turks. Lexical

fund. Proto-Turkic period. Moscow: Eastern Literature, 2007. 227 p. [Electronic resource.URL: <http://www.bulgari-istoria-2010.com>]]

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. 356 с. {Egorov, V. G. Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1964. 356 p.}

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (татарские и башкирские заимствования). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 176 с. {Isanbaev, N. I. Mari-Turkic language contacts. Part 1 (Tatar and Bashkir borrowings). Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1989. 176 p.}

Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. 600 с. {Karpova, L. L. Vocabulary of the northern dialect of the Udmurt language: Middle Chepetsky dialect. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Academy of Sciences, 2013. 600 p.}

Крылов = Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919. 47 с. {Votyak-Russian dictionary of Glazov dialect, compiled by the teacher of the Votyak language V. D. Krylov at the Glazov Teacher's Seminary. Vyatka, 1919. 47 p.}

КЭСК = Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. 431 с. {Lytkin, V. I., Gulyaev, E. S. Short etymological dictionary of the Komi language. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1999. 431 p.}

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы, грибы, ягоды. М.: Наука, 1967. 256 с. {Merkulova, V. A. Essays on the Russian folk nomenclature of plants. Herbs, mushrooms, berries. Moscow: Nauka, 1967. 256 p.}

Могилин М. Краткой отяцкия Грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. {Mogilin, M. Experience of a short Udmurt grammar / Edited by L. E. Kirillova. Izhevsk: Udmurt Institute of the History of Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. 203 p.}

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы в «Диалектологическом атласе удмуртского языка» // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сборник материалов Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М. Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). Ч. II. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 40–41. {Nasibullin, R. Sh. The Chuvash language and modern problems of Altaistics: A collection of materials of the International Scientific Conference «The Chuvash Language and Contemporary Problems of Altaistics», dedicated to the 90th anniversary of the birth of M. R. Fedotov and the 60th anniversary of the birth of N. I. Egorov (Cheboksary, 28 February 2009). Part II. Cheboksary: Chuvash State Institute of the Humanities, 2009. P. 40–41.}

СарМатв. = Господа Нашего Иисуса Христа Евангелие от святого евангелиста Матвея на русском и вотском языках, Сарапульского наречия. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1847. 234 с. {The Gospel of Our Lord Jesus Christ from the holy evangelist Matvey in Russian and Votyak language of the Sarapul dialect. Kazan: Printing house of the Imperial Kazan University, 1847. 234 p.}

Соколов С. В., Туганаев В. В. Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с. {Sokolov, S. V., Tuganaev, V. V. Dictionary of biological terms. Izhevsk: Udmurtia, 1994. 144 p.}

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с. {Tarakanov, I.V. Borrowed vocabulary in the Udmurt language: Udmurt-Turkic language contacts. Izhevsk: Udmurtia, 1982. 188 p.}

ТРС 2007 = Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с. {Tatar-Russian Dictionary. In 2 volumes. Vol. 1 (Letters A-L). Kazan: Magarif, 2007. 726 p.}

УРС 1948 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов. М.: ГИС, 1948. 447 с. {Udmurt-Russian dictionary: About 15, 000 words. Moscow: State Publishing House of Dictionaries, 1948. 447 p.}

УРС 1983 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 592 с. {Udmurt-Russian dictionary: About 35, 000 words / Edited by V. M. Vakhrushev. Moscow: Russian language, 1983. 592 p.}

УРС 2008 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Под ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 2008. 925 с. {Udmurt-Russian dictionary: About 50, 000 words / Edited by L. E. Kirillova. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Academy of Sciences, 2008. 925 p.}

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с. {Fedotov, M. R. Etymological dictionary of the Chuvash language. Vol. 2. Cheboksary: Chuvash State Institute of the Humanities, 1996. 509 p.}

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971. 827 с. {Vasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 3. Moscow: Progress, 1971. 827 p.}

Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272 б. {Ahmetyanov, R. G. Brief historical and etymological dictionary of the Tatar language. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2001. 272 p.}

Munkácsi. B. A votják nyelv szótára. Pécs, 1990. 836 l. {Munkaci, B. Votyak language dictionary. Pécs, 1990. 836 p.}

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII. 422 S. {Wichmann, Y. Votyak vocabulary. Recorded by Yrjö Wichmann. / Edited by T. E. Uotila and Mikko Korhonen. Published by Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. 422 p.}

Wiedemann F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. 692 S. {Wiedemann, F. J. Zyryan-German dictionary together with a Votyak-German and with a German register. St. Petersburg, 1880. 692 p.}

УДК 811.512.145

А. А. Бадртдинова, г. Казань

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ВАРИАНТЫ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ СРЕДНЕГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В среднем диалекте татарского языка 12 гласных фонем, как и в литературном языке, и по акустическим, артикулярным характеристикам гласные звуки говоров среднего диалекта в основном совпадают со звуками татарского литературного языка. Вместе с тем, система вокализма среднего диалекта имеет определенные отличительные черты. В данной работе рассматриваются варианты лабиализованных и нелабиализованных фонем [ə], [o], [ø], [y], [ʏ] среднего диалекта татарского языка, употребление узких и широких вариантов фонем [u], e [ə].

Ключевые слова: *Диалект, вокализм, фонема, гласные, огубленные, неогубленные, узкие, широкие.*

DISTRIBUTED VARIANTS OF VOWEL PHONEMES OF THE TATAR LANGUAGE MIDDLE DIALECT.

In the middle dialect of the Tatar language there are 12 vowels similar to the literary language. By their acoustic and articulatory characteristics vowels within the middle dialect mostly coincide with those of the literary Tatar language. Along with that, the vocalism system within the middle dialect has some distinguishing characteristics. The article considers variants of labialised and non-labialised phonemes [ə], [o], [ø], [y], [ʏ] of the Tatar middle dialect, as well as the use of narrow and wide variations of [u], e [ə].

Key words: *dialect, vocalism, phoneme, vowels, labialised, non-labialised, narrow, broad.*

Современный татарский язык представлен тремя диалектами: средний, восточный и западный. Это деление соответствует также этническому делению татарского языка: средний диалект – казанские татары, западный диалект – мишары и восточный диалект – сибирские татары.

Наша цель: рассмотреть варианты гласных фонем татарского языка в говорах среднего диалекта впервые в ареальном аспекте.

Задачи: обзор научных публикаций и исследований по фонетике среднего диалекта татарского языка (диссертации, статьи, монографии, лингвогеографические исследования), определение состава гласных фонем и их вариантов в говорах среднего диалекта татарского языка.

Фонетика диалектов татарского языка изучена многими учеными-языковедами. Еще в начале XIX века в некоторых трудах можно найти информацию о звуковом составе и об особенностях произношения некоторых слов в отдельных говорах татарского языка. В этот период учебники по обучению татарскому языку основаны на сибирскотатарском языке. В учебнике И. Гиганова «Грамматика татарского языка», изданном в 1801 году в Санкт-Петербурге, приведена лексика тобольских татар на русской и арабской графике. В букваре Н. Атнометова («Букварь арабского и татарского письма». – Спб., 1802) отражены особенности произношения слов сибирскими татарами. Во второй половине XIX века начинают появляться труды, посвященные изучению диалектов татарского языка, где особое внимание уделяется фонетическим особенностям. В многотомном издании В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» тексты даются в транскрипции, благодаря этому хорошо отражены звуковые закономерности живой речи сибирских татар.

Основоположником татарской диалектологии считается А. Г. Бессонов. В 1881 году издан его труд по изучению татарских диалектов «О говорах Казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам». Значение труда А. Г. Бессонова в том, что он почти безошибочно определил характерные черты диалектов, особенно в области фонетики, и впервые попытался классифицировать диалекты и говоры татарского языка.

Во второй половине XIX века издаются работы, посвященные татарским диалектам: 1) «Образцы народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова (1872 год), 2) «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии» (1876 год), 3) Г. Н. Ахмаров «О языке и народности мишарей» (1903); 4) Е. Д. Поливанов «Касыйм диалектының фонетик үзенчәлекләре» (1923 год).

В 1927 году выходит в свет труд Дж. Валиди «Татар теленең казан диалекты турында». Также стоит отметить его труды «Нократ һәм Глазов татарлары арасында», «Кари һәм Глазов татарлары сөйләше», которые имеют огромное значение для татарской диалектологии. В последней работе язык каринских и глазовских татар исследованы в трех аспектах: фонетическом, морфологическом и лексическом. Сделаны выводы по каждому аспекту.

Велика также роль В. А. Богородицкого в развитии татарской диалектологии. Он изучал живую разговорную речь и впервые дал научную характеристику татарским диалектам.

В. А. Богородицкий одним из первых ставил задачу изучения татарской диалектологии в историко-сравнительном аспекте. Он сравнивает его с другими тюркскими языками, сравнивает звуковой состав татарского языка и законы сингармонизма других родственных языков. Итогом этой работы стали труды «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками» [1934] и «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию» [1933]. Труд В. А. Богородицкого «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками» является значительным вкладом в исследование фонетики татарского языка и его диалектов. В данном труде проводится детальный анализ каждого отдельного звука и приводится сравнительная характеристика с аналогичными звуками родственных и неродственных языков.

В 1947 году выходит учебник Л. Заляя «Татар диалектологиясе» для студентов вузов и сузов. Л. Заляй в 1954 году защищает докторскую диссертацию в области татарской диалектологии. Он впервые провел исследование татарских говоров лингвогеографическим методом, сделал несколько лингвистических карт по территории Татарстана. В изданном учебном пособии впервые дано краткое описание особенностей ряда говоров среднего диалекта. В этот же период появляется первый диалектологический словарь татарского языка (1948).

В 50-е гг. были сделаны первые шаги в освоении метода лингвистической географии: составлены региональные карты-изоглоссы по отдельным языковым явлениям, созданы первые диалектологические карты Поволжского, а затем и Поволжско-Приуральского региона (хранятся в диалектологических фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова).

В 1955 году в сборнике «Материалы по татарской диалектологии» (далее – МТД) выходит статья Л. Т. Махмутовой «Касыйм сөйләшенең фонетик үзенчәлекләре», в которой автор анализирует касимовский говор с фонетической стороны. В 1974 сборнике МТД выходит статья Л. Т. Махмутовой «Татар теленең бастан сөйләше» где она перечисляет фонетические особенности данного говора.

Ученый языковед Ф. Фасеев в 1960-х годах проводит важные и интересные исследования после выхода первого тома диалектологического словаря, результатом которых явилась статья в сборнике «Төрки телләр диалектологиясе» – «Татар диалектларында кызыклы фонетик күренешләр».

В 1961 году А. Афлятунов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Фонетические особенности говоров татар живущих в западных и юго-западных районах БАССР».

Огромную работу проделал Ф. Ю. Юсупов в области диалектологии в 1960 – 1970-х годах. Он опубликовал многочисленные труды по диалектологии. В 1967 году у него выходит статья в сборнике «Татар теле һәм әдәбияты» «Эчкен сөйләшенең кайбер фонетик үзенчәлекләре». В ней Ф. Ю. Юсупов анализирует многие языковые явления. В 1969 году в 4-м томе сборника «Татар теле һәм әдәбияты» выходит его статья «Сафакүл сөйләшенең кайбер фонетик үзенчәлекләре». В 1974 году в сборнике МТД у него опубликована статья «Урта диалектның нагайбәк сөйләше» с описанием фонетических особенностей говора нагайбеков. В 1979 году выходит книга Ф. Ю. Юсупова «Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр», в которой исследованы говоры татар Челябинской и Курганской областей в области фонетики.

В 1969 году в сборнике «Татар теле һәм әдәбияты» выходит статья Д. Б. Рамазановой «Әгерже татарлары сөйләшенең фонетик үзенчәлекләре». Начиная с 70-х годов у Д. Б. Рамазановой выходят в свет монографии, многочисленные статьи в научных сборниках и журналах, касающиеся фонетических особенностей диалектов и говоров татарского языка.

В 1967 – 1969 годах с целью собрать материал для создания диалектологического атласа татарского языка Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова организует диалектологические экспедиции по восточным районам Татарской и западным районам Башкирской АССР.

В 1971 году в сборнике «Яшь галимнәрнең конференция тезислары» опубликована статья Ф. С. Баязитовой «Түбән Кама районнарындагы татарлар сөйләшенең фонетик үзенчәлекләре». В статье ученый дает говору краткий фонетический обзор. А в 1974 году у неё выходит статья в 3-м томе МТД «Түбән Кама тирәсендәге керәшен татарлары сөйләшенең фонетик һәм грамматик үзенчәлекләре». Также в 1974 году в этом же сборнике у Ф. С. Баязитовой появляется статья «Базгыя һәм Сәвәләй авыллары сөйләшенең кайбер фонетик үзенчәлекләренә карата» и статья «Пермь татарлары сөйләшенең фонетик үзенчәлекләре».

Н. Борганова в 1978 году проводила исследования заказанских говоров результаты которых изданы в книге под названием «Төрки телләр тарихы һәм килеп чыгышы».

В 1980 году Т. Х. Хайрутдинова защитила кандидатскую диссертацию по говору златоустовских татар. В 1984 году Р. Нуретдинов защитил кандидатскую диссертацию «Башкортостанның төньягындагы татарларның катнаш сөйләше». В 1985 году вышел труд З. Р. Садыковой «Оренбург татарлары сөйләше». Все эти авторы перечислили в своих работах фонетические особенности изучаемых говоров.

Во второй половине XX века вышел в свет «Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» в 2-х томах как результат многолетних исследований и поисков многих языковедов. Первый том составили: Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова, второй том – Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова. Всего в атласе 214 карт, 69 которых относятся к фонетике (по особенностям гласных звуков 22 карты, остальные – по согласным).

Среди молодых ученых-диалектологов можно отметить труды молодых специалистов Академии наук Республики Татарстан А. Я. Хусаиновой, М.Р. Булатовой. А. Я. Хусаинова защитила кандидатскую диссертацию по оренбургскому говору среднего диалекта (2013) и выпустила монографию «Татарские говоры Оренбуржья: лексико-семантический аспект» (Казань: ИЯЛИ, 2017. 188 с.). В настоящее время занимается изучением консонантизма среднего диалекта татарского языка в сравнительно-типологическом аспекте. М. Р. Булатова занимается ареальными исследованиями и выпустила монографию «Морфологические особенности татарских говоров ареала “Юг Башкортостана”».

Собрав большое количество материала по разным научным публикациям, мы сделали нижеследующие выводы.

В среднем диалекте татарского языка, как и в литературном языке, 12 гласных фонем: [a], [ə], [y], [ʏ], [o], [ø], [ы], [e], [и], в собственных словах татарского языка, [o], [ы], [e] – в заимствованных из русского языка (или через русский язык) словах [Хадиева, 2014, 12].

Фонема [a]. Как известно, в говорах татарского языка есть несколько вариантов фонемы [a]. На тему вариантов фонемы [a] М.Р. Хабибуллина защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Характеристика изоглосс вариантов фонемы [a] в татарском лингвистическом пространстве». Она выделила следующие варианты фонемы [a]:

[o^a] – сильно огубленный, по её мнению, встречается в балтасинском говоре. Мы считаем, что этот вариант фонемы встречается еще и в мамадышском говоре.

[a^o] – умеренно огубленный. По Хабибуллиной, встречается в говорах: мамадышском, нагайбакском, каргалинском, бугурусланском, лаишевском, норлатском, камско-устыинском, златоустовском, тепекеевском, учалинском, татаро-каракалпакском, тарханском;

[a] – открытый, характерен для западного диалекта татарского языка. Так же по её мнению, это говоры дубъязский, пермский, нукратский, бугурусланский, каргалинский, камышлинский, нагайбакский, астраханский;

[a[^]] – сильно открытый, нагайский тип: пермский говор среднего диалекта;

[a*] – умеренно открытый. В среднем диалекте татарского языка не встречается.

Разное произношение гласного [a] считается даже одним из основных дифференциальных свойств диалектов татарского языка. Например, для среднего диалекта характерен огубленный вариант гласного [a], для западного, так называемого мишарского диалекта, характерен открытый, неогубленный вариант звука [a]. Из этого правила есть много исключений. Во-первых, по степени огубленности говоры среднего диалекта сами же отличаются друг от друга. Во-вторых, в некоторых говорах среднего диалекта этот звук произносится как открытый русский звук [a]. А в западном диалекте татарского языка, например, в Пензенском, Волгоградском областях, звук [a] произносится огубленно.

Если обратиться к источнику «Атлас татарских народных говоров», то на карте «Лабииализованный и нелабииализованный варианты гласного а в односложных корневых словах» изоглосса a//a^o – параллельное употребление огубленного и неогубленного вариантов [a] – проходит через многие говоры среднего диалекта татарского языка. Эти говоры следующие: дубъязский, мамадышский, параньгинский, балтачевский (в этом говоре есть еще очень открытый третий вид фонемы [a]), мензелинский, пермский (также есть еще открытый и очень открытый варианты), бирский, бугурусланский, камышлинский, красноуфимский (есть еще открытый вариант фонемы), ичкинский, касимовский, астраханский, каргалинский, нижекамско-кряшенский, нагайбакский, заказанско-кряшенский и другие говоры.

По степени огубленности от остальных говоров отличаются мамадышский и балтасинский говоры (по книге «Татар халык сөйләшләре» – 1-й том). В этих говорах гласный [a] произносится интенсивнее и более огубленно: ка^oла^o (столица), жа^oма^oнсы (грустно), ка^oқ (пастила) и т.п.

Произношение звука [a] также зависит от того, в какой фонетической позиции он находится. Например, в нагайбакском говоре после слога с лабииализованным звуком [o] звук [a] произносится огубленно, хотя огубленность в этом случае все равно меньше, чем в литературном языке, поэтому этот говор близок к говорам с нелабииализованным [a], это касимовский, дубъязский, пермский и некоторые кряшенские говоры. А в нукратском говоре в любых фонетических позициях звук [a] произносится открыто.

Фонема [ə]. Также отмечается параллельное употребление широкого и узкого вариантов звука [ə]. Это говоры ичкинский, камышлинский, нукратский, астраханский, кряшенский, нагайбакский, ичкинский, камышлинский, нукратский, астраханский, говоры татар-кряшен (в нагайбакском отмечается после узких гласных [и], [э(е)]) [Баязитова, 2006, 25].

Литературный тип звука [ə] есть в говорах: дубъязский, мамадышский, параньгинский, балтачевский, нурлатский, камско-устынский, нукратский, тарханский, бугурусланский, каргалинский, бирский, тепекеевский, учалинский, залтоустовский, красноуфимский, астраханский, татаро-каракалпакский, нагайбакский, говоры нижекамских и заказанских кряшен. В пермском, бастанском, мензелинском говорах звук [ə] – звук более переднего ряда. В лаешевском же говоре отмечено параллельное употребление двух вариантов этой фонемы: передний и более передний.

Фонема [o]. В астраханском и бугурусланском говорах параллельно употребляются огубленный и неогубленный варианты гласного. Неогубленный звук произносится в дубъязском и камышлинском говорах. Также имеется огубленный звук [o] в нукратском

говоре. Отмечается после заднеязычных [к], [кь] и чередуется со звуком [ы]: *кор – кыр* (литературный) – *поле, корок – кырык – сорок* [Юсупов, 2003: 125 – 129]. В остальных говорах употребляется литературный вариант фонемы.

Фонема [ө]. Нелабиализованный вариант есть в дубъязском, камышлинском, астраханском говорах.

Фонемы [y], [ү]. Кыпчакский тип, более заднего образования (по атласу татарских народных говоров): дубъязский, мамадышский, параньгинский, балтачевский, лаешевский, нурлатский, камско-устынский, тарханский, бирский, минзелинский, пермский, нагайбакский, камышлинский, каргалинский, бугурусланский, бастанский, златоустовский, тепекеевский, учалинский, красноуфимский, татаро-каракалпакский, касимовский, астраханский, заказанско-кряшенский. Изогласса огузского типа, более переднего образования: камышлинский, астраханский. В каргалинском, мензелинском, нукратском говорах есть случаи более переднего, чем в литературном языке, произношения звука [ү]. В астраханском говоре есть сильно огубленный, более широкий вариант фонемы, похожий на звук [ө]. В камышлинском говоре есть случаи произношения звука [ү] только переднего образования. В красноуфимском говоре есть слова, не подчиняющиеся закону сингармонизма, а именно с нарушением губной гармонии: *шоморт* (литературный) – *шымырт* (черёмуха), *төтөн* (литературный) – *тетен* (дым). В ичкинском и нукратском говорах кыпчакский и огузский типы используются параллельно. В нукратском говоре есть случаи замены огубленных [y], [ү] неогубленными [ы], [е]: *ылым – улым* (литературный) (сын), *тегел // дегел – түгел* (литературный) (не так).

Что касается **фонемы [и]**, за исключением нукратского говора, где используется широкий и узкий варианты звука, во всех остальных говорах – как в литературном языке.

Фонема [е (э)]. В красноуфимском говоре [е (э)] заменяется звуком [ү]: *түгендә – тегендә* (литературный) (там). В нукратском говоре параллельно употребляются широкий и узкий варианты.

Подводя итоги по вышенаписанному, следует отметить, что употребление лабиализованного и нелабиализованного вариантов [а] // [а°], параллельно встречается в 60 % говорах среднего диалекта татарского языка, то есть это больше половины говоров. Говоры, где отмечаются больше неогубленные варианты фонемы [а] – 27 %, огубленный [а°] – 41 %. Широко распространено параллельное употребеление узкого и широкого вариантов гласной [э] — 49% говоров. Также неогубленный [о], [ө] – в 10 % говорах, в остальных – как в литературном языке. [y] заднего образования – в 80 % говорах, переднего образования – 10 % говорах.

Все остальные же отличия не так значительны и встречаются лишь в отдельных словах или некоторых говорах.

Литература

Атлас татарских народных говоров. – <http://newipi.antat.ru/>. {Atlas of Tatar folk dialects} – <http://newipi.antat.ru/>.

Баязитова Ф.С. Нократ сөйләше. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш һәм йола терминологиясе, фольклор. Казан: “Дом печати” нәшрияты, 2006. 240 б. {Bayazitova F. S. The Nokrat dialect. Spiritual heritage: terminology of family rites, folklore. - Kazan: “press House”, 2006. - 240 p.}

Йосыпов Ф.Й. Красноуфим татарлары: тарих, тел, фольклор. Казан: РИЦ «Школа», 2004. 376 б. {Yusupov F. Yu. The Krasnoufimsk Tatars: history, language, folklore. Kazan: RIC "SHKOLA", 2004. 376 p.}

Йосыпов Ф.Й. Татар теленең диалектлары. Урал сөйләшләре. Казан: Мәгариф, 2003. 351 б. {Yusupov F. Yu. Dialects of the Tatar language. Ural subdialects. Kazan: Magarif, 2003. 351 p.}

Татар халык сөйләшләрә: Ике китапта: Беренче китап / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хайретдинова һ. б. Казан: Мәғариф, 2008. 463 б. {Tatar folk dialects. In two books: book one / F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, T. H. Khairutdinova and others. Kazan: Magarif, 2008. 463 p.}

Хадиева Г. К. Татар теле фонетикасы. Лекцияләрнең конспекты. / http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21847/10_163_A5kl-000763.pdf. {G. K. Khadieva Phonetics of the Tatar language. Lecture notes. http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21847/10_163_A5kl-000763.pdf}

УДК 811.512.141:81'282

М. Р. Валиева, г. Уфа

ВКЛАД ИЗВЕСТНОГО БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВЕДА Н. Х. ИШБУЛАТОВА В БАШКИРСКОЮ ДИАЛЕКТОЛОГИЮ

(Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.)

Данная статья посвящается к 90-летию со дня рождения известного башкирского диалектолога Н. Х. Ишбулатова. В статье освещается его научная деятельность по башкирской диалектологии. Автор статьи подробно анализирует его труды и выступления на тюркологических конференциях, а также приводит наиболее важные научные взгляды из его трудов.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, говор, фонетика, лексика.

CONTRIBUTION OF N. KH. ISHBULATOV TO THE BASHKIR DIALECTOLOGY. *This article is dedicated to the 90th anniversary of the birth of the famous Bashkir dialectologist N. Kh. Ishbulatov. The article highlights his scientific activity in Bashkir dialectology. The author analyzed his works and speeches at Turkic studies conferences in detail, along with giving the most important scientific views from his works.*

Keywords: Bashkir language, dialect, subdialect, phonetics, lexis.

Научное исследование и сбор полевых материалов по башкирской диалектологии начинается в 20-х годах XX в. Первую комплексную экспедицию организовал известный тюрколог Н.К. Дмитриев в 1928 г. С тех пор экспедиции по сбору диалектных материалов башкирского языка и их обработка и научное описание систематично осуществлялось сотрудниками сектора языкознания Института истории, языка и литературы БФАН СССР. На базе собранных материалов опубликованы многочисленные научные статьи, доклады, очерки, изданы монографические исследования, словари и диалектологический атлас. В общем, велась комплексная диалектологическая работа, которая не исчерпала свою актуальность.

В 50-е годы к диалектологическим исследованиям приступает Н.Х. Ишбулатов. Его основная исследовательская работа посвящена изучению актуальных вопросов диалектологии и научному описанию специфических особенностей фонетики говоров башкирского языка. Его статья “Фонетические особенности говора деревни Казмашево Абзелиловского района Башкирской АССР” опубликована в 1959 г. в издании АН СССР “Вопросы башкирской диалектологии”. Он пишет: “основными источниками для данной работы явились материалы, собранные автором в результате двухкратной командировки, организованной Институтом языкознания АН СССР летом 1953-1954 гг. Для сравнения привлекались диалектологические сборники, составленные кафедрой башкирского языка Башкирского государственного университета под руководством доцента Д.Г. Киекбаева, а также материалы диалектологических экспедиций, находящиеся в Рукописном фонде Башкирского филиала АН СССР” [Ишбулатов, 1959, 47].

Значение его вышеназванной публикации заключается в том, что он подробно описал данный говор в сравнении с литературным языком. Данное его исследование было оценено известным тюркологом Е.И. Убрятовой: «Изучение диалектов башкирского языка началось с

1928 г. и велось систематически в течение всех последующих лет; собраны очень большие материалы и установлены важнейшие особенности диалектов, преимущественно в области фонетики. <...> В этом году (1955) были защищены кандидатские диссертации Н. Х. Ишбулатова «О говоре деревни Казмашево Абзелиловского района Башкирской АССР» и Х.Г. Юсупова «Об асинском говоре башкирского языка. Обе эти диссертации, к сожалению, неопубликованные, представляют собой интересные диалектологические описания, содержащие довольно полную характеристику основных диалектов башкирского языка» [Убрятова, 1960, 16].

Н.Х. Ишбулатов был активным участником региональных совещаний, конференций по диалектологии тюркских языков. В 1958 году 11-15 ноября конференция «Вопросы диалектологии тюркских языков» во второй раз проводится в Казани, где он выступает по острым вопросам тюркологической терминологии, дополнив своими идеями доклады Н. А. Баскакова и Е. И. Убрятовой. В 1960 году 24-28 ноября Н.Х. Ишбулатов участвует с докладом в III региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшемся в г. Баку, где он обратил внимание диалектологов на диалектальное членение башкирского языка. По мнению ученого, нельзя учитывать только фонетический принцип при выявлении отличительных диалектных признаков. Следует изучить лексику того или иного диалекта, принимая во внимание роль фонетических особенностей при классификации башкирских говоров, особенно чередования ζ/h , $z/h//\zeta$, которые не фиксируются в других тюркских языках. Он также обратил внимание на то, что «башкирские говоры появились и сохранились и как племенные языки. Однако ныне в большинстве случаев границы племен не совпадают с границами говоров. В настоящее время говоры башкирского языка носят территориальный (а не племенной) характер» [Ишбулатов, 1963, 241].

Из его многочисленных выступлений можно увидеть, что Н. Х. Ишбулатов был сторонником следующей системы градации диалектных единиц: общенародный язык, наречие, диалекты, группа говоров, говор, подговор, подподговор и т.д.

Его исследование «Кизильский говор» является одним из известных трудов в области башкирской диалектологии. В 1959-1960 гг. он совершает диалектологическую экспедицию с целью изучения данного говора. Собранные лексико-семантические, фонетико-морфологические материалы позволили Н. Х. Ишбулатову установить границы кизильского говора, определить внутри говора три подговора (тамьянский, карагай-кипчацкий, кужаноташбулатовский). Н.Х. Ишбулатов обратил внимание на то, что в речи кипчаков отсутствует звуки h , ζ в начальной и конечной позициях. Также на основе производственной лексики ученый выявил, что носители кизильского говора до коллективизации вели полукочевой образ жизни.

В 60-е годы башкирские лексикографы вели активную работу по сбору лексического материала для диалектологического и толкового словарей башкирского языка. Были определены основные принципы и критерии составления различных словарей. Лингвисты сектора языкознания Института истории, языка и литературы БФАН СССР опубликовали вопросники по сбору лексики, связанной со специфическими и этническими реалиями. В эти годы Н.Х. Ишбулатов в своих научных статьях поднимал проблемы обработки материалов диалектологических экспедиций и отчетов, выступал с предложениями по принципам составления диалектологического словаря. Он писал: «диалектологический словарь в своей структуре имеет некоторые черты сходства с толковым, этимологическим и синонимическим словарями. По структуре словарной статьи и толкованию значений слов соприкасается с толковым словарем. По локализации диалектных слов диалектологический словарь приближается к этимологическому». В эти годы он был одним из авторов-составителей «Русско-башкирского словаря» (1964) и «Словаря башкирских говоров» в 2-х томах (1967-1970 гг.).

В 70-80-е годы, будучи лектором Башгосуниверситета, Н.Х. Ишбулатов начинает работу по разработке учебных пособий и программ для вузов: «Башкорт диалектологияһы курсы буйынса программа» (1965), «Хәҙерге башкорт теле. Һүҙ төркөмдәренәң бүленеше» (1962),

«Хәзәрге башкорт теле» (1972), «Башкирская диалектология» (1979), «Современный башкирский язык. Фонетика» (1982). В статьях, написанных в эти годы, им были описаны нормы правописания, орфографические, орфоэпические каноны языка.

В 90-е годы Н. Х. Ишбулатов приступает к исследованию истории формирования башкирского языка. Результаты своих исследований учёный в основном опубликовал в виде научных статей. За его самоотверженный труд в области башкирского языкознания он был отмечен следующими званиями: Заслуженный деятель науки Башкирской АССР; Отличник высшей школы СССР. Н. Х. Ишбулатов также был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

В заключении отметим, что Н. Х. Ишбулатов внес большой вклад в исследование башкирской диалектологии, фонетики, морфологии, лексикографии и орфографии. Он описал диалекты башкирского языка на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях в сравнении с литературным языком и в сравнительном плане с другими тюркскими и финно-угорскими языками.

Литература

Ишбулатов Н.Х. Говор деревни Казмашево Абзелитовского района Башкирской АССР: Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Ин-т языкознания Акад. наук СССР. Москва. 1955. 15 с. {Ishbulatov N.Kh. The subdialect of the village of Kazmashovo of Abzelilovsky district, the Bashkir ASSR: Abstract of diss. for Ph. D. in filol. Sciences / Institute of Linguistics, Acad. Sciences of the USSR. Moscow. 1955. 15 p.}

Ишбулатов Н.Х. Фонетическим особенностям говора деревни Казмашево Абзелитовского района Башкирской АССР // Вопросы башкирской диалектологии. 1959. С. 43-51. {Ishbulatov N.Kh. Phonetic features of the subdialect of the village of Kazmashovo, Abzelil district of the Bashkir ASSR // *Issues of the Bashkir dialectology*. 1959. - P. 43-51.}

Ишбулатов Н.Х., Ишмухаметов З.К., Миржанова С.Ф., Яруллина У.М. Вопросник по сбору словарного состава по башкирским говорам. Уфа, 1959. 172 с. {Ishbulatov N.Kh., Ishmukhametov Z.K., Mirzhanova S.F., Yarullina U. Questionnaire for collecting lexics on Bashkir dialects. Ufa, 1959. 172 p. }

Ишбулатов Н.Х. Выступление // Вопросы диалектологии тюркских языков. Казань, 1960. С. 165-168. {Ishbulatov N.Kh. Report. In: *Questions of dialectology of Turkic languages*. Kazan, 1960. P. 165-168.}

Ишбулатов Н.Х., Максютова Н.Х., Миржанова С.Ф. Анкета для собирания материалов по говорам башкирского языка (на башкирском языке). Уфа, 1961. 54 с. {Ishbulatov N.Kh., Maksyutova N.Kh., Mirzhanova S.F. Questionnaire for collecting materials on the dialects of the Bashkir language (in the Bashkir language). Ufa, 1961. 54 p.}

Ишбулатов Н.Х. О состоянии башкирской диалектологии // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР. 1963. С. 238-244. {Ishbulatov N.Kh. On the state of Bashkir dialectology. In: *Problems of dialectology of the Turkic languages*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. 1963. P. 238-244.}

Ишбулатов Н.Х. Хәзәрге башкорт теле. һүз төркөмдәренең бүленеше. Өфө.1962. 126 б. {Ishbulatov N.Kh. Modern Bashkir language. Classification of parts of speech. Ufa, 1962. 120 p.}

Ишбулатов Н.Х. Кизильский говор // Башкирская диалектология. Уфа, 1963. С. 10-67. {Ishbulatov N.Kh. The Kizil subdialect. In: *Bashkir dialectology*. Ufa, 1963. P. 10-67.}

Ишбулатов Н.Х. Башкорт диалектологияһы курсы буйынса программа. Өфө: БДУ, 1965. 23 с. {Ishbulatov N.Kh. A Program for a course of Bashkir dialectology. BSU, 1965. 23 p.}

Ишбулатов Н.Х. О принципах составления диалектологического словаря // Башкирская лексика. Тематический сборник. Уфа, 1966. С. 166-170. {Ishbulatov N.Kh. On the principles of compiling a dialectological dictionary. Bashkir lexics. Thematic collection. Ufa, 1966. P. 166-170.}

Ишбулатов Н.Х. Лексические параллели в башкирском и финно-угорских языках // Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. Уфа, 1970. Вып. 42. С. 32-39. {Ishbulatov N.Kh. Lexical parallels in Bashkir and the Finno-Ugric languages. In: *Some questions of Ural-*

Altaic linguistics. Ufa, 1970. Issue 42. P. 32-39.}

Ишбулатов Н.Х. Башкирская диалектология. Учебное пособие. Уфа. 1979. 86 с. {Ishbulatov N.Kh. Bashkir dialectology. Manual. Ufa. 1979. 86 p.}

Ишбулатов Н.Х. Хәҙерге башкорт теле. Өфө, 1972. {Ishbulatov N.Kh. Modern Bashkir language. Ufa. 1972.}

Ишбулатов Н.Х. О сравнительном изучении фонетических особенностей диалектов башкирского языка // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 63–70. {Ishbulatov N.Kh. On comparative study of phonetic features of dialects of the Bashkir language. *Soviet Turkology*. 1981. No. 3. P. 63-70.}

Ишбулатов Н.Х. Программа по башкирской диалектологии. Уфа: БГУ, 1986. 12 с. {Ishbulatov N.Kh. Program on Bashkir dialectology. Ufa: BSU. 1986. 12 p.}

Ишбулатов Н.Х. Башкорт теленен барлыкка килеүе һәм үсеше // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. Уфа. 1995. С. 81–83. {Ishbulatov N. Kh. Formation and development of the Bashkir language. In: *Oriental Studies in Bashkortostan: History, Culture*. Ufa. 1995. P. 81-83.}

Убрытова Е.И. Изучение диалектов тюркских языков // Вопросы диалектологии тюркских языков. Том II. Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР. 1960. С. 8-22. {Ubratova E.I. Studying dialects of the Turkic languages. In: Questions of dialectology of the Turkic languages. Volume II. Baku: Ed. Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. 1960. P. 8-22.}

УДК 81`272

Т. М. Гарипов, Т. Ю. Катнишева, г. Уфа

БАКАЛИНСКИЙ ЭТНОЛЕКТ БАШКИРИИ – ДОСТОЙНЫЙ КАНДИДАТ НА ВКЛЮЧЕНИЕ В «КРАСНУЮ КНИГУ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ»

В статье приводятся аргументированные сведения о бакалинском этнолекте тюрков-кряшенов. История данного этноса прослеживается с XIII века нашей эры. Современная малочисленность носителей живой кряшенской речи позволяет включить образцы последней в «Красную книгу». Это предоставит новые возможности для сохранения и приумножения духовной культуры кряшенов. Аналогичный прецедент с признанием миноритарности кряшенов-нагайбаков Челябинской области увенчался успехом в 2000-2002 годах.

Ключевые слова: *Бакалы, Башкортостан, Красная книга языков народов России, кряшены, нагайбакский язык.*

BAKALINSKY ETHNOLECT OF BASHKIRIA IS A WORTHY CANDIDATE FOR INCLUSION IN THE RED BOOK OF THE LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA. *The article presents reasoned information about the Bakalinsky ethnolect of Kryashens Turks. The history of this ethnic group can be traced from the XIII century of the new era. The small number of speakers of live Kryashen speech allows to include samples of the latter in The Red book. This will provide new opportunities for preserving and multiplying the spiritual culture of the Kryashens. A similar precedent with the recognition of the minority status of the Kryashens-Nagaibaks in the Chelyabinsk region was crowned by success in 2000-2002.*

Keywords: *Bakaly, Bashkortostan, Red book of the languages of the peoples of Russia, Kryashens, Nagaibak language.*

Выдающийся русский писатель и публицист, нобелиат А.И. Солженицын считал, что главной задачей государства «сбережение народа». Вся важность заботы властных структур о росте и приумножении численности народонаселения нашей страны неоднократно подчёркивал Президент Российской Федерации В.В. Путин.

В международном аспекте хорошо известна Европейская Хартия о региональных языках и языках национальных меньшинств, принятая в 1992 году.

В России был разработан и введен в действие с 1991 по 1998 годы «Закон о языках народов РСФСР». В 2000 году Постановлением Правительства был установлен «Единый перечень коренных малочисленных народов», на основе которого подготовлена и опубликована «Красная книга языков народов России». В это издание вошли данные о 66 миноритарных языках, в том числе 9 тюркских: долганском, сойотском, телеутском, тофаларском, челканском, чулымском и шорском, а также кумандинском и нагайбакском. При этом некоторые из них могут считаться диалектами иных языков: долганский – якутского; кумандинский – горно-алтайского, телеутского либо челканского; нагайбакский – татарского и т.п. [Красная книга. Языки народов России. 2002, 66-256].

Главным этнодемографическим критерием включения в «Красную книгу» является численность народа-носителя языка – до 50 тысяч человек и менее.

В этой связи нельзя не обратиться к судьбе этноконфессиональной тюркской народности кряшенов (самоназвания: *керэшин* и *крэшен* – от русского ‘крещёный’), представленных в обширном Приволжско-Уральском регионе России – особенно в Татарстане и Башкортостане. Кряшены известны с XIII века нашей эры как потомки волжских булгар, а позднее – золотоордынских кыпчаков (половцев) и казанских татар. На протяжении последних восьми столетий кряшены плотно входили в социально-культурные и языковые контакты со славянскими соседями – главным образом, с русскими. Более того, многие из них, перейдя (не всегда добровольно) из мусульманства в православно-христианскую веру, обрусели – в частности, практически все получили крестильные имена славяно-греческого толка, а затем и фамилии на русский лад.

Как установлено, до введения паспортизации в России тюрки не имели фамилий вообще, довольствуясь только личным именем и отчеством. Так, национальный герой башкирского народа вошёл в историю как *Салават Юлай углы* ‘Салават Юлаев сын’, в то время как его отец именовался в документах Юлай Азналин.

Известно, что в осаждавшем Казань 150-тысячной войске Ивана Грозного до трети составляли тюркоязычные ратники, во главе которых стояли их царь Шах-Али и царица Сөембикэ ‘Сумбека’ [Халиков, 1992, 28].

В ряде нарративных источников упоминаются сведения о том, что к первой четверти XX столетия насчитывалось до 300 тысяч кряшенов, которым после 1917 года были обеспечены: суверенное представительство в НарКомНаце СССР, издание газет и учебников на родном языке, функционирование кряшенских учебных заведений и национального театра, что впоследствии было утрачено. Тем не менее, Всесоюзная перепись населения 1926 года учла более 101 тысячи лиц кряшенской национальности [Исхаков, 2000, 265]. По данным же Всероссийской переписи 2010 года численность кряшенов составила до 35 тысяч человек, из которых почти 30 тысяч (86%) постоянно проживали в Республике Татарстан, более 3800 человек в Республике Башкортостан (11%), а остальные тысяча с лишним (3%) на территориях других субъектов Российской Федерации [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2016, 29-141].

Что касается не до конца исследованного этнополитического статуса кряшенской устной (разговорной) речи, то он определяется неодинаково в установлениях тюркологов-языковедов, этнологов, историков, а равно и региональных энциклопедистов.

Так, татаровед археолог А. Х. Халиков полагал, что лингвистической основой общения перешедших в православие тюрков Золотой Орды и Казанского ханства были болгаро-татарский и казанско-мишарский языки [Халиков, 1992, 6-30].

На территории Башкирии известен бакалинский подговор Нижнекамского говора среднего/центрального диалекта татарского языка [Баязитова, 2008, 110-112]. Наиболее компактно кряшены проживают в 11 селениях Бакалинского района: Божыр ‘Бузюрово’,

Иске Шәрәшле ‘Старые Шарашли’, Иске Әжми ‘Старое Азмеево’, Утар ‘Утарово’, Әрнеш ‘Новые Маты’, Яна Балыклы ‘Новые Балыклы’, Яна Илек ‘Новоиликово’ и др., а также в ауле Базгыя ‘Базгиево’ Шаранского района. К данному этносу относят себя более 15% бакалинцев (по самооценке 2010 года), что равняется 4,5 % всех жителей Башкирии. Об этом читателям газеты «Республика Башкортостан» поведала обстоятельная статья «Мы помним о корнях» собственного корреспондента официального органа по Бакалинскому, Шаранскому и ещё трём районам [Шильников, 2010, 3].

Иногда бакалинских кряшенов именуют «кряшенами-башкирами» [Шакуров, 1987, 123], сближая их с крещёными нагайбаками, живущими ныне в Южном Зауралье – конкретно в населённых пунктах Варлам, Кассель, Париж(!), Требий и Фершампенуаз Нагайбакского и Чебаркульского районов Челябинской области. Комоним Нагайбак связан с этноантропонимом Нугай ‘Ногаец’, а Чебаркуль восходит к тюркскому лимнониму Чибәркүл ‘Красивое озеро’, которое 15 февраля 2013 года приковало к себе внимание всех землян из-за падения метеорита именно в этот водоём [Капишева, 2017, 178-179]. Речь нагайбаков удостоилась даже квалифицирования как «нагайбаков язык» [Агеева, Насилов, 2002, 116-118] на том основании, что в 1736 году был построен городок, «на Ику реке», называемый Нагайбацкая крепость, где были населены новокрещенцы-башкиры и другие «азиатцы» (бухарцы, каракалпаки, персы и арабы), вышедшие из казахского плена [Материалы по истории Башкирской АССР, 1949, 558]. В 1842 году все жители крепости были переселены в Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии, где обосновались в одном из селений, каковое стало называться также Нагайбак.

Разговорная речь башкортостанских кряшенов насчитывает множество фонетических, морфологических и лексических отличий от литературных кыпчакских языков Урало-Поволжья [Гарипов, 1979, 1-304].

Из специфически культурных влияний кряшенов со стороны соседствующих народов (и прежде всего русского) выделяются благозвучно-инструментальный фольклор и его наиболее изысканный жанр – игра на гусях(!) среди бакалинцев, а также хоровое пение у нагайбаков – в отличие от большинства сольных песен у татар-мусульман. На рубеже XX-XXI веков отчётливо обозначился тренд к росту кряшенского самосознания: в райцентре Бакалы Республики Башкортостан открылся Национально-культурный центр кряшен (1998 год).

Имя башкирско-кряшенского драматурга Нажиба (Николая Васильевича) Асанбаева обрело зарубежную известность благодаря успеху его пьесы «*Кызыл паши*» ‘Красный сановник’ на международном фестивале театров мусульманских стран в Дамаске (Сирия, 1986 год).

Другой бакалинец, участник Великой Отечественной войны, удостоенный звания Героя Чехословакии и Почётного гражданина 16 городов Чехии и Словакии, Даян Баянович Мурзин организовал и возглавлял партизанские отряды на Украине, в Белоруссии и Молдавии, а также в Моравии.

Выходец из Бакалинского района Аглия Ямгутдинович Кучумов прославился как чемпион мира, Европы и СССР по спортивной ходьбе среди ветеранов.

Наконец, высоких должностей помощника Президента Республики Беларусь, заместителя премьер-министра – министра иностранных дел и главы Администрации добился Урал Рамдракович Латыпов, уроженец бакалинской деревни Катаево.

Кстати, в быту кряшены до сих пор пользуются видоизменёнными на тюркский лад славянскими именами: Бира ‘Вера’, Битя ‘Витя’, Жекеу ‘Яков’, Жеугеней ‘Евгений’, Зинә ‘Зина’, Марпа ‘Марфа’, Митрей ‘Дмитрий’, Мәтрәнә ‘Матрёна’, Симун ‘Семён’, Сирапима

‘Серафима’, Супйа ‘Софья’, Угапый ‘Агафья’, Ульгы ‘Ольга’, Эндрей ‘Андрей’ и др. [Гарипов, Капишева, 2010, 62-69].

Едва ли не самым ярким отражением духовной культуры народа выступает зачастую двуязычное частушечное творчество: *Мин сине яратам* ‘Я тебя люблю..’ – *выходи к воротам! Не придёшь к воротам – всё равно яратам!*; *Петух белән курица конькида катаются*; *Мин кем белән йөрдем* ‘Я с кем гуляю..’ *Сине* ‘Тебя..’ *не касается!* [Карпухин, 2003, 473-475].

Поскольку кряшенское население является по существу почти сплошь двуязычным, постольку в бытовую речь свободно входят русизмы (преимущественно фонетически адаптированные): *гунчим* ‘в общем’, *пакич!* ‘пакость!’ (пейоратив), *Турмузу калхузы* ‘колхоз /имени/ Фрунзе’ (примеры записаны нами во II четверти прошлого века), *Гр’ин’кә* ‘Гринька’, *Сәнк’ә* ‘Санька’ (гипокорестические диминутивы). Изменениям подвергаются историзмы и теонимы: *Ибан Гырузнай* ‘Иван Грозный’, *Питрау кән* ‘Петров день’ (религиозный праздник), *Әлжин кән* ‘Ильин день’ (геортоним).

Существенный водораздел между исламом и православием (а также буддизмом, иудаизмом и шаманизмом) обозначился как исторический выбор между мусульманами и христианами. К последним в массовидном порядке отходили чувашаи, якуты, тувинцы, хакасы, кряшены, карагаши и иные [Гарипов, Капишева, Попова, 2015, 230]. Из новообретённых подданных Московского княжества и Российской империи вышло от 300 до 500 представителей элиты родовитых фамилий, что зафиксировано в «Бархатной книге родословных князей и дворян Российских и выезжих (Синодальный список)», изданной в 1787 году [Баскаков, 1979, 8 и 260]. Вот краткая подборка отечественных деятелей разных сфер общества, в роду которых сохранились тюркские корни: военачальники Аракчеев (татарское *аракычы* ‘винодел, самогонщик’) и Кутузов (арабское *куддус* ‘кудесник’); учёные Тенишев (тюркское *тыныш* ‘спокойный’) и Чаадаев (монгольское *чагатай* ‘храбрый’); писатели Аксаков (казахское *аксак* ‘хронец’) и Карамзин (тюрко-персидское *кара мурза* ‘тёмный принц’); композиторы Рахманинов (семитское *рахман* ‘молитва’) и Скрябин (киргизское *сукур* ‘слепец’) и иные [Гарипов, Капишева, Попова, 2015, 230].

Учитывая прецедентные факты включения в «Красную книгу» говоров наподобие кумандинского и нагайбакского, для чего понадобилось возвести их в «сан» языков типа *Кумандинцев язык* [Сатлаев, 2002, 108-111], исследуемую нами коллоквиальную сущность следовало бы дефинировать как *Бакалинцев-кряшенов язык*, что даст дополнительный импульс целостности и ревитализации [от латинского *reviresco* ‘снова зеленеть, обновляться, вновь расцветать, молодеть’] настоящего этнолингвистического феномена.

Литература

Агеева Р.А., Насилов Д.М. Нагайбаков язык // Языки народов России. Красная книга. М.: Academia, 2002. С. 116-118. {Ageeva R.A., Nasilov D.M. The Nagaibak language // *Languages of the peoples of Russia*. Red Book. Moscow: Academia, 2002, P. 116-118}

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 280 с. {Baskakov N.A. Russian surnames of Turkic origin. Moscow: Nauka, 1979. 280 p.}

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М.: Наука, 1979. 304 с. {Garipov T.M. *Kypchak languages of the Ural-Volga region*. Moscow: Nauka, 1979. 304 p.}

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю. Словообразовательная тюркизация славянских имён в Бакалинском региолекте Республики Башкортостан // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2010. С. 62-69. {Garipov T.M., Kapisheva T.Yu. The word-forming Turkisation of Slavic names in the Bakalinsky region of the Republic of Bashkortostan. In: *Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia*. Ufa, 2010. P. 62-69}

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., Попова Е.В. Из истории изучения славяно-тюркских взаимодействий // Вестник ВЭГУ. 2015. № 5. С. 228-231. {Garipov T.M., Kapisheva T.Yu., Popova E.V. From the history of studying Slavic-Turkic interactions. *Vestnik VEhU*. 2015. No 5. P. 228-231}

Исхаков Д.М. Кряшены // Народы и религии мира. М., 2000. С. 265. {Iskhakov D.M. The Kryashens. In: *Peoples and religions of the world*. Moscow, 2000. P. 265}

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. 2016. С. 29-141. {Results of the All-Russia Population Census of 2010. Volume 4. 2016. P. 29-141}

Капишева Т.Ю. Миноритарные тюркские народы России // Вестник ВЭГУ. 2017. No 2. P. 176-182. {Kapisheva T.Yu. Minority Turkic peoples of Russia. *Vestnik VEhU*. 2017. No 2. P. 176-182}

Карпухин И.Е. Частушки. Уфа: Китап, 2003. 528 с. {Karpukhin I.E. Limericks. Ufa: Kitap, 2003. 528 p.}

Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1949. Т. 3. 558 с. {Materials on the history of the Bashkir ASSR. Moscow - Leningrad, 1949. V. 3. 558 p.}

Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. 192 с. {Khalikov A.Kh. 500 Russian surnames of Bulgaro-Tatar origin. Kazan, 1992. 192 p.}

Шакуров Р.З. Нагайбак: антропоним – топоним – этноним // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 119-126. {Shakurov R.Z. Nagaibak: anthroponym – toponym – ethnonym. In: *Bashkir ethnonymics*. Ufa, 1987. P. 119-126}

Шильников А. Мы помним о корнях // Республика Башкортостан. 2010. № 111. С. 3. {Shilnikov A. We remember the roots. The Republic of Bashkortostan newspaper. 2010. No 111. P. 3}

Языки народов России. Красная книга. М.: Academia. 2002. 386 с. {Languages of the peoples of Russia. The Red Book. Moscow: Academia. 2002. 386 p.}

УДК 81-22. 811.512.144

Г.-Р.А.-К. Гусейнов, г. Махачкала

ВОКАЛИЗМ КИЗЛЯРСКОГО ГОВОРА ТЕРСКОГО КУМЫКСКОГО ДИАЛЕКТА В АРЕАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Статья посвящена рассмотрению вокалических особенностей изолированного кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка. Их анализ производится в ареальном и историческом аспектах.

Ключевые слова: кизлярский говор, терский диалект кумыкского языка, вокализм.

VOCALISM OF THE KIZLYAR SUBDIALECT OF THE TEREK KUMYK DIALECT IN AREAL AND HISTORICAL ASPECTS. *The article is devoted to the consideration of vocalism of the isolated Kizlyar subdialect of Terek Kumyk dialect. Their analysis is made in areal and historical aspects.*

Key words: Kizlyar subdialect, Terek Kumyk dialect, vocalism.

Известно, что для рассматриваемого говора (см. об этом подробнее Гусейнов 2017), как и терского диалекта в целом, характерна *лабиализация* [и, ы], которая частично отмечается в подгорном и кайтагском диалектах и происходит под воздействием соседних губных согласных. Кроме того, в равнинном северном терском диалекте отмечается *депалатализация* лабиализованных гласных, т.е. наличествуют несколько отодвинутые назад кыпчакские [оь, уь] (при [оь, уь] – передних только с некоторой натяжкой в [ареально смежном терскому также равнинном] хасавюртовском диалекте и свойственной только предгорным кайтагскому и подгорному диалектам их веляризации, т.е. сильного

продвижения назад), ср.: *гундуз* – лит. *гуьндуьз* «днем», *гучик* – лит. *гуьчуьк* «щенок», *гоговур* – лит. *гегевуьл* «овод», *корук* – *коьруьк* «большая печь, пекарня» [Ольмесов, 1997, 59, 61-62, 65].

Причем *депалатализация* широко распространена и в анализируемом говоре, ср.: *ер усту* – кум. лит. *уьстуь* «верх чего-л.»; *озек* «остров» – кум. лит. *оьзек* 1. «овраг (неглубокий)», 2. «ручей (протекающий в овраге)»; *кок* – кум. лит. *коьк* «небо»; *уй* – кум. лит. *уьй* «дом»; *чук* – кум. лит. *чуьк* «пенис» (половой орган); *уст* – кум. лит. *уьст* «одежда»; (*терекни*) *озек* (*бытагьы*) – кум. лит. *оьзек* «середина», *сунгумек* «нырять» – кум. лит. *суьнгуь* «копье»; *ор* – *оьр* «вверх»; *окмек* «приседать» – кум. лит. *чоькмек*.

Тот факт, что в настоящее время «центром сильно опередненных [оь, уь]» выступают говоры [центрального] буйнакского диалекта» [Ольмесов, 1997, 61-62], объясняется тем, что, несмотря на расселение огузов и сменивших их кыпчаков, огузированное болгарское... население продолжало сохраняться ...на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане» [Гусейнов, 2010, 4]. Тем самым можно полагать, что сильно опередненные [оь, уь] предгорного буйнакского диалекта сохранили более давнее огузское состояние, а говоры северных равнинных терского и хасавюртовского диалектов могли образоваться вследствие более ранней кыпчакизации их прежних огузских носителей, речь которых еще до этого могла наложиться на болгарский субстрат.

В кизлярском говоре обнаруживается отдельный, надо полагать, вследствие ограниченной выборки случай *депалатализации* широкого лабиализованного *наряду с его сужением* (*гунелтки* – кум. лит. *гоьлентки*, ср. ног. *коьлетки* «тень»), неизвестный другим кумыкским диалектам и говорам, хотя *сужение губных* гласных отмечается в основном в терском, кайтагском и подгорном диалектах, редко встречаясь в хасавюртовском и буйнакском диалектах, легших в основу литературного языка. При этом Н.Х. Ольмесов [1997:58] обращает внимание на закономерный, с некоторыми исключениями, характер сужения в чувашском, татарском и башкирском языках.

В первом из них он завершается в XIV – XV вв. [СИГТЯ, 2002, 683]. В татарском и башкирском, в которых данный процесс сочетается с расширением и включает и нелабиализованные гласные, интерпретируется как «преломление гласных», которое началось с гласных среднего подъема **o* > *u* и **ö* > *ü* примерно в то же время – в XV в. [Дыбо, Норманская 2013, 8-9, 32].

Также не присущее другим кумыкским диалектам и говорам в отношении редукции узкого нелабиального гласного первого слога [Ольмесов, 1997, 254] кизляр. *блязик* «запаясье» (кум. лит. *билезик* «браслет») с расширением (ср. кизляр. *мыяма* – кум. лит. *мияма* «паук» пратюркского уровня [СИГТЯ, 2006: 184]) последующего, что наблюдается в лишь ограниченном числе слов хасавюртовского говора [см. Ольмесов 1997, 254], поддерживается практически аналогичными по звучанию тат., башк. *бӀлэӀк* тоже обще-, межтюрк. характера [ЭСТЯ, 1978, 143-144]. Наблюдаемая здесь редукция, характерная для чувашского, уральской (поволжской) и канглийской (кыпчакско-ногайской) подгрупп кыпчакских языков [СИГТЯ, 2006, 224] и датируемая древнеболгарским временем до прихода болгар в Поволжье, т.е. с рубежа новой эры до IX в. н.э., в кыпчакских языках, носители которых были ассимилированы булгарами после своего прихода в Волжскую Булгарию в период Золотой Орды, могла развиваться не ранее второй половины XIII и не позже середины XV в. Примерно к началу новочувашского времени, т.е. после XV в., относится ее развитие и в чувашском языке [см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2002, 255-256, 681, 686-687].

В терском диалекте, особенно в рассматриваемом кизлярском говоре, в наибольшей степени распространена *делабиализация* широких и узких гласных, частично известная в некоторых говорах хасавюртовского диалекта. Как следствие, употребление негубных

преобладает в терском и вышеупомянутых кайтагском и подгорном диалектах, объясняясь в последних двух неразвитостью губных передних [оь] и [уь] и ограниченным их употреблением. Переход губных в негубные, как правило, в большинстве случаев осуществляется после первого слога. Причем в кизлярском говоре [у] и [уь] за первым слогом систематически заменяется негубными [ы] и [и], но в бораганском говоре эта замена носит спорадический характер [Ольмесов, 1997, 70-78].

Считается, что *лабиализация* и *делабиализация*, которые распространены в терском, подгорном и кайтагском диалектах, носит ареальный характер и поддерживается территориально близкими говорам и карачаево-балкарского, ногайского и азербайджанского языков [Ольмесов, 1997, 78]. Однако вместе с тем делабиализация имела место в истории ареально отдаленных чувашского и караимского языков, мишарского диалекта татарского языка и касимовского говора, носители которого также являются мишарями.

Кроме того, мишарский с кумыкским сближает полная *делабиализация* *о* и *оь*, которая присуща вышеупомянутым архаическим кумыкским диалектам – терскому и кайтагскому [Гусейнов, 2010, 88]. Не исключено, что рассматриваемая черта могла возникнуть и в новочувашском языке (см. выше) после окончания среднечувашской эпохи к XIV – XV вв., когда началась последняя значительная перестройка вокализма [СИГТЯ, 2002, 686-687]. Что касается караимского языка, то известно достаточно авторитетное мнение Н.А. Баскакова [1974, 6], согласно которому «караимы входили в болгаро-хазарский, узо-печенежский и только позже – в кипчакско-половецкий племенной союз с господствующим кипчакским языком».

Кроме того, мишарский диалект с фонетической точки зрения сближается с кумыкским языком наличием анлаутного *й*-, известным и другим куманским языкам, кроме карачаево-балкарского и иных татарских диалектов, за исключением мишарского. Рассматриваемая черта могла быть привнесена на север от нынешнего региона проживания носителей рассматриваемого говора.

При этом следует принять во внимание, что будущие носители мишарского диалекта (ср. их самоназвание *мажар*, *маджар*, *мажгар*) татарского языка могли продвигаться в XIV в. из одной из областей своего первоначального проживания – Борган–Маджар, в районе нынешней исторической локализации носителей рассматриваемого говора, в Поочье, в район Мещеры, которая вошла в середине XV в. в Касимовское ханство. Здесь они стали известны под названием «*можар*», а затем мишар [Гусейнов, 2011, 33-34].

Не исключено, что под влиянием произносительных навыков древних носителей данного говора, т.е. брагунцев-маджар, в ареально смежном с ним с недавних времен ингушском языке могли развиваться процессы делабиализации и депалатализации [см. Имнайшвили 1977, 109], присущие рассматриваемому говору. Их анализ составит дальнейшую цель работы автора.

Литература

Баскаков Н.А. Предисловие // Караимско-русско-польский словарь. М.: Русский язык, 1974. С. 5-10. {Baskakov N.A. Preface. Karaites Russian-Polish dictionary. Moscow: Russian language publishing house, 1974. P. 5-10.}

Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010. 214 с. {Guseynov G.-R. A.-K. Story of ancient and medieval relationships of the Northeast Caucasus and Daghestan languages with Russian. Mahachkala, 2010. 214 p.}

Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком: автореф. дисс... докт. филол.

наук. М., 2011. 51с. {Guseynov G.-R.A.-K. Story of ancient and medieval relationships of the Northeast Caucasus and Daghestan languages with Russian. Author's abstract of Dr. Sci. (Philology) thesis. Moscow, 2011. 51p.}

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Лексические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном освещении // «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России»: Материалы XVII Всероссийской научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 79-82. {Guseynov G.-R. A.-K. Lexical features of the Kumyk Terek dialect's Kizlyar subdialect in areal light. In: *Topical Problems of the Dialectology of the Languages of the Peoples of Russia: Materials of XVII all-Russia scientific conference*. Ufa: IHLL USC RAC. 2017. P. 79-82.}

Дыбо А.В., Норманская Ю. В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2013. № 4 (11). С. 7-40. {Dyibo, A.V., Normanskaya, Yu. V. Periodization of Turkic loans in the *Finno-Ugor* languages. The *Ural-Altay* researches. 2013. № 4 (11). P. 7-40.}

Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 299с. {Historical and comparative analysis of Nakh languages phonetics. Tbilisi: Metsniereba, 1977. 299 p.}

Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. Махачкала, 1997. 327с. {Olmesov N.H. Comparative-historical research of dialect system of the Kumyk language. Phonetics. Morphonology. Mahachkala, 1997. 327 p.}

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с. {Comparative-historical grammar of the Turkic languages: Moscow: Regional reconstructions. Moscow: Nauka publishing house, 2002. 767 p.}

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с. {Comparative-historical grammar of the Turkic languages: Prototurk language basis. A picture of the world of the Prototurk ethnos according to language. Moscow: Nauka publishing house, 2006. 908 p.}

УДК 16.21.07

Ф. Ф. Ғәниева, Бөрәк

ЫРЫМБУР ӨЛКӘҢЕ ҺАРЫКТАШ РАЙОНЫ БАШКОРТТАРЫНЫҢ ҺӨЙЛӘШ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

В башкирской диалектологии говор оренбургских башкир изучается Т.Г.Баишевым, Дж.Г.Киекбаевым, Р.Г.Азнагуловым, Н.Х.Максютовой и т.д. В данной статье рассматриваются некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности говора оренбургских башкир на примере д. Биктимерово Сарыкташского района. Основные методы исследования – описательный, сравнительный. На основе изложенного можно сделать вывод о том, что носители оренбургского говора, проживающие в плотном окружении русского, татарского и казахского населений, сумели сохранить свой язык.

Ключевые слова: диалект, говор, фонетические особенности, морфологические особенности, лексические особенности.

FEATURES OF BASHKIR DIALECT IN THE ORENBURG OBLAST. *In the Bashkir dialectology the speech of the Orenburg Bashkirs is studied by T.G. Baishov, D.G. Kiekbaev, R.G. Aznagulov, N.Kh. Maksutova and others. In this article some phonetic, morphological and lexical features of Orenburg Bashkirs are considered on the example of the village of Biktimerovo, Saraktash region. The main methods of research are descriptive and comparative. On the basis of the foregoing, we can conclude that the speakers of the Orenburg subdialect, living in a dense circle of Russian, Tatar and Kazakh populations, managed to preserve their language.*

Keywords: dialect, speech, phonetic features, morphological features, lexical features.

Ырымбур өлкәһе башкорттарының телен өйрәнеүгә диалектология фәнендә зур урын бирелгән. Т.Ф.Байышев тәүгеләрҙән булып Ырымбур башкорттарының телен, фонетик үзенсәлектәренә карап, *h* һәм *ç* һөйләшсәләренә бүлә. Артабан Ж. Ф. Кейекбаев, өлкәнең географик урынына карап, Ык-Юшатыр һәм Дим һөйләшсәләренә айырып карай. Р.Ф.Азнағоловтың кандидаттык диссертацияһы тыуған яғы Ырымбур башкорттарының тел үзенсәлектәрен өйрәнеүгә бағышлана. Фонетик, морфологик һәм лексик үзенсәлектәрен иҫәпкә алып, уны Тук, Соран һәм Түбәнге Һакмар һөйләшсәләренә айыра. Н.Х.Мәксүтова, 1975, 1976, 1977 йылдарҙағы экспедиция материалдарына таянып, Ырымбур башкорттары теленә төньяк-көнбайыш һәм көньяк-көнсығыш һөйләшсәләргә бүленеүен иҫбатлай. Безҙең мәкәләбезҙә Ырымбур башкорттары телен классификациялау максаты куйылманы. Ә Һакмар йылғаһы буйында урынлашкан Биктимер ауылы миҫалында уның кайһы бер фонетик, морфологик һәм лексик үзенсәлектәренә байкау яһау бурысы куйылды.

Ырымбур өлкәһе Һарыкташ районының башкорт ауылдары Һакмарҙың түбәнге ағымы буйында урынлашкан булыуы менән Көнъяк диалекттың Һакмар һөйләшсәһе теленә яқын булһа, икенсе яқтан, Эйек йылғаһына яқын булыуы менән Эйек һөйләшсәһе элементтарын да үз эсенә алған. Күренеш айырыуса туғанлыҡ-кәрзәшлек терминдарына караған һүзҙәр төркөмөндә күзәтелә. Мәсәлән, Эйек һөйләшсәһенә хас һүзҙәр: *һылыуым, мыртый, абый, аней, атей*. Шулар уҡ вақытта көньяк диалекттың Һакмар һөйләшсәһенә хас булған *атай, карындаш, апай, әсәй, бейем* һүзҙәре кулланыла.

Һүзҙәрҙең синонимдары йыш осрай. Миҫалдар: *шоморт – муйыл, шәһәр – кала, аней – әсәй, атей – атай, мыртый – кусты – эне*.

Һарыкташ районы башкорттарының теленә хас тормош-көнкүреш һүзҙәре: *усаҡлыҡ, сынаяҡ, диуар (стена), ситән өй, саман өй, өсыяҡ, коймаҡ, ялан аяҡ, мөндәр, силәк, түпешләү (тукмау), бескәк (синица), сыпсыҡ (воробей), кәрешкә (торна борсағы), езей (боярышник)*.

Фонетик үзенсәлектәре

Әзәби телдәге *o, a* һузынқылары урынына *ы, е* менән һөйләшеү киң таралған: *башкырт (башкорт), йырлы (йырлай), шундый (шундай), эшлей (эшләй)*. Шулай за әзәби телдәгесә *башкорт, шундай* тип һөйләшеүселәр бар. Ирен һузынқыһы *у* урынына *ө* өнө кулланылып, ирен гармонияһы үткәрелә: *гөмөр (гүмер)*.

Әзәби телдәге *ул* зат йәки күрһәтеү алмаштарында *у* өнө урынына *а* өнө кулланыла: *аның, анда, анан, аларҙан...*

Айырым һүзҙәрҙә һүз башында әзәби телдәге *б* өнө *м* өнөнә күсә: *мына (бына), мөз (бөз)*.

Һүзгә айырым баһым яһағанда әзәби телдәге *h* өнө урынына *ç* кулланыла: *сәй ясағыз (яһағыз)*.

Һүзҙәрҙең нәзек вариантын кулланыу Һарыкташ районы башкорттары өсөн хас: *бәйрәм (байрам), әсе, әкрөн*.

Һарыкташ районында 2010 йылдағы халыҡ иҫәбен алыу күрһәткестәре буйынса башкорттар башка милләттәрҙән (рус, татар, казак) кала дүртенсе урында тора. Шуға күрә күпселекте тәшкил иткән халыҡтарҙан һүзҙәр үзләштерәү киң таралған. Бындай һүзҙәр өлкән быуын кешеләре телмәрендә лә актив кулланыла. Улар башкорт теленә фонетик үзенсәлектәренә яраклаштырылған: *лум (лом), кәнис (конец), әбизәтелнә (обязательно), инвәлид (инвалид), вис (весь), әсвит (свет), Оренбурза (әз. Ырымбурза)*. Әзәби телдәге *с, h* өндәре урынына татар теленә һәм төньяк-көнбайыш диалекты башкорттарына хас *ч* өнө кулланыу күзәтелә: *чыкканнар (сыккандар), барсын (барһын), укысын (уқыһын)*.

Морфологик үзенсәлектәре

Көнъяк диалекттың сиген билдәләгән төп үзенсәлек – күплек ялғауының һәр осракта -л менән башланыуы. Был морфологик үзенсәлек Ырымбур өлкәһе Һарыкташ районы башкорттары өсөн дә хас: *башкортлар (башкорттар), баллар (балалар), туганлар (туғандар), егетләр (егеттәр), маллар (малдар), сыйырлар (һыйырзар), ерләр (ерзәр), һуганлар (һугандар)*.

-лар/-ләр ялғауы кылым һүз төркөмөнә караған һүзәрзә лә кулланыла: *йөрөйләр (йөрөйзәр), эшләйләр (эшләйзәр)*. Кылымдың билдәһез үткән заман формаһынан һуң -нар/-нәр/ кулланыла: *йөргәннәр (йөрөгәндәр), кигәннәр (килгәндәр), кушканнар (кушкандар)*. Был, шул, ул алмаштары сығанак килеш ялғауын кабул иткәндә -н өнө икеләтә кулланыла: *шуннан (шунан), уннан (унан), быннан (бынан), уннап (унлап)*.

Урын-вакыт килеш мәғәнәһендә -ны/-не ялғаулы төшөм килеш килә: *43-сө йылны атайым һуғышка китә (43-сө йылда атайым һуғышка китә)*.

-лык/-лек, -лы/-ле, -лау/-ләү һүз яһаусы ялғаулары исем, сифат, кылым яһай: *урманлык, ағаслык, һыулы, эшлекле, бәпесләү*.

Теләк һөйкәләшенең -айым/-әйем, -айык/-әйек ялғаулы синтетик формаһы теләкте, берәй эш-хәрәкәттә башкарырға икенсе берәүзә лә сакырыузы, өндәүзә белдерә. Мәсәлән: *Һыу буйына төшкән инем, / Йәшәргән һыуғанларым. // Йәшәргән һыуғанлар кеүек / Йәшәйек, тыуғанларым. (Информант Флүрә Изитуллина – Хозайғолова)*.

Кылымдың -сын/-сен (-һын/-һен) бойорок һөйкәләше ялғауы изге һәм карғышлы теләк мәғәнәһендә кулланыла: *Укы, бала, укы син, / Укысаң, син, табарсың, / Ташка казак кагарсың. // Тырыш, балам, укырға. / Кара күңелең агарсын (Информант – Фирзәүес Ишмырза кызы Ишкыуатова (Котлогәлләмова)*.

Якын кешеңдә һөйләгәндә йәки уға өндәшкәндә әйәлектәң -ым/-ем 1-се зат ялғауын кулланып һөйләү киң таралған. Мәсәлән: *кызым, улым, әсәйем, әнейем*.

Һөйләү телмәрендә билдәһезлектә белдерәүсә ней киҫәксәһен кушыу бар: *теге ней, теге ней тураһында...*

Кәзәр, сеп-сей, зерә киҫәксәләре артыктык дәрәжәһен белдерәүзә кулланыла: *шул кәзәр матур, шул кәзәр оҫта, зерә һәйбәт, сеп-сей башкырт*. Сифаттың артыктык дәрәжәһен көсәйтеү өсөн кайһы бер сифаттарзың һуңғы ижеге һузылып әйтелә: *Шул кәзәрәм матууур, бик зууур, бик якшыыы*.

Ғөмүмән, Ырымбур өлкәһе Һарыкташ районы башкорттары бөгөн рус, татар, казак халыктары менән тығыз мөнәсәбәттә йәшәүзәренә карамастан, үз телдәрен һахлап кала алғандар. Халыктың үзәрә әйтеүенсә, был телдәр бер-береһен тулыландырып кына тора.

Литература

Ганеева Г.Г. Язык башкир Оренбургской области (на примере языка башкир деревни Биктимерово Сарыкташского района) // Филологическая наука: история, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, РИЦ БашГУ, 2017. С. 29-31. {Ganeeva G.G. The language of Bashkir in Orenburg region (by the way example of Bashkir in Biktimerovo country, Saraktash district). Philological science: history, modernity, perspectives: Materials of the International scientific-practical conference. Ufa, RIS BSU, 2017. P. 29-31.}

СПАРТАК ИЛЬЯСОВ ӘСӘРЗӘРЕНДӘ ДИАЛЕКТИЗМДАР

В данной статье исследуются диалектизмы в произведениях прозаика Спартак Ильясова. Наличие диалектизмов, присущих миасскому говору восточного диалекта башкирского языка, свидетельствует о том, что писатель владеет и умело пользуется богатой лексикой башкирского языка.

Ключевые слова: диалектизмы, миасский говор, прозаик, башкирский язык.

DIALECT FEATURES IN THE WORKS OF SPARTAC ILYASOV. In this article dialectisms are studied in the works of the prose writer Spartak Ilyasov. The presence of dialectisms inherent in the Miass subdialect of the Eastern dialect of the Bashkir language means that the writer has a rich vocabulary of the Bashkir language and skillfully uses the latter.

Key words: dialectism, Miass subdialect, prose writer, Bashkir language.

Тел – һәр халықтың быуындан-быуынға тапшырыла килгән рухи хазинаһы ул. Тел йәшәй икән, тимәк, халык та йәшәй. Шуға күрә телебезҙең бар нескәлектәрен, халык ижадының асыл өлгөләрен киләһе быуындарға еткерәү зә, һәр ерлеккә генә хас булған һөйләш үзенсәлектәрен һаҡлап калыу за безҙең төп бурысыбыз булып тора.

Белеүебезсә, диалект тип эҙәби телдән ниндәйҙер һызаттары менән айырылып торған ерле телде атайҙар. Грек теленән тәржемә иткәндә, диалект һүзе 'һөйләү, аңлатыу' тигән мәғәнәне белдерә. Барлык үсешкән телдәрҙең үз һөйләше, диалекттары булыуы барыбыҙға ла билдәле. Һәр диалект бер-береһенән үзенсәлекле, кабатланмаҫ булыуы менән айырылып тора.

“Биғылй”, “Колой кантон”, “Барын-Табын хәтерә”, “Яраһаз яралары”, “Олатайҙар тотқан коралдар” китаптарының авторы Спартак Ильясов әсәрзәрендә диалектизмдар йыш осрай. Языусы Учалы районының Корама ауылында тыуып үскән, ғүмер буйы тыуған төйәгенә тоғро калған. Шуға ла ул үз ерлегенең һөйләш үзенсәлектәрен төплө белә һәм уларҙы китап уҡыусыларға зур оҫталыҡ менән еткерә.

Спартак Ильясовтың әсәрзәрендә көнсығыш диалекттың мейәс һөйләше һүззәре кин кулланыла: *вәжиүәт* 'мәғәнә', *бөгәжә* 'аҫма лампа элә торған ырғаҡ', *ураза* 'капка эсе', *машак* 'башак', *лазым* 'якшы', *шышыу* 'ағартыу', *токан* 'тупаҫ', *әзәргеләнәү* 'екеренәү', *мәшкә* 'бәшмәк', *тәртнә* 'тәртә', *ығырмау* 'үңербау' һ.б. Миҫал: *Бер һелтәүҙән ары китә алмаҫ, асыуым килмәһә, – тип, бик әзәргеләнде кантон начальнигы* [Ильясов, 2012, 75].

Көнсығыш диалекттың мейәс һәм кызыл һөйләшенә караған *бикәр* 'бөтөнләй', *болашмак* 'шаярыу', *биза* 'бик', *һылтыклау* 'акһаклау', *базрау* 'базлау', *түпрә* 'сүпрә', *дәхел* 'катнашлыҡ' һүззәре лә языусы ижадында урынлы кулланыла. Миҫал: *Юғиһә, ул аксаны кантонлыҡ халкының хезмәтенә бер дәхеле лә булмаған кеше йотоп торасак* [Ватандаш, 2012, 90].

Мүлдәргә (мейәс, салйоғот) 'бөлдөргә', *балдар* 'балалар', *борок* (мейәс, ғәйнә, әй) 'һис бер', *дүңгәк* (дим, кызыл, мейәс, төһъяк-көнбайыш, урта, әйек-һакмар) 'түңгәк', *картатай* (дим, ғәйнә, кызыл, мейәс, нөгөш, тук-соран, урта, урта-урал, һакмар, төһъяк-көнбайыш диалекты) 'олатай', *үңер* (мейәс, ғәйнә, кызыл, урта) 'түбә', *тупыс* (мейәс, кызыл, әйек-һакмар) 'бармакһыз кеше', *карыу* (дим, урта, һакмар) 'яуап', *тәгәс* (арғаяш, мейәс) 'туҫтаҡ', *текмә* (мейәс, кызыл, төһъяк-көнбайыш диалекты) 'койма', *сауыл* (мейәс, кызыл, кар, салйоғот, әй, әйек) 'ауыл', *куһай* (арғаяш, мейәс салйоғот, ырғыз) 'ер үлсәй торған сажин озонлоғондағы таяҡ', *шый* (арғаяш, мейәс, урта, кызыл, һакмар) 'ботакһыз озон ағас' тигәнде аңлата. Был һүззәр автор ижадында кулланылыш табып, әсәрзәрен үзенсәлекле балкытып ебәр ә. Миҫалдар: *Һыйырҙы, Еңмеште, Тарасты карап торогоз борок, - тип әллә кушты,*

алла һораны [Ильясов, 2016, 207]. *Капканга эләгеп, алгы һул аягының урта бармагын өзсөрөп, инде төзәлһә лә, акһап калған зур, озон инә бүре тау үңеренә өйөлгән кар һырынтыһының өстөндә ултыра ине* [Ильясов, 2016, 247]. *Был һарай бынан 10-12 йыл элек, бөтә башкортка казаклык, гәскәрилек иглан ителгәс үк, бағаналары йыуан карагастан ултыртылып, аркылы кәртәләре озон шыйзан, йә карагай, йә әрселгән кайындан һалынған ине* [Ильясов, 2012, 77].

Диалектизмдар телебеззе әленән-әле яны һүззәр менән байытып, тулыландыра бара. Спартак Ильясовтың әсәрзәрәндәге диалект һүззәр языусы әсәрзәрән һутлы һәм укымлы итә. Әсәрзәрәндә быға тиклем әзәби телдә күренмәгән һүззәр зә байтак. Әзип башкорт теленән көнсығыш диалектының үзенә генә хас һызаттарын, кабатланмас булыуын үз ижады миһалында асып һала.

Ғалимдар иһбатлауынса, бала карында сакта ук әсә кешенән һөйләшеүе аша үз телен, һөйләш үзенсәлектәрән, йәғни диалектын да аңына һендерә бара икән. Шуға күрә лә телебеззәң һәр диалектын һәм уның һөйләштәрән һаклап калыу, әзәби телде диалекттарыбыззың асыл һүззәрә менән байытып тороу – беззәң бұрысыбыз.

Әзәбиәт

Башкорт теленән диалекттары һүзлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 бит. {The dialectological dictionary of the Bashkir language. Ufa: Kitap, 2016. 460 p.}

Ильясов С. М. Биғылыһ: роман, повестар, хикәйәләр. Өфө: Китап, 2016. 460 бит. {S. Ilyasov. Bigylyj (novel, long stories, stories). Ufa: Kitap, 2016. 460 p.}

Ильясов С.М. Колой кантон. Тарихи-документаль повесть // Ватандаш. 2012. №4. 30-84-се биттәр. {S. Ilyasov. Kului Canton. Historical and documentary story. The Vatandash. 2012. No. 4. P. 30-84.}

Ильясов С.М. Колой кантон. Тарихи-документаль повесть // Ватандаш. 2012. №4. 72-108-се биттәр. {S. Ilyasov. Kului Canton. Historical and documentary story. The Vatandash. 2012. No. 4. P. 72-108.}

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. Москва: Наука, 1976. 291 с. {Maksutova N.Kh. Eastern dialect of the Bashkir language. Moscow: Nauka, 1976. 291 p.}

УДК 80:821.512.141'28

Г. И. Иждәүләтова, Стәрлетамакк
(гилми етәксәе – ф.ф.к., доцент М. С. Арыҫланова)

РӘШИТ СОЛТАНГӘРӘЕВ ӘСӘРЗӘРЕНДӘ ДИАЛЕКТ ҺҮЗЗӘР

В статье исследуются диалектизмы, использованные в некоторых произведениях известного башкирского писателя Рашита Султангареева. Писатель умело использует диалектизмы из среднего и ик-сакмарского говоров южного диалекта башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, писатель, диалектизмы, южный диалект, средний говор, ик-сакмарский говор.

DIALECT IN THE WORKS OF RASHIT SULTANGAREEV. *This article examines the dialect used in some works of the famous Bashkir writer Rashit Sultangareev. The author skillfully uses dialectics from the middle and ik-sakmarsky subdialects of the southern dialect of the Bashkir language*

Keywords: Bashkir language, writer, subdialect, southern dialect, the middle subdialect, Ik-sakmarskiy subdialect.

Рәшит Солтангәрәев әсәрзәре тураһында фәнни хезмәттәр, тикшеренеүзәр булыуға карамастан, язуысы яратып кулланған тел байлығы тураһында күзәтеүзәребез менән бүлешмәксебез. Сығышы менән Башкортостандың Көйөргәзе районы Таймаҫ ауылынан булған язуысы үз әсәрзәрендә башкорт теленең лексик байлығын яратып, сикһез зур һөйөү менән урынлы итеп куллана. Мәсәлән, Муса Мортазин тураһында язған әсәрәндә диалектизмдарзы барлап, шундай миҫалдар таптык: ... *Күбеһе русса түгел, төркисә лә укый, яза белмәгән, гәскәргә тик көсө, оһоллого, атта оҫта йөрөй, кылыс менән өзә саба, мылтыктан тура ата алғаны һәм, бөтәһенән элек, еребез өсөн, башкорт халкы өсөн һуғышабыз, тип килгән егеттәр шулай уйлай һәм командирзары өсөн утка ла, һууга ла инергә әзерзәр* («Осто бөркөт»). Әзәби телдә *оҫолло* – сифат, эшкә оҫта, йәтеш итеп, яйына килтереп эшләй белеүсә [БТА, II, 1993, 54]. Фонетик сиратлашыу *оҫолло* - *оһолло*. Диалектологик һүзлектә *оҫол*, *оһол* (урта, әйек-һакмар) – *таҫыл* ‘сноровка’. *Һәр эштә оһол гәрәк* (әйек-һакмар). *Осол* (каризел) [ДСБЯ, 2002, 254]. Күреүебезсә, Р. Солтангәрәев әсәрәндә был һүззең *һ* өнлө вариантын кулланған.

Билдәле һүзе урынына ла язуысы *таныулы* һүзен файзаланған: *Артынан килгән һыбайлылар за* – *таныулы егеттәр, һәр береһе биш-алты казакка торорлок башқиҫәр* («Осто бөркөт»). *Таныулы* (әйек-һакмар) *с. билдәле* – *знакомый*. *Таныулы йәнлек түгел* [ДСБЯ, 2002, 304]. Автор *билдәле* сифаты урынына *таныулы* сифатын кулланып, геройын бөтә башкорт та таний, тип әйтмәксә. *Билдәле* тиһә, һөйләм бер ни тиклем үз мәғәнәһенең тулылығын кәметер, икенсә төрлө яңғырар ине.

Көнһәк диалектта йыш ораған *яман* сифатын да Р. Солтангәрәев тап халыкса, уға стилистик бизәк биреп куллана: *Бигәрәк яман тотта ла үзен, етмәһә, әллә күпмә һыбайлы менән килгән* («Осто бөркөт»). Бында *яман* ‘уҫал’ мәғәнәһендә килә. *Өйө лә бик тынсыу, ахырыһы. Көндөз яман кызырғайһы* («Яғылмаған мейәс»). Был һөйләмдә *яман* ‘үтә, нык’ көсәйтеү мәғәнәһендә килгән. Диалектологик һүзлектә *йаман* (арғаяш, мейәс, урта, әй) *рәүеш, Бик, бик нык, үтә* – *очень, слишком... Алар йаман байыған* (урта) [ДСБЯ, 2002, 110]. *Бөтөнләй икенсә уйза торған кешегә был һүззәр яман бәрелде, күрәһең* («Курай»).

Көрәшеү, һуғышыу һүззәре урынына язуысы халыксан *айкашыу* һүзен куллана: *Хәтәр бит: ошо гәрәсәттә башкорт гәскәргәре һин дә мин айкашып йөрөй!* («Осто бөркөт»). *Айкашыу* (кызыл). 1. *Һырығыу* – *прижаться. Миңә айкашып йокларға булды.* 2. (әйек) *Мәшәкәтләнеү* – *возиться. Без ней, теләһә ней белән айкашып, изәнде лә йыумайбыз.* 3. (кызыл) *Һүз көрәштерәү* – *спорить.* 4. (мейәс) *Һүзгә кысылыу* – *вмешиваться в разговор.* 5. (арғаяш) *Талап итеү* – *требовать, настаивать* [ДСБЯ, 2002, 15]. Бында *айкашыу* ‘көрәшеү’ мәғәнәһендә. Язуысы һүззе урынлы куллана, күз алдына бил һынашырға сыккан ике көршәсә килеп баҫа: *Колчак үзе лә, гәскәре лә төп Рәсәй менән айкаша ла, еңә ла алмаясак* («Осто бөркөт»).

Әсәрзә *кара* һүзе аша автор төрлө мәғәнәләргә бирә. Ул төҫтө: *Киске урамда арттарынан кара тузан күтәрелде;* күмәк көстө белдерә: *Ибраһим фармандарын башкортса һәм шым гына бирә, ә егеттәр бер орандан ук кылыстарын кынынан һурып сыгарып кара яу асырға әзер тора* («Осто бөркөт»).

Каткыл сифаты *катырак* урынына: *Хозайға рәхмәт, таза кәүзәле йәш егет газәпланмай гына бирзе йәнән* – *ике кулын ике якка йәйеп, язгы каткыл карға ятты ла куйзы* («Осто бөркөт»). Диалектологик һүзлектә: *каткыл* һүзенең өс мәғәнәһе бирелгән, язуысы был һөйләмдә түбәндәгә мәғәнәһә аса: *каткыл I* (урта, һакмар) р. 1. *Катырак* – *тверже. Кайһы һыйырзың имсәгә каткыл була* (урта). *Һәзер икмәк каткыл була, мис табанына һалып бешерһәң, барлы була* (һакмар). 2. (әйек) *Катырак* – *жестче. Акбаш үлән каткыл була* [ДСБЯ, 2002, 192].

Рәшит Солтангәрәев башкорт лексикаһын һүзәр менән дә тулыландыра, мәсәлә: *Хәйер, ауылдан сыккан был хыялбай егет бынан ике йөз йыл самаһы элек бер рус офицерының, кайзальр Уралда башкорт восстаниеларын баһтырғас, бер башкорт малайын сукындырып, уға Иван Баширцев исемен биреуен, үзенең ошо токомдан сыккан кеше икәнен кайзан белһен инде («Осто бөркөт»)*. Хыялбай һүзе ике өлөштән тора – хыял һәм бай, йәғни хыялға бай кеше: *Тәбиғәте менән гәзел, хыялбай егет бындағы башкорттарға уғата кызыкһынып карай һәм уларҙы нимәһе өсөндөр якын күрә ине («Осто бөркөт»)*. Хыяллы түгел, ә хыялбай, ти автор үз персонажы тураһында яратып.

Языусы бәхилләп куйыр һүзбәйләнешен ‘ризалатыу’ мәғәнәһендә куллана: *Ярар, Хәсән алып кайткан бүләктәрҙән өлөш сығарып, бәхилләп куйыр («Киәмәтлек кейәү»)*. Диалектологик һүзлектә: *бәхил булыу* (урта) к. ‘риза булыу’ – согласиться. *Мырзакайзы бер күрһәм дә бәхил булыр инем*. Бәхилләтеү (дим) к. ‘ризалык алыу’ – получить согласие [ДСБЯ 2002, 72].

Шулай итеп, Рәшит Солтангәрәевтың «Осто бөркөт», «Курай», «Киәмәтлек кейәү», «Яғылмаған мейес» әсәрҙәрәндә кулланылған кайһы бер диалект һүзәрәненә күзәтеү яһанык. Миһалдарҙан күрәненә, языусы йышыраҡ көньяк диалекттың эйек-һакмар, урта һөйләштәрәненә хас һүзәрҙе кулланып, әсәрҙәрән халыҡсан лексика менән бизәй, һөйләмдәрҙең йөкмәткәһен яңыса аса. Шулай ук языусы *кара* һүзе аша төрлө мәғәнә төсмөрҙәрән биреүгә ирешә, башкорт телен яңы һүзәр менән байыта.

Әзәбиәт

Башкорт теленәң аңлатмалы һүзлегә: Ике томда. М.: Русский язык, 1993. Т. II. 816 бит. {Dictionary of the Bashkir language. in two volumes. Vol. 2. Moscow: Russkiy jazyk, 1993. 816 p}

Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с. {Dialectological dictionary of the Bashkir language. Ufa: Kitap, 2002. 432 p.}

Солтангәрәев Р. Һайланма әсәрҙәр. Өфө: Китап, 2011. 216 бит. {Sultangareev R. Selected works. Ufa: Kitap, 2011. 216 p.}

УДК 930.25

М. Ю. Киселев, г. Москва

ФОНД Н.К. ДМИТРИЕВА В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ВЗГЛЯД АРХИВИСТА

В статье представлена информация о документах личного фонда Н.К. Дмитриева, хранящихся в Архиве Российской академии наук: биографических материалах, материалах о научной и педагогической деятельности, фотографиях, письмах и материалах об ученом. Приведены сведения о новых поступлениях документов в фонд ученого.

Ключевые слова: Н.К. Дмитриев, история, документы, архив, Российская академия наук.

THE FUND OF N.K. DMITRIEV IN THE ARCHIVES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: THE LOOK OF AN ARCHIVIST. *The article presents information about the documents of the personal fund of N.K. Dmitriev, stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences: biographical materials, materials on scientific and pedagogical activity, photographs, letters and materials about the scholar. Information on new documents received to the fund of the scholar is presented.*

Key words: N.K. Dmitriev, history, documents, archive, Russian Academy of Sciences.

Архив Российской академии наук (РАН) по праву остается одним из старейших и крупнейших архивохранилищ России, в котором хранятся фонды Академии наук и ее учреждений и организаций, фонды личного происхождения ученых, коллекции документов

по истории науки и культуры XIX-XXI вв. В Архиве Российской академии наук в Москве отложился фонд Николая Константиновича Дмитриева — видного советского языковеда-тюрколога, доктора филологических наук (1938), профессора (1930), члена-корреспондента АН СССР (1943), члена-корреспондента (1944) и академика (1945) Академии педагогических наук РСФСР, заслуженного деятеля науки Туркменской ССР (1950).

Документы (россыпь) Н.К. Дмитриева поступили в Архив АН СССР 24 сентября 1964 г. от заведующей сектором иранских языков Института языкознания АН СССР Росторгуевой Веры Сергеевны в количестве четырех связок. В 1971 г. документы прошли научное описание, фонду был присвоен № 1568, составлена опись № 1 объемом 127 единиц хранения за период 1916-1955 гг. [Архив]. Документы в описи систематизированы по следующей схеме:

1. Научные труды (монографии, статьи, тексты и тезисы выступлений, наброски научных трудов);

2. Биографические материалы (личные документы, поздравительная корреспонденция по поводу юбилеев и правительственных наград);

3. Материалы научной и педагогической деятельности (индивидуальные отчеты о проделанной работе, характеристики и отзывы о научной работе ученого для выдвижения его в члены-корреспонденты, справки с мест работы);

4. Фотографии (во время научных командировок, со студентами и на досуге);

5. Письма к ученому;

6. Материалы об ученом (статьи в прессе о жизни и научной деятельности ученого, некрологи и телеграммы соболезнования от сослуживцев, друзей и родных семье покойного).

Информация о научных трудах ученого достаточно полно освещена в сборнике статей к 100-летию Н.К. Дмитриева [Благова, 2001, 227-254]. Как следует из исследования сотрудника Института языкознания РАН, большая часть научного наследия Н.К. Дмитриева опубликована. Обратимся к другим документам ученого, сохранившимся в фонде Архива РАН, которые дают разностороннюю характеристику Н.К. Дмитриева как человека, педагога и выдающегося деятеля науки и культуры.

Среди личных документов сохранились: метрическая выписка о рождении 28 августа 1898 г. (заверенная копия от 30 сентября 1918 г.); аттестат зрелости (заверенная копия от 1 июня 1916 г.) подлинник зачетной книжки студента историко-филологического факультета Московского университета (август 1916-1920 гг.); подлинник вида на жительство (3 сентября 1918 г.); подлинник удостоверения об окончании историко-филологического факультета МГУ (1 октября 1920 г.); подлинник свидетельства об окончании Института востоковедения (26 июня 1922 г.); подлинник свидетельства об окончании курсов иностранных языков по коммерческой корреспонденции (1923 г.); подлинник удостоверения коллегии Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при МГУ (6 июня 1925 г.).

Заслуживают внимания документы Н.К. Дмитриева, относящиеся к его трудовой деятельности: подлинник аттестата профессора (21 февраля 1930 г.); 11 удостоверений и пропусков с мест работы и членстве в научных обществах (1930-1954 гг.); диплом доктора наук, выписки из протокола Высшей аттестационной комиссии об утверждении в звании профессора от 5 февраля 1938 г. (22 июня 1948 г.); две трудовые книжки (13 февраля 1939 г. – 27 марта 1954 г.); список научных трудов (не ранее 1942 г.); подлинники диплома и удостоверения члена-корреспондента, постановление Общего собрания АН СССР (29 сентября 1943 г.); автобиография и личный листок по учету кадров (1943-31 декабря 1949 г.); подлинник удостоверения действительного члена Академии педагогических наук РСФСР и

извещение об избрании (8 сентября 1945 г.-5 июля 1950 г.); медицинская карточка (1950 г.); копия свидетельства о смете (31 декабря 1954 г.).

Заслуги ученого были отмечены: Почетной грамотой Верховного Совета Дагестанской АССР за активное участие в культурном строительстве (22 ноября 1945 г.); Почетной грамотой и удостоверением заслуженного деятеля науки Башкирской АССР (19 июля 1947 г.); Почетной грамотой заслуженного деятеля науки Туркменской ССР (20 февраля 1950 г.); Почетной грамотой заслуженного деятеля науки Чувашской АССР (29 мая 1953 г.).

В комплекс юбилейно-поздравительных документов вошли: поздравительные телеграммы по поводу избрания членом-корреспондентом АН СССР (октябрь 1943 г.); поздравительные телеграммы, письмо и адреса по поводу 50-летия со дня рождения (1948 г.); поздравительные телеграммы в связи с присвоением звания заслуженного деятеля науки Башкирии и Туркмении (март 1950 г.); поздравительный адрес коллектива сотрудников Института национальных школ Академии педагогических наук РСФСР по поводу присвоения звания заслуженного деятеля науки Чувашской АССР (4 июня 1953 г.); поздравительные телеграммы по поводу награждения орденом Ленина (29 марта 1954 г.).

Среди документов о научной и педагогической деятельности можно отметить: краткий отчет о работе лингвистического отряда Туркменской экспедиции АН СССР (1930 г.); справки Ленинградского и Московского университетов, приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР об утверждении профессором и заведующим кафедрой тюркской филологии университетов (3 июля 1932 г. - 24 сентября 1952 г.); выписка из протокола Ашхабадского педагогического института и Туркменского государственного университета о выдвижении кандидатуры ученого в действительные члены АН СССР (12 июля 1946 г. – 25 сентября 1953 г.); черновой набросок отчета ученого о работе в Институте языка и мышления АН СССР (1946-1950 гг.); заверенная копия постановления Президиума АН СССР об утверждении ученого в составе Бюро Отделения литературы и языка АН СССР (23 июня 1949 г.); выписки из приказов и письмо Азербайджанского государственного университета и Министерства просвещения Туркменской ССР о вынесении благодарности ученому за помощь в воспитании национальных кадров (28 января 1950 г. – 20 ноября 1954 г.).

Особый интерес представляют фотографии, отложившиеся в фонде ученого: 24 фото Н.К. Дмитриев в Башкирской экспедиции (1929 г.); фото Н.К. Дмитриева со студентами Ленинградского восточного института (1935 г.); 6 фотопортретов Н.К. Дмитриева (1940-1947 гг.); фото Н.К. Дмитриева с неустановленными лицами в Уфе (декабрь 1940 г.); фото Н.К. Дмитриева со студентами Ленинградского государственного университета (1941 г.); фото Н.К. Дмитриева на юбилее профессора Ф.Ф. Советника (1946 г.); фото Н.К. Дмитриева с академиком С.А. Козыным и неустановленным лицом (2 января 1947 г.); фото Н.К. Дмитриева с языковедами Азербайджана в Баку (10 октября 1947 г.); фото Н.К. Дмитриева на занятиях со студентами факультета востоковедения Азербайджанского государственного университета (11 октября 1947 г.); фото Н.К. Дмитриева среди научных работников Института им. М. Гафури в Уфе (24 марта 1949 г.); фото Н.К. Дмитриева на даче в поселке Опалиха Московской области (10 сентября 1950 г.); фото Н.К. Дмитриева с составителями русско-чувашского словаря М.Н. Алтыновой, С.П. Горским, И.П. Павловым и другими (22 февраля 1951 г.); фото Н.К. Дмитриева за работой (1952-1953 гг.).

Переписка Н. К. Дмитриева немногочисленна: письмо Н. Гускина (ученика ученого) из Полоцка (26 июня 1941 г.); 4 письма академика С.А. Козина из Саратова и Ленинграда (26 апреля 1943 г. – 2 сентября 1953 г.); письмо В.А. Крачковской (жены академика И.Ю. Крачковского) из Ленинграда (не ранее 1951 г.); 5 писем академика И.Ю. Крачковского из Ленинграда и Москвы (24 мая 1944 г. – 27 ноября 1950 г.); письмо академика С.П. Обнорского

(2 декабря 1942 г.); письмо неустановленного корреспондента (возможно его ученицы по МГУ), датированное 26 декабря 1954 г.

Сохранились также документы о Н.К. Дмитриеве: отзыв академика И.Ю. Крачковского о научных трудах Н.К. Дмитриева (1925 г.); вырезки из газет о жизни и деятельности ученого за 1934-1950 гг.; отзыв А. Самойловича о научных трудах ученого (1938 г.); заверенная копия отзыва Зайнашева (г. Уфа) о научных трудах ученого (25 мая 1943 г.); отзыв И.И. Мещанинова о научных трудах действительного члена Академии педагогических наук РСФСР Н.К. Дмитриева (1948 г.); характеристика о научных трудах Н.К. Дмитриева директора Научно-исследовательского института языка и литературы Хакасской автономной области (30 марта 1950 г.); письмо В. Гордлевского в оргкомитет по чествованию Н.К. Дмитриева с одобрением деятельности комитета (22 декабря 1955 г.).

Фонд Н.К. Дмитриева в последние годы пополняется новыми поступлениями. 25 октября 2000 г. старший научный сотрудник Института языкознания Левитская Лия Сергеевна передала в Архив РАН следующие научные работы ученого: заметки в связи со столетием Ф.Е. Корша; о туркменском языке; Гордлевский как фольклорист и этнограф (к ед. хр. 39 фонда); подборка выписок из произведений татарских поэтов; доклад «Очередные задачи башкирской филологии»; тезисы к докладу «Сравнительная характеристика грамматической структуры татарского и русского языков как основа для методики их преподавания»; тезисы к докладу «Принципы составления научной грамматики башкирского литературного языка»; план работы экспедиции по изучению современного литературного и разговорного татарского языка; статья «Л.З. Мсерианц» (к ед. хр. 57 фонда; отчет о деятельности научного сотрудника второго разряда Н.К. Дмитриева; ответ научной характеристики «Академик Федор Евгеньевич Корш»; балкарский язык; заметки, наброски на отдельных листах, лекций Н.К. Дмитриева в записи его студентов (5 тетрадей); о взглядах Н.Н. Поппе.

В составе поступивших документов можно отметить: оттиск Э.В. Севортыяна «Советская тюркология в последидискуссионные годы» с дарственной надписью Н.К. Дмитриеву; оттиск с дарственной надписью жене Н.К. Дмитриева; газетные вырезки с упоминанием Н.К. Дмитриева; воспоминания В. Майногашевой о Н.К. Дмитриеве; удостоверение Н.К. Дмитриева о командировании в Туркмению (1930 г.); расписание занятий Н.К. Дмитриева в Институте востоковедения; афиша лекций в Азербайджане; фотография матери ученого – Е.А. Дмитриевой; письма Н.К. Дмитриеву от Сердейченко и Цветилова.

Кроме того, 15 мая 2006 г. ведущий научный сотрудник-консультант Института языкознания РАН Благова Галина Федоровна передала в Архив РАН: список литературы по туркменскому языку (автограф); краткий отзыв о кандидатской диссертации Г.Ф. Благовой (авторизованная машинопись); оттиск статьи Н.К. Дмитриева «Ксения Савельевна Капергалева»; рецензия на сборник к 100-летию Н.К. Дмитриева; книга В. Гордлевского «Государство сельджуков Малой Азии» с пометами Н.К. Дмитриева (М., 1941 г.).

После проведения научного описания вышеуказанных документов, переданных в Архив РАН, они будут доступны исследователям. В 2009 г. в Архиве РАН была создана база данных «Учет и каталог», которая в 2013 г. включена в информационную систему «Архив РАН» (ИСАРАН). В 2015 г. ИСАРАН размещена на портале «Mnemosyne» в сети Интернет. В разделе «Персональный состав» ИСАРАН размещена информация о Н.К. Дмитриеве: три фотографии; биографическая справка, составленная на основе архивных документов, список научных трудов за 1912-1953 гг. Кроме того, личные дела Н.К. Дмитриева хранятся как в Архиве РАН в Москве [Архив], так и в его Санкт-Петербургском филиале [Архив], которые являются документами ограниченного использования.

Представленные документы позволят расширить источниковедческую базу о Н.К. Дмитриеве и истории языкознания, могут быть использованы в исследовательской, образовательной и выставочной деятельности.

Литература

Архив – Архив Российской академии наук (РАН). Фонд № 1568, оп. 1, 127 ед. хр. {The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1568, bordereau 1, 127 individual file}

Архив – Архив Российской академии наук (РАН). Фонд № 411, оп. 4а, ед. хр. 107. {The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 411, bordereau 4a, individual file 107}

Архив – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ РАН). Фонд 2, оп. 11, ед. хр. 136. {St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 2, bordereau 11, individual file 136}

Благова Г.Ф. Научное наследие Н.К. Дмитриева в Архиве РАН (обзор) // Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2001. 297 с. {Blagova G.F. The scientific heritage of N.K. Dmitriev in the RAS Archives (a review). In: *Nikolai Konstantinovich Dmitriev. To the centenary of his birth*. Moscow: Nauka, 2001. 297 p.}

УДК 811.512.141 28

Г. Н. Каскынова, Бөрөк

ТУҢ-СОРАН ӘКИӘТТӘРЕ

(Тук-Соран буйы башкорттарының йәнле һөйләү теле һәм әкиәттәре миҗалында)

В статье дается краткая характеристика живого разговорного языка современных оренбургских башкир на основе сказок, записанных в Красногвардейском районе Оренбургской области. Анализируются фонетические изменения в словах в позиции анлаута, исследуется лексическое и морфологическое своеобразие языка сказок.

Ключевые слова: ток-чуранские башкиры, ик-сакмарский говор, лексические особенности, башкиры, волшебные сказки.

TALES OF TUK-CHORAN (Based on fairy tales and colloquial speech of the Tuk-Churansky Bashkirs). *The article gives a brief description of the living spoken language of modern Orenburg Bashkirs, based on fairy tales recorded in the Krasnogvardeysky district of the Orenburg region. Phonetic changes in words in the position of the Anlaut are analyzed, lexical and morphological originality of the language of fairy tales is investigated.*

Ырымбур өлкәһе башкорттарының рухи хазиначлары менән Башкортостан даими кызыкһынып тора. 1961 йылда Кирәй Мәргән, Мөхтәр Сәғитов, Салауат Галин тарафынан ойшторолған фольклор экспедицияһы өлкәнең башкорт ауылдарында эшләй. Был сәфәр тураһында ғалим һәм языусы Кирәй Мәргән үзенә 1964 йылда донъя күргән «Йыр дәфтәре» китабында кызыклы һәм мауықтырғыс итеп һүрәтләй.

1975 йылда Тарих, тел һәм әзәбиәт институтының диалектология бүлеге хезмәткәрҙәре Төйлөгән, Нарыкташ, Кыуандык райондарында эш алып бара. Был юлы ла институт ғалимдары үз йүнәлештәре буйынса бай материал туплай.

2012 йылда «Ырымбур өлкәһенә экспедиция» (№1214-02600) Рәсәй гуманитар фәнни фонды проекты сиктәрәндә Тарих, тел һәм әзәбиәт институтының фольклористика бүлеге хезмәткәрҙәре (етәксәһе Г.В. Юлдыбаева) Кыуандык районында фольклор материалдары йыя.

2017 йылда Башкорт дәүләт университетының Бөрө филиалы тарафынан ошо тарафка ойшторолған ижади сәфәр зә әһәмиәтле һәм яуаплы булды. Беренсе курсты яңы тамамлаған студенттар был экспедицияла катнашты һәм ауыз-тел ижады өлгөләрен йыйыу кеүек мәртәбәле эште үззәре башкарзы. Филология фәндәре кандидаттары, БДУ-ның Бөрө филиалы доценттары Артур Фәткуллин, Гәлиә Гәниева һәм ошо юлдарзың авторы етәкселегендәге экспедицияның әһәмиәте Рәсәй гуманитар фәнни фонды (РГФФ) тарафынан танылды. Экспедиция һөзөмтәләре буйынса Кыуандык һәм һарыкташ райондарында йыйылған ауыз-тел ижады өлгөләрен һәм Тук-Соран буйы башкорттарының әкиәттәрен туплаған йыйынтык сығарылды һәм киң йәмәғәтселеккә тәкдим ителде [Каскынова, Гәниева, Фәткуллин, 2018].

Тук-Соран буйы башкорттарынан язып алынған әкиәттәр беззең кулға көтөлмәгәндә килеп эләкте. Әкиәттәрзең төп нөсхәһен РФА ӨФТҮ Тарих, тел һәм әзәбиәт институтының фольклор бүлегенә тапшырыу иң дөрөс юл булыуын хәбәр иткәндән һуң, уларзы язып алыусы Дилә Буранғоловаға әкиәттәрзе үзебеззә сығасак «Ырымбур башкорттары фольклоры» китабына индереп ебәрергә тәкдим иттек.

Тук-Соран шағирәһе Дилә Дәүләткирәй кызына халык әкиәттәрен йыйып туплау идеяһын Лилиә Мусина тәкдим иткән була. Һораша торғас, Дилә апай апалы-һеңдәле Карлуғас менән Зәримә Буранғоловаларзы таба. Әкиәттәрзе искә төшөрөү бер йыл бара, кат-кат языла. Кағызға төшөрөү тамамланғас, искә төшкәндәр өстәлә. Шул рәүешле апалы-һеңдәле Карлуғас һәм Зәримә апайзарзың картаталары Мағаз Буранғоловтан ишеткән әкиәттәр «Ырымбур башкорттары фольклоры» йыйынтығында урын алды. Әлегә көндә Тук-Соран башкорттарының 10 әкиәте тергезелгән.

Буранғолова Карлуғас Сәлмән кызы әкиәтсе Мағаз картатаһы тураһында ошондай мәғлүмәттәр бирә: «1941 йылғы һуғышта снайпер булып хезмәт иткән картатайым. Снайперзарзы нисәлер сакрым һайын калдырып киткәндәр, кәрәкле генә кешегә атырға. Һалдаттарзы алып китеп барған кәрәкле кешегә аһаң, һалдаттар ни эшләргә белмәй, таралалар», – тип һөйләй ине ул.

Уларзы пленға алғандар, пленға 10 һалдат эләккән. Халык күп булған, әсирзәрзе эшелонға тейәп килтергәндәр. «Килтереп яптылар бер өйгә. Күмәк кеше, төрлө-төрлө милләттән барзар. Бер ергә лә, хатта эшкә лә сығарманылар, ни эшләргә лә белмәнәк. Дин, тормош тураһында һөйләштек. Шунан һуң кемдер: “Әйзәгез, әкиәт һөйләшәйек”, – тигән. Шулайтып, әкиәт һөйләшкәндәр». Тимәк, Мағаз Буранғоловка был әкиәттәр тормоштоң ауыр мәлдәрен еңеп сығырлык көс биргәндәр, тигән һығымта яһарға ерлек тыуа.

Бала сактарында картаталары килгән һайын "әкиәт һөйлә" тип һораусы Карлуғас һәм Зәримә апайзар: «Нишләптер, өләсәйем уның әкиәт һөйләгәнән яратмай ине, тыя ине», – тип тә хәтерләйзәр.

«Акъял батыр» әкиәтенең 1920-1930 йылдарза язып алынған бер-нисә варианты барлығы билдәле. Карлуғас һәм Зәримә Буранғоловалар яззырған вариант асылда башкаларынан әллә ни айырылмай. Ташландык сүлмәк "йоко сүлмәге", Күлуртлар батырзың исеме Уртлар, Уғатар батырзыкы Ук батыр, Ертыңлар батырзыкы иһә Тыңлар батыр буларак тәкдим ителә. «Акъял батыр»зың классик вариантынан һәм әзме-күпме окшашлығы булған «Бузансы батыр» әкиәтенән айырмалы рәүештә Акъялды әсәһе яңғыз үстерә. Тук-Соран башкорттары әкиәтендә изгелек кылыу мотивы алғы планға сығыуы иғтибарзы йәлеп итә.

Хакһыз рәһнетелгән, үгәйһетелгәндәр тураһындағы төрки һәм көнсығыш славян әкиәттәре мотивтарын хәтерләткән «Күк һыйыр», «Куңыр һыйыр» кеүек әкиәттәребез рәтенә «Кара һыйыр» әкиәтен өстәй Мағаз Буранғоловтың зирәк зихенле, теремек хәтерле еһәнсәрзәре. «Башкорт халык ижады. Хрестоматия» [Хөсәйенова, 2005] уқыу

кулланмаһында басылған «Куңыр һыйыр» әкиәтенә карағанда «Кара һыйыр»зың йөкмәткеһе байыраҡ, күләм йәһәтенән дә зурыраҡ. Кара һыйыр алтын урманының хужаһы булған кара үгеззән һөзөлөп үлемгә дусар ителгәс, ике бөйөрөнән сыккан ике көсөктән Ғәлиҙең юлдаштары булып калыуы мотивы йорт малының хужаһына тоғролоғо тураһында һөйләһә, бакыр һәм көмөш урмандары үгеззәрен кара һыйырзың еңеүе изгелектән яуызлыҡты еңерен хәбәр итә. Икенсе яктан Ғәлиҙең апаһы Хәзисәнән еңелеренә ишара кеүек тә кабул итергә була.

Әкиәттә өслөк принцибы һаклана: кара һыйыр үгеззәр менән өс тапкыр алышка инә, Ғәли торна өс тапкыр торколдап үткәнсе мунса яғып, йыуынып өлгөрөргә тейеш була.

Ун ике һанының да хәл иткес, абруйлы һан булыуы күзгә ташлана ошо уҡ әкиәттә: *«Шул арала ун ике батша егеттәре йыйылып Һариза язалар. Ун ике батша егете кул куя»* («Кара һыйыр»).

«Аты башын әйеп, уйға калып, ауыр ғына тын алып:

– Был бик ауыр эш. Һин шулай за батшаға барып әйт. Иртәгә ун ике үгез тиреһен әзерләһен, – ти» ("Тылсымлы алма").

«Кара һыйыр» әкиәтендә тиң никах принцибы алға һөрөлә: Ғәли, батша кызы Әминә һылыу менән никахы таркалғандан һуң, матур ғына, аҡыллы ғына йәтим (әзәби телдә етем) кызы осратып ғәилә қора.

Кара һыйырзың ике бөйөрөнән сыккан ике көсөк «Башҡорт халыҡ әкиәттәре» китабына [Башҡорт халыҡ әкиәттәре, 1984] индерелгән «Кара көсөк» әкиәте мотивын иҫкә төшөрә.

Ғөмүмән, Тук-Соран әкиәттәре бөтөн бер серияны ла барлыкка килтергәндәй: бер әкиәттән тәбиғи рәүештә икенсе әкиәт ағып сыға төслө. Мәҫәлән, Кызыл Гвардия районы башҡорттарының хәтер һандығында «Кара көсөк» мотивтарын кабатлаған «Нәркәс һылыу» әкиәте лә бар. «Кара көсөк»тә байзың дүрт катыны булып, олоһо йөз кабырғалы йөз турғай атып йөз хезмәтсене туйзырырырға, икенсеһе комдан итек һуғырға, өсөнсөһө бет тиреһенән бейәләй тегергә, иң йәше алтын башлы, ынйы тешле, көмөш сәсле ике ир бала табырға вәғзә биреп кала. Мағаз Буранғоловтың ейәнсәрзәренән язып алынған «Нәркәс һылыу» әкиәтендә иһә оло катын алтын епле билбау, уртансыһы алтын епле елән әзерләргә, Нәркәс һылыу алтын тешле, алтын сәсле бер кыз, бер ир бала табырға ниәтләй. «Кара көсөк» әкиәтендә улдарын юғалтқан йәш катын илай-илай көсөктә имезеп һалһа, безҙең вариантта көсөктәр тураһында башкаса һүз кузғалтылмай. Игезәктәрҙе тәрбиәләп үстергән әбей менән бабайзың кара мүскәһе ярзамсы ролен үзенә ала. Кара көсөк алтмыш қолас ала бейәне, гәүһәр-якуттарзы, иң мөһиме – ынйы тешле, көмөш сәсле ике ир баланы әсәләренә алып қайтып бирһә, Нәркәс һылыузың улы, кара мүскә биргән мәғлүмәт буйынса, Кара диңгез аръяғындағы алтын яллы, алтын қойроқло атты, алтын қәмәлә йөзөп сығып сәсен тараған аҡыллы ен кызын, алтын емешле, көмөш япраклы алмағасты үзе алып қайта. Был хәлдә ике әкиәттәге вақыт арауығының төрлө булыуы менән аңлатып була: «Кара көсөк»тә алтын башлы, ынйы тешле, көмөш сәсле малайзар әсәләренә мөгөзгә һалынған һөтөн әсеп қарап, илап-илап йоклап қитәләр, ә Нәркәс һылыузың балалары буй еткереп, үз аллы донъя көтөрлөк йәштәләр.

Тук-Соран башҡорттарынан язып алынған сираттағы әкиәт «Сатан турғай» тылсымлы әкиәттәр төрөнә қарай. Әбей менән бабай үлеп қиткәс, қустылары Қотлоярзың Нәфисә апаһын қарға батшаһына, Нәзифә апаһын бөркөт батшаһына кейәүгә биреп ебәрәүе апаларын айыуға, бөркөткә, қарағошқа хәләл ефетлеккә биреп ебәрәүсе егет тураһындағы «Езтырнак» әкиәтен хәтерләтә. Қайзандыр қилеп сыккан билдәһез қызға өйләнеп хаталанған Қотлояр «Һыйыр алһаң, тояғына қара, катын алһаң, ырыуына қара» тигән мәқәлдәң һақлығына тағы ла бер тапкыр инандыра. Катындың эткә әйләнеп, яңы ғына күмелгән қәберҙе тырнап асып, қешенәң қәүзәһен алып, өзгәсләп, йолққослап ашауы, йәшел сыбық менән һуғып ирен эткә

әйләндерәүе 1912 йылдан ук билдәле булып, Әхнәф Харисов тарафынан башкортсаға кире кайтарылған [Башкорт халык ижады, 1959] «Ғәжәп-Сәйет» әкиәтәндә Сәйеттең үзе еләк йыйышып йөрөгән кешеләрзән сыбык менән һуғылып кызыл эткә әйләндереләүе мотивын искә төшөрә. Ғәжәп-Сәйет гел генә сит кешеләрзән йәбер күрһә (сихырланһа), Котлояр эткә лә, турғайға ла үз катыны тарафынан әүерелдерелә, азак иһә үзе шәфкәтһез әүернәне атка әйләндереп унан үсен алып куя.

Йәшел сыбык детален ырымбурзарзың ауыз-тел ижады үрнәгендә тағы ла бер тапкыр оскатабыз: «Сәүгән менән Әвелнәғим» әкиәтәндә Сәүгән исемле йәш батшаның, Котлоярзыкы кеүек үк хата ебәрәп, зат-зориятын һорашмайынса өйләнгән катыны йәшел сыбык менән һуғып сихырлау һәләтенә әйә. Катынының сихыры аркаһында ярты кәүзәһе таш булып катқан Сәүгән, төслә балыкка әйләндерелгән кала халкы, стенаны уртаға ярып килеп ингән һәм табалағы балыктарзы кап-кара итеп яндырып сығып киткән кара катын ғәрәп халкының «Балыксы тураһында әкиәт»е [Мең дә бер кисә, 1984] сюжетына барып тоташыуы асык күренеп тора.

Әкиәттәрзә озраған кайһы бер һөйләш үзенсәлектәрән дә карап үтәйек. Кызыл Гвардия районы башкорттарының теле көнъяк диалекттың әйек-һакмар һөйләшенә карай.

Һөйләштең фонетик үзенсәлектәрәнә килгәндә, кайһы бер озрактарза һүз башындағы т өнөнөң д өнөнә күсәүе күренешә һакланып калған: *Каршылағы торған бейек таузың түбәһендә тишек бар, шуның эсендә ен дегермәне* (әзәби телдә тирмән) *бар, шул дегермәндә тартылған ондан көлсә бешереп ашағым килә, туп әйт* («Кара һыйыр»). *Вәзир, кызың ике кулын дүмәргә* (әзәби телдә түмәр) *һалдырып, балта менән шарт иттереп сабып, өзәп китә* («Таңһылыу»).

К өнө урынына **г** өнөнә күсеште, **б** өнөнөң орфоэпия закондарына ярашлы **в** булып килеүен күзәтергә мөмкин: *Был катындың сығып китеүе була, Әвелнәғим килеп керә лә, биләндәге кылысын кынынан һурып алып, гыйфреттең башын сабып өзә лә, гәүзәһен алып сығып, эргәләге тәрән койоға ыргыта* («Сәүгән менән Әвелнәғим»). Күрәүебезсә, бирелгән өзөктә **и** монофтонгыһының **ый** дифтонгыһы буларак яңғырауы күренешенә лә шаһитбыз: **гифрит** һүзе **гыйфреткә** әйләнгән.

Әзәби телдәге калыплашқан **п** өнө **б** килеш һакланған (әйткәндәй, был күренеш Дим буйы башкорттарының телмәрендә лә һакланып килә: себертке): *Бына ятқан һеберткене берәмләп һындырһағыз, һындырып бөтөрөрһөгөз* («Сатан турғай»). Ә **б** өнөнөң иһә **ф** өнө буларак яңғыраш алыуын күрәргә мөмкин: *Ғәли ен кызын ефәк шаршауға урап ала ла, аттың аркаһына һалып, батша һарайына осон кайтып китәләр* («Тылсымлы алма»).

Әзәби телдә лә, диалекттарза ла күптән индә **сынаяк** рәүешендә нығынған һүззәң кызыклы фонетик варианты оспрай Тук-Соран әкиәттәрәндә. *Хәзер мин һинең шәһәрәңдәге кешеләрзә балыкка әйләндерәм, – туп ярты синаяк һыу ала ла, йәшел сыбык менән синаякка, – күл бул, – туп һуға* («Сәүгән менән Әвелнәғим»).

Лексик үзенсәлектәрә. Башкортостан ерлегендә һирәк озраған **сағара / сағыр** (аракы кушылған буза) һүзе "Тылсымлы алма" әкиәтәндә ике төрлө вариантта ла бирелә: *Быныһы һиндәй тәмле эсемлек? – туп, матур һауытка һалып, кызыл сағараны эсеп ебәрә лә, – Ай, калай башым әйләнә, – туп, кулын башына куя ла йығылып китә.*

Аты әйтә:

– Батша алты мискә сағыр әзерләһен, шуларзы тейәп, юлга сығабыз.

Колонсак һүзенәң көлкәс варианты кулланыла: *Иртән торһалар, батшаның катыны ир бала тыузырған, батшаның бейәһе һарайза айғыр көлкәс тыузырған* («Тылсымлы алма»).

Һирәк осраған **күшнә** (кадушка) һүзен дә хәтергә төшөрә Мағаз Буранғоловтың әкиәттәре. *Оло катын менән уртансы катын был ике баланы әйберзәргә төрәләр зә, күшнәгә һалып, уны якшылап казып, һуға ыргыталар* («Нәркәс һылыу»).

Сүмес һүзенәң бирелешә түбәндәгесә: *Хәзисә баһып торған урынынан кузғалмаһтан, дейүзең ауызына бер һүмес һузы коя* («Кара һыйыр»).

Һүз яһаусы –**сы** аффиксының ялғау кушыу кәрәкмәгән үз аллы һүззәргә лә әйәреп килеүе – был осракта гәрәп теленән ингән һүззәң башкортсалаһтырылыуы – күренешен осратабыз. *Кайзан ғына табипһыларзы алып килһәләр зә, уларға береһе лә ярзам итә алмаған* («Хәннән батша»). *Каф тауының әсендә бер табипһы йәшәй, шул табипһыға ғына барығыз* («Хәннән батша»).

Табип һүзе ялғауһыз зә бирелә: *Шәһәр ситендә белемсе генә бер табип әбей йәшәгән була* («Таңһылыу»).

–**лык** ялғауының да кулланылышы иғтибарзы йәлеп итә: *Байтак кына юл үткәс, ете юл сатлығына килеп сыға* («Хәннән батша»).

Рус теленән һәм рус теле аша күптән үзләштерелгән һәм башкортса яңғыраһ алған һүззәр зә кулланыла әкиәттәрзә. *Ғәли фәйтүнгә аттарзы егеп, эттәре Каһшкар менән Алабайзы әйәртеп апаһын алып кайтырға китә* («Кара һыйыр»). *Асайым микән, юк микән тиип уйланып тора ла, ун өсөнсә һарайзы аһып ебәрһә, ни күзе менән күрһен, ун ике сипкә бығауланған дейеү баһып тора, ти* («Кара һыйыр»). *Бер көтөүсә “пшол-пшол” тиип эттәрен кыуып ебәрә лә, был этте үзе менән алып китә* («Сатан турғай»). *Кара мүскә был һүззе ишеткән дә ипләп кенә, шым ғына өстәл аһтынан сығып, өйөнә кайтып китә* («Нәркәс һылыу»).

Каф тауы, Мөһин диңгезе кеүек топонимик атамаларзың урынлы кулланылышы әкиәттәрзәң серлелеген арттыра: *Әй был ни ул?! Мөһин диңгезенең аръяғында ен кызы бар, – ти, – ул кызың матурлығын күреп, кояһи оялып кереп юғала, – ти* («Тылһымлы алма»).

Һөйләштәң морфологик үзенсәлектәре.

Айырым осрактарзә –**лә** ялғауы урынына –**нә** вариантын осратырға мөмкин: *Килеп етеп, Ғәлизең атының аркаһындағы тирене теһинәп, тартып алып, уң яғына ыргытып ебәрә* («Тылһымлы алма»).

Нимә, ниңә буларак нығынған һорау алмаштарының үзенсәлекле кулланылышын да күзәтәбәз Тук-Соран әкиәттәрәндә. *Апай, ауырып киттеңме ни, берәр нәрһә ашағың киләме? – тиип хәлен һораша* («Кара һыйыр»).

– *Мин, – тигән, – бер нәрһә лә тикшермәйсә, гонаһһыз, матур, йәһи катыным Нәркәс һылыузы бил киңлегә казытып ергә күмдерзем* («Кара һыйыр»).

Катыны ыргып тора ла: – Һин ниңә минең иремдә яраланың? – ти зә Сәүгәнә йәһел сыбык менән һуға. – Тәхетеңә ултыр, ярты гәүзәң таһи булһын, – ти («Сәүгән менән Әвәлнәғим»).

Быға күрһәтеү алмашы **быңа** формаһына күсә: *Быңа апаһынан һисектер котолорға кәрәк ине бит инде* («Нәркәс һылыу»).

Ғәмүмән, 2017 йылда Ырымбур өлкәһенең Кызыл Гвардия районы башкорттарының әкиәттәрен язып алыу үзе зур бер табыһ булды. Уларзы тизерәк ғилми әйләнешкә индереп ебәреү, абруйлы йыйынтыктарзә баһтырып сығарыу – өлгөрөп еткән мәсьәлә, беззәңсә. Тук-Соран башкорттарының тел хаһиналары һәм һөйләш үзенсәлектәре халыктың йәнле һөйләү телмәрәндә йәшәүен дауам итеүе, уларзың мәлендә кағызға теркәлеүе – кыуаныһлы күренеш.

Әзәбиәт

Башкорт халык ижады. 3 томда. Том 2. / төз. Харисов Ә.И. Өфө, 1959. 282 бит. {Bashkir folk art: in three volumes. Vol.2. Comp. by Kharisov, A. I., Ufa, 1959. 282 p.}

Башкорт халык әкиәттәре. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1984. 224 бит. {Bashkir folk tales. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 224 p.}

Кирәй Мәргән. Ыыр дәфтәре. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1964. 172 бит. {K. Margan. Book of Songs. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. 172 p.}

Каскынова Г.Н. Һакмарзың түбәнге ағымында // Ватандаш. 2018. № 1. 176-186-сы биттәр. {Kaskinova G.N. On the lower reaches of the Sakmara // The Vatandash. 2018. № 1. 176-186 p.}

Мең дә бер кисә. Ғәрәп халык әкиәттәре. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1984. 92 бит. {Thousand and one nights: Arabian tales. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 92 p. }

Хусаинова Г. Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 2017. {Khusainova G. R. Bashkir fairy tales: poetics and textual studies: Dissertation for the degree of doctor of Philology. Ufa, 2017.}

Ырымбур башкорттары фольклоры (фольклор экспедицияһы материалдары нигезендә) / Төзүселәре Г.Н. Каскынова, Ғ.Ғ. Ғәниева, А.А. Фәткуллин. Бөрө: Диапазон, 2018. 124 бит. {The folklore of the Bashkirs in Orenburg oblast (compilers Kaskinova G. N., Ganieva, G. G., Fatkullin A. A. Birsk, 2018. 124 p.}

Информаторҙар исемлеге

1. Буранғолова Карлуғас Сәлмән кызы. 1952 йылғы, урта махсус белемле, 3 бала әсәһе. Ырымбур өлкәһе Кызыл Гвардия районы Ильяс (Тәңес) ауылы.

2. Буранғолова Зәримә Сәлмән кызы. 1954 йылғы, урта махсус белемле. Ырымбур өлкәһе Кызыл Гвардия районы Ильяс (Тәңес) ауылы.

УДК 811.342.2+811.5112.1

Ф. Р. Латыпов, г. Уфа

О СОДЕРЖАНИИ СЕВЕРО-ИБЕРИЙСКОЙ НАДПИСИ НА СВИНЦОВОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ АНСЕРЮНЫ И ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТОГО ЯЗЫКА

На основе комбинаторно-этимологического анализа, с привлечением метода ПЭКФОС, осуществлена дешифровка северо-иберийской надписи В.1.373 на свинцовой пластине из Ансерюны. Получен литературный перевод 3/4 этой надписи. Проанализированы фонетические отличия рассмотренного варианта иберийского языка от родственного ему этрусского языка, отмечены его диалектные особенности.

Ключевые слова: инструкция по лечению нервных заболеваний в иберийском тексте.

THE CONTENT OF THE NORTHERN IBERIAN INSCRIPTION ON THE LEAD PLATE FROM ENSERUNA AND DIALECT FEATURES OF THIS LANGUAGE. *The combinatorial etymological analysis with the involvement of the CECAPF method (consecutive etymological and combinatorial approximation with phonetic feedback) found on the lead plate from Enseruna. A literary translation was made for three quarters of this inscription. Consideration is given to phonetic differences between the Iberian variety in question and the Etruscan language as its cognate as well as the former's dialect features.*

Keywords: manual on treating nervous diseases in the Iberian text.

Изучение иберийских языков Испании важно для понимания древней истории и развития культуры как Европы, так и Еврофразии в целом.

Неиндоевропейские по своей природе иберийские языки (илергетов, турдул, конгестан и других племен и фил ([Аррибас, 2004], [Латыпов (а), 2016, 6])), по данным археологии и культурологии тесно связаны с древними кочевыми племенами Евразии и севера Африканского побережья Средиземного моря, в том числе, и с языками тюркских народов [Латыпов, 2010, 120].

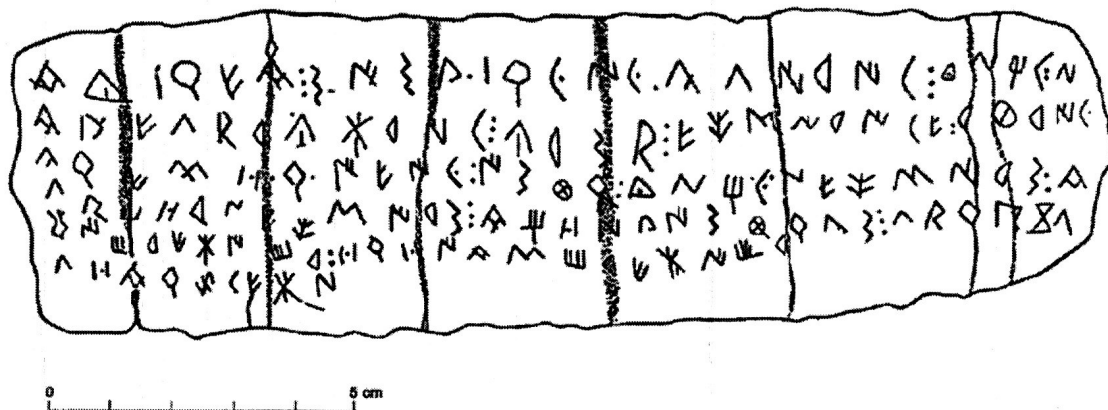
В вышедшей в 2016 г. книге «Иберийские языки Древней Испании...» [Латыпов (а), 2016, 65] в главе 4 мы уже рассмотрели фонетический состав и морфологические особенности южных и северных диалектов иберийских языков, а также содержательную структуру крупнейших иберийских надписей на свинцовых и бронзовых пластинах из Ульястрета [Латыпов (а), 2016, 88], Асколи [Латыпов (а), 2016, 180], Ла-Серрета-де-Алькой [Латыпов, 2008, 174], Бильбао [Латыпов, 2009, 201] и др. Южные (турдуло-турдетанские) диалекты иберийских языков, вследствие интенсивных контактов с иноязычными племенами (финикийцев, кельтов, греков) и большим количеством социально-исторических потрясений (две Пунические войны, гражданские войны Рима) заметно фоноэволюционировали и приобрели значительное количество семитских заимствований в общественно-политической лексике. В северных же диалектах (языках эдетан, илергетов, индикетов, элисигов) наблюдается более приглушенные (доставшиеся с древних времен) согласные звуки. Меньше и восточно-семитских заимствований [Латыпов (а), 2016, 68] в религиозно-культурном и общественно-культурологическом разделах лексики. Например: в южн. диал. *bas* ~ сев. диал. *ras* «голова», *bil-* ~ *bel-* «знать», *ir* ~ *er* «мужчина», *egit* ~ *eget* «парень».

Каждый год археологические раскопки на территории Испании приносят все новые и новые находки важнейших иберийских надписей на свинцовых пластинах. Такой способ письма получил распространение еще с древнейших времен с территорий Восточного Средиземноморья (Сирии, Ливана), откуда и прибыли (кто через Европу, кто по северу Африканского побережья) предки иберов (в иберийском языке *ibe* «хлеб», *ibar* «хлеборобы») [Латыпов (а), 2016, 24].

В очередной раз наше внимание привлекла иберийская надпись, процарапанная на свинцовой пластине, найденной около местечка Энсеруна, расположенной недалеко от развалин древнего греческого порта Эмпория на севере нынешней Каталонии. Отсюда иберы экспортировали слитки железа по странам Средиземноморья (их поставки достигли 70% от всего количества железа, производимого в странах Средиземноморья в VI в. до н. э. [Аррибас, 2004, 43], [Латыпов (а), 2016, 6]).

На рис 1. показана прорисовка иберийской надписи на свинцовой пластине из Энсеруны (её код в каталоге иберийских надписей *B.I.373.*), выполненная испанским исследователем И. Сольером [Velaza, 2015, 261].

Рис .1 Прорисовка иберийской надписи *B.I.373* на свинцовой пластине из Ансерюны, выполненная испанским исследователем И. Сольером.

Осуществленный нами комбинаторно-этимологический анализ представленной надписи, с привлечением метода ПЭКФОС [Латыпов, 1999, 35] (подтвердившего свою верификативность в 1988 г. при переводе текстов на другом неиндоевропейском языке Средиземноморья – этрусском [Латыпов, 1990, 42]), выявил, что рассматриваемая надпись посвящена лечению нервно-истерического состояния у людей, испытавших шок.

Согласно письменным традициям минойско-этрuscoго письма, надпись *B.1.373*, по составленному нашему переводу, начинается с разъяснения основного своего предназначения: «Ещё одно (*katu*) качественное (*bařeka*) разъяснение (*sisbi*) о том каким способом воздействовать (лечить) на людей, охваченных ужасным плачем (*kabi elake uborike*)... , упавших в безпамятство (находящихся без сознания – *ieike ister*), в скованном (*tundike*) состоянии ...».

В рассматриваемом отрезке текста некоторые лексемы обнаруживают языковые параллели в родственных минойском и этрусском языках [Латыпов, 1999, 121; Латыпов (б), 2014, 57]: ибер. *sis-* ~ крит.- минойск. *seṣ-* «развязывать, разъяснять, раскрывать смысл, решать задачу»; ибер. *kab-* ~ минойск., этрусск. *cap-* «захватывать, охватывать, попадаться»; ибер. *ela-* ~ этрусск. *fla-* ~ тюрк. *řela-* «плакать»; ибер. *ubor* ~ этрусск. *afř* «ужасный» (франц. *affreux* «ужасный») ~ казан.-тюрк. *ubyrly* «злой колдуньи»; ибер. *tund* ~ этрусск. *tunθ* «мёрзлый, скованный от холода» ~ кипро.-минойск. *tu-ne-da a-qa* «северная сторона» [Латыпов, 1998, 168].

В надписи *B.1.373* встречаются и специальные медицинские термины, также имеющие лингвистические параллели в этрусском языке [Латыпов, 2013, 57; Латыпов (б), 2016, 43]: ибер. *lokar* ~ этрусск. *lucar* «лекарь, врачеватель» (в тексте эпитафии на саркофаге Лариса Пуленаса); *oroĩ kařtor* «масло лампадное (касторовое?)» ~ этрусск. *urui casθr* ~ тюрк. *řre* «жир на поверхности бульона», «блюдо с плавающим жиром» *řrre*. Издревле, ещё с Древнего Египта, касторовое масло, называемое ещё *kiki*, использовали для лечения нервных заболеваний [Касторовое масло].

В тексте *B.1.373* минойско-этрuscoя традиция в составлении подобных рекомендательных надписей проявляется и в том, что в конце текста обычно вставляется фраза констатирующая самодостаточность выполненной надписи в качестве практического руководства для дальнейших действий, или актуализируется основной тезис надписи. Так например, в крито-минойской иероглифической надписи на Фестском диске (сторона В) в конце говорится «достаточно наставления этого» [Латыпов, 2000, 322], а в иберийской надписи на свинцовой пластине из Ла-Бастиды (там, согласно нашего перевода, где приводится рецепт ускоренного приготовления алкогольного напитка *balurka* «медовухи» (в некоторых диалектах башкирского языка также зафиксирован термин *balurka*), надпись завершается такими словами: «сказанного достаточно». В рассматриваемой же надписи *B.1.373*, согласно этой же традиции, завершая надпись, подчеркивает: *boĩ tor lokar kike ebon* «этой разновидности лечения (в последующем) уделяй внимание». Заключительное слово текста *ebon*, на наш взгляд, достаточно хорошо коррелирует с этрусским общественно-политическим термином *erana* «центр внимания», встречающийся в рекламной надписи на вазе из Цере (Cr 0.1) [Латыпов (а), 2014, 105].

Выводы:

На основе комбинаторно-этимологического анализа, с привлечением метода ПЭКФОС, получен литературный перевод 3/4 иберийской надписи *B.1.373* из Ансерюны;

Рассмотренная иберийская надпись, представляется, демонстрирует те же диалектные отличия (от южных вариантов) и межъязыковые, более значительные, отличия от родственных неиндоевропейских языков Средиземноморья, которые мы установили ранее при изучении других иберийских текстов [Латыпов, 2016, 41].

Литература

Аррибас Антонию. Иберы. Великие оружейники железного века / Пер. с англ. Е. Б. Межевитинова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 190 с. {Arribas, Antonio. The Iberians. Great armourers of the Iron Age (Russian edition) /Translated from English by R.B. Mezhevitinov. Moscow: ЗАО Tsentrpoligraf, 2004. 190 p.}

Касторовое масло [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/user/pawllena/post148307980/> (Дата обращения 6.04.2018). {Castor oil}

Латыпов Ф. Р. Загребская мумия – возможный свидетель апофеоза этрусского обряда человеческого жертвоприношения (результаты обследования тела мумии в августе 1988 г. в сопоставлении с пратюркским чтением текста пелены в 1981 г.) // Тез. докл. междунар. colloквиума: «Этруски в их связи с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство». М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. С. 42-44. {Latypov F.R. The Zagreb mummy as possible evidence for apotheosis of the Etruscan ritual human sacrifice (investigation results on the mummy's body in August 1988 in correlation with the Parent Turkic interpretation of the text on the shroud in 1981) // *Proceedings of the International Colloquium: «The Etruscans in Relation to Other Peoples of the Mediterranean Region. The Myth, Religion, Art»*. Moscow, SMIA nam. A.S. Pushkin, 1990, P. 42–44.}

Латыпов Ф. Р. Названия сторон света в кипро-минойской надписи XIII в. до н. э. из Энкоми // Тезисы докладов международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд. САИПИ, 1998. С. 168 –170 (франц.). {Latypov F. R. Names of the four cardinal points in the Cypro-Minoan inscription of the 13th century BC from Enkomi // *Proceedings of the International Conference on Prehistoric Art*. Kemerovo: SAIPI, 1998, P. 168–170 (in French)}.

Латыпов Ф. Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. Уфа: Китап, 1999. 276 с. {Latypov F. R. The Etruscan and Minoan Languages Research Based on Parent Turkic Hypothesis and Combinative-Frequency Methods. Ufa: Kitap, 1999. 276 p.}

Латыпов Ф. Р. Транслитерация иероглифических знаков и интерпретация содержания текстов на сторонах А, В Фестского диска акрофоническим методом на материале этрусского языка // Сб. науч. статей к 60-ти летию проф. Р. З. Мурясова: *Germanica.Slavica.Turkica*. Уфа: Изд. БашГУ, 2000. С. 322–334. {Latypov F. R. The transliteration of hieroglyphic characters and the interpretation of the texts on the sides A and B on the Phaistos Disk via the acrophonic method based on the material of the Etruscan language // *Collected papers on the 60th birthday anniversary of Prof. R. Z. Muryasov: Germanica. Slavica. Turkica*. Ufa: Ed. BGU, 2000. P. 322–334.}

Латыпов Ф. Р. Некоторые этрусские параллели в языке иберийской надписи на свинцовой пластине из Ла-Серрета-де-Алькой // Сб. матер. науч.- практич. конф., посвящ. 80-ти летию академика М. З. Закиева. Стерлитамак: Изд. Стерлитамак. гос. пед. академии, 2008. С. 174-176. {Latypov F. R. [Some Etruscan parallels in the language of the Iberian inscription on the lead plate from La Serreta de Alcoy] // *Proceedings of the International Science and Research Conference devoted to the 80th birth day anniversary of Academician M.Z. Zakiev and 10th anniversary of the Chair of Tatar and Chuvash Philology*. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagog. Academ., 2008. P. 174–176.}

Латыпов Ф. Р., Христов А. Х. Два древнейших педагогических трактата античного Средиземноморья: этруская терракотовая плита из Капуи и иберийская свинцовая пластина из Бильбао в сопоставлении // Матер. Международной научно-практической конференции: VI психологические чтения: Деятельностная парадигма как условие развития личности в образовательном процессе. Уфа: Изд. БГПУ, 2009. С. 201 – 203. {Latypov F. R., Khristov A. Kh. Two earliest pedagogical treatises of the Ancient Mediterranean Region:

Correlation between the Etruscan terra cotta plate from Capua and the Iberian lead plate from Bilbao // Proceedings of the International Science and Research Conference «The 6th Psychological Readings: The Activity Paradigm as Condition for Personal Development in the Educational Process». Ufa: Ed. BGPU, 2009. P. 201–203.}

Латыпов Ф. Р. Античные пратюркские языки Европы и Азии // Матер. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 120-ти летию со дня рождения А.-З. Валиди Тогана (21 мая 2010 г.), Стамбул. Уфа: Гилем, 2010. С. 118 – 123. {Latypov F.R. Ancient Parent Turkic languages of Europe and Asia. //Proceedings of the International Science and Research Conference, Dedicated to the 12th birthday anniversary of Akhmet-Zaki Validi Togan. Istanbul, May 21, 2010. Ufa: Gilem, 2010, P. 118–123.}

Латыпов Ф. Р. Текст этрусского лечебного заклинания от болезни

HASMU: обращение к «Силам Земным» и небесным // Проблемы востоковедения, 2013. № 1. С. 57 – 64. {The text of Etruscan magic spell to treat the *HASMU* disease: an appeal to the Earth's and heavenly Powers //The Problems of Oriental Studies, 2013. № 1. P. 57 – 64.}

Латыпов Ф. Р. (а) Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянский языки. Уфа: Полиграфдизайн, 2014. 152 с. {Latypov F.R. General evidence, major groups of words and literal translations of the longest known Etruscan texts into Russian, English and Italian. Ufa; Poligraf dizayn, 2014. 152 p.}

Латыпов Ф. Р. (б) Афористическое поучение в минойской спиральной надписи на золотом перстне из Мавро-Спелио // Вестник Академии наук Республики Башкортостан, 2014. Т. 19. № 4. С. 57 – 62. {Latypov F. R. An aphoristic admonition in the Minoan spiral-shaped inscription on the gold ring from Mauro-Spelaio // Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, 2014. Vol. 19 (4). P. 57 – 62.}

Латыпов Ф. Р. (а) Иберийские языки Древней Испании – результат ускоренного фонетического развития некоторых пратюркских языков Западного Средиземноморья. Уфа: Полиграфдизайн, 2016. 152 с. {Latypov F. R. The Iberian languages of Ancient Spain as the result of accelerated phonetic development of some Parent Turkic languages in the western Mediterranean Region. Ufa: Poligraf dizayn, 2016. 152 p.}

Латыпов Ф. Р. (б) Установочные концепции, методы и средства использовавшиеся в Этрурии для профилактики и лечения заболеваний // АВИ – ТОХОЛ. 2016. Кн. 36. С. 43 – 45. {Latypov F.R. Basic concepts, methods and medications used in Etruria in disease prevention and treatment // AVI-TOCHOL, 2016. Book 36. P. 43–45.}

Javier Velaza. *Chronica epigraphica iberica XII* (2014) // *Palaeohispanica* 15 (2015). P. 249 – 271.

УДК 811.511.131

Н. М. Люкина, г. Глазов

АКЦЕНТУАЦИЯ В ГОВОРЕ ЖИТЕЛЕЙ Д. ВАРКЛЕД-БОДЬЯ АГРЫЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Данная статья посвящена рассмотрению словесного ударения в говоре удмуртских жителей д. Варклед-Бодья Агрызского района Республики Татарстан. По своим особенностям говор данного населенного пункта относится к центральному (южному) диалекту удмуртского языка. Специфику акцентуационной системы составляют некоторые исключения, которые обнаруживаются в определенных формах.

Ключевые слова: удмуртский язык, говор, ударение, диалектные особенности.

ACCENTUATION IN THE DIALECT OF LOCAL RESIDENTS OF VARKLED-BODIYA VILLAGE IN AGRYZ DISTRICT (THE REPUBLIC OF TATARSTAN). *The present article focuses on examination of accentuation in dialect of Udmurt residents of Varkled-Bodiya village in Agryz district (the Republic of Tatarstan). According to its dialectic peculiarities the dialect spoken within the village falls into the Central (Southern) group of dialects of Udmurt languages. Unique features of the accentuation system are exceptions identified in certain forms.*

Key words: Udmurt language, dialect, accentuation, dialectic peculiarities.

В данной статье рассматриваются особенности словесного ударения в говоре жителей д. Варклед-Бодья Агрызского района Республики Татарстан. Для этого были использованы диалектные материалы, собранные студенткой Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко 2002 году. В собственно южный (центральный) диалект удмуртского языка входят южные районы Удмуртии и несколько населенных пунктов Агрызского и Менделеевского районов Татарстана. Один из них – это деревня Варклед-Бодья, входит в состав Кучуковского сельского поселения, находится в 45 км к югу от районного центра г. Агрыз, а на юге граничит с д. Шадрасак-Кибья Алнашского района Удмуртии (в 7 км). Жители д. Варклед-Бодья до сих пор остаются язычниками со своими молениями и древними обычаями. Данное селение является центром духовной культуры для южных удмуртов. В деревне разговаривают на удмуртском языке, в школе изучают еще и татарский язык. Следует отметить, что центральный (южный) диалект удмуртского языка на современном этапе недостаточно изучен. Деление на говоры пока тоже не уточнено. Нет фундаментально-монографических работ по данной теме. Говор данной деревни отличается от литературного языка и других удмуртских диалектов очень яркими, своеобразными фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями.

В удмуртском литературном языке ударение подвижное фиксированное и падает на конечный слог слова. Многие ученые считают, что это влияние татарского языка, т.к. в большинстве тюркских языков связанный подвижный тип ударения. Финно-угроведы отмечают, что «... в праязыке ударение было фиксировано на первом слоге ...», потому что «... в современных языках, преимущественно в прибалтийско-финских, венгерском, саамском ... ударение фиксировано на первом слоге» [Вахрушев и др., 1992, 67]. Хотя традиционно считается, что в удмуртском литературном языке акцентуация фиксированная, определенное количество отклонений от этого правила, конечно же, существует. Но в удмуртских диалектах количество исключений несколько больше, чем в литературном языке. Известный финно-угровед В.К. Кельмаков правильно отмечает: «К сожалению, к настоящему времени еще не выявлено всё многообразие акцентуационных особенностей диалектов и не уточнено территориальное распространение вариантных форм» [Кельмаков, 2006, 78]. Специфику акцентуации в исследуемом говоре составляют те немногочисленные исключения, которые встречаются в определенных формах. На основе лингвистического диалектного материала следует выделить следующие особенности словесного ударения:

1) в обобщительно-определятельных местоимениях ударение падает на первый слог слова: *ва·н'мь* 'мы все', *ва·н'дь* 'вы все', *ва·н'зь* 'они все'; 2) в наречиях, образованных при помощи суффикса *-бьт*, ударение фиксируется на предшествующем этому аффиксу слоге: *то·лбьт* 'в течение зимы, целую зиму', *е·йбьт* 'в течение ночи, всю ночь'. А в слове *гужэ·мбьт* 'в течение лета, целое лето' ударение падает на предпоследний слог. Подобные формы характерны и для диалектов северного наречия; 2) в отрицательных формах глаголов, во всех 3-х лицах единственного и множественного числа изъявительного наклонения, ударение падает на первый слог основного глагола: *мон туннэ кинойэ йй вэ·тль* 'я сегодня в кино не ходил'; *арн'анал лафка уг у·жа* 'в воскресенье магазин не работает'. Следует отметить, что при выражении повеления, приказания, имеющего характер категориального воспрещения, ударение перемещается на отрицательный глагол: *э·н йорты монэ* 'не приставай ко мне'. Данная форма встречается во многих говорах южного наречия. Также в

этих формах глаголов ударение может быть фиксировано и на последнем слоге. При этом меняется смысл выражения, теряется значение повеления, приказания: *эн вэ́тль* 'не ходи, сам знаешь; самому же хуже будет, если не пойдешь'; 3) в глаголах утвердительной формы повелительного наклонения ударение падает на первый слог: *с'о-тэ́ та кн'игайэ́з п э́ т р о в л ь* 'отдайте эту книгу Петрову'; 4) в некоторых звукоподражательных словах два ударения: первое ударение (более слабое) обычно падает на гласный конечного слога первого компонента, второе – на гласный первого слога второго компонента сложного слова: *дэмбь-р-да-мбьр* 'звукоподражание звуку или стуку при падении', *хьшить-р-ха-штьр* 'издавать шорох, треск; шуршать'; 5) в сложных прилагательных и наречиях, образованных путем редукации, ударение ставится на гласный первого слога с целью усиления какого-либо качества или состояния предмета: *го-рд-горд* 'красный-красный; красным-красно', *л'у-г-л'уг* 'светлым-светло; очень светло'; 6) в диалектном слове *ка-зьр* 'сейчас' (лексема характерна для говоров южного наречия) ударение фиксировано тоже на первом слоге слова. Данное наречие заимствовано из татарского языка; 7) в наречиях образа действия с аффиксом *-ак* ударение может быть дублетным. В зависимости от характера предложения ударение в них колеблется, падая то на первый, то на последний слог: *ша-л'трак ~ шал'тра-к* 'со звоном, со стуком'. Но в большинстве случаев ударение падает на первый слог: *пъ-рак* 'прямо', *мэ-хак* 'прямо' и т.д. Данная особенность характерна и для других диалектов удмуртского языка; 8) в ряде неопределенных местоимений и наречий с префиксом *оло-* ударение может быть на первом, третьем или последнем слоге: *о-локин' ~ олоки-н'* 'кто-то', *о-локъ-тън ~ олокъ-тън ~ олокъ-тъ-н* 'где-то'; 9) в порядковых числительных ударение падает на первый гласный аффикса *-э-ти*: *витэ-ти* 'пятый', *къкэ-ти* 'второй'. Характерно для северного, бесермянского наречия удмуртского языка, а во многих южных говорах ударение падает на последний слог. Следует отметить, что отнумеральные числительные, формально совпадающие с порядковыми числительными, имеют ударение на первом слоге. «Это один из немногочисленных случаев, когда место ударения выступает в удмуртских диалектах в форморазличительной функции» [Кельмаков, 2006, 77]; 10) в наречиях места и образа действия ударение фиксировано на первом слоге в том случае, когда два слова соединяются союзом *но 'и'*: *отън но татън* 'там и тут', *оз'ь но таз'ь* 'так и эдак; так и сяк'.

Таким образом, специфику словесного ударения в данном говоре составляют некоторые исключения, которые обнаруживаются в определенных формах. Следует подчеркнуть отдельные вышеуказанные случаи фиксации ударения совпадают с акцентуационными правилами других диалектов удмуртского языка.

Литература

Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 65–66. {Vakhrushev, V.M., Denisov, V.N. Modern Udmurt language: Phonetics. Graphics and spelling. Orthoepy. Izhevsk: Udmurtia, 1992. P. 65-66.}

Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk: Udm. book. Izd-vo, 1962. 376 p.}

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2006. 386 с. {Kelmakov, V.K. Short Course of Udmurt Dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography. Izhevsk: Publishing House Udm. Univ., 2006. 386 p.}

Люкина Н.М. Словесное ударение в бесермянских говорах удмуртского языка // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 6. С. 132-135. {Lyukina N.M. Verbal

accent in the Besermyan dialects of the Udmurt language. In: *Modern problems of science and education*. 2007. № 6. P. 132-135.}

УДК 811.512.14

А. Р. Махмудов, с. Барда Пермского края

РОЛЬ ДАНИИ МИРХАЗОВНЫ САРМАНАЕВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ГОВОРА СРЕДНЕУРАЛЬСКИХ ТАТАР И БАШКИР

Статья посвящена к 70-летию первого диссертационного исследования говора татар и башкир Бардымского района, Дании Мирхазовны Сарманаевой.

Ключевые слова: башкирский язык, татарский язык, диалект, говор, экспедиции.

THE ROLE OF DANİJA SARMANAJEVA IN THE STUDY OF THE DIALECT OF THE MIDDLE URAL TATARS AND BASHKIRS. *The article is devoted to the 70th anniversary of the first Ph.D. study of the dialect of the Tatars and Bashkirs of Bardyms district rajona, by Danija Sarmanaeva.*

Keywords: Bashkir language, Tatar language, dialect, subdialect, expeditions.

Одним из первых исследователей «гайнинского говора» стала Дания Мирхазовна Сарманаева, уроженка села Сараши Бардымского района, которая написала кандидатскую диссертацию на тему «Диалектальные особенности говора среднеуральских татар» (Казан, 1948, на тат. яз.).

Она родилась 10 февраля 1917 года в с. Сараши в семье Мирхаза и Замили Сарманаевых. В период учебы в Свердловском педагогическом техникуме ее, как активную комсомолку, избирают в члены горкома РКСМ. После Дания учится в Свердловском пединституте и по окончании его работает учительницей родного языка в Соль-Илецке, Енапаево, Барде и в Султанае. В период своего преподавания в школах района она углубленно изучает специфику местного говора и, будучи аспиранткой Казанского государственного педагогического института, выбирает главной темой своей диссертации диалект среднеуральских татар. В послевоенные годы (в 1946 г.) совершает экспедицию в Бардымский, Уинский, Щучье-Озерский (ныне Октябрьский), Чернушинский, Верх-Муллинские (ныне Пермский) районы Пермской (Молотовской) области. В 1947 г. она побывала с экспедицией в Красноуфимском, Манчажском и Сажинском районах Свердловской области. Всего Д. Сарманаева объездила 33 деревни и села, в каждой останавливалась, опрашивала старожилов, записывала местный фольклор. В результате ее диссертация вобрала в себя обширный историко-этнографический материал, а в основной части представлен анализ особенностей языка уральских татар и башкир, в том числе бардымских.

Описав фонетические, морфологические, синтаксические и некоторые лексические особенности, автор на исследованной ею территории выделяет три говора: бардымский говор среднего, уинский говор западного диалектов и красноуфимско-манчажский междиалектный говор. Несомненно, огромный научный интерес и большую ценность представляют такие разделы диссертации, как словарь говоров из 405 слов, приложения - сказки, скороговорки, старинные песни, фразеологические обороты, прозвища. Достаточно интересны словарные материалы, которые включали ныне редко употребляемые в быту слова. К примеру, “Әйберләренә күләмен, рәвешен күрсәткән сүзләр”. Нишсан – яхшы ук, шактый ук, күп кенә, берәз. “Быел колхозда нишсан күп кый куяннар”. Имәнеч – бик, гаять, күп. “Кәймикә имәнеч күп кый синең кабакларың, ничек ашарсыз аны?” и пр.

В 1950 году ученый успешно защищает в Москве свою кандидатскую диссертацию, после чего преподает в Казанском и Оренбургском пединститутах. В последствии всю свою жизнь она посвятила изучению родного языка, пропаганде его на страницах газеты «Рассвет».

По мнению видного татарского диалектолога Д.Б. Рамазановой в ее научной диссертации имелись некоторые научные недочеты; так к примеру охвачены не все районы проживания татар как в Пермской, так и в Свердловской областях; значительное число особенностей указанных говоров осталось вне поля зрения ученой; все это было обусловлено ее индивидуально-монографическим методом исследования.

По состоянию здоровья Д.М. Сарманаева рано вышла на пенсию и переехала из Оренбурга сначала в Сараши, а потом в Барду. Работала диктором на радио, играла в народном театре, была активным автором районной газеты «Рассвет». К слову, Дания Сарманаева обладала красивым тембром голоса – меццо-сопрано, часто выступала на сцене. В Государственном архиве Татарстана хранится пластинка с ее песнями. Умерла она 31 августа 1977 года после тяжелой болезни, похоронена в селе Сараши.

Рабочий вариант диссертации ныне хранится в фондах Бардымского районного краеведческого музея. Этот труд Д.М. Сарманаевой является кладью уникального лингвистического материала для ученых, которые занимаются изучением говоров татар и башкир Урала. Надеемся, что научное наследие Д.М. Сарманаевой будет востребовано современными лингвистами, занимающимися изучением тюркских говоров и диалектов.

Литература

Сарманаева Д.М. Урта Урал татар телендә диалекталь узенчәлекләр: Дисс. канд. филол. наук. Казань, 1948. {Sarmanaeva D.M. Dialect peculiarities in the language of Middle Ural Tatars. Dissertation of the candidate of philological Sciences. Kazan, 1948.}

Сарманаева Д.М. Урта Урал татарлары телендәге кайбер морфологик узенчәлекләр. // Татар теле һәм әдәбияты. Казань, 1959. {Sarmanaeva D.M. Some morphological features in the language of the Middle Ural Tatars. Tatar language and literature. Kazan, 1959.}

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора Пермских татар. Казань, 1996. {Ramazanova D. B. To the history of the formation of the dialect of the Perm Tatars. Kazan, 1996. }

Хусаинова, К. Жизнь, посвященная людям / К.Хусаинова // Рассвет. 1972. 7 марта. С. 3. {Khusainova, K. A life devoted to the people / K. Khusainova // The Dawn. 1972. March 7. P. 3.}

Юлаева, Ф. Первая женщина – ученый / Ф.Юлаева // Рассвет. 2006. 21 апр. С. 2. {Yulaeva, F. The First woman scholar / F. Yulaeva //The Dawn. 2006. 21 Apr.}

УДК 800.87

С. А. Мызников, г. Санкт-Петербург

ЭТИМОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДАННЫХ РУССКИХ ГОВОРОВ В ФИННО-УГОРСКОМ И ТЮРКСКОМ КОНТЕКСТЕ

В данной работе анализируются некоторые лексические единицы финно-угорского и тюркского происхождения, которые составляют в русских диалектах основной массив слов неисконного происхождения. В большинстве случаев они фиксируются изолированно друг от друга, расходясь тематически и ареально. Однако в ряде случаев на русской почве этимологически дифференцировать их довольно сложно. Разграничению и этимологической трактовке некоторых русских лексем посвящена данная статья.

Ключевые слова: *этимология, финно-угорский, тюркский, пермский, марийский, коми.*

ETIMOLOGY OF SOME LEXICAL DATA OF RUSSIAN SPEAKS IN THE FINNISH-UGORSK AND TURKIC CONTEXT. *In this paper, some lexical units of Finno-Ugric and Turkic origin are analyzed, which constitute the main array of words of borrowed origin in Russian dialects. In most cases, they are recorded in isolation from each other, diverging thematically and areally. However, in a number of cases it is quite difficult to differentiate them etymologically on Russian soil. The given article is devoted to differentiation and etymological interpretation of some Russian lexemes.*

Keywords: *etymology, Finno-Ugric, Turkic, Permian, Mari, Komi.*

Данная работа является продолжением работы над этимологией лексики русских говоров, которые имеют соответствия как в финно-угорских, так и в тюркских языках. Ранее уже в ряде статей анализировались подобные лексические данные¹. В настоящей работе мы остановимся на рассмотрении некоторых случаев этимологических версий русского диалектного лексики в ряде финно-угорских (коми, марийского, венгерского) и тюркских языках.

Например, имеются севернорусские данные при явных пермских первоисточниках, которые однако на более широком языковом фоне уже не выглядят так однозначно доминирующими.

Чиреть 'становиться крепким (о зимней дороге)' – *Путь чиреет, крепнет.* [Даль]. **Учиреть** 'стать крепким [о зимней дороге]' – *Дорога учирела (зачирела), укатана, убита, проторена* [Даль]. **Зачира'ть** 'покрыться настом, затвердеть' Волог., Перм. [Даль]. Перед весной, когда снег зачирает и делается наст, лисиц гонять почти невозможно. Вост. Сиб. [КСРНГ]. **Зачире'ть** 'покрыться настом, затвердеть': – *Не поливай горки до утра, пусть зачиреет.* Пинеж. Арх., 1850. Арх., Волог., Перм. [СРНГ 11, 179]. **Зачи'реть** 'заморозить, подморозить' Верхнетоем. [КСРНГ]; 'покрыться настом' Печор. [СРНП, 1, 277]. **Зачиря'ть** 'покрываться настом' Печор. [СРНП, 1, 278]. **Зачире'ло** 'заморозило' Сев.-Двин., 1927 [СРНГ 11, 179]. Ср. коми данные, *чирс* 'тонкий подмёрзший слой земли (после первого мороза)', *чирсавны* 'подмёрзнуть, немного замёрзнуть': *Аски лымыйыс чирсалас* (завтра снег затвердеет, подмёрзнет) [КРОЧК, 703]. Хотя имеются сходные тюркские данные, ср. татар. *чирау* 'покрываться тонким слоем льда', исходя из ареала более вероятна версия образования из субстантива, который послужил основой для образования русского гнезда. Ср., например: **Чир** 'тонкая ледяная корка, наст' Онеж., Сегеж. [СРГК, 6, 791]; 'наст' Арх. [Подвысоцкий, 189]. **Чир** «осадок снега под нартами и лыжами, тор, окрепший зимний путь» Сиб. [Даль]. **Чир** 'снежный наст' Пинеж. (Сульца, Кузомень, Вальтево, Нюхча) [Симина]. **Чир** 'гололед' Верхнетоем. Арх. [КСРНГ]. **Чир** 'тонкий ледок на снегу; тонкий наст' Александр., Ныроб. Перм., Уват. Тюм. [Матвеев, 1964, 307]. **Чир** 'плотный заледеневший слой снега, наст' Печор. [СРНП 2, 424]. **Чира', чирь', цирь'** 'неровности на замерзшей грунтовой дороге': – *Грунт размят тракторами, лошадьми на дороге, а потом замерзнет – вот и чирь. По цирам-то, бывало, так и скачешь, а холодно.* Великоуст. Волог. [СВГ, 12]. **Чири'на, чирок** 'то же'

¹ Обзор литературы см.: Мызников С.А. Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах [разграничение и определение конечного источника] // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 4. Екатеринбург, 2001/20. С. 103-106. Мызников С.А. Финно-угризмы или тюркизмы [этимологизация русских диалектных слов и определение конечного источника] // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 27. Секция уралолистики. СПб., 2001. С. 10-14. Мызников С.А. О некоторых аспектах взаимодействия тюркских и финно-угорских языков на русском фоне // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук Анны Владимировны Дыбо. М.: Тезаурус, 2009. С. 235-238. Мызников С.А. Некоторые аспекты проявления тюркского воздействия на лексическом уровне [на материалах русских говоров и финно-угорских языков] // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия [традиции и новации]. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2009. С. 681-689. Мызников С.А. Финно-угорские и тюркские межъязыковые контакты, их отражение в лексической сфере на русской диалектной почве // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov.* Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М., «Издательство МБА», 2015. С. 121-131.

Печор. [СРГНП, 2, 425]. **Чир**, **цир** значения 'наст, плотный слой снега': - *Цир плотной, он остужаеца и большими кусками уплотница, тепло падёт, а потом морос, по ци'ру и ходиш, плотна цири'на*. Печор. [Михеева 1970, 104]. **Зачире'ть** 'покрыться настом' Печор. [СРГНП, 1, 277]. В отношении лексемы **чир**, можно предположить, что в зонах контакта севернорусских говоров с пермским языковым континуумом следует говорить о результатах коми влияния, ср. коми *чир* 'тонкий лед по снегу', 'наст', *чирс* 'почва с тонким замерзшим верхним слоем' [КЭСКЯ, 307; Kalima 1927, 43; Фасмер 4, 364; Михеева 1970, 104]. А.К. Матвеев сравнивает также с эвенк. *дяир* 'наст' [Матвеев, 1964, 307]. Однако материалы, зафиксированные в Карелии, вероятно, можно сопоставлять с прибалтийско-финскими и саамскими, ср. ливв. *čirte* 'тонкая ледяная корка (на снегу)' [СКЯМ, 35], саам. *t'sierr* 'скользящий, блестящий новый лед' [KOLTKS, 664]. Карельские данные являются частью прибалтийско-финского гнезда, ср. фин. *siide*, люд. *t'siite* 'тонкая ледяная корка на снегу' [SKES, 1020].

В пермском ареале фиксируются также сходные фонетически и семантически следующие данные, которые, однако, ранее рассматривались отдельно.

Чаром 'легкий наст, обледеневшая корка на снегу' Красновишер., Чердын. Перм. [Кривошекова-Гантамн 1981, 50]. **Чары'м** «легкий наст или обледенелая кора на снегу, череп, вподьем лыжам, но впровал оленю» Перм., Сиб. [Даль]. **Чары'м**, **черы'м** 'наст, плотный снег', 'смерзшаяся грязь на дороге' Коми АССР, Перм., Сверд., Тюм.; **чары'ма**, **черы'ма** 'то же' Коми АССР, Перм.; **чаро'м** 'то же' Перм.; **чуры'м** 'то же' Сверд.; **шыры'м** 'то же' Свердл.; **шири'м** 'то же' Свердл. [Матвеев, 1964, 306]. **Чуры'м** 'сугроб' Ирбит. Перм. [КСРНГ]. **Чуры'м** «снежный сугроб, замет» Перм. [Даль].

По-видимому, заимствовано из коми *чаром*, *чарем* 'наст' [ССКЗД]. Последнее сближается далее с саам. норв. *čarva* 'твердый, смерзшийся снег', ненец. лесн. *sira*, *sire* 'снег' [Kalima, 1927, 41-42]. Ср. также саам. *t'sierr* 'скользящий, блестящий новый лед' [KOLTKS, 664]. Венг. *szirom* 'снежная корка' по мнению Паасонена чувашского происхождения, а коми *tšaröm* – тюркского (татарского) происхождения [Paasonen, 1902, 184]. Однако, Я. Калима полагает, что тюркские данные из коми языка через посредство русского, а заимствование из тюркского [татарского] источника коми и венгерских слов, по его мнению, не имеет никаких оснований [Kalima, 1927, 41]. Далее Я. Калима коми слово сопоставляет с саам. лул. *čar'va* 'настолько крепко замерзший снег, что по нему может идти человек' с ненец. *sira*, *sire*, *sīra*, *sīre*, ненец. тундр. *siru* 'снег'. Кроме того имеются сходные тюркские данные, ср. также тел. *čarym* 'то же' [Радлов, 3, 1865]. Вариант **чаром** сопоставляется с коми *чаром* 'то же', однако он может быть обратным заимствованием из русского [Кривошекова-Гантман, 1981, 50; Meckelein 1913, 70; Матвеев 1964, 306-307].

Имеются данные, которые можно соотносить как с марийскими, так и тюркскими источниками.

Томаша 'суматоха, суэта' Вят.; 'непоседливый, хлопотливый человек, непоседа' Вят. 'Неурядица' Уржум. Вят. [КСРНГ]. Сопоставляется с мар. *томаша* 'переполох, скандал, хлопоты, беспокойство' [Иванов, 1969, 111], причем марийские данные, вероятно, тюркского происхождения, ср.: татар., кыпч., башк. *tamaša* 'сутолока, давка, зрелище', которое объясняют из арабского [Wichman, 1903, 110]. Ср. **Тома'ш** 'гражданская война' Р. Урал [Малеча], которое напрямую может восходить к тюркским источникам.

Тамана' 'сова' Мар.Пос. (Шульгино), 'ястреб' Урмар. (Буртасы) [ПЛГО]. **Тамана'** 'бранное слово' Инсар. (Челмодеевский Майдан, Усыскино) [ПЛГО]. **Тумана'** 'ястреб, коршун' Волж.-Свияж.; 'филин' Моздок. Терск.; 'неясыть' Астрах., 1895; 'сова' Козмодемьян. Казан., 1849 [КСРНГ]. Можно сопоставить с чуваш. *тăмана* 'сова, сыч' [ЧРС, 132], при мар. *тумана*, *тумына*, *тумна* 'сова', неясыть' [СМЯ 7, 254] из чувашского [Федотов, 2, 191].

Слово, зафиксированное в русских говорах Мордовии, Астраханской губернии, вероятно, также следует рассматривать на тюркской почве.

В ряде случаев, некоторые данные имеют источники в лексиконе арго, а те, в свою очередь, могут восходить к финно-угорским или тюркским этимонам.

Хале'ть 'умирать' Нерехт. Костром. [Даль; ЯОС]. **Хале'ть** 'болеть' Боро-вич. [НОС]. **Охале'ть** 'внезапно умереть' Шуйск. Влад. [СРНГ, 25, 24]. **Захале'ть** 'зацахнуть, погибнуть от болезни' Черепов. Новг. [СРНГ, 11, 142]. 'Заболеть' Борович. Новг. [СРНГ, 11, 142]. **Перехале'ть** 'переболеть' Борович. Новг. [СРНГ, 26, 257]. **Ухале'ть** 'стать беспомощным от старости' Белозер. [ПЛГО]. **Ухалить** 'умереть': - *Да позагорбил басве слемзить: астана басвинска ухалила дряботницей* (Да позабыл тебе сказать: жена твоя померла весною) [Даль]. М. Фасмер не дает этимологической версии, О.Н. Трубачев в своих примечаниях приводит версии Якобсона о связи **халеть** с **ха'лпить** 'убивать', а также с офен. **ха'лить**, **уха'лить** 'умереть' [Фасмер, 4, 218]. Делались попытки разграничить значения 'болеть' и 'умирать', первое относится к кар. *hallata* 'стать беспомощным, дряхлым; повреждаться, портиться' [KKS, 1, 157], второе через офен. связано с венг. *hálni* 'умереть' [Мызников, 1996, 86]. Еще Даль отмечал о вхождении ряда слов вошло в обиход от «венгерских ходебщиков [словаков]» [Даль]. Вероятно, более перспективна версия связи с тюркскими данными, ср. татар. *һәлак* 'гибель, смерть, пагуба'

Таким образом, неисконные данные, зафиксированные в русских говорах, в большинстве случаев можно сопоставить с лексемами конкретных языков-источников, либо даже диалектов, однако аморфность ареалов, рассматриваемых данных не всегда позволяет остановиться на одной этимологической версии.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1-4. М. СПб., 1880- 1882 (2-е изд.). {Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. Tt. 1-4. M.-SPb., 1880- 1882 (2-e izd.). }

Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // СФУ. 1969. V. № 1. С. 105-113. {Ivanov I.G. Marijskie leksicheskie zaimstvovaniya v russkih govorah Vyatskogo kraja // SFU. 1969. V. № 1. P. 105-113. }

Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН) (В тексте – КСРНГ). {Kartoteka «Slovarya russkih narodnyh govorov» (hranitsya v Slovarnom otdele ILI RAN) (V tekste – KSRNG). }

Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46-62. {Krivoshchekova-Gantman A.S. Komi-permyackie zaimstvovaniya v russkih govorah Verhnego Prikam'ya // Ehtimologicheskie issledovaniya. Sverdlovsk, 1981. P. 46-62. }

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 (В тексте – КЭСКОЯ). {Lytkin V.I., Gulyaev E.S. Kratkij ehtimologicheskij slovar' komi yazyka. Syktyvkar, 1999 (V tekste – KENSKYA). }

Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003. Т. 1-4. {Malecha N.M. Slovar' govorov ural'skih (yaickih) kazakov. Orenburg: Oren-burgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002-2003. T. 1-4. }

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14. F. 3-4. С. 285-315. {Matveev A. K. Zaimstvovaniya iz permskih yazykov v russkih govorah Severnogo i Srednego Urala // Acta linguistica. Budapest, 1964. T. 14. F. 3-4. P. 285-315. }

Михеева М.С. Названия некоторых явлений природы в печорских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 1 / Отв. ред. Н.А. Мещерский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. С. 95-107. {Miheeva M.S. Nazvaniya nekotoryh yavlenij prirody v pechorskih govorah // Severnorusskie govory. Vyp. 1 / Otv. red. N.A. Meshcherskij. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1970. S. 95-107.}

Мызников С.А. Глаголы прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах // Этимологические исследования. Выпуск шестой. Екатеринбург, 1996. С. 80-87. {Myznikov S.A. Glagoly pribaltijsko-finskogo proiskhozhdeniya v novgorod-skih govorah // Ehtimologicheskie issledovaniya. Vypusk shestoj. Ekaterinburg, 1996. P. 80-87.}

Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992-1995. Вып. 1-12 (В тексте – НОС). {Novgorodskij oblastnoj slovar' / Otv. red. V.P. Strogova. Novgorod, 1992-1995. Vyp. 1-12 (V tekste – NOS).}

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. {Podvysockij A. Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii. SPb., 1885.}

Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам) (В тексте – ПЛГО). {Polevoe lingvogeograficheskoe obsledovanie (materialy, sobrannye avtorom v dialektologicheskikh ehkspediciyah po russkih govoram i finno-ugorskim yazykam) (V tekste – PLGO).}

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. СПб., 1899-1911. {Radlov V. V. Opyt slovarya tyurkskih narechij. T. I-IV. SPb., 1899-1911.}

Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН) (в тексте – Симиная). {Slovarnaya kartoteka pinezhskih govorov, dar G. YA. Siminoj Slovarnoj kartoteke IRYAZ (nyne kartoteka SRNG, hranyashchayasya v ILI RAN) (v tekste – Simina).}

Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983-2007. Вып. 1- 12 (в тексте – СВГ). {Slovar' vologodskih govorov. Vologda, 1983-2007. Vyp. 1- 12 (v tekste – SVG).}

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск. 1990 (В тексте – СКЯМ). {Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskij dialekt). Sost. G.N. Makarov. Petrozavodsk. 1990 (V tekste – SKYAM).}

Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994 (В тексте – СКЯП). {Slovar' karel'skogo yazyka (tverskie govory). Sost. A.V. Punzhina. Petrozavodsk, 1994 (V tekste – SKYAP).}

Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990-2005. Т. 1-10 (В тексте – СМЯ). {Slovar' marijskogo yazyka. Joshkar-Ola, 1990-2005. T. 1-10 (V tekste – SMYA).}

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994- 2005. Т. 1-6 (В тексте СРГК). {Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej / Gl. red. A.S. Gerd. SPb., 1994- 2005. T. 1-6 (V tekste SRGK).}

Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003-2005. Т. 1-2 (В тексте – СРГНП). {Slovar' russkih govorov Nizovoj Pechory / Pod red. L.A. Ivashko. SPb., 2003-2005. T. 1-2 (V tekste – SRGNP). }

Словарь русских народных говоров. Тт. 1- 50. М., Л., СПб., 1965-2018 (В тексте – СРНГ). {Slovar' russkih narodnyh govorov. Tt. 1- 50. M., L., SPb., 1965-2018 (V tekste – SRNG)}

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961 (В тексте – ССКЗД). {Srvnritel'nyj slovar' komi-zyryanskih dialektov. Syktyvkar, 1961 (V tekste – SSKZD).}

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1-4. М., 1964-1973. {Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Tt. 1-4. M., 1964-1973. }

- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Тт. 1-2. Чебоксары, 1996. {Fedotov M.R. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. Tt. 1-2. Cheboksary, 1996.}
- Чувашско-русский словарь / Под ред. М.Я. Сироткина. М., 1961 (В тексте ЧРС). {Chuvashsko-russkij slovar' / Pod red. M.YA. Sirotkina. M., 1961 (V tekste CHRS). }
- Ярославский областной словарь. Вып. 1-10. Ярославль, 1981-1991 (В тексте – ЯОС). {Yaroslavl regional dictionary. Vol. 1-10. Yaroslavl, 1981-1991 (Yao in the text)}
- Itkonen T. I. Koltan ja kuolalapin sanakirja. O. 1-2 // LSFU, XV. Helsinki, 1958 (В тексте – KOLTKS).
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1-56.
- Karjalan kielen sanakirja. O. 1- 6 // LSFU, XVI, 1-6. Helsinki, 1968-2005 (В тексте – KKS).
- Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.
- Paasonen, 1902 – Paasonen H. Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen // FUF, 1902. B. II, H. 2. S. 81-137.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955- 1981 (В тексте – SKES).
- Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFO, 21. Helsingfors, 1903.

УДК 372.881

Н. Я. Насырова, *Өфө к*

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШКОРТ ТЕЛЕН (ТУҒАН ТЕЛ БУЛАРАҘ) УҘЫТЫУ

Башкирский язык богат уникальными диалектами и говорами. В статье рассматриваются вопросы преподавания башкирского языка как родного в русскоязычных школах в условиях диалекта. Воспитание культуры речи учащихся средней школы в условиях диалекта рассматривается как проблема методики обучения башкирскому языку. Обосновывается важность развития литературной речи учащихся. Намечены пути совершенствования культуры речи школьников на родном языке.

Ключевые слова: башкирский язык, литературная речь, методика обучения, преподавание, диалекты, методы.

TEACHING THE BASHKIR LANGUAGE IN DIALECT CONDITIONS. *The article deals with the teaching of the Bashkir language as a native language in the Russian-language schools. The upbringing of the speech culture of secondary school students in dialect conditions is seen as a problem in the methodology of teaching the Bashkir language. The importance of the development of students' literary speech is grounded. The ways of improving the speech culture of schoolchildren in their native language are outlined.*

Keywords: Bashkir language, literary speech, teaching methods, teaching, dialects, methods.

Ошо киң донъяла саф алтындай
Башкорт иле, башкорт ерзәре;
Беззең күнелдәрзең иң түрендә
Башкорт һүзе, башкорт көйзәре.
Р. Шәкүр

Балаларзың әзәби телдә дәрәҗә һөйләргә һәм язырға өйрәтәү уларзың телмәр культураның тәрбиәләү һәм артабан камиллаштырыу эштәренән башлана. Шуға ла укытыусы алдында укыусыларзың телмәрендәге диалект хаталарзы алдан күрә белеү, иҫкәртеү һәм уларзы бөтөрөү бурысы тора. Бының өсөн мәктәп программаһында махсус

сәғәттәр бүленмәгән, дәрестәр каралмаған. Шулай за, укыусыларзың телмәрендә төрлө диалект хаталарзы булдырмау йүнәлешендә эшләргә кәрәк. Был эште башкорт теленә «Фонетика. Графика. Орфоэпия. Орфография» бүлектәрен өйрәнәү дәрестәрендә ойшторорға мөмкин. Телмәр культурахын формалаштырыу, укыусыларзың һөйләү һәм языу телмәрен үстәрәү буйынса эш эзмә-эзлекле алып барылырға тейеш.

Эзәби телдәң фонетик нормаларына өйрәтәү дәрестәрендә өн менән хәрәфтәң айырмаһын конкрет миҫалдар нигезендә аңлатыу, укыусыларзың телмәре менән дикторзың йәки укытыусының телмәрен сағыштырыу, анализлау кеүек эштәргә таянырға тура килә. Эзәби телмәр үрнәгенә таянып, төрлө орфоэпик кағизәләр сығартыу диалект хаталар өстөндә эште йәнләндреп ебәрәсәк. Һөйләүсенәң телмәрендә ораған *урманнар, таңнар, һәзер, сыйыр, сарык* һ.б. һүззәрзә **т, н, һ, ҫ, с, н, у** өн-хәрәфтәре дәрәс кулланылмауын һәм эзәби норма булып тормауын асыклайзар.

Диалект шарттарында башкорт телен укытыузың тәүге этабында, орфографияға өйрәтәү алымы буларак, ишетәү диктанты өстөнлөк алырға тейеш. Бындай эштең файзаһы күбәрәк булһын өсөн уны төрлө грамматик йәки орфографик биремдәр менән тулыландырырға мөмкин. Мәсәлән, килеш ялғаузарын языуза кыйынһынған укыусыға диктантта ораған исемдәрзәң килеш ялғаузарының (*һиңә, ә һинеңә, һиңәргә* түгел) астына һызырға, ә теге-йәки был өн-хәрәфтә ауыр үзләштәрәүсе укыусыға бер нисә һүззәге башкорт хәрәфтәренәң астына һызырға һәм язылышына иғтибар итергә кушыла (Азнағолов, 1991, 15).

Диктанттарға карағанда, ижади характерзағы, ирекле язма эштәргә (изложениеларза, иншаларза, көндәлектәргә, хикәйәләрзә) диалект хаталары күбәрәк китә. Шуның өсөн диалект шарттарында эзәби телдәң орфографияһына өйрәтәүзә баланың ишетәү һәләтен һәм ишетәү хәтерен, күрәү һәләтен һәм күрәү хәтерен үстәрәүсә алымдарзы кулланыу мөһим. Уларға түбәндәгеләрзә индерергә мөмкин: ирекле диктант, ижади диктант, орфографик күнәгәүзәр, күрәү диктанты, һүзлек диктанты, тексты күсереп языу, иҫкәртмәле диктант, аңлатмалы диктант, һайланма диктант.

Мәктәптә без, укытыусылар, өйрәтәү характерындағы диктанттарға иғтибарзы аз бүләбез. Диктанттар - программа материалын үзләштәрәүзә нығытыу сараһы. Улар укыусыларзың теге йәки был өн-хәрәфтәргә, һүззә, һүзбәйләнәштәргә, һөйләмдәрзә дәрәс ишетәү һәм дәрәс күрәү хәтерен үстәрә, балаларзы ирекле һәм ижади характерзығы язма эштәргә үтәргә әзерләй.

Диалект шарттарында эзәби телдә өйрәтәү укытыусы өсөн, бер яктан, белем бирәү, йәғни дәрәс һөйләү һәм дәрәс языу нормаларын үзләштәрәүгә өлгәшәү максатын күз уңында тотһа, икенсе яктан, укыусыларза телгә кызыкһыныу уятыу сараһы итеп тә каралырға тейеш. Ә бының өсөн уның үзенән диалекттарзы һәм һөйләштәргә якшы белеү талап ителә. «Укыусы балаларзың ерлә һөйләшен өйрәнгән һәм белгән сакта ғына», - тип билдәләй профессор Ж. Ғ. Кейекбаев, «балаларзың һөйләү (һәм языу) телендәге һөйләш хаталарын күрһәтеп, уларзы эзәби телдә һөйләргә өйрәтергә мөмкин» [Шәкүр, 2011, 22].

Профессор Рафаэль Ғәйнәтдин улы Азнағоловтың «Диалект шарттарында башкорт телен укытыу методикаһы» китабында Әбйәлил районы укыусыларының, йәғни көнсығыш диалекттың кызыл һөйләше вәкилдәренәң, язма эштәренән ерлә һөйләшкә генә хас лексик берәмек кулланыуға ошондай миҫал килтерә: «Колхозыбызза Зиннәт апа, Әксән апа, Шәрәфәтдин апа кеүек хезмәт алдынғылары бар». Бында *апа* һүзә эзәби телдәге *бабай* 'дядя' мәғәнәһендә кулланыла һәм күпселек һөйләш вәкилдәренә аңлашылмай. Шуның өсөн дә был һүз эзәби телдәң лексик нормалары күзлегенән хата иҫәпләнә [Азнағолов, 1991, 23].

Башкорт һөйләштәре менән эзәби тел араһындағы морфологик айырымлыктар буйынса дәрестәргә үткәреләсәк эштең күләме башлыса түбәндәгеләргә қайтып қала:

– исемдәрзәң, алмаштарзың килеш менән үзгәрәше (*урманның, миңәргә* һ.б.);

- һүзьяһалыш (*күззек, иректе, атның, урмандык* һ.б);
- исемдәрҙең һан менән үзгәреше (*китаптар, кырлар, язлар* һ.б);
- исемдәрҙең хәбәрлек заты менән үзгәреше (*укытыусысыз, колхозсысыз* һ.б);
- алмаш төркөмсәләре (*бу, шушы, нәмәстә, кайсан* һ.б)
- кылымдарҙың зат, һан менән үзгәреше (*китәү, ишеткәбез* һ.б) һ.б

Диалект шарттарында башкорт эзәби теленең морфологияһына өйрәтеүҙә иң кулайлы алымдарҙан сағыштырыу алымы һанала (эйәлек килештә *безең-безнең*)

Укыусыларҙың телмәрендәге орфоэпик һәм орфографик хаталарҙы иҫкәртеү һәм бөтөрөү өсөн махсус морфологик карточкалар, таблицалар кулланыу эффе́ктлы алымдарҙан һанала.

Дөрөс әйт һәм дөрөс яз!	Дөрөс түгел!
Килһә	Килдиҫә
Килгәйне	Килгән ийе
Алып кайт	Апкайт

Орфоэпик-орфографик биш минутлыктар үткәреү алымы һәйбәт һөзөмтәләр бирә. Теге йәки был һүззе килеш менән үзгәртеүҙә укыусыларға даими рәүештә тәкдим итергә кәрәк. Был осракта балалар эзәби тел нормаларына тизерәк өйрәнәләр.

Укыусыларҙы эзәби тел нормаларына өйрәтеүҙә үззәре ятка белгән шиғырҙарҙы, өзөктәрҙә дөфтәрзәренә яззырыу кулайлы алым булып тора.

Шулай ук ярышка королған инша яззырыу мөһим алым. Ярыштың тәртибе түбәндәгеләр: телдең һүрәтләү сараларын, сифат, рәүештәрҙә кем күберәк куллана, фекерҙең логик эзмә-эзлелеге, һүззәрҙең урынлы кулланылыуы һ.б. Бындай эштәр үткәреү укыусыларға тәбиғәт күренештәренә, конкрет предметтарҙың быға тиклем иғтибар ителмәгән билдәләрен күрергә ярам итә. Укыусыларҙың һөйләү телмәренә иғтибар итмәһәң, ул хата языу телмәренә күсә. Шуға һүзлек эшенә һәр дәрестә иғтибар итергә кәрәк. Тасуири укыу һәр дәрестә урын алырға тейеш.

Фоноязмалар тыңлау, укыусыларҙың телмәрен магнитофонға яззырып тыңлатыу, һәр үтелгән тема буйынса ярыштар ойштороу, викториналар үткәреү һ.б. укыусыларҙың белемдәрен байытыуға, телмәрен диалект хаталарынан тазартыуға ярам итәсәк.

Эзәби тел нормаларының төп канундарына өйрәтеүҙә грамматик анализ үткәреү яҡшы һөзөмтәләргә килтерә. Мәсәлән, исем һүз төркөмөн өйрәнәп бөткәндән һуң уның буйынса грамматик анализ үткәреүҙең тәртибе түбәндәгесә булырға мөмкин:

- исемдең башланғыс форманын табыу;
- яңғызлыҡ йәки уртаклыҡ исем булыуын әйтеү;
- яһалышын билдәләү;
- ниндәй һанда, затта, килештә тороуын әйтеү;
- һөйләмдең ниндәй киҫәге булып килеүен билдәләү.

Шулай итеп, диалект, ерле һөйләш шарттарында башкорт эзәби теленең нормаларына өйрәтеүҙә алымдар байтаҡ кына. Ләкин нисек кенә кулайлы булмаһын ул алымдар, укыусыларҙың белемдәрен, һөйләү, языу һәм бәйләнешле телмәрен үстәреүҙә, телмәр культураны күтәреүҙә улар ғына проблеманы хәл итмәскә мөмкин. Был алымдар үз эшенә, үз предметына өйрәтеүҙә ижади эшләгән укытыусыларҙың эш практикаһында ғына ыңғай һөзөмтә бирәсәк.

Әзәбиәт

Азнағолов Р. Ғ. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу методикаһы. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1991. 145 бит. {Aznagulov R.G. Training in the Bashkir language in dialect conditions. Ufa: Bashkir publishing house, 1991. 145 p.}

Башкорт теленә диалекттары һүзлегә. Өфө: Китап, 2002. 432 бит. {Dictionary of dialects. Ufa: Kitap, 2002. 432 p.}

Дмитриев Н. К. К вопросу об изучении башкирского языка // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. 321 с. {Dmitriev N.K. To the question of studying the Bashkir language. In: *Questions of Bashkir philology*. Moscow, 1959. 321 p.}

Ишбулатов Н.Х. Башкорт диалектологияһы. Өфө: Китап, 1980. 250 бит. {Ishbulatov N.Kh. Bashkir dialectology. Ufa: Kitap, 1980. 250 p.}

Шәкүр Р. Башкорт диалектологияһы. Өфө: Китап, 2012. 238 бит. {Shakur R. Bashkir dialectology. Ufa: Kitap, 2012. 238 p.}

УДК 821.512.141.09

Ш. В. Нафиков, М.Р. Валиева, г. Уфа

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ БАШКИРСКИХ ДИАЛЕКТАЛЬНЫХ АПА 'ДЯДЯ', ӘБӘ 'ТЁТЯ'

(Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.)

В настоящей статье рассматривается ареал распространения башкирских диалектальных терминов родства апа 'дядя', әбә 'тётя' с целью исследования этимологии данных лексем. Сравнительно-историческое и этимологическое изучение терминов родства башкирского языка, с одной стороны, раскрывает наиболее отчетливую пространственно-хронологическую картину исторических взаимоотношений и контактов тюркоязычных народов и их исторических соседей; с другой стороны, анализ существующих вариантов исследований происхождения данных апеллятивов позволяет систематизировать этимологические изыскания в урало-алтайском языкознании и шире – по ностратической макросемье.

При историко-этимологическом анализе можно обнаружить, что многие современные башкирские термины родства в своей основе восходят к праалтайским формам, в частности, и вышеуказанные формы. Однако, учитывая исследования и мнения известных этимологов, авторы приходят к выводу, что происхождение данных слов может быть связано с общепризнанным классическим взглядом на терминологию родства как Lallwörter, т.е. лепетные псевдослова характерные для детской речи. Также в статье анализируются семантические сдвиги данных форм, по которым можно судить, что заднерядные гласные свойственны формам, обозначающим мужской пол апа 'дядя', гласные переднего ряда встречаются в составе терминов родства, указывающие на женский пол – 'тётя'.

Ключевые слова: *этимология, башкирские диалектизмы, урало-алтайские языки, иберийско-кавказские языки, лексические сближения.*

ETIMOLOGIZATION OF THE BASHKIR DIALECTAL APA 'UNCLE', ӘБӘ 'AUNT'. *In this article the distribution area of the Bashkir dialectal terms of kinship апа 'uncle', әбә 'aunt' is examined with the OBJECTIVE of studying the etymology of these glosses. Comparative-historical and etymological study of kinship terms of the Bashkir language, on one hand, reveals the most distinct spatial-chronological picture of the historical relationships and contacts of the Turkic-speaking peoples and their historical neighbors, on the other hand, the analysis of existing variants of studies of the origin of these appellatives permits to systematize the etymological investigations in the Uralo-Altaic linguistics and broader still – in the Nostratic macro family.*

With the historical and etymological analysis one can find that many modern Bashkir terms of kinship basically stem from the pre-Altaic forms, in particular, the above mentioned forms. However, taking into account the research and opinions of well-known etymologists, we came to the conclusion that the origin of these words may be associated with the generally accepted classical view of the terminology of kinship as Lallwörter, i.e. babbling pseudo-words characteristic of children's speech. We also analyzed the semantic shifts of these forms, according to which one can judge that the rear vowels are peculiar to the glosses denoting the male gender and the front vowels are found in terms of kinship indicating the female sex.

Keywords: *etymology, Bashkir dialectisms, Ural-Altai languages, Ibero-Caucasian languages.*

В восточном диалекте башкирского языка имеет распространение лексема *ana* в значении ‘дядя’ и слова–обращения к старшим; территория распространения данного диалектного слова – восточные Абзелиловский, Белорецкий, Учалинский районы Республики Башкортостан. В «Диалектологическом словаре башкирского языка» указаны миасский, сакмарский, средний, кызылский говоры.

С языковедческой точки зрения происхождение *ana* в значении ‘дядя’ специальными исследованиями не охвачено, по крайней мере, в башкирском языкознании. В этнографическом плане хорошее освещение терминологии родства представлено в известной монографии Н. В. Бикбулатова [Башкирская система родства]. В татарском языкознании термины родства подробно исследованы в работах Д. Б. Рамазановой [Термины родства и свойства в татарском языке].

В общетюркологическом плане следует назвать специальную работу Л. Покровской, в которой на странице 29 *aba* трактуется как ‘название старшего родственника’ [Покровская, с. 29]. К.М. Мусаев пишет: «Множественность названий старших родственников (мать, отец, дед, бабушка) подтверждает мнение о лепетном происхождении большинства из них (выделенных лексем - *авт.*)» [СИГТЯ, 2001, с. 300].

В теоретическом смысле большую ценность представляют «Этимологический словарь тюркских языков (Общетюрские и межтюрские основы на гласные)» Э. В. Севортыяна [1974] и современное комплексное исследование московских ученых А.В. Дыбо и С.В. Кулланды «Системы родства. Системы терминов родства» [2009].

На основании данных древнетюркских памятников (далее ДТС) в тюркологии известна праформа **aba*: **aba* I – ‘мать’, **aba* II – ‘отец’ с транскрипцией [a-pha], **aba* III – ‘медведь’. В алтайском, хакасском языках форма *aba* употребляется в значении ‘отец’, в балкарском, татарском, башкирском, киргизском, казахском языках *aba* ‘дядя’, слово “лепетного происхождения” со звательным аффиксом *abaj*, *abyj*, *avyj*.

Несмотря на мнение о том, что древнетюрк. **oba* ‘род, племя’, возможно, имеет связь с *oba* ‘куча, собрание (камней)’, мы полагаем, что рефлексы наподобие уйгурского *opa*, *o:pa*, чаг. *oba* ‘род’ имеют смысловую связь с праформой **aba* (см. выше).

Общим местом в тюркологии и алтаистике является тезис о большой древности и своеобразии чувашского языка о том, что в терминологии родства в языке чувашей действительно присутствуют древние формы с интересующим нас корнем. В литературном языке и в диалектах отмечены *пичче*, *пичи*, *пичок* ‘старший брат; брат (диал.)’, *анна* ‘старшая сестра, тётя’ и т.д., ср. также современный чувашский *ама* ‘мать, самка’ [Егоров, 5, 18].

Из цитированной весьма информативной статьи Н.И. Егорова мы узнаем также, что в системе терминологии родства казахов *ана* – ‘старшая сестра; тетка по отцу; старшая вообще летами’; так иногда дети называют даже мать, когда жива их бабушка. В. Катаринский пишет: «Когда жива бабка, то дети ее сына называют матерью ее, а свою мать *ана*». Это, можно думать, указывает на древний обычай, когда дети разных жен одного человека считались детьми главной жены [Егоров, 12, 13].

Далее в поиске праформы башкирского *ana* ‘дядя’ мы обратились к этимологическим исследованиям алтаистов, а именно к “Этимологическому словарю алтайских языков”. На общеалтайском уровне праформой слова является **āp’a* ‘отец’ с рефлексами тунг. **apa*, монг. **ab[u]*, тюрк. **apa*, кор. **api*, *abi* [EDAL, 310].

Как и башкирский диалектизм *ana*, пратунг. **apa* одним из своих значений имеет ‘дядя (старший брат отца, матери)’; прамонг. **ab[u]*, где также в качестве одного из своих значений фигурирует ‘дядя со стороны отца’; среди тюркских рефлексов праформы **apa*

(**appa*) ‘отец’ заслуживают внимания ойр. *aba* ‘отец, медведь’; чув. *oba* ‘медведь’. Авторы цитируемого этимологического словаря выступают с выводом, что **āp’a* ‘отец’ есть общее алтайское слово лепетного происхождения (в оригинале *nursery word*), по терминологии конца XIX–начала XX вв. – Lallwörter (*из нем.*).

Как известно, работы Г. Рамстедта получили всеобщее признание в алтаистике в качестве классических. Ниже мы приводим ряд лексем, цитированных Г. Рамстедтом в известном труде «Введение в алтайское языкознание» [1952] (на немецком языке). Данные слова являются параллелизмами к башкирскому диалектизму *ana*: монг. *em-e* ‘женщина’; чув. *amma*, монгорск. (сино-кор.) *imo* ‘то же’; корейск. *ež-abi* ‘дядя’ (последний элемент), далее *aba-ni* ‘отец’, *eme-ni* ‘мать’, *dbi* ‘отец, бабушка’, *emi* ‘мать’ (*Op.cit, passim*).

Советский и азербайджанский алтаист Э. Азербает в статье “О лексике японского и тюркских языков, связанной с терминами родства” яп. *aba, ama, ummā* и т.д. считает лексемами, имевшими первоначально значение ‘материнское молоко’, ‘мать’, которые в дальнейшем получили хождение в значении ‘бабушка, сестра (старшая)’. В свою очередь яп. *aba, abo, abu, ama, ato, apo* (*sic – авт.*)..., *uma* в период *матриархата* означали ‘мать’, однако при переходе к *патриархату* они стали употребляться для выражения значения ‘отец’, *abo, abu, ama, amma*, употреблявшиеся в значении ‘отец’, со временем изменились свое значение и начали обозначать ‘дедушка, дядя, брат (старший)’ и т.д.; *aba, appa, eme* .. и т.д., с сигнификатом ‘мать’, изменились и стали выражать значение ‘жена’; *aba, ara* ... и другие изменили первоначальный смысл ‘отец’ на ‘муж’. По толкованию Э. Азербаета, *apo, aba, abi, abo ... ama, umai, ura, eme, oto* и т.п. – суть те же детские слова, т.е. классические Lallwörter “лепетного” происхождения слова, относящиеся к указанным терминам родства. Следует сделать оговорку о том, что Э. Азербает свой фактический материал почерпнул из работ японского ученого С. Яманаки [Азербает, 67].

Согласно EDAL (2003), праалт. **e’p’V* ‘дед’ (праТМ **epu* ‘дед, старший родственник’, пракор. **e’pi* ‘отец’: прамонг. **ebь-ge* ‘дед, предок’, орокск. *ere-ke* ‘дед’. Н. Поппе в известной работе [Рорре, с. 74] в качестве праалт. дает **aba* ‘отец’, ср. общемонг. **abu* ‘отец’; в данной публикации находим также **ap’a* ‘отец’ [EDAL, 2014].

Авторы считают корректным также сближение башк. *ana* с прачук. **appa* ‘дедушка, отец, папа’, что дало праэск. **apa* (*vide supra*); также якут. *убай* в значениях ‘старший родной брат; двоюродный старший брат; старший родственник по линии отца (моложе отца); отчим (диалектный вариант)’ [Федорова, 4, 5].

Данный термин родства обнаруживается и в уральской семье языков. Например, в мадьярском языке форма *ара* означает ‘отец, дядя’, однако в марийском, удмуртском, мордовском языках употребляется в значении ‘тётя’ [16]. В науке известны работы по сближению уральских языков с эскимосскими, но эта сторона вопроса здесь нами не обсуждается.

В этой связи необходимо отметить, что известный российский алтаист и тюрколог О. А. Мудрак в своей обширной монографии “Эскимосский этимологикон” указывает в качестве этимона праэск. **apa* ‘дедушка, отец’ из праалт. *йр’V* ‘дед’ и праалт. **бp’a* ‘отец’, см. № 1787 в источнике. К тому же существует вероятность того, что праалт. **ьти* ‘рождать’ и **ьти-iki* ‘яйцо’ имеют отношение к праэск. **ьт-луу* ‘яйцо’, равно как и к праалт. **убла* ‘яйцо’, что дало праэск. **эва-* ‘насиживать яйца’ [Мудрак, 2011, см. № 1370].

Факты *иберийско-кавказских* языков также говорят о наличии таких сближений, как бежтинск. *або* ‘отец’ (из цезских языков), абхазск. *ab* ‘отец’, кабардино-балк. *appa* ‘отец’, ср. кетск. *ор* ‘отец’, баск. *ета* ‘женщина’ [Примеры из картотеки авторов].

Р. Г. Ахметьянов считает, что данная форма в значениях ‘отец, дядя’ не является *ностратической* лексикой, несмотря на то, что распространена не только в урало-алтайских,

но и в семито-хамитских, индонезийских и славянских языках (*аба - отец*) [Ахметьянов, 2004, с. 38]. Из научной литературы известно, что формы, сходные с башк. *ана*, имеются в целом ряде языков ностратического круга: арамейск. *abba*, готск. *abba*, греч. *αββᾱ* ‘отец’. В древнегерманских диалектах *ата* со значением ‘бабушка’ засвидетельствовано в древнеисландском; со значением ‘мать’ – в древне-верхненемецком: в современном немецком известна разговорная форма *ора* ‘дедушка’ в противоположность *ота* ‘бабушка, бабуля’ (*авт.*). Вне германских языков термин в форме *ата* встречается в испанском, баскском, в финском *-ёта*, в тибетском *-ата* [Гухман, 102, 106].

В языке кабуи (сино-тибетская семья – *авт.*) *āро*, *āри* ‘отец’, **āро-и*, *ари-и* ‘мать’, в языке тенгза *ару-* ‘отец’ // *арь-* ‘мать’. Видоизменениями одной и той же основы выглядят также нубийск. *ав* ‘бабка’ // *йв* ‘дед, дедушка’, а также из языка барееа (один из кушитских языков) слово *abta* означает и ‘супруг’, и ‘супруга’, наряду с маньчжурским *ата* ‘отец’ // *еме* ‘мать’ [Немировский, 223].

Башкирское *абышка* ‘муж; вдовец’ < тюрк. **abuşuka* ‘муж, старик’, по всей вероятности, есть когнат по отношению к тюрк. **abu* (см. выше), башк. диал. *эбэ* ‘тётя; мать’, лит. *эбей* ‘старуха, тётя’. тунг.-маньч. **abusi* ‘муж старшей сестры’, монг. **abisu-n* ‘жена старшего брата’ имеют своим этимологом праалт. **арии* ‘старший свойственник’ [EDAL, 318].

Доисторическая, весьма большая древность башк. *ана*, *эбэ* и подобных им слов находит свое подтверждение и в ряде сближений из аборигенных языков *Нового Света*. Так, в сводной статье [20] находим такие примеры из пенутианских языков как *ира*, *ha'pa* ‘отец’, далее *i-ра*, *и-рā*, *а-ра-и*; ср. с *а-рах* ‘отец’ из языка индейцев кокопа (Южн. Америка), см. [Trombetti, 214].

Как свидетельствуют вышеприведенный сопоставительный материал и лексические изоглоссы, которые содержат сближения, иначе более или менее равные по значению и своей форме слова, а также башкирские диалектальные термины родства *ана* ‘дядя’, *эбэ* ‘тётя’, литературное слово *ана / анай* ‘тётя’ охватывают ареал распространения тюркских языков (в том числе с эпохи древности) и проходят по обширному ареалу распространения различных алтайских языков, включая окраинный древний корейский. Параллели к *ана* имеются и в уральской языковой семье. Следовательно, перед нами одна из урало-алтайских лексем из состава основного словарного фонда. Обзор литературы и фактического материала свидетельствует о распространении изоглосс на ареал языков ностратической макросемьи. Ряд сближений изоглосс обнаружен и в языках гипотетической **сино-кавказской** и **америндской** макросемьи, что говорит в пользу очень большой древности исследуемой лексемы.

Список сокращений

- абхазск. – абхазский
- арамейск. – арамейский
- баск. – баскский
- башк. – башкирский
- готск. – готский
- греч. – греческий
- диал. – диалектальный
- древнетюрк. – древнетюркский
- кабардино-балк. – кабардино-балкарский
- кетск. – кетский

корейск. – корейский
 лит. – литературный
 монг. – монгольский
 монгорск. – монгорский
 нубийск. – нубийский
 общемонг. – общемонгольский
 ойр. – ойротский
 орокск. – орокский
 праалт. – праалтайский
 прамонг. – прамонгольский
 СИГТЯ – «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков»
 (сино-кор.) – сино-корейский
 тунг.-маньч. – тунгусо-маньчужурский
 тюрк. – тюркский
 чаг. – чагатайский
 чув. – чувашский
 EDAL – Этимологический словарь алтайских языков (Etymological dictionary of the Altaic languages)
 Lallwörter – детские, лепетные слова
 Op.cit. – указанное сочинение (opus citatum).

Литература

- Азербайев Э. Г. О лексике японского и тюркского языков, связанной с терминами родства // Советская тюркология. 1982. № 2. С. 59-68 {Azerbaev E.G. On the vocabulary of Japanese and the Turkic languages related to terms of kinship. *Sovetskaya tjurkologiya*. 1982. No 2. P. 59-68.}
- Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка. В 4-х томах. Т. 1. Бирск. 2004. 233 с. {Ahmetyanov R.G. Etymological dictionary of the Tatar language. In 4 volumes. V. 1. Birsk. 2004. 233 p.}
- Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 124 с. {Bikbulatov N.V. The Bashkirian system of kinship. Moscow: Nauka, 1981. 124 p.}
- Бурыкин А. А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Алгебра родства. СПб, 2000. Вып. 5. С. 214. {Burykin A.A. The system of terms of kinship of the Yakuts in the synchronic, comparative-historical and areal aspects. In: *Algebra of kinship*. St. Petersburg, 2000. Issue. 5. P. 214.}
- Валиева М. Р. Проблема болгарского влияния на развитие башкирского языка: автореф. дисс. канд. филол. наук. Уфа, 2016. 23 с. {Valieva M.R. The problem of the Bulgarian influence on the development of the Bashkir language: Author's abstract. Cand. philol. sciences diss. Ufa, 2016. 23 p.}
- Гухман М. Г. Доиндоевропейские термины родства в германских языках // Сборник «Памяти академика Н.Я. Марра». М.-Л., 1938. С. 93-116. {Gukhman M.G. Pre Indo-European terms of relationship in the Germanic languages In: Collection *In memory of Academician N.Ya. Marr*. Moscow – Leningrad, 1938. P. 93-116.}
- Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с. {Dialectological Dictionary of the Bashkir Language. Ufa: Kitap, 2002. 432 p.}
- Древнетюркский словарь. Л., 1969. 716 с. {Ancient Turkic dictionary. Leningrad, 1969. 716 p.}

Дыбо А. В., Кулланда С. В. Родство. Системы родства. Системы терминов родства // Алгебра родства. Спб.: Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2009. С. 93-102. {Dybo A.V, Kullanda S.V. Relationship. Relationship systems. Systems of kinship terms. In: *Algebra of kinship*. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. (*Kunstkamera*), 2009. P. 93-102.}

Егоров Н. И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства IV. Старшая сестра // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. Чебоксары 1986. С. 3 – 26. {Egorov N.I. The experience of etymologization of the Chuvash kinship terms IV. The Senior sister. In: *The Chuvash language: the problems of historical lexicology*. Cheboksary 1986. P. 3-26.}

Мудрак О. А. Эскимосский этимологикон. М.: НВИ. Тезаурус, 2011. 1324 с. {Mudrak O.A. Eskimo Etymologies. Moscow: NVI. Thesaurus, 2011. 1324 p.}

Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Сборник памяти академика Н.Я. Марра. М.-Л., 1938. С. 196-226. {Nemirovsky M. Ya. Methods of denoting sex in the languages of the world. In: *Collection in memory of Academician N.Ya. Marr*. Moscow–Leningrad, 1938. P. 196-226.}

Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках / Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 467 с. {Pokrovskaya L.A. Terms of kinship in the Turkic languages. In: *Historical development of the vocabulary of the Turkic languages*. Moscow: the USSR Academy of sciences publishing house, 1961. 467 p.}

Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке. В двух книгах. Казань, 1991. Кн. I. 87 с., Кн. II. 192 с.; Рамазанова Д.Б. Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре: монография. Казан: Татар китап нәшр., 2014. 287 б. {Ramazanova D.B. Terms of kinship and relationship in the Tatar language. In two books. Kazan, 1991. Book I. 87 p., Ch. II. 192 p.; Ramazanova D.B. *Atamalarynda tугanlyk һәм ғailä mönäsäbätläre*: monograph. Kazan: Tatars Kitap näshr., 2014. 287 b.}

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюрские и межтюрские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с. {Sevortian E. V. Etymological dictionary of the Turkic languages (Common Türkic and inter-Türkic vocalic Anlaut bases). Moscow: Nauka, 1974. 767 p.}

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с. {Comparative-historical grammar of the Turkic languages. The lexicon. Moscow: Nauka, 2001. 822 p.}

Федорова Е. П. Термины родства и свойства в якутском языке (структурно-семантическое описание): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Якутск, 2012. 23 с. {Fedorova E.P. Terms of kinship and relationship in the Yakut language (structural-semantic description): the author's abstract. diss. cand. philol. sciences. Yakutsk. 2012. 23 p.}

Pitkin H., Shipley W. A comparative survey of California Penutian. *IJAL*. 1958. Vol. 24, № 3. P.174 ff.

Ramstedt G.I. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. Formenlehre. Helsinki. 1952.

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden. J. Brill, 2003. (EDAL).

Trombetti A. Le origini della lingua basca. Bologna, 1925. 163 p.

Trombetti A. Origine asiatica delle lingue e popolazioni americane. In: *Atti del XXII Congr. Internaz. degli americanisti*. Roma, 1928. Vol. II. 253 p.

Trombetti A. La lingua etrusca. Rinascimento del un libro. Firenze. 1928. XIII + 237 p.

НАИМЕНОВАНИЯ ПОДРУГИ СО СТОРОНЫ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ)

Работа является продолжением изучения нижегородских говоров. В статье представлено этнолингвистическое описание наименований подруги со стороны невесты в свадебном обряде. Диалектные названия свадебных персонажей характеризуются с точки зрения мотивированности значения, словообразования, ареала распространения, содержащейся этнолингвистической информации. Сделанные наблюдения и выводы способствуют расширению и обогащению представлений о нижегородских диалектах.

Ключевые слова: этнолингвистика, нижегородские говоры, обрядовая лексика, обрядовые персоналии, наименования подруги невесты.

NAMES GIRLFRIENDS WITH THE BRIDE IN A WEDDING CEREMONY (BASED ON NIZHNY NOVGOROD DIALECTS). *The work is a continuation of the study of Nizhny Novgorod dialects. The article presents an ethnolinguistic description of the names of the bride's girlfriend in the wedding ceremony. Dialect names wedding characters are characterized from the point of view of motivation of the meaning, derivation, distribution, contained ethno-linguistic information. The observations and conclusions contribute to the expansion and enrichment of ideas about Nizhny Novgorod dialects.*

Key words: ethnolinguistics, Nizhny Novgorod dialects, ritual vocabulary, ceremonial personalities, names of bridesmaids.

Русские народные говоры хранят в себе то, что было характерно для русского языка в разные периоды его развития – от древности до современности. Именно в диалектах сохраняются языковые черты, отражающие быт и нравы разных периодов жизни русского человека. Лексическое богатство русских говоров проявляется, в частности, в обилии диалектных слов, анализ которых имеет особую значимость, поскольку лексика говоров отражает традиционную народную культуру, обеспечивая лингвистов данными для реконструкции языка и истории этноса. В лексико-семантической системе ярко проявляется креативная, порождающая функция языка. Именно с помощью языка народ реализует свою насущную потребность к созиданию. В сознании носителя диалектного языка побеждает стремление конкретизировать мир, творить его словом, отражать свою жизнь, что побуждает говорящего человека не замечать готовых способов обозначений. Так постепенно создается картина материального и духовного миров, в которой язык оказывается первичным по отношению к внеязыковым сущностям. Блок этнолингвистической информации, реализованный в языке, относится к наиболее важным характеристикам духовной культуры народа. Исследование семейных обрядов, которые сопровождают наиболее важные моменты в человеческой жизни, связанные с рождением, свадьбой, вступлением в новую сферу деятельности, переходом в другую возрастную группу, смертью, играет большую роль. Поэтому описание обрядовых универсалий в сфере семейно-бытовой народной жизни может вскрыть, с одной стороны, содержательную ценность культурных комплексов прошлого, в то же время – их современное состояние. Нижегородская деревня в настоящее время уже не знает исконного содержания обряда, бессознательно повторяет его, ссылаясь на старшее поколение, или воссоздает обряд как воспоминание о прошлом. В этой связи «реконструкция языка обряда предполагает исследование того, какими языковыми средствами строится и выражается он в народном сознании» [Банкова, 1997, 22]. Богатый материал для анализа диалектной картины мира содержится в записях нижегородской свадьбы и подтверждает уже давно признанную константой мысль о том, что в семантике диалектных единиц, обозначающих реалии и участников свадебного обряда, содержится культурно-маркированная информация.

Известно, что в предсвадебный период и жених, и невеста находили себе дружек [Никифорова, 2014]. Среди многочисленных обрядовых персонажей рода невесты

выделяются свадебные чины, которые не состоят в родственных отношениях с невестой. К ним относится близкая подруга невесты: «И у жыниха, и у невесты были дружки. Как дружилис подруга с подругой, невеста её и берёт» (с. Пустынь Арзамасского р-на). У нижегородской невесты на свадьбе были ближайšie подруги, которые сопровождали ее повсюду, сидели рядом за столом с обеих сторон, продавали невесту жениху за богатый выкуп, одевали невесту в утро свадьбы и др. «Подружык невесты называют корены подруги, оне и на девшишнике поют и выкуп просят за невесту» (д. Митино Вачского р-на).

Лексико-семантическая группа слов, называющая одну из главных участниц старинного свадебного обряда и распорядительниц на свадьбе со стороны невесты, представлена в нижегородских говорах лексемами и устойчивыми сочетаниями: *подружка* (повсеместно), *подневестница*, *поневестница* (Починковский р-н), *шаферица* (Лысковский, Вадский р-н), *черемонка* (Перевозский, Починковский р-ны), *свашка* (Сергачский р-н), *баярка* (Сеченовский р-н), *дружка* (Арзамасский р-н), *полудружка* (Кулебакский, Вознесенский р-ны), *подсвашка* (Краснооктябрьский р-н), *подсвашье* (Сергачский р-н), *провожатка* (Кстовский р-н), *поддѣвка* (Пильнинский р-н), *девки* (повсеместно), *товарка* (Дальнеконстантиновский, Лукояновский р-ны), *коренная товарка* (Дальнеконстантиновский, Лукояновский, Первомайский р-ны), *коренная подруга* (Ардатовский, Богородский, Вачский, Шахунский, Тоншаевский, Уренский, Варнавинский р-ны), *коренная подружка*, *коренная сваха* (Шатковский р-н), *крестовая подруга*, *тайная подруга* (Сергачский р-н), *потайная подруга* (Гагинский р-н), *дружная подружка* (Вадский р-н), *первая подружка* (Сеченовский р-н), *коренная* (Княгининский, Арзамасский, Бутурлинский р-ны), *провожатая* (Краснооктябрьский р-н).

Общими с современным русским литературным языком являются номинации *подруга* (*подруги*), *подружка* (*подружки*), которые в Нижегородской области знают повсеместно: «Перед сварьбой куст рядили – репейник большой. Подружки невесты куст наряжали, к жениху идут с кустом» (с. Кузьминка Сергачского р-на).

Согласно лексикографическим источникам, данные лексемы не ограничены пределами Нижегородского региона, заходят в говоры северного и южного наречия, а также на территорию граничащих среднерусских говоров. Все номинации бытуют в обрядовом значении. Так, слово *подруга* встречается в курских, орловских говорах [СРНГ, 28, 164], лексема *подружка* содержится в орловских [СРНГ, 28, 164], наименование *подневестница* зафиксировано в смоленских, брянских, тверских, псковских, калужских, вятских говорах [СРНГ, 28, 95], слово *поневестница* известно псковским, тверским говорам [СРНГ, 29, 255], номинация *свашка* отмечено в псковских, ярославских, кубанских говорах [СРНГ, 36, 223], лексема *полудружка* встречается в псковских, тверских говорах [СРНГ, 29, 146], слово *провожатка* записано в орловских говорах [СРНГ, 32, 99], наименование *баярка* известно псковским, смоленским говорам [СРНГ, 3, 144] и др.

Для названия одного из главных свадебных чинов в речи носителей нижегородских говоров используются эквиваленты данного понятия, образованные различными способами. Состав свадебных чинов, к которым относится и подруга невесты, подчиняется четкой иерархии, определенной их близостью к молодой и важностью выполняемой функции. В связи с этим для многих лексем данной лексико-семантической группы на первый план выходит иерархический принцип номинации. В качестве мотивировочного признака выступает действующее лицо, участник свадебного обряда. Такие наименования отличаются прозрачной внутренней формой, реализуют семантическую модель «зависимый чин – главный чин» и мотивированы названиями лиц, с которыми связана обрядовая функция человека: *дружка*– *полудружка*.

В нижегородских говорах подруг невесты называли в соответствии с наименованиями друзей жениха: *подженишник* ‘представитель окружения жениха, распорядитель на свадьбе’ – *подневестница*, *поневестница* ‘подружка невесты’, *баярин* – *баярка*, *шафер* – *шаферица*, *сват* – *свашка*: «У невесты ф помощницах боярка была» (с. Бахаревка Сеченовского р-на).

Мотивирующим признаком для наименований подруги со стороны невесты является обрядовое действие, поэтому выделяется суффиксальный дериват *провожатки*. Другие

свадебные чины, совершающие определенные свадебным обрядом действия, которые непосредственно указывают на выполнение обрядовой функции лицом, репрезентированы отглагольными существительными – субстантивированными прилагательными *коренная, провожатая*.

Номинация *черемонка* отражает семантическую модель «деятель, участник свадебного обряда – обряд». *Черемонка* – подружка невесты, участница свадебной церемонии: «*Черемонки крадут у поезжан шапки, разукрашивают их тряпочками цветными и требуют эти шапки выкупать*» (р.п. Починки Починковского р-на). В слове произошла звукозамена, вызванная отражением в говоре неразличением аффрикат и заменой звука [ц] звуком [ч].

В основе символических наименований используется метафорический перенос. Например, в нижегородских говорах есть лексема *поддѣвка* ‘одежда, которую поддевают под верхнее платье; жилетка, душегрейка’ [СРНГ, 27, 386]. Наименование *поддѣвка* ‘подружка невесты’ дано по сходству выполняемых функций предмета одежды и участницы свадебного обряда: «*Рядом с невестой по праву руку жених, по леву поддѣвка, подрушка, фсё около невесты, помогают ей, охраняют*» (с. Медяна Пильнинского р-на).

Лексема *товарка*, отмеченная в СРНГ с необрядовым значением ‘подруга’ в тверских, псковских, новгородских, вологодских, архангельских, ярославских, курских, пензенских, воронежских, зафиксирована и в нижегородских говорах [СРНГ, 44, 162]. «*На свадебном пиру товарки продавали курник – это наряженный накануне девушками – подружками невесты репей, по частям ёво продавали*» (с. Маргуша Дальнеконстантиновского р-на).

Отмечены номинации подруги невесты, представляющие устойчивые атрибутивные сочетания с опорным компонентом – именем существительным и атрибутивным компонентом – именем прилагательным: *коренная товарка, коренная подруга, коренная подружка, коренная сваха, тайная подруга, потайная подруга, дружная подружка, первая подружка*. В нижегородских говорах данная модель является продуктивной. Лексикографические источники показывают распространение слова *коренной* в говорах южновеликорусского наречия, в частности, пензенских [СРНГ, 14, 318-320]. В нижегородском свадебном обряде лексема *коренной* реализует обрядовую семантику ‘связанный личным общением, дружбой, главный, основной’: «*У девушек, у коренных подружек выкупают сундук с приданым и приговаривают: «Четыре угла – четыре рубля, на углы по рублю, а в середку – золотой»* (с. Кужендеево Ардатовского р-на). Слово *тайный* с пометой *фольк.* отмечено в СРНГ со значением ‘эпитет подруги’ в калужских, архангельских говорах [СРНГ, 43, 224].

Обрядовые лексемы, называющие персоналии свадебного обряда, обладают повышенной информативностью, семантической нагруженностью, всесторонне констатируют внутриобрядовые процессы. Характерной чертой является полисемантизм обрядовых номинаций, синонимия, обусловленная заимствованиями из других лексических сфер. Префиксально-суффиксальные образования *подсвашка, подсвашье* номинируют в нижегородском свадебном обряде женщину, постоянно занимавшуюся сватовством, устройством браков: «*Перет сватофством родители жениха шлют повещать невестину сторону о сватофстве. Для твою есть потсвашка. Её дело подыскать жэнику невесту*» (с. Бахаревка Сеченовского р-на).

Свадебным агентам также свойственна экспрессивность, о чем свидетельствует лексема *девки*: «*У девок, ну у подрук-то торгуют постельничьи и увозят г жениху*» (с. Линейка Вознесенского р-на, д. Фокино Воскресенского р-на).

Многие наименования подруги невесты, например, *дружки, подружки, девки, провожатки*, употребляются в обряде в форме множественного числа, «представляя названия группы действующих лиц, девичье окружение невесты» [Ларина, 1997, 79]. Записи нижегородской свадьбы содержат упоминания о коллективе подруг-помощниц невесты: «*Утром в день сварьбы от невесты г жэнику отправляюща девушки-подружки с приданым невесты. Этот обряд называют рубашка. По дороге девушки поют, рассказывают прибаутки, шутят. Идут самы близки подруги невесты – человек шесть. Одна идёт фпреди – эта девушка шьёт занавески и распоряжаца их развешиваньем; она же шьёт*

передник тѣшчэ жэниха. Обязательно одна из девушек несёт веник. Он весь украшенный разноцветными лентами. Друга несёт скалку, обёрнуту цветной бумагой, фольгой. В отдельный пакет кладут рубашку, мыло, лепёшку, испечонну для жэниха будушчэй тѣшчэй. Когда подходят к воротам жэниха, выходит жэних со своими друзьями, и начинаца торг. Кто продаёт подушки, кто – ватник. Жэних выкупат приданое. Выкуп сопровождаца шутками » (с. Зеленые Горы Вадского р-на).

Обрядовые функции подружки нижегородской невесты, проявляющиеся в конкретных действиях, разнообразны: девушки помогали шить приданое и дары, наряжали свадебное деревце, пели песни, расплетали косу, одевали невесту, охраняли её, продавали невесту и др.: *«Невесте расплѣтали косу, а ленту отдавали коренной подруге»* (д. Поляна Ардатовского р-на). *«Накануне венчания корена подруга невесты ходила з жэниху за веником и мылом»* (с. Шапкино Богородского р-на).

Исследовав названия подружки невесты, мы пришли к выводу о том, что рассмотренная нами обрядовая лексика, являясь составной частью словаря традиционной народной культуры нижегородских говоров, сама по себе интересная с точки зрения репертуара, семантики, принципов номинации, в то же время служит ценным источником отражения особенностей национального характера нижегородских крестьян, их морально-этических и ценностных ориентиров, их образного мировидения.

Литература

Банкова Т.Б. Обрядовое значение слова: языковой и этнический феномен // Этноссы Сибири: язык и культура: Материалы Международной конференции. Ч. 1. Томск: ТГПУ, 1997. С. 20-23. {Bankova T. B. Ritual meaning of the word: linguistic and ethnic phenomenon. Ethnos of Siberia: language and culture: Proceedings of the international conference. Part 1. Tomsk: Tomsk state pedagogical University, 1997. P. 20-23.}

Ларина Л.И. Наименования подружки невесты и её девичьего окружения в свадебном обряде (на курском материале) // Курские тетради: Курск и куряне глазами учёных: Тетрадь первая. Курск: Изд-во КГПУ, 1997. С. 77-80. {Larina L. I. the names of the bridesmaids and her maiden entourage in a wedding ceremony (at the Kursk material). Notebook Kursk: Kursk and Kursk through the eyes of scientists: the Notebook first. Kursk:publishing house of Krasnoyarsk state pedagogical University, 1997. P. 77-80.}

Никифорова О.В. Наименования друга со стороны жениха в свадебном обряде (на нижегородском материале) [Электронный ресурс] // Культура и образование. Декабрь 2014. № 12. Режим доступа: <http://vestnik-zzr.ru/2014/12/2633>. {Nikiforova O. V. names of the groom's friend in the wedding ceremony (on the Nizhny Novgorod material) [Electronic resource]. Culture and education. December 2014. No. 12. Access mode: <http://vestnik-zzr.ru/2014/12/2633>.}

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин, Ф.П.Сороколетов, С.А.Мызников. М.-Л.: Спб.: Наука, 1965-2016. Вып. 1-49. {SRNG– Dictionary of Russian folk dialects/GL. red. F. p. Filin, F. p. Sorokoletov, S. A. Myznikov. M.- L.: St. Petersburg: Nauka, 1965-2016. Vol. 1-49.}

УДК 811. 512

А. М. Саидов, г. Махачкала

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В «ГРАММАТИКЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА» Н. К. ДМИТРИЕВА

В статье на основе анализа "Грамматики кумыкского языка" Н.К. Дмитриева рассматриваются пути становления и развития кумыкской диалектологии, вкратце освещается степень изученности отдельных диалектов и говоров и их влияние на формирование кумыкского литературного языка, дается краткое описание основных работ исследователей, внесших значительный вклад в решение данной проблемы. Кроме

того, автор, исходя из ареалов распространения кумыкского языка, считает верным и научно обоснованным выделение не двух, а трех наречий: южное, северное и среднее.

Ключевые слова: кумыкский язык, наречие, диалект, говор, литературный язык, формирование, диалектизмы, фонетика, лексика, историко-культурный и экономический.

ISSUES OF DIALECTOLOGY IN THE *GRAMMAR OF THE KUMYK LANGUAGE* BY N. DMITRIEV. *On the basis of analysis of the Grammar of the Kumyk language, by N. Dmitriev the author discusses the ways of formation and development of the Kumyk dialects, summarizes the degree of knowledge of separate dialects and sub-dialects and their influence on the formation of the Kumyk literary language, gives a brief description of the major works of scholars who have made significant contributions to the solution of this problem. In addition, the author, based on the distribution areas of the Kumyk language, considers it correct and scientifically justified to distinguish not two, but three subdialects: southern, Northern and the middle one.*

Key words: Kumyk language, dialect, subdialect, literary language, formation, dialectology, phonetics, vocabulary, historical, cultural and economic.

Имя Н.К. Дмитриева большими буквами вписано в историю кумыкского языкознания. Изданная им в 1940 году "Грамматика кумыкского языка" [Дмитриев 1940] до сих пор остается единственной научной грамматикой кумыкского языка.

В 1936 г. с целью изучения тюркских языков Северного Кавказа была создана специальная экспедиция. Над кумыкским языком работали Н.К. Дмитриев и А.А. Сатыбалов. На основе собранного материала А.А. Сатыбалов опубликовал обширную статью о говорах и ономастике кумыкского языка [Сатыбалов 1936], Н.К. Дмитриев написал "Грамматику кумыкского языка". Монография не утратила своей значимости и сегодня, служа настольной книгой для кумыкских языковедов. Все исследователи кумыкского языка проходили через эту работу. В разделе "Общие сведения о диалектах кумыкского языка" данного издания исследователь дает классификацию диалектов кумыкского языка и их краткий обзор. Это было первое научное исследование диалектов кумыкского языка, хотя главной целью исследователя, как он сам подчеркивает, было не глубокое изучение диалектов, а написание грамматики кумыкского языка.

Задолго до этого Т. Макаров в 1848 г. издал в Тифлисе «Татарскую грамматику кавказского наречия». Это издание считается первой грамматикой кумыкского языка, написано оно на основе хасавюртовского диалекта. Т. Макаров в работе не употребляет слова 'диалект', но впервые выделяет «три наречия в кумыкском языке: шамхальское, кумыкское, кизлярско-моздокское» [Макаров 1848, III] (современные буйнакский, хасавюртовский и терский диалекты кумыкского языка).

Н. К. Дмитриев также выделяет три диалекта в кумыкском языке: хасавюртовский, буйнакский и хайдакский, намекая в то же время, что "это не окончательная классификация" [Дмитриев, 1940, 31]. Действительно, говоры гелинский, параульский, какашуринский (Карабудахкентский район), бугленский и нижнедженгутаевский (Буйнакский район), которые в современном кумыкском языке относятся к подгорному диалекту, включены Н.К. Дмитриевым в буйнакский диалект. Кроме того, в классификацию не вошли говоры живущих за пределами Дагестана моздокских (Осетия-Алания) и брагунских (Чеченская Республика) кумыков, которые в настоящее время составляют терский диалект кумыкского языка. Однако это отнюдь не умаляет заслуги великого исследователя. Он раскрыл для будущих кумыкских языковедов кумыкскую диалектологическую карту, определил основные направления и методику изучения диалектов. Считая основными и ведущими хасавюртовский и буйнакский диалекты, исследователь связывает это с двумя важнейшими в историко-культурном и экономическом отношении районами Хасавюртовским и Буйнакским. Хасавюртовский и хайдакский диалекты Н. К Дмитриев называет "полярными диалектами с точки зрения языковой специфики, буйнакский же представляется переходной величиной между первыми двумя" [Дмитриев, 1940, 31]. Характеризуя хасавюртовский

диалект, Н.К. Дмитриев отмечает: "Территориально хасавюртовский диалект распространяется на три крупных селения: Яхсай, Эндирей и Костек; сюда же относится Ботаюрт. Аулы Яхсай, Эндирей и Костек образуют почти равнобедренный треугольник, если вершиной считать Эндирей, а основанием – линию Костек – Яхсай" [Дмитриев, 1940, 39 – 40]. В данном диалекте Н.К. Дмитриев, в отличие от кайтакского и буйнакского диалектов, не выделяет отдельно говор какого-либо населенного пункта. Оно и понятно: в данном диалекте говоры отдельных сел почти не отличаются ни на фонетическом, ни на лексическом, ни на синтаксическом уровнях.

Вышеприведенное высказывание Н.К. Дмитриева "о не окончательности" своей классификации нашло подтверждение в дальнейших исследованиях по диалектологии кумыкского языка. Сегодняшняя диалектная система кумыкского языка представляет иную языковую картину: в кумыкском языке исследователи выделили еще два диалекта: подгорный, словами Н.К. Дмитриева, "переходный" между буйнакским и кайтакским, и терский (кумыки, проживающие на территории Чеченской Республики и Северной Осетии-Алании – около 30 тыс. чел.), на произносительные нормы которого сильно повлиял чеченский язык.

Изучением диалектной системы кумыкского языка занимались все ведущие исследователи кумыкского языка. Одним из первых в 1953 г. И.А. Керимов защищает кандидатскую диссертацию по кайтакскому диалекту кумыкского языка. В дальнейшем в своих работах он аргументирует необходимость формирования кумыкского литературного языка на основе общих и специфических черт буйнакского и хасавюртовского диалектов [Керимов 1957, 1967].

Исследуются вопросы диалектологии и в книге Ю. Д. Джанмавова, изданной как учебное пособие для студентов ВУЗов [Джанмавов, 1968], как и в работе Ж. М. Хангишиева «Къумукъ диалектологиясы» [Хангишиев, 1989], где дается краткое описание особенностей лексики, фонетики, орфографии и грамматики всех пяти диалектов кумыкского языка.

Значительный вклад в изучение диалектов кумыкского языка внесли монографии Н.Х. Ольмесова "Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка" [Ольмесов, 1994] и "Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология" [Ольмесов, 1997], в приложении которой впервые приведены диалектологические карты, что несомненно повышает лингвистическую ценность исследования.

Однако, несмотря на всю проделанную работу по исследованию диалектной системы кумыкского языка, начатую еще Н. К. Дмитриевым, на данном этапе нельзя считать ее изученной в достаточной степени. Сегодня, кроме общей классификации диалектов, мы не имеем отдельных монографических работ по каждому диалекту. Малоисследованными и неисследованными остаются местные говоры, не определено их количество по диалектам. К примеру, в хасавюртовском диалекте, носители которого составляют значительную часть кумыкского сельского населения (сюда входят кумыкские населенные пункты Хасавюртовского, Бабаюртовского и Кизилюртовского районов, городов Хасавюрта и Кизилюрта – всего сорок населенных пунктов) до сих пор не определено количество говоров. В плане территориально-географическом с севера на юг ареалы диалектов кумыкского языка имеют протяженность около 500 км и располагаются таким образом: терский, хасавюртовский, буйнакский, подгорный и кайтакский. Исходя из этого, "считаем, что существовавшее до сих пор деление кумыков на северных и южных по диалектным различиям не совсем правильно отображает их особенности. Существует ряд достаточно верных и научных обоснований выделить три наречия в кумыкском языке: южное – кайтагский и подгорный диалекты, северное – терский и хасавюртовский диалекты и среднее

– буйнакский диалект – [имея в виду] населенные пункты Буйнакского и Кумторкалинского районов; к ним примыкают Махачкала с поселками Тарки, Кахулай, Албурикент, Ленинкент, Шамхал. Такое деление позволяет четко определить границы языковых явлений и опорные специфические черты каждого наречия и научные основы литературного языка" [Саидов, 2017, 177] . Можно констатировать, что сегодня Махачкала с прилегающими поселками, которые мы выделили как населенные пункты среднего наречия и сочетающие в себе особенности хасавюртовского и буйнакского диалектов, вполне закономерно составляют основу кумыкского литературного языка.

Литература

Джанмавов Ю.Д. Къумукъ тил. Фонетика, орфоэпия ва графика (на кум. яз). Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. 131 с. {Janmavov Yu. The Kumyk tongue. Phonetics, graphics, spelling. Makhachkala: Daguchpedgiz editorial house, 1968. 131 p.}

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 203 с. {Dmitriev N. K. A Grammar of the Kumyk language. Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1940. 203 p.}

Керимов А.И. Хасавюртовский диалект кумыкского языка // Ученые записки Дагестанского педагогического института. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 207-232. {Kerimov A. I. The Khasavyurt dialect of the Kumyk language. In: ProceedingsScientific notes of Dagestan pedagogical Institute. Vol.1. Makhachkala, 1957. P. 207-232.}

Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии . Махачкала, 1967. 154 с. {Kerimov I. A. Essays in Kumyk dialectology . Makhachkala, 1967. 154 p.}

Макаров Т.Н. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848. VII + 143 с. {Makarov, T. N. Tatar grammar of the Caucasian patois. Tiflis, 1848. VII + 143 p.}

Ольмесов Н.Х. Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. Махачкала: РИО ДГУ. Махачкала, 1994. 143 с. {Olmasov N. X. The Boraganski subdialect and its place in the system of the dialects of the Kumyk language. Makhachkala: DGU RIO. Makhachkala, 1994. 143 p.}

Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология. Махачкала: ДГУ, 1997. 326 с. {Olmasov N. X. Comparative-historical study of the dialect system of the Kumyk language. Phonetics. Morphology. Makhachkala: DSU, 1997. 326 p.}

Саидов А.М. Становление и развитие кумыкской диалектологии // Балтийский гуманитарный журнал. Рубрика: Филологические науки. Калининград, вып. 4 (21), 2017. С. 177. {Saidov, A. M. Formation and development of the Kumyk dialect studies. The Baltic journal of the Humanities. Philological Sciences series. Kaliningrad, vol. 4 (21), 2017. P. 177.}

Сатыбалов А.А. К вопросу об изучении говоров кумыкского языка // Советское языкознание. Т. II. 1938. С. 90-107. {Satybalov A. A. O the issue of studying the dialects of the Kumyk language. Soviet linguistics. V. II. 1938. P. 90-107.}

Хангишиев Ж.М. Къумукъ диалектологиясы. Магъачкъала: Изд. ДГУ, 1989. 81 с. {Khankishiev J. M. Kumyk dialect studies. Makhachkala: Ed. DSU, 1989. 81 p.}

ҒӘРӘП ГРАФИКАФЫНДА БАШКОРТ ЯЗМА ТЕЛЕНДӘ ЯЗЫЛҒАН ТЕКСТАРЗЫҢ БАҒЫЛЫУЫ ТАРИХЫНАН

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ НА АРАБОГРАФИЧНОМ БАШКИРСКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ. До двадцатых годов XX столетия башкиры использовали письменный арабографичный язык тюрки Урало-Поволжья, который восходит к более ранним разновидностям тюркской письменности. Наряду с указанным языком, развивавшимся под влиянием местных языков и диалектов, в определенной степени почти до середины XX века пользовались чагатайским и османским вариантами письменного языка. В рассматриваемый период письменный язык тюрки в Урало-Поволжье все больше сближался с местными языками. В 1920 годах представители башкирской интеллигенции активно занимались разработкой нового литературного языка. Еще до его образования в периодической печати издавались материалы на башкирском языке, написанные на арабской графике. Их язык представляет собой синтез письменных традиций тюрки и местных диалектов.

Ключевые слова: Язык тюрки Урало-Поволжья, башкирский язык, история языка, диалектология, арабографичные тексты, периодическая печать, археография.

FROM THE HISTORY OF THE PUBLICATION OF THE ARABIC SCRIPT TEXTS IN THE BASHKIR LANGUAGE. Until the twenties of the twentieth century Bashkirs used the written Arabic script of the Turks of the Ural-Volga region, which dates back to earlier varieties of Turkic writing. Along with this language, developed under the influence of local languages and dialects, to some extent, almost to the middle of the twentieth century, the Chagatai and Ottoman versions of the written language were used. During the period under review, the written language of the Turks in the Ural-Volga region came closer to the local languages. In the 1920s, representatives of the Bashkir intelligentsia actively engaged in the development of a single Bashkir standard (literary) language. Even before its formation in the periodical press materials were published in the Bashkir language, written in the Arabic script. Their language is a synthesis of the written traditions of the Turks and local dialects.

Keywords: Turkic language of Ural-Volga region, Bashkir language, history of language, dialectology, Arabographic texts, periodical press, archaeography.

XX быуаттың егерменсе йылдарына тиклем башкорттар ғәрәп графикаһына нигезләнған Урал-Волга буйы язма төрки телен куллана. Был тел төрки телдәрәненә тағы ла боронғорак язма төрзәрәнә барып тоташа. Шул ук вақытта Көнъяк Урал территорияһында Урал-Волга буйы язма төрки теле менән йәнәшә XX быуат урталарына тиклем билдәлә дәрәжәлә сағатай һәм ғосманлы язма төрки телдәре лә кулланыла. Был мосолман мәғарифының үзенсәлектәрәнә бәйлә. Сағатай телен белеүсә мөдәрәстәр укыусыларын шул телдә укыта. Ғосманлы теле белгестәре иһә – ғосманлыса. Бынан тыш, быға укыу әсбаптарының теле лә йоғонто яһай. XIX быуат азағы – XX быуат башында Урал-Волга буйы төрки теле урындағы халык теленә тағы ла нығырак яқынлашыуын дауам итә [Иһан, 1991; Әхмәров, 2012; Ишбердин һ.б., 1993].

XX быуат башында язма тел һәм грамматика мәсьәләләре күп тапкыр төрки халықтарының вақытлы матбуғат биттәрәндә күтәрелә. Бигерәк тә 1909 йылда «Шура» журналында мөхәррире Ризаитдином Фәхрәтдинов тарафынан ойшторолған «Тел ярышы» әһәмәтле. Рәсәйҙең төрлө төбәктәре укымышлылары менән бергә башкорт интеллигенция вәкилдәре лә әүзем катнаша. Мәсәлән, танылған башкорт мәғрифәтсе-шағир Ғәли Сокоройзон улы, төньяк-көнбайыш башкорт диалектында һөйләшеүсә мәғрифәтсе Ғарифулла «Тел чабыштыру» («Тел сабыштырыу») исемле мәкәлә менән сығыш яһай. Унда ул: «Шура» сабағының 13-нче кисәгенәң 402-нче битендән башлап Яғкуб Хәлими кул куйған дүрт бүлмәләрдәге сүзләр белән, 15-нче кисәгенәң 467 битендәге «Кәләм чабыштыру» дигән сүзенә каршы мин дә кыймылдамакчы булам. Аяғым қысқа булса да, таяғым озон тегеләй! Безнең башкорт токомы – токонт ғына халық. Шулай булсалар да, укыуға бик чәркәмләр, боронғы бабайларымыз көрәшергә, ат чабышдырырға, мәрәйгә атуб

тидерергә бик мәргәнләр икән, аларның ук сала торған садакларыны, жәйәләрене әле дә булса саклаган бабайларымыз бар. Мин дә аларның бер аз тарихларыны шагерд чағымда ук яза башлаган идем. Мәгәр күбрәк «имеш, маниш»дан иде. Бу заманда русчадан бер аз күчергәлэй торғач байтак төпләргә әүерелде дә, тач башкортча ғына булғанға, казанлар мыскыл итәрләр диб басдырырға күрсәтә алмаған идем...

Мына рәхмәт! Тәңре ярлыкасун «Шура» эйәсене! «Шура»ның шушы лисанларында асыл телемезне онотдырмаска, һәр түбәгә бер-ике адәм асыл телне гел шул тел белән генә сүләшүргә дә, язарға да димләүенә.

Ходай Тәғәлә һәр илгә бер тел биргән. Безгә бүтән тел белән остаруб сүләшергә ник көчәнергә? Чибәр сөйләшәм, тиб берәүләр үзенәң якыны аңламаған телләр белән маташса, йыуачаға әрем кысылған кебек була ич. Гәжитләр, журналлар, урамда да, яланда да, акланда да, әрәмә ардларында, кыуаклыкда, чауыллыкда, булсун һәр урында укурға ярый торған бер сабаклардыр. Әнә шулай булғач, шундағы халыкларға шунлар төсле тел белән укуб биргәндә, йәғни, йәғни диб кат кат катнамайынча укуб алуб китәрлек булсун, дыңлап торған: “Әү? Әү?”, тиб кайтаруб сорамайынчук аңлаб шак катарлык булсун иде. Мона ағай! Бу чакда йәшләр бәләкәй генә кәләм тота башлагач да “китаб чығарам”, “шиғыр әйтәм”, “әкиәт әйтәм”, “жырлар жазам” ди торғач, әллә ниндәй телләр тығуб халыкны уғата мингерәүләндерделәр... Бер-берәң белән ачылышлы итәрлек сүзләр кәрәкмәс, милләткә хедмәтең зәхмәткә әүерүлмәсен дисәң, татыулык кәрәк. Мал ичүн жан кыйарға тағын бер дә ярамаған эш, вәғдәң вә уны кырмаң, ишекдән кереб төнлөкдән чыкман, колакчун белән кынжырағыңны кей дә муйыныңны коллакка эй. Эйүлгән муйынны кылыч чабмас, дигәнләр. Ибсез кеше үзенә тиң бер дә ибтәш табалмас, астыртун юкны уйлап картаю, ялған сүз әмәлче була да йөрәкне кымыржыта, таныксыз сүз – ярлыксыз ат кебек. Шелтәү кая барса да бары бер шелтәү булып, дигәнләр. Яматай ялчылар кебек хужаға кергәндә инәлүб керүб, чак кына корсағың туйғач да “Сезгә ялынуб торор диб беләсез буғай”, – диб чүт бирмә чык дә кит, имеш. Мона! Әйбәт кеше!!” – диб яза [ШТЯ, 49 б].

Автор үз язмаһы астына: “Ғарифулла Кейеков, Бөрә өйәзе ирәкте башкортларындан медитсински фелдшер”, – тип кул тамға куя.

1910 йылда «Тел ярышы» материалдары айырым йыйынтык рәүешендә донъя күрә. Был китапта башкорттарға кағылған башка материалдар зә нәшер ителә. Шул исәптән Верхнеуральск өйәзе Ахун ауылынан М. Әл-Ғосмани исемле имам ебәргән «Башкорд шиүәсендә әкиәт» тә донъя күрә. Унан бер өзөк килтерәбез: “Борон бер карт бар ийе, ди. Аның өс улы бар ийе ди. Кескәйе таз ийе, ди. Карт балаларына: “Йәйә, ук ясаңыз да атуңыз! Уғыңыз кайда төшсә, шунан кыз алуб бирермен”, – диб әйтде, ди...” [ШТЯ, 53 б.].

«Шура» журналының «Тел ярышы» тигән йыйынтыкта басылған мәкәләләрзең теле урындағы халыктың һәм язма традициялар синтезы нигезендә барлыкка килгән сыбар төрки телендә язылған.

1917 йылға кәзәр башкорттар ғөмүмән Урал–Волга төрки телен, кайһы берзәре сағатай һәм ғосманлы язма телдәрен куллана. Шул йылдың май айында үткәрелгән Беренсе Бәтә Рәсәй мосолмандар съезында башкорт делегаттары үз талаптарын, шәл исәптән телгә кағылышлыларын да телгә килтерә. Мәсәлән, Икенсе Бөрйән, Өсөнсө Бөрйән, Тамъян, Кыпсак волостары вәкилдәре мөрәжғәтендә мосолмандар өсөн үз телен һәм ғәрәп графикаһы нигезендәге үз языуын кулланыу ихтыяжы булыуы әйтелә: “Мосолманлара үз лисанымыз вә үз язуымыз ғәрәби хөрүфәтендә язылуы берлә кабул иделүб мәхкәмәләрдә мосолманлардан хәжәт кәдәре ғәдәд нөфүз иғтибары берлән ағзаларымыз булсун” (“Мосолмандарға үз телебез һәм үз языуыбыз ғәрәп хәрәфтәрендә язылыуы менән бергә кабул ителеп, судтарза мосолмандарзан кәрәкле тиклем, халык исәбен иғтибарға алып, ағзаларыбыз булһын”) [НАРБ].

Бишенсе маддәһендә: “Уку вә язу эшләремез, дини вә мәғариф жәһәтенчә һәммәсе ана телемздә булуп ниндәйен фән булса да укурға кирәк булса, хатта чит мәмләкәтләрдән мөгәллимләр алурға ихтиярымыз булсун” (“Укыу һәм языу эштәребез, дин вә мәғариф буйынса һәммәһе эсә телебеззә булып, ниндәй генә фән булһа ла, укырға кәрәк булһа, хатта сит илдәрзән мөгәллимдәр алырға рөхсәт ителһен”) [НАРБ].

1917 йылдан башлап Ырымбур, Силәбе, Стәрлетамак һәм Өфө калаларында башта Башкорт мәркәз шураһының, һуңынан Башкортостан хөкүмәтенәң вақытлы басмалары нәшер ителә башлай. Кайһы бер орактарза уларза төрлө башкорт диалекттарындағы материалдар за басыла. Мәсәлә, 1918 йылдың 27 июлендә «Башкорт» гәзитендә Башкорт йәштәренәң «Тулкын» ойошмаһы исеменән байрам котлауы сыға:

“Байрамкайың, башкорт, котты булһун,
Шаттык менән тулһун йөрәгең,
Бер Алладан һора изгу көндә
Кабул кыл, тиб, башкорт теләген.
Теләй күрең, асык кустыларым,
Башкорт халкы бәйдән сыжһун тиб;
Ирек алған иркен далаһында
Кыуанысмән байрам итһун тиб” [Байрамкайың...].

Был әсәр язма төрки теле традицияларын асык һаклаған башкорт теленәң көнсығыш диалектында язылған. Ул дәүерзә «Башкорт» гәзите Силәбе калаһында басыла. Был регионда көнсығыш диалектында һөйләшеүселәр йәшәй, гәзиттең редакцияһында ла был диалекттың вәкилдәре эшләй. Басманың баш мөхәррире – катый ырыуынан Фәтхелкадир Сөләймәнов, ул һуңынан Төркиәлә этнограф-ғалим Әбделкадир Инан буларак танылыу таба.

1919–1920 йылдарза сыккан башкорт гәзиттәренәң теле башкорттарзың көньяк (юрматы) һәм төньяк-көнбайыш диалекттарына якын. Кайһы берзә уларза көнсығыш диалектында ла материалдар күренә. 1923 йылдан һуң, ул замандың телселәре әйтеүенсә, башкорт әзәби теле көнсығыш (кыуакан) диалекты йоғонтоһонда яһала. Сөнки ошо диалектта һөйләшкән ул вақыттағы телселәрзәң күбәһенәң фекеренсә, был диалект саф башкортса (русса – “глубоко башкирский”) була. Һуңынан иһә әзәби тел көньяк һәм көнсығыш диалекттар нигезендә эшләнә [Билялов, Москалев, 1930, с. 376–377].

1920 йылдарза сыккан «Башкортостан хәбәрзәре» гәзитендә ғәзәттә язма төрки телендә “бу” һүзе урынына “бул” тип языу осрай. Хәзәрге әзәби телдә иһә “был” тип кулланыла. Мәсәлә, күрһәтелгән йылдың 8 апрелендә кайһы бер лозунғылар менән Фәтхелкадир Сөләймәновтың «Башкорт халкының бул көнгә бурысы» тигән мәкәләһе башкортса, атап әйткәндә, көнсығыш диалектта донъя күрә. Бындай күренеш унан бер нисә йыл алдарак нәшер ителгән «Башкорт» гәзитендә лә осрай [Фәтхелкадир Сөләймәнов, 1920].

1921 йылдың 26 майында «Башкортостан хәбәрзәре»ндә «Башкорт шиүәләре һакында» исеMLE мәкәлә басыла. Уның авторы Мөхәмәтдин Бәхтийәров шул йылдың 9 апрелендә Башкортостан мәғариф халык комиссарлығы янындағы халык ижадын йыйыу бүлексәһе тарафынан ойошторолған башкорт зыялылары ултырышы тураһында хәбәр итә. Йыйылышта катнашыусылар башкорт телен өс диалект тәшкил итеүе һакында әйтеп, уларзы түбәндәге төркөмдәргә бүлә: 1) тамъян, катый, бөрийән; 2) үсәргән, кыпсак, түңгәүер, ете ырыу һәм юрматы; 3) Дим, Тук-Соран. Дөйөм башкорт әзәби телен барлыкка килтерәү максаты менән улар нигез итеп, уларзың уйынса, таза булып һакланған Тамъян-Катый башкорттары телен алырға карар итә: “Моңың һуңында лөзүми рәүештә бүлексәлә Тамъян-Катыйса язарға, урындағы әдәбиәт йыйыусыларға мөмкин кәзәр Тамъян-Катыйса, мөмкин булмағанда шул урындың үз шиүәһе менән язарға ихтияр калдырыла” [Бәхтийәров, 1921].

Башкортостан катын-кыздарының тәуге вакытлы басмаһы булып «Азат катын» гәзите иҫәпләнә. Уның тәуге ханы 1921 йылдың 7 ноябрәндә Стәрлетамак калаһында сыға. Редакцияның адресы: Карл Маркс урамы, 69, Хезмәт һарайы, № 6. Ул Партияның Өлкә Комитеты эргәһендәгә катын-кыздар бүлегенә нәшере була. Бәләкәй форматта кағыздың бер яғында баһыла. Ауыр осорза гәзиттең сығыуы тукталып кала. «Азат катын» гәзитен сығарыуы билдәле йәмәғәт эшмәкәре Рабиға Кушаева башлата. Ул бындай басманы булдыруу кәрәклегә хақында Партияның Башкортостан Өлкә Комитеты секретары Шаһит Хозайбирзингә мәрәжәғәт итә. Башка йәмғиәт эшмәкәрзәре лә уның фекерен хуплай. Шулай итеп, тәуге катын-кыздар басмаһы нәшер ителә башлай [Сулейманова, 2010, с. 53]. Дәүләт нәшриәтендә баһыла. Тиражы – 1500 дана.

Беренсе һанда Рәхмәтуллина Рабиғаның «Дүрт йыллыҡ революцияла», Таңһылыуың «Ас балалар һәм эшсән катындар», «Дүрт йыллыҡ Октябрь көнә һәм аслык белән көрәшеү», һөйөндөктәң «Ас булғастын, меһкен нишләһен!», «Озатылыһасак балаларға кейем хәзерләү» исемле мәкәләләр донъя күргән.

«Ас балалар һәм эшсән катындар» “Тан–һылыу” (хәзерге эзәби телдә – Таңһылыу) псевдонимы аһтында нәшер ителә. Был мәкәләненә теле хәзерге эзәби телгә яһынлығы менән айырылып тора. Унда көнъяк диалекты элементтары ла бар:

“Эһсе һәм ауыл катын-кыздары, аһларға һисек ярзам итәргә тейешле?”

Эһсе катын-кыздар ярзамы, эһселәр белән бергә сәнәғәттә эһ белән күтәрәү, тавар алмашыу фонды арттыруу, сәғәттән тыш өсөн, айырым вазифалар булһа ул да катын-инә, өй хужаһы булыулары белән алар, иң башта ас балаларға ярзам сараларын күрүргә тейешләр.

Хәзерге курқыныһлы аслыкта бигрәген балалар ауырлыҡ күрә. Аслыктың осло тырнаклары аларзың мәғсүм йөрәкләренә казала, аларзын һескә организмларын каһшата, менә ул курқыныһлы балаларымыззы һәләкәт соһорона ташланы.

Әлбәттә, балаларға ярзам итеү аларзын күз йәһләрен һөртөү, һынык күңелләрен йһуатыу эһен ялғыз инәләр генә яһшы белә алалар.

Шул сәбәптән ас балаларға ярзам итеү эһләре һәр кайһыһы бигрәген эһсе катын-кыздарына, йәғни инәләренә табшырылып, аларға үз өһтләренә төһкән вазифаларын тейешенсә эһтәргә тейүһлеләр. Ярзамдын бер минут кисектерелеүе уһарса, йөзләрсә йәһ мәғсүм балаларзын әһәлләрен китерәләр.

Аслык форһат көтмәй, һаман да үз вәхшәтен эһләй.

Шундай аслык, аһ-һарлар белән бөтөн Идел-Урал буйлары яһраған ваһытта без фәлһсәфәләр һатып, юк-һарзы тикшерүб торорға тейеш түгелбез.

Барлығыбыз за кулығыззан килгән ярзам белән йәһ инһилаб балаларын аслыктан котһыруу өсөн ымһторға тейешбез. Был беззен кисектермәй торған вазифаларыбыз” [Таңһылыу, 1921].

Гәзиттең иһенсе һаны “Башкортостан хәбәрзәре” исемле республика гәзитенәң 46 һомерына куһымта рәүешендә сығарыла. Кулығызға эләккән һөһхә иһе биттән тора. Унда “Теләйбез”, “Катын-кыздар һәм ваһ һөнәрселек”, Беренсе май – эһ көнә”, “ Беренсе Май байрамы һәм катын-кыздар”, “Аслык корһаны”, “Беренсе Майзың тарихы”, “Канһком (РКП (б)) яһындағы катын-кыздар араһында эһләү шөғбәләренә һәм Башкортостан эһсе һәм крәһтиән катын-кыздарына аһык хат” исемле мәкәләләр донъя күргән. Авторһар араһында З. Хәйерова, Ф. Бикмөһәмәтова кеүек катын-кыздар бар. Баһма тулы көйө һакланмаған өсөн кайһы бер аһыкһланмаған урындары бар.

Башкорт ваһытлы матбуғатының тәуге тикшеренеүһселәренәң берене булған Төһвәт Йәнәби “Башкорт ваһытлы матбуғаты: 1919–1929” (Өфө: “Башкортостан” гәзите нәшере, 1929. 52 б.) уһы: “Һәр хәлдә, был гәзит Башкортостан катын-кыздарының тарихта беренсе таһкыр күргән гәзите булды. Ул үз дауаһында сикһез караңғылыкта йәһшәп килгән катын-

кыззарзы аң-белемгә етәкләүзә беренсе азым яһаны”, – тип баһалай [İnan Abdülkadir, 1991, 22 б.].

Шулай итеп, XX быуаттың егерменсе йылдарында башкорт интеллигенцияһы вәкилдәре яңы башкорт эзәби телен булдырыу өсөн актив эшләй. Ул барлыкка килгәнгә кәзәр үк гәрәп графикаһындағы вақытлы матбуғатта башкортса язылған мәкәләләр нәшер ителә. Мәкәләләр телендә язма төрки теле традициялары һәм урындағы халықтың һөйләшкән теле синтезы асыҡ күренә.

Әзәбиәт

İnan Abdülkadir. Dış Türklerde 50 Yıl Önce Yazı Dili Meselesi // Makaleler ve Incilemeler/ II. Cilt. Ankara, 1991. S. 187–190. {İnan Abdülkadir. The problem of the language of fifty years ago among foreign Turks. In Articles and Research. Vol. II. Ankara, 1991. S. 187-190.}

Байрамкайың, башкорт, котты булһун... // Башкорт. 1918. 27 июль. {Congratulations on the holiday, ye, Bashkirs ... *Bashkort* newspaper. 1918. 27 July.}

Бәхтиәров Мөхәтдин. Башкорт шиүәләре хақында // Башкортостан хәбәрләре. 1921. 26 май. {Bakhtiyarov Mukhutdin. On the Bashkir dialects. *Bashkortostan kheberleri* newspaper. 1921. 26 May}

Билялов М., Москалев В. Башкирский язык // Литературная энциклопедия. Том I. М., 1930. С. 376–377. {Bilyalov M., Moskalev V. The Bashkir language // Literary encyclopedia. Vol. I. Moscow. 1930. P. 376-377.}

Әхмәров К.З. Башкорт языуы тарихынан. Өфө: Китап, 2012. 184 б. {Akhmerov K.Z. From the history of the Bashkir script. Ufa: Kitap, 2012. 184 p.}

Ишбирзин Ә.Ф., Гәләүәтдинов И.Ф., Халикова Р.Х. Башкорт эзәби теленең тарихы. Өфө: Китап, 1993. 320 б. {Ishbirzin E.F., Galyautdinov I.G., Khalikova R.Kh. History of Bashkir literary language. Ufa: Kitap, 1993. 320 p.}

НАРБ – Научный архив Уфимского федерального центра Российской академии наук. Ф. 80. {Scientific Archives of the Ufa Federal Science Center of the Russian Academy of Sciences. Fund 80.}

Йәнәби Төхвәт. Башкорт вақытлы матбуғаты: 1919–1929. Өфө: “Башкортостан” гәзите нәшере, 1929. 52 б. {Yanabi Tukhvat, Bashkir Periodic Press: 1919–1929. Ufa: publishing house of the *Bashkortostan* newspaper, 1929. 52 p.}

Сулейманова Р. Н. У истоков женской печати в Башкортостане // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. III. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 52–57. {Suleymanova R.N. At the origins of the women's press in Bashkortostan // Bashkortostan in the twentieth century. Historical portraits. Issue III. Ufa: IYAL URC RAS, 2010. P. 52–57.}

Танһылыу. Ас балалар һәм эшсән катындар // Азат катын. 1921. 7 ноябрь. {Tanhilyu. Hungry children and working women. *Azat Katyn*. 1921. 7 November.}

Фәтхелкадир [Сөләймәнов]. Башкорт халкының бул көнгә бурысы // Башкортостан хәбәрләре. 1920. 8 апрель. {Fatkhelkadir [Suleimanov] Bashkort halkynun bul konge burysy. *Bashkortostan kheberleri*. 1920. April 8.}

ШТЯ – «Шура»ның тел ярышы / мәрәттибе Ризаитдин бин Фәхрәтдин. Оренбург: “Вақыт” матбағасы, 1910. 195 б. {Language discussion of the journal *Shura* / compiled by Rizaitdin bin Fakhreddin. Orenburg: *Vakyt* press, 1910. 195 p.}

РУССКИЕ СЛОВА В СОСТАВЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В некоторых диалектах якутского языка немаловажное значение имеют слова, заимствованные в разные периоды из русского языка. Статья посвящена анализу слов, употребляемых в речи современных студентов.

Ключевые слова: *современный якутский язык, территориальные диалекты, диалектная лексика, якутско-русское двуязычие, заимствованные слова.*

THE RUSSIAN WORDS AS A PART OF DIALECT LEXICON OF MODERN YAKUT. *In some dialects of Yakut the words borrowed during the different periods from Russian have important value. The article is devoted to the analysis of the words used in the speech of modern students.*

Keywords: *modern Yakut, territorial dialects, dialect lexicon, Yakut-Russian bilingualism, loan words.*

В силу объективных причин (территориальное обособление языковых групп друг от друга в силу географического положения, влияние других языков: эвенского, эвенкийского, чукотского, юкагирского, русского) якутский язык всегда являлся неоднородным. Еще в 1937 году в своей книге «Ураангхай сахалар» Г.В. Ксенофонов разделял якутское наречие на говоры южные (скотоводов) и северные (оленеводов) [Ксенофонов, 1992, 320]. В «Грамматике современного якутского литературного языка» отмечается, что «...якуты из самых отдаленных друг от друга районов могут свободно разговаривать и понимать друг друга, а также пользоваться письменным литературным языком. Однако небольшие различия по говорам в области фонетики, лексики и даже грамматики в якутском языке все же имеются» [Грамматика..., 1982, 12].

В современном якутском языке выделяют четыре группы говоров: центральная группа, вилюйская группа, северо-западная группа, северо-восточная группа. В северо-западную группу входят долганский, ессейский, Анабарский, Оленекский, Булунский, Жиганский говоры. В северо-восточную группу входят Верхоянский, Оймяконский, Саккырырский, Усть-Янский, Момский, Абыйский, Аллаиховский, Среднеколымский, Верхнеколымский говоры. В вилюйскую группу входят Кобяйский, Вилюйский, Верхневилюйский, Нюрбинский, Сунтарский, Мирнинский, Ленский, Олекминский говоры. В центральную группу входят говоры Усть-Алданского, Намского, Горного, Кангаласского, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Таттинского, Чурапчинского, Усть-Майского улусов. Наиболее существенны различия в лексике. Почти в каждом из говоров выделяются диалектные слова, т.н. «туолбэ тыллар». Часто бывает так, что якуты, встретившись, в общении используют незнакомые друг для друга слова. Так, например, в некоторых улусах (районах) используют слова «оскуома», «лыах», «тыймыйт», в некоторых «тоһоҕо», «урумэччи», «кулгэри» для обозначения гвоздя, бабочки, ящерицы.

Диалекты якутского языка являются достаточно изученными. Отдельные говоры описаны в работах Е.И. Убрятовой (долганский диалект), П. С. Афанасьева (говор верхоянских якутов) и М. С. Воронкина (говор ессейских якутов). Есть работы сравнительного характера: Е. И. Убрятовой «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР», П.П. Барашкова «Фонетические особенности говоров якутского языка в сравнительном освещении», М. С. Воронкина «Очерк якутской диалектологии».

Сбор диалектных слов был начат еще А.Е. Кулаковским, Г.В. Ксенофоновым, Э.К. Пекарским. В 1940 г. был издан «Диалектологический вопросник якутского языка», в

1953 г. – «Анкета по изучению говоров якутского языка». По ним проводился первоначальный сбор диалектологического материала. В 1973 г. был составлен уточненный «Вопросник», на основании которого должны быть построены лингвистические карты. В 1977 г. издан «Диалектологический словарь якутского языка», составленный коллективом авторов. В 2010 г. была издана вторая часть «Диалектологического атласа якутского языка», посвященная морфологии и лексике. В основу сводных карт вошли данные, собранные в результате полевых экспедиций по «Вопроснику» 1940 г., «Анкете» 1953 г. и по уточненному «Вопроснику» 1973 г.

Среди диалектизмов можно отметить большое количество заимствованных слов русского происхождения. Русский язык появился впервые на территории Якутии в XVII веке. Как отмечает Н.Г. Самсонов, «...в Ленском крае русский язык постепенно завоевывал свои позиции среди местного населения, распространяясь в результате непосредственных контактов русских с аборигенами. Якуты, эвенки и другие народы, жившие в непосредственном соседстве с русскими и неизменно поддерживавшие с ними хозяйственно-экономические и культурные отношения, неплохо владели русским языком. Язык усваивали и те, кто уходил на заработки, золотые прииски, занимался извозом. С проникновением капиталистических отношений в край необходимость знания русского языка еще больше возрастает... Хорошо владела русским языком также немногочисленная якутская интеллигенция» [Самсонов, 1993, 15]. В якутском языке появилось много заимствованных русских слов. В «Грамматике современного якутского литературного языка» отмечено, что «...причину обилия в якутском языке русских заимствований, по-видимому, можно усмотреть в том, что в прошлом значительная часть старожилого русского населения Якутии во многих населенных пунктах, разбросанных по всей территории края, в течение длительного времени находилась в состоянии двуязычия. Она смешалась с якутами и имела с ними самый тесный контакт в быту и в языке. Этим можно объяснить проникновение в якутский язык многих заимствований не только терминологического характера (обозначающих новые понятия), но и представляющих собою различные дублиеты и синонимы к существующим якутским словам и заменяющим оборотам речи...» [Грамматика..., 1982, 23]. При этом, по справедливому замечанию А.Е. Кулаковского, эти слова подвергаются фонетическим изменениям: «услыхав какое-нибудь чуждое слово, якут переделывает его, иногда до неузнаваемости, на свой лад, сообразно со способностями органов своей речи. Но переделка эта совершается не наобум, а по определенным законам языка» [Кулаковский, 1979, 317]. Например, слова «школа», «хлеб», «потолок» превратились в «оскуола», «килиэп», «ботолуок».

В наше время в якутском языке имеется большое количество заимствованных русских слов. Некоторые из них, употребляясь наряду с исконно якутскими словами, превращаются в диалектные формы.

Проведенное среди студентов Арктического государственного института искусств и культуры анкетирование, имевшее целью выявление диалектной лексики, используемой в речи современной якутской молодежи, показало, что используется большое количество диалектных слов, имеющих русское происхождение. В анкете уже были даны варианты диалектных слов, среди которых респонденты должны были выбрать те, которые употребляются в их местности. Также студенты могли добавлять свои слова.

В институт поступают в основном абитуриенты из сельских улусов (районов) республики. Студенты, приехавшие из разных улусов республики, стали информантами в сборе данных - диалектных слов, используемых в речи. Всего в анкетировании приняло участие 35 студентов из разных отделений, среди них представители следующих улусов: Верхоянский, Среднеколымский, Оленекский, Олекминский, Верхневиллюйский, Виллюйский,

Нюрбинский, Усть-Алданский, Горный, Таттинский, Намский, Чурапчинский и города Якутска. Таким образом, все четыре группы якутских говоров в анкетировании были представлены.

Результаты анкетирования позволили сделать следующие выводы:

Во-первых, существует группа заимствованных из русского языка слов, употребляющихся наравне с исконно якутскими словами.

Слова «кумаар» и «бырдах» с точки зрения территориального употребления практически равноправны. Происхождение слова «кумаар» не вызывает сомнений: оно происходит от русского слова «комар» - «мелкое двукрылое, больно кусающее насекомое с тонким тельцом» (здесь и далее определения по «Словарю русского языка» С.И. Ожегова).

Слово «курупаска», употребляемое наряду с исконно якутским словом «хабдьы», характерно для всех групп говоров, кроме северо-восточной. Оно происходит от русского слова «куропатка» - «дикая птица из семейства куриных».

Слово «дьабарааскы», используемое наравне с исконно якутскими словами «орго», «сир кыыла», происходит от русского слова «евражка» и имеет производную сокращенную форму «дьабара».

Слово «боппуольда» можно услышать в улусах центральной и вилюйской групп, наиболее часто в центральных улусах. Происходит от русского слова «подполье» - «помещение под полом, подвал». Другие диалектные варианты - это исконно якутские слова «онкучах», «иин», «хоспох», «омуһах», «умуһах», «унуннах».

Для обозначения понятия «нет времени, я занят» говорят «солом суох», «иллэним суох», а также «бокуойум суох» (от слова «покой» - «состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства») - буквально «нет покоя».

Во-вторых, существует группа понятий, для выражения которых используются диалектные слова, имеющие только русское происхождение.

Например, малоупотребительное слово «бээһинкэ», используемое только жителями вилюйской группы, и слово «сибиитэрэ», употребляемое жителями остальных групп, являются словами, заимствованными из русского языка. Свитер - «теплая фуфайка без застежек с высоким воротом», вязанка (разг.) - «вязаная вещь (кофта, фуфайка и т.п.)».

Диалектные формы «халадьыас» (вилюйская группа говоров) и «дырыһаанка» (остальные группы говоров) происходят от русских слов «холодец» и «дрожалка» - студень, блюдо из мясного навара, «кушанье из сгустившегося от охлаждения мясного или рыбного навара с кусочками мяса и рыбы».

Также существуют слова «кырыынка» (вилюйская группа говоров), «банка» и «истикилээнкэ» (остальные группы говоров). «Словарь русского языка» С.И. Ожегова дает такие толкования этих слов: «банка» - «цилиндрический сосуд», «крынка (кринка)» - «глиняный удлиненный горшок для молока». Этими словами обычно обозначают железный или стеклянный сосуд для пищи.

Можно отметить, что заимствованные русские варианты более характерны для центральной группы говоров. В центральных улусах республики традиционно с давних времен процент русскоязычного населения был больше.

Заимствованные русские слова могут подвергаться фонетическим изменениям различно, в зависимости от говора. Так, например, в некоторых улусах заимствованное из русского языка слово «конфета» превратилось в «кэмпиэт», а в некоторых - «хампыат».

Кроме того, можно отметить, что в некоторых случаях были заимствованы именно диалектные варианты русских слов. Например, слово «кумаабы» («бумага») происходит от диалектного сибирского слова «гумага». Н.Д. Дьячковский справедливо замечает: «...почему же в якутской передаче на месте русского Б появилось К, ведь в якутском языке Б в начале

слова выступает без всяких ограничений, перед всеми гласными. Оказывается, сами русские в г. Якутске, да и в других местах Якутской области говорили не «бумага», а «гумага». Это слово дается в списке слов, характеризующих особенности речи русских жителей г. Якутска...» [Дьячковский, 1962, 56]. Дьячковский приводит внушительный список слов, заимствованных из диалектных форм русских слов и объясняет это тем, что якуты слышали главным образом сибирскую речь, которая было основана на северно-русском наречии.

Таким образом, заимствованные русские слова издавна обогащали якутскую речь и по праву входят сейчас в словарный состав якутского языка. Однако есть и обратная тенденция - злоупотребление русскими словами в ущерб якутским эквивалентам. Как мы уже отмечали выше, русские слова часто в количественном отношении «побеждают» в борьбе двух, а то и трех и более диалектных вариантов. Отрицательной тенденцией можно считать, что молодежь выбирает русские слова, не подвергшиеся фонетической переработке согласно законам якутского языка; например, так получилось со словом «стрекоза», тогда как существует несколько якутских диалектных вариантов («тэмэльдигэн», «тоногочут»). Поэтому необходима работа по популяризации литературных вариантов диалектных якутских слов.

Литература

Грамматика современного якутского языка. М.: Наука, 1982. 496 с. {Grammar of the modern Yakut language. Moscow: Nauka, 1982. 496 p.}

Дьячковский Н.Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск, 1962. 72 с. {Dyachkovsky N. E. On the phonetic development of borrowed words in the Yakut language. Yakutsk, 1962. 72 p.}

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 416 с. {Ksenofontov, G. V. Urianghai sahalar. Essays on the ancient history of the Yakuts. Volume 1. Yakutsk: National publishing house of the Sakha Republic (Yakutia), 1992. 416 p. }

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: книжное издательство, 1979. 484 с. {Kulakovskiy A. E. Scientific works. Yakutsk: book publishing house, 1979. 484 p.}

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 797 с. {Ozhegov S. I. Dictionary of Russian language. Moscow: Russkij jazyk, 1986. 797 p.}

Самсонов Н.Г. Два языка - два родника. Якутск: Национальное книжное издательство «Бичик», 1993. 176 с. {Samsonov N. G. Two languages-two springs. Yakutsk: National book publishing house "Bichik", 1993. 176 p.}

УДК 811.352.3

С. С. Ситимова, г. Майкоп

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХАТУКАЙСКО-АДАМИЙСКОГО ГОВОРА АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются некоторые особенности хатукайско-адамийского говора адыгейского языка. Выясняются взаимоотношения между диалектами адыгейского языка и хатукайско-адамийским говором. Выявлены определенные различия диалектных и хатукайско-адамийских слов в их суффиксально-префиксальном оформлении.

Ключевые слова: хатукайско-адамийский говор, чемгуйский диалект, регрессивная ассимиляция, инфинитно-финитные образования, суффиксально-префиксальное оформление, повелительное наклонение, абадзехский диалект.

TO THE QUESTION OF SOME OF THE FEATURES OF THE KHATUKAYSK-ADAMIJ-SUBDIALECT OF THE ADYGHE LANGUAGE. *This article presents some of the features of the khatukaysk-Adamiy dialect of the Adyghe language. The author discusses the relationship between the dialects of the Adyghe language and the khatukaysk-adamiy subdialect. Certain differences of the dialect and khatukaysk-adamiy words in their suffixal-prefixal shaping have been revealed.*

Keywords: *Khatukaysk-Adamiy subdialect, Chemguysk subdialect regressive assimilation, infinitive-finite structures, suffixal-prefixal shaping, imperative, Abadzex dialect.*

Адыгейское языкознание добилось заметных успехов в изучении адыгейского языка и его диалектов. Монографически изучены адыгейские диалекты, изданы многие статьи и книги, посвященные описанию отдельных диалектов и разработке отдельных проблем адыгейской диалектологии.

Речь жителей аула Адамий и аула Хатукай осталась наименее изученной, что мешало определению ее статуса, относили ее то к бжедугскому, то к чемгуйскому диалекту. Так, Н. Ф. Яковлев в «Кратком обзоре черкесских (адыгейских) наречий и языков» причисляет адамийцев к числу говорящих на «абадзехо-темиргоевском» диалекте [Яковлев, 1928, 120]. В «Грамматике адыгейского языка» З.И. Керашева включает Адамий и Хатукай в число аулов, говорящих «на темиргоевском (чемгуйском) диалекте» [Рогава, Керашева, 1966, 6].

Включая эти говоры в тот или иной диалект, исследователи, как правило, не подкрепляли свой вывод анализом конкретного диалектного материала. Эти говоры до сих пор монографически не изучены, но имеющийся у нас материал дает нам основание не включать их в чемгуйский диалект, т.к. они проявляют такие существенные особенности, что включение их в чемгуйский диалект разрушило бы то относительное единообразие, которое отличает чемгуйское произношение от речи представителей других диалектов.

Следует обозначить основные особенности, позволяющие выделить хатукайско-адамийское произношение в самостоятельный говор.

Речь хатукайцев очень близка к адамийской и бжедугской. Здесь употребительны орудное падежное окончание *-джэ* (ср. с чемг. д. *-кIэ*), показатель – суффикс будущего времени *-т* (ср. с лит. *-цт*) и др.

Будущее первое хатукайско-адамийского глагола оформляется так же, как и бжедугский глагол, с помощью суффикса *-т*: (бжед. д., хатук.-адам. гов.) *кIо-т*; (чемг. д.) *кIо-цт* «пойдет»; (бжед. д., хатук.-адам. гов.) *къэсхьы-т*; (чемг. д.) *къэсхьы-цт* «я принесу».

Однако, важно отметить, что в говоре суффикс *-т* произносится своеобразно, более мягко, чем в остальных диалектах. Можно сказать, произношение суффикса хатукайско-адамийского говора находится между суффиксами чемгуйского диалекта *-цт* и бжедугского диалекта *-т*.

Бжедугско-адамие-хатукайские звукосоответствия мы наблюдаем в инфинитных глагольных формах для выражения возможности осуществления действия при наличии определенных условий, модальный аффикс *-е* совпадает с таковым бжедугского диалекта. Тем не менее, в чемгуйском такой аффикс отсутствует. Точно также сослагательно-возможное наклонение в говоре образуется с помощью того же аффикса, что и в бжедугском *-ни*: (бжед. д.) *О укъэмыкIуагъэмэ сэ сыкъэкIо-ни/-тгъагъэ*. (адам.-хатук. гов.) *О укъэмыкIуагъэмэ сэ сыкъэкIо-ни*. (чемг. д.) *О укъэмыкIуагъэмэ сэ сыкъэкIо-нгъэ*. «Если бы ты не пришел, я бы пришел».

Инфинитивная форма повелительного наклонения хатукайско-адамийского говора образуется, как в адыгейском литературном языке и в чемгуйском, шапсугском, абадзехском диалектах через союз *-и*, а бжедугского диалекта – при помощи суффиксов: *-и*; *-еэ*; *-ри*: *КIэлэцIыкIум лъыкIу-и къэщэжь!* (чемг. д., абадз.д., шапс. д. и хат.-адам. гов.). *КIэлэцIыкIум лъыкIу-еэ/-эри къэщэжь!* (бжед. д). – «Иди за ребенком и приведи».

Тучаны(р) рамыгъэтыжъзэ (зэ) кIу-и хьалыгъу къахь (**чемг. д., абадз.д., шапс. д. и хат.-адам. гов.**) Тучанэ зэфамышыжъзэ псынкIэу кIу-ее/-эри хьалыгъу къахь (**бжед. д.**). – «Пока не закрыли магазин, быстрее иди и принеси хлеб».

Чемгуйским аффиксам инфинитно-финитных образований -шы/шьы (иногда и -шьыри) соответствуют в бжедугском – -и, -ишь, -еишь. Аффикс инфинитно-финитных образований хатукайско-адамийского говора совпадает с аффиксами шапсугского и абадзехского диалектов -и.

При образовании уступительного наклонения от условного при помощи частицы -и вместо форманта -кIи адыгейского литературного языка и чемгуйского диалекта хатукайско-адамийский говор соответствует абадзехскому диалекту – имеет формант -ми: а-шы-кIи (адыг. лит. яз., чем. д.), а-шы-ми (абадз. д., хат.-адам. г.) «хотя и делают»; а-ю-кIи (адыг. лит. яз., чем. д.), а-ю-ми «хотя и говорят» (абадз. д., хат.-адам. г.).

В данном случае, как видим, хатукайско-адамийский говор совпадает с абадзехским диалектом.

Хатукайско-адамийский говор пользуется не только формами бжедугского и чемгуйского диалектов, он использует также и элементы других диалектов адыгейского языка.

Хатукайско-адамийский говор имеет и свои особенности, например, при образовании предельно-уменьшительной степени: в отличие от всех диалектов, не использует префикс *къэ/къы*: *кIэ-къэ-ис* (бжед. д.); *кIэ-къы-и* (чемг. д.); *Iье-къы-и* (абадз. д.); *кIэ-ис* (хат.адам. гов.) «**новейший**».

Следовательно, и в самом говоре наблюдается некоторый разнобой. Например, в оформлении творительного падежа в речи адамийцев больше распространено окончание *-кIэ*, что их сближает с чемгуйцами, а в произношении хатукайцев господствует окончание *-джэ*, что соответствует бжедугскому диалекту. Неопределенные формы имен в хатукайском говоре, как и в бжедугском диалекте, **в отличие от адамийского говора,** можно отличить от определенных интонацией и ударением в слове: (опр.ф.) хат. г., бжед. д.: *КIалэ къэкIожьыгъа?* адам. г. адыг. литер. яз., чем. д.: *КIалэ-р къэкIожьыгъа?* «**Парень приехал?**», (неопр.ф.) хат. г., бжед. д.: *КIалэ къагъэкIуагъ.* адам. г., адыг. лит.яз., чем. д.: *КIалэ къагъэкIуагъ.* «Парня прислали».

В адамийском говоре, в литературном языке и в восточных диалектах если имена в именительном падеже без флексии **-р** не употребляются, то в хатукайском говоре и в бжедугском диалекте в именительном падеже могут быть использованы без **-р** [Рогава, Керашева, 1966, 64]. В этом случае, как мы видим, функцию флексии **-р** выполняет конечный ударный гласный **-э**.

В адамийском говоре, как и в бжедугском диалекте, используется деепричастный суффикс **-зэ** (бжед. д., адам. г.) *кIо-зэ*. Деепричастия *кIо-рэ* «идя», *чъэ-рэ* «бегая» – хатукайские формы, характерные и для абадзехского диалекта, и для некоторых говоров (егерух., мамх. г.) чемгуйского диалекта.

Основные морфологические особенности хатукайско-адамийского говора, отличаясь от чемгуйского диалекта, в основном совпадают с бжедугскими. Так, огласовка в провербах *къэ-//къа-*, *фэ-//фа-*, *хэ-//ха-* и других отличается от огласовки в чемгуйских провербах. Таким образом, для говора характерны провербы *къа-*, *фа-*, *ха-* и др.: (бжед. д.) *къа-кIо*, (хатук.- адам. гов.) *къа-кIо*, (чемг. д.) *къэ-кIо* «идет сюда»; (бжед. д.) *фа-кIо*, (хатук.- адам. гов.) *фа-кIо*, (чемг. д.) *фэ-кIо* «идет туда» и др.

Огласовка в провербах хатукайско-адамийского говора, как и бжедугского диалекта, *зыхэ-//зэхэ-*, *зэры- // зэрэ-*, *зэлы- // зэлэ-* и других также отличается от огласовки в чемгуйских провербах.

бжед. д., хатук.- адам. гов.

чемг. д.

зыхэ-шIэн

зыхэ-шIэн

«привязать что-л. к себе»

Данные этого говора представляют большую ценность для сравнительно-исторического изучения фонетики, морфологии и лексики адыгских языков, т.к. «в диалектах и говорах сохранились различные ступени разнообразных языковых процессов, способствующих внутренней реконструкции общеадыгской языковой системы»[Кумахов, 1969, 6].

Как пишет Ю.А. Тхаркахо, речь адамийцев мало чем отличается от речи хатукайцев, поэтому (для удобства противопоставления другим диалектам и говорам) их можно объединить в один говор, который не входит ни в чемгуйский, ни в бжедугский диалект, а самостоятельно выделяется в системе диалектов и говоров адыгейского языка[Тхаркахо, 2012, 14].

В этой связи мы согласны с мнением Ю.А. Тхаркахо, что хатукайский и адамийский говоры можно объединить в один самостоятельный говор, который не входит ни в чемгуйский, ни в бжедугский диалекты.

Сравнительное изучение словарного фонда адыгейских диалектов и говоров как по отношению к литературной норме, так и по отношению друг к другу дает богатый материал, который может оказаться полезным для нормирования и дальнейшего усовершенствования адыгейского литературного языка.

Литература

Кумахов М. А. Введение // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969. 329 с. {Kumakhov M. A. Introduction // *Essays of Kabardino-Cherkess dialectology*. Nalchik, 1969. 329 p. }

Рогава Г. В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. 462 с. {Rogava, G. V., Karaseva, Z. I. Grammar of the Adyghe language. Krasnodar–Maikop: Krasnodar publishiny house, 1966. 462 p. }

Тхаркахо Ю.А. Фонетические разновидности соотносительных диалектных слов в адыгейском языке. Майкоп, 2012. 119 с. {Тхаркахо, J. A. Phonetic varieties of the correlative dialect words in Adyge. Maikop, 2012. 119 p. }

Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. «Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ». Т. I. Ростов – на – Дону, 1928. С. 120. {Yakovlev N. F. A brief overview of Circassian (Adygea) adverbs and languages. “Transactions of the North Caucasian regional research Institute Gorsky”. V. I. Rostov – on – Don, 1928. P. 120. }

УДК 81.374.3

А. Ж. Удербает, К. Б. Жаксылыкова, г. Алматы, Казахстан

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются лексикографирование и способы подачи диалектизм в пятнадцатитомном толковом «Словаре казахского литературного языка». Содержание словаря широко охватывает архаизмы, религиозные, редко используемые исторические слова, этнографизмы, диалектные слова, регионализмы с высоким потенциалом перехода в литературный язык, отобранные из регионального словаря казахского языка. Также выявлены виды, группы диалектизм; сделаны выводы о том, что потенциальные возможности лексических единиц в будущем вполне могут стать источником обогащения литературного языка.

Ключевые слова: толковый словарь, региональный словарь, диалектизмы, диалектная лексика, историзмы.

LEXICOGRAPHING OF DIALECT VOCABULARY IN THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE KAZAKH LANGUAGE. *The article deals with lexicography and ways of submitting dialectisms in the fifteen-volume*

explanatory Dictionary of the Kazakh literary language. The contents of the fifteen-volume dictionary widely covers selected from the regional dictionary of the Kazakh language religious, archaisms, seldom-used historical words, ethnographisms, dialect words, regionalisms with a high potential for transition to the literary language. The article examines species, groups of dialectisms; these lexical units are the source of enrichment of the literary language, in the future they can find their worthy place in the vocabulary of the literary language.

Keywords: *explanatory dictionary, regional dictionary, dialectisms, dialectal vocabulary, historicisms.*

Лексикография казахской лингвистики за последние пятьдесят лет накопила большой опыт и достигла успехов в лексикографировании слов. На сегодняшний день опубликовано несколько толковых словарей. А именно: двухтомный «Толковый словарь казахского языка» (1959-1961), десяти томный «Толковый словарь казахского языка» (1976-1984), однотомный толковый словарь (1999) и пятнадцатитомный «Словарь казахского литературного языка». Последний дополненный, однотомный словарь «Қазақ сөздігі» был опубликован в 2013 году.

В последние годы отмечается появление множества работ в области теоретической и практической лексикографии, где рассматриваются вопросы разработки, создания словарей, исследование и анализ созданных региональных, толковых словарей. Но, тем не менее, необходимо было появление большого словаря, отражающего не только текущие изменения в нашем обществе, но также описывающие реалии материальной и духовной культуры в лексикографическом аспекте, накопленные в советское время и вновь возрожденные за годы независимости.

В 2006-2011 годах был опубликован пятнадцатитомный «Словарь казахского литературного языка» (далее пятнадцатитомник), реализованный в рамках государственной программы «Культурное наследие». Этот словарь является академической, энциклопедической работой не только по объему, но и по содержанию. Он модернизирован, дополнен на основе предыдущих словарей с использованием богатейшего потенциала языка [СКЛЯ, 2006].

Содержание пятнадцатитомного словаря широко охватывает архаизмы, религиозные, редко используемые исторические слова, этнографизмы, диалектные слова с высоким потенциалом перехода в литературный язык, региональные слова, которые не были включены в десяти томный словарь, также неологизмы, новые термины и др. лексические единицы, используемые в последнее время на практике. Словарь, состоящий из лексико-фразеологических материалов, поможет в углублении знаний и расширении информационного пространства пользователя.

Изучение словарного состава местных наречий как источника этнолингвистической информации, как средства постижения культурного пространства определенного этноса является приоритетным направлением в диалектной лексикографии. Как известно, лексика, представленная в диалектных словарях, иногда является единственным фиксатором информации о жизни и быте целых поколений людей.

При лексикографическом описании местных наречий ученые сталкиваются с проблемой точной интерпретации слова. К тому же наличие и объем диалектных слов в словаре зависит от множества факторов, в числе которых и уровень развития общей и региональной лексикографии, и степень сохранности традиций и обычаев, рода деятельности населения в рассматриваемом регионе. Без погружения в региональную лингвокультуру невозможно лексикографическое описание и фиксация языковых особенностей диалектной лексики.

Диалектизмы были включены и в предыдущий десяти томный словарь. В нем такие лексические особенности были отмечены стилистическими пометами (знаками) *диал.*, также *жерг.* (нареч.). В данном словаре были использованы лексические единицы из «Диалектологического словаря казахского языка», опубликованного в 1969 году, и материалы научного сборника «Особенности местных наречий казахского языка», вышедшего в свет в 1973 году.

В пятнадцатитомном словаре, опубликованном в последующие годы, были использованы также материалы двухтомного «Диалектологического словаря казахского языка» [ДСКЯ, 1999] и «Регионального словаря казахского языка» [РСКЯ, 2005], созданных под редакцией академика Ш. Ш. Сарыбаева в результате проведенных за последние 10-15 лет

диалектологических экспедиций, а также опубликованных статей. Основным материалом регионального словаря являются некоторые фонетико-морфологические, лексические, фразеологические особенности диалектов из разных областей страны и лексико-фразеологические особенности из наречий казахов, проживающих в другой языковой среде вне территорий Казахстана за рубежом, в частности, в Узбекистане, Каракалпакстане, Туркменистане, Таджикистане, России, также в дальнем зарубежье, в Монголии, Китае, Афганистане, Иране.

В пятнадцатитомник были отобраны и включены лексические диалектизмы, которые явились источниками обогащения литературного языка. В будущем такая лексика может найти свое достойное место в литературном языке. Это и является основной задачей введения диалектных слов в данный словарь. Например:

АБДЫРИЯ з а т. ж е р г. *Жастықтың астына қоятын ағаш (подголовок, деревянное приспособление, которое кладут под подушки).*

АБЫЛАҢҚЫ з а т. ж е р г. *Ерте туған төл (ранний окот).*

АҒАУЫЗ з а т. ж е р г. *Еті дәмді, салмақты келетін ірі шортан түрі (крупная щука).*

АЛАСАТ з а т. ж е р г. *Ойран, бүлік, аласапыран (неразбериха, мятеж, хаос).*

ӘНГЕЛ з а т. ж е р г. *Ашытпай пісірген дөңгелек нан, бәтір (круглая буханка хлеба, запеченная без дрожжей, выпечка).*

ӘНДЕМЕ з а т. ж е р г. *Сылақ тегістейтін қалақ (мастерок, сглаживающий штукатурку).*

ӘСЕЛ¹ [ар. عسل] з а т. ж е р г. *Ара балы (пчелиный мед).*

БАТЫҚ з а т. ж е р г. *Ағаш сапты шойын шоқпар (чугунная лопата с деревянной рукояткой).*

Как видно из примеров, эти слова являются наименованиями предметов быта, растений и продуктов питания, используемых в определенном регионе. Некоторые из них не встречаются в литературном языке. Толкование слов, имеющих эквивалент в литературном языке, дано не полностью, причем основное слово выделено жирным шрифтом и к нему дается отсылка. Например,

АСБҰЗЫЛ з а т. ж е р г. *Асхана (столовая).*

АСЖАУЛЫҚ з а т. ж е р г. **1. Орамал (полотенце). 2. Дастархан (скатерть).**

АТЖҮРГІШ з а т. ж е р г. *Қамшы (кнул).*

АТ-ЖАРАҚ з а т. ж е р г. *Қару-жарақ (оружие).*

ӘРЕКТІКЕН з а т. ө с. ж е р г. *Ошаған (чертополох).*

Чтобы избежать путаницы со словами литературного языка, в словарной статье данные слова отмечены знаком *н а р е ч.* (ж е р г.), затем определено их толкование, приведены иллюстративные материалы из диалектологического, регионального словаря и примеры из произведений поэтов и писателей. Слова из местных наречий, отмечены специальным знаком, это предупреждает читателя, что такие слова могут быть использованы только в определенных целях [СКЛЯ, 2006, 6]. Таким образом, в пятнадцатитомник вошли только те местные слова и выражения, которые имеют лексический потенциал и в будущем могут использоваться в обогащении литературного языка.

При разработке словаря были предложения пометить местные наречия знаками *аймақ.* (регион) или *аймақтық* (региональный), т.к. в словаре наряду с диалектной лексикой встречаются также региональные языковые единицы, термины, используемые в языке казахской диаспоры, и новые слова. Со времени публикации в 2005 году «Регионального словаря казахского языка» в казахской лингвистике стали активно использоваться языковые единицы *аймақтық сөз* (регионализмы), *аймақтық тіл* (региональный язык). Однако в связи с тем, что тогда в казахской диалектологии понятие, термин *аймақтық сөз* (региональная речь) не были уточнены, было принято решение использовать по-прежнему помету *ж е р г.* (местные наречия).

Кроме того, ряд местных лексических единиц, отобранных из регионального словаря и вошедших в пятнадцатитомник, не отмечены пометой *жерг.* Хотя данные слова изначально были оформлены как местные наречия, со временем они перешли в состав литературного

языка и широко использовались в общенародном языке. Поскольку диалектная лексика является источником национального языка, то, что многие из этих слов вошли в литературный язык и используются в периодической печати и в художественных произведениях, является естественным. Например, лексические особенности речи восточного региона, например, *албаты* в значении 'любой, каждый', *жосын* 'традиция, обычай', *мұқым* 'все, многие' и др. слова в последние годы используются в художественных произведениях писателей, в публикациях журналистов. Раньше в диалектологической литературе данные слова рассматривались как местные особенности восточных регионов. Со временем многие из этих слов безусловно будут использованы в литературном языке и войдут в состав словарного запаса языка.

В некоторых из них преобладает терминологическое значение, встречаются термины, образованные в результате схожести понятия самого слова и терминологического понятия. Например, в Абайском районе Семипалатинской области *ұжым* (коллектив), в некоторых районах Туркменистана, Каракалпакстана, Актюбинской и Кызылординской областей слово *үрдіс* (тенденция), имеющее значение обычая, традиции, в результате изменения его смысла перешло в список утвержденных терминов. В этот список можно прибавить такие термины, как *алқа* (коллегия), *егемендік* (суверенитет), *собық* (початок), *қандауыр* (скальпель), *мінтуір* (мышка компьютера). Таким образом, терминологизация данных диалектных слов оказала значительное влияние при внесении их в состав толкового словаря [Курманбайулы, 2014, 78]. Казахский ученый-терминолог Ш.Курманбайулы утверждает следующее: «Если ученые-диалектологи, изучавшие региональную лексику казахского языка, считали лексическую группу диалектных слов перспективным, богатым словарным запасом, обогащающим литературный язык, то мы считаем, что роль диалектных слов, редко используемых до настоящего времени в терминотворчестве, очень велика в обогащении терминологической лексики» [Курманбайулы, 2014, 78].

В пятнадцатитомник из регионального словаря были отобраны также историзмы (административно-политические), использованные ранее в определенных регионах, но вышедшие сейчас из употребления, такие, как *кепеш*, *құй*, *зуза*, *бүйрек*, *жертіс*, *шаңтас*, *тулықтас*, *кеженей*, *базда*, *үкірдай*, *амбы*, *сой*, *зәңгі*. Например, в диалектологических и региональном словарях слово *сой* 'род, истоки' зарегистрировано как лексическая особенность западного региона, дополнено фактическими материалами из исторических художественных произведений, собранными в том же регионе. В результате исследований, связанных с историей казахского литературного языка, было определено, что это историческое слово широко использовалось в древних жыр и дастанах. Поэтому это слово вполне может быть включено в толковый словарь как историческое слово, а не как местное наречие.

Если рассматривать в региональном словаре наименования материальной культуры с точки зрения возникновения, появления, исторического развития, то можно увидеть в их составе устаревшие пласты языков древних племен. Например: *ағыл* – сарай, построенный из камыша или сена, без крыши, *ақа* – вилы, *аша* – вилы, *аяққап* – обувь, *бақыраш* – черпак, *егер* – плащ, *жамылшы* (в письменных источниках *жамшы*) – дождевик, *жаужүрек* – пища охотников, приготовленная во время охоты из почки и мяса шеи животного, *кепеш* – тубетейка, *қаны* – дверь, *құй* – колодец, *сүрме* – деревянные грабли и т.д. Такие лексические местные особенности встречаются, в основном, в старых тюркских памятниках, в других тюркских языках, в фольклоре и произведениях древних поэтов-жырау [Манкеева, 2013, 200]. К ряду этих слов можно отнести устаревшие слова из регионального словаря, не используемые сегодня в речи, но по-прежнему сохранившиеся в языке как свидетели древних эпох, истории. Например, *зуза* 'походная носилка для воинов', *бүйрек* 'небольшая часть мяса крупного рогатого скота, которую раздают сиротам и вдовам', *жертіс* 'деревянный плуг', *шаңтас*, *тулықтас* 'метод молотбы урожая камнем', *кеженей* 'налог на дом', *кеусен* 'небольшая доля урожая, которую земледельцы раздают бедным', *базда* 'железо на кончике деревянного плуга' и другие.

Наряду с данными словами, называемыми архаизмами, историзмами, в словаре

встречаются лексические единицы, новые слова и неологизмы, появившиеся в советское время: *бағыттама* – бет алыс (путеводитель), *көрсетпе* – нұсқау, *жөн-жоба* (руководство), *бестік* – бес күндік (пятнадцатидневка), *барлау* – тексеру (ревизия), *желпініс сөз* – жарыс сөз (прения) и т. д.

Основная сфера региональной лексики, которая входит в словарь, – это профессиональные слова, используемые в различных сферах деятельности местного населения каждого региона. Профессиональные слова формируются в связи с развитием разнообразных промыслов, производства и связанных с ними средств производства, продуктов труда, наименований процессов. Эти слова используются среди тех, кто занимается определенными промыслами и часто понятны только им самим [РСКЯ, 2005, 54]. Многие из наименований, связанных с хлопководством, рисоводством, садоводством, плодоводством, мелиорацией, используются на юге Казахстана, а в северных регионах республики они не функционируют. Точно так же наименования, связанные с рыболовством, не встречаются в тех регионах, где им не занимаются. Описания профессиональных слов, выбранных из регионального словаря, представлены таким образом:

Жөнең (Қ.Орда: Сыр, Жал.) қысқа шыдамсыз, не жазда, не қыста қонданып бойына ет ала алмайтын жеті-сегіз жасар жылқы (семи-восьмилетняя лошадь).

Күрбік (Түрікм.: Таш., Мары) сырты торланып келетін, қабығы қалың, еті жұқа тәтті қауын (сладкая дыня с толстой, пятнистой коркой). На узбекском языке *гурвак*, карак. *гурбек*.

Қысаубай (Қ.орда, Арал) үлкен қайық (большая лодка).

Қышқауын (Шымк., Түркіс.) қауынның түрі (вид дыни).

Мақтакер (Өзб., Ташк.) мақташы, мақта өсіруші (хлопковод, производитель хлопка).

Тағыт су (Түрікм.: Тедж., Көнеүр., Тахта) мақта егілмей тұрғанда жерге берілетін су (мелиорация земли до посева хлопка).

Талпақ (Қ.орда, Қарм.) егіннің көлемін өлшейтін жер өлшеуіш (измеритель объема урожая).

Теңге сүйек (Гур., Маңғ.) қызыл балықтың қабығындағы тікенек (колючки на чешуе красной рыбы).

В толковом словаре встречается много таких профессиональных слов, отобранных из регионального словаря. Их можно сгруппировать по следующим отраслям: рыболовство, мелиорация, хлопководство, животноводство, животный мир, зерноводство, садоводство. Встречаются также слова, связанные с такими мелкими специальностями, малыми промыслами, как ювелирное искусство, орнаменты, ковроткачество. В ходе анализа материалов пятнадцатитомника выявлено, что в словаре охвачены профессиональные слова (хлопководство, рыболовство, садоводство, животноводство, земледелие и т.д.), наименования, связанные с болезнями, флорой и фауной, рельефом, традициями и бытом, не имеющие свои эквиваленты и не вошедшие в состав литературного языка, но используемые в различных отраслях хозяйства. «В данное время мы не можем сказать, что для обогащения литературного языка использованы все потенциальные возможности местных говоров. В казахских говорах все еще имеется масса слов, которые достойны введения в литературный язык» [Сарыбаев, 2000, 326]. Слова регионального характера – *зембіл* ‘носилки’, *айлақ* ‘бухта’, *арасан суы* ‘минеральная вода’, *даке* ‘марля’, *қыша* ‘горчица’, *тандыр* ‘печь для выпечки хлеба’, которые были указаны авторами в свое время, ныне вошли в словарный запас литературного языка. Это еще раз подтверждает вывод о том, что слова диалектного и регионального характера являются одним из основных источников обогащения литературного языка.

Подводя итоги, можно утверждать, что лексические единицы, отобранные из регионального словаря, нельзя считать диалектизмами. Если основной задачей материалов диалектологических исследований, диалектологических экспедиций прежних лет был охват всех лексических единиц и включение их в словарь, то в настоящее время, анализируя их, мы приходим к выводу, что среди этих диалектных единиц встречаются исторические, устаревшие слова, этнографизмы, регионализмы, новые слова и термины и т.д. Следующий этап работы – это систематизация собранного богатейшего материала, совершенствование их

толкований, раскрытие их значений (в издании значение и толкование многих слов даны очень кратко, полностью не раскрыты). Вместе с тем мы полагаем, что отобранные и систематизированные лингвистические особенности, дополняя терминологический запас, вполне могут стать источником обогащения литературного языка и богатейшим материалом, используемым для определения и решения важных вопросов, связанных с историей казахского и других родственных тюркских языков. Думаем, при последующих корректирующих работах по совершенствованию материалов словаря необходимо обратить на это особое внимание.

Литература

СКЛЯ - Словарь казахского литературного языка. Алматы: «Арыс», «Казахская энциклопедия». 2006-2011 гг. {Dictionary of Kazakh literary language. Almaty: «Arys», «Kazakh Encyclopedia». 2006-2011}

ДСКЯ - Диалектологический словарь казахского языка. Алматы: «Наука», 1999. {Dialectological dictionary of the Kazakh language. Almaty: «Nauka», 1999}

РСКЯ - Региональный словарь казахского языка. Алматы: Арыс, 2005. {Regional dictionary of the Kazakh language. Almaty: «Arys», 2005}

Курманбайулы – Құрманбайұлы Ш. Қазақ терминологиясы (Казахская терминология). – Алматы: «Сардар», 2014. 928 с. {Kurmanbayuly Sh. Kazakh terminology. Almaty: «Sardar», 2014. 928 p.}

Манкеева – Манкеева Ж. Национальный характер культурной лексики. Алматы: «Наука». 1997. {Mankeeva J. National character of cultural vocabulary. Almaty: «Nauka», 1997.}

Сарыбаев – Сарыбаев Ш. Вопросы казахского языкознания. Алматы: «Арыс», 2000. 624 с. {Sarybaev Sh. Questions of Kazakh linguistics. Almaty: «Arys», 2000. 624 p.}

УДК 811.512.1 (092):811.512.141

М. Ф. Усманова, *Өфө қ*

Н. К. ДМИТРИЕВ ҺӘМ БАШКОРТ ТЕЛ ҒИЛЕМЕ (-р) аффиксының тарихы һәм халық телендә булған мәғәнәләре

Велика роль известного ученого-тюрколога Николая Константиновича Дмитриева в создании грамматики башкирского языка. Его книга “Грамматика башкирского языка” актуальна и сегодня. Многие языковые явления выявлены и описаны им в грамматике башкирского языка. В частности, именно Н. К. Дмитриев первым отметил, что аффикс -ыр в башкирском языке является показателем причастия будущего времени.

В башкирском языкознании принято считать, что аффикс -ыр является выразителем неопределенности: неопределенного будущего времени в повествовательном наклонении и неопределенной формы причастия будущего времени. Однако исследование языка самих башкир, фольклорных, диалектологических материалов, а также печатных изданий (художественная литература, научные труды ученых, учебники по башкирскому языку и др.) показывает, что аффикс -ыр имеет несколько значений, но среди них значения неопределенности нет. Например, мин үзем әйтәрмен ‘я сам скажу’ (значение обещания); Тора-бара бәтәһе лә асыҡланыр. (И. Абдуллин) ‘со временем все выяснится’ (значение надежды на что-л.) и др.

Ключевые слова: башкирский язык, глагол, причастие, настоящее время, аффикс, простая форма, сложная форма.

N. K. DMITRIEV AND BASHKIR LINGUISTICS (history and senses of the -p affix). The role of the well-known scientist-Turkologist Nikolay Konstantinovich Dmitriev in the creation of grammar of the Bashkir language is great. His book Grammar of the Bashkir language is still relevant today. Many linguistic phenomena are revealed and introduced by him into the grammar of the Bashkir language. In particular, N. K. Dmitriev first noted that the affix-yr in the Bashkir language is an indicator of the participle of future time. In Bashkir linguistics it is considered that the affix -yr is an expression of indefiniteness: uncertain future time in the narrative inclination and the indefinite form of the participle of future time. However, a study of the Bashkir language, folklore, dialectological materials, as well as in publications (fiction, scientific works of scientists, textbooks of the Bashkir language, etc.) shows that the -yr affix has several meanings, and among them there is no indefiniteness. For example, мин үзем әйтәрмен ‘I shall say’ (value of promises); Тора-бара бәтәһе лә асыҡланыр. (И. Абдуллин) ‘In time everything will be clear’ (sense of hope).

Keywords: Bashkir language, verb, participle, present tense, affix, simple form, complex form.

Донъя фәнненең күренекле вәкиле, атаклы тюрколог Н. К. Дмитриевтың башкорт телен, уның диалекттарын өйрәнеүҙе, ошо нигеҙҙә башкорт теленең эҙәби тел нормаһын булдырыуҙа роле бик зур. 1948, 1950 йылдарҙа уның башкорт телен донъя фәне кимәленә алып сыҡкан киң билдәле хезмәте — “Башкорт теленең грамматикаһы” — донъя күрә. [Дмитриев, 1948; 1950; 2007; 2008].

Башкорт телендә ҡылымдың заман формаларын фәнни нигеҙҙә өйрәнеүҙә лә Н. К. Дмитриев зур өлөш индерә. Ул үҙенең хезмәтендә башкорт теле дәрәжәләрендә «наклонение» төшөнсәһе өсөн әлегә тиклем дөйөм термин эшләнмәгәнә тураһында әйтеп, «наклонение» өсөн *һөйкәләш* тигән терминды тәҡдим итә. [Дмитриев, 2008, 167]. Шулай ҙа ошонан һуң 1960 йылдарға тиклем сыҡкан дәрәжәләтәрҙә *ҫылым төрҙәр*ен традиция буйынса *ҫылым* тип атау дауам итә. [Фәритов, Ғүмәров, 1949, 200; Зиннәтуллина, 1955, 65]. Артабан нәшер ителгән хезмәттәргә, дәрәжәләтәргә *һөйкәләш* термины инеп китә. [Кейекбаев, Фәритов, Ғәлләмов һ.б., 1969; 1983].

Башкорт үҙенең донъяға ҡарашын, ваҡытты һиземләүен, эш-хәл, хәл-торош, төрлө процестарҙың ваҡыт эсендә үткәндән хәҙергегә, хәҙергенән киләсәккә күсешен телендә үҙенсәлекле сағылдырған. Уларҙың хәбәр иткән кеше өсөн *билдәле* йә *билдәһез* булыуы бар. ҫызғаныска ҡаршы, ул башкорт теленең грамматикаһында тулыһынса сағылып бөтмәгән йә бозоп бирелгән. Мәҫәлән, башкорт тел ғилемдә эш-хәлдәрҙең *билдәле* йә *билдәһез* булғаны өс заманда (үткән, хәҙерге һәм киләсәк замандарҙа) *-а, -ды, -ған, -ыр, -асаҡ* (хәбәр һөйкәләше), *-ыусы, -ған, -ыр, -аһы, -асаҡ* (сифат ҫылым) аффикстары менән бирелә, шуларҙан *-ды, -асаҡ билдәле, ә -ған, -ыр* — *билдәһез* булғанды белдерә тигән ҡараш йәшәй. [Мансуров, 1953, 135; Кейекбаев һ.б., 1983, 216-217; Зәйнуллин, 2002, 139-144; Ишбаев һ.б., 2012, 373-375; В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин, 2001, 139-140; Абдуллина, 2009, 12]. Заман төшөнсәһен бирә алған башкорт теле бик бай. Унда заман төшөнсәһен биреүҙә ҡатнашқан бүтән тел саралары ла бар. Әммә улар ғалимдарҙың иғтибарынан әле лә ситтә тороп ҡала килә.

Шулай итеп, башкорт теленең заман формалары фәнни нигеҙҙә өйрәнелә башлағандан алып (1930 йыл) *-асаҡ* формаһы мәктәп дәрәжәләрендә *билдәле киләсәк заманды* белдергән берҙән-бер форма һанала. [Кейекбаев, 1983, 216; Зәйнуллин, 2012, 142-143; Ишбаев, 2012, 374-375; В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин, 2001, 139]. Улар профессор Н. К. Дмитриевтың *-а* аффиксы тураһындағы фекеренә иғтибар итмәй: хәҙерге заман формаһының (*-а аффиксы* — М.У.) төп йөкмәткәһенә килгәндә, ул әлегә мәлдә һөйләү моменты менән тап килгән эш-хәлдә лә [язам — я пишу (сейчас, когда говорю), англ. *I am writing*], һөйләү моменты менән тап килмәгәндә лә, ул шулай ук киләсәктә мотлаҡ бер нигә ҡарамай эшләнә, үтәлә торған эш-хәлдәрҙе (*был бигерәк тә башкорт телендә йыш ҫулланыла*) белдерә. [Дмитриев 2007, 124; 2008, 174-175]. Н. К. Дмитриевтың бынан 90 йыл тирәһе элек әйткән фекере әле лә актуаль. Әммә күҙәтеүҙәр күрһәткәнсә, киләсәктә мотлаҡ була торғанды *-асаҡ* ялғауынан башҡа белдерә белмәгән урта быуын (40-50 йәштәр), уҡытҡанға таянып, ҫоҙа ҡаршыларға йыйынғандағы эштәрән түбәндөгесә һөйләргә мәжбүр:

— *Ошо йома ҫызыма ҫоҙа киләсәк. ҫоҙаларға бүләк, күстәнәстәрҙе алдан әҙерләйәсәкбөҙ. Сәк-сәкте күрше Фәниә бешерәсәк, бауырһаҡты үзем бешерәсәкмен. Һалманы ла үзем ҫырҡасаҡмын. Һарыҡты кесаҙна ук һуйып ҫуясаҡбыҙ, әсәк йыуышырға оло килен киләсәк. Эш күп буласаҡ. Шуға күршеләргә лә әйтеп ҫуясаҡмын. ҫызыма ике яңы күлдәк кәрәк буласаҡ. Ательела тектерәсәкмен, ти. Нисек тектерәсәген үзе әйтәсәк. Уны оҙаҡка һуҙмаясаҡмын, иртәгә үк барасаҡмын, ти. Тағы нимә кәрәк буласаҡ әле?* — тип, туктап ҡала.

— *Ә-ә, килеүҙәрәнә уларҙы бәләш көтәсәк. Мунса ла ягасаҡмын, барыһы ла буласаҡ. Ә телен һәм үзен хөрмәт иткән, киләсәктә булар эште ант итеп һөйләмәҫкә ярамағанды белгән башкорт *-а* аффиксы менән ипле генә һөйләр: Ошо йома ҫызыма ҫоҙа килә. ҫоҙаларға алдан бүләктәр, күстәнәстәр әҙерләйбөҙ. Сәк-сәкте күршем Фәниә бешерә, үзем бауырһаҡ бешерәм. Һалманы ла үзем ҫырҡам. Һарыҡты кесаҙна ук һуйып ҫуйырбыҙ, әсәк йыуышырға оло килен килә. Эш күп була инде. Шуға күршеләргә лә әйтеп ҫуям. ҫызыма ике яңы күлдәк*

кәрәк була. Ательела тектерәм, ти. Нисек тектеререн үзе әйтә. Уны озакка һузмайым, иртәгә үк барам, ти. ...

-ыр аффиксының тарихына килгәндә ул шулай: башкорт телсе-ғалимдарының хезмәттәре буйынса 1948 йылға — профессор Н.К. Дмитриев билдәләгәнгә тиклем *киләсәк заман сифат ҡылымды* ике аффикс — **-асаҡ**, **-аһы** белдерә булып сыға, сөнки ошо йылдарға тиклем педучилищелар, мәктәптәрҙә уҡытылған башкорт теле дәреслектәрәндә **-ыр** формаһы *киләсәк заман сифат ҡылым* күрһәткәсе булып һаналмай. [Әхмәр, 1941, 102; Фәритов, Ғүмәров, 1949, 219-220]. Ошо хәл тураһында Н. К. Дмитриев түбәндәгеләрҙе яза: “Мәктәп дәреслектәрәндә бирелгән схеманың икенсе зур етешһезлеге булып унда сифат ҡылымдың ҡайһы бер формаларының урын алмауы тора. Ундайҙар иҫбенә ошолар инә: “Сифат ҡылымдың нигеҙгә **-ыр/-ер**, **-ор/-өр** (тартынҡыларҙан һуң) һәм **-р** (һузынҡыларҙан һуң) аффиксы ҡушылыуҙан яһалған киләсәк заман формаһы. Мәҫәлән: **бар-ыр** (тот, котрый пойдет), **әй-тер** (тот, котрый скажет), **тот-ор** (тот, котрый схватит), **йырла-р** (тот, котрый будеть петь)”. [Дмитриев, 2007, 126, 159; 2008, 177, 223].

1948 йылдан 1966 йылға тиклем **-ыр** аффиксы *беренсе киләсәк заман*, ә **-асаҡ** — *икенсе киләсәк заман* тип атала. 1966 йылда ВУЗ студенттары өсөн баҫтырған хезмәтәндә Ж.Ғ. Кейекбаев **-ыр** аффиксын билдәһеҙ (шаһитһыҙ) **-асаҡ** аффиксын билдәле (шаһитлы) тип билдәләй. Башкорт тел ғилемәндә шул замандан алып әлегә тиклем ошо ҡараш йәшәй. [Кейекбаев, 1966, 99; Зәйнуллин 2002, 139; Ишбаев, 2012, 373; В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин, 2001, 139; Абдуллина, 2009, 12].

Әммә башкорт телен уның һәр бер өнөнөң, һүҙенәң мәғәнәһенә бик нык иғтибар биреп, күңел һалып ентекләп тикшереп бул аффикстарҙың мәғәнәһе билдәле/билдәһеҙгә генә ҡайтып ҡалмағанын күрһәтә. Иң беренсе шуны билдәләйбезд: **-р** аффиксы башкорттарҙың бер-береһе менән бик матур итеп аралашҡанын, мәғәләмә иткәнән күрһәткән форма. Уның нигеҙәндә низелер эшләргә, үтәргә ышандырып әйткән, йөкләмә һымаҡ мәғәнә алған вәғәзә төшөнсәһе лә, теләгән берәй эш-хәлдәң булырына ышаныс, өмөт һалыу **за**, бер-берең менән килешеп эшләү, үтенес мәғәнәһе менән йомош ҡушыу һ.б. һалынған. Шулай итеп, **-р** аффиксы белдергән мәғәнәләр араһында, ғалимдар билдәләгәнсә, билдәһеҙ булғанды белдергәнә юк

-р аффиксы. белдергән мәғәнәләр: .

а) өмөт мәғәнәһе, өмөт итеү: *Файзалы эш бөгөн булмаһа ла, бер ваҡыт күзгә күренер һәм аҡыл әйәләре тарафынан баһаланыр* (Ризаитдин Фәхретдинов); *Ватан һаҡсыһы*

Ағайым — батыр,

Тизҙән хезмәтен

Тултырып ҡайтыр. (Ғ. Рамазанов);

б) вәғәзә итеү (биреп), һүз биреп:

Әсәйем, күз нурым,

Көт мине, ҡайтырмын. (“Әсәйемә хат” йыр);

в) кәңәш ҡороп, һиндәйҙәр ҡарарға килеп, һығымта яһау: *Безҙә тамаҡка ашарбыҙ, баянда тағы берәй көй уйнарға өйрәнербез ҙә унан һуң һезгә барырбыҙ* (З. Биишева);

г) кемгәлер, һиндәйҙәр хәс үзенсәлектә, һәр ваҡыт булып торған

хәл-вақиғаларҙы, билдәле хәкияттә белдерә: *Ғилем күңел күзен асыр, һазанлыҡ ҡараңғылығын бөтөрөр.* (Р.Фәхретдин); *Ҡатын кеше генә, Асылмаҫ сер, Ғылсым булып ҡалыр асылында.* (М.Кәрим.); мәкәлдәр: *Һи сәһнәң, шуны урырһың; Әс таған таймаҫ; Аҡылһыҙ баһка алтын бүрек файҙа бирмәҫ;*

ғ) икәү-ара (йә күмәкләшеп) һөйләшеп, кемгәлер йомош ҡушыу: *Һин Сәлимәне таксига ултыртып ебәрерһең, мин бында ҡаршы алырмын. Ҡайғырма.* (Һөйләшеүҙән);

д) ант итеү: *Ауыз-моромдан ҡан китһә китәр — ышанысығыҙҙы аҡларға була барыһын да эшләрмен, ҡәҙерләләрем минең!* (И. Ноғоманов).

Шуны ла әйтергә кәрәк, ҡайһы бер телсе-ғалимдарыбыҙ **-р** аффиксының мәғәнәһен билдәһеҙ булыуға ҡайтарып ҡуйһа ла, хезмәттәрәндә **-р** аффиксының билдәһеҙ булғанды белдереп менән бер үк ваҡытта үтәлеү мөмкин булған, үтәлергә тейешле, хатта уларҙың үтәлеренә бер һиндәй шик-шөбһә булмаған, тәрән ышаныс булған эш-хәрәкәттә лә белдереп

мөмкин, тип һанай. [Кейекбаев, 1983, 217; Зәйнуллин, 2002, 141; В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин, 2001, 140; Ишбаев, 2012, 373-375; Абдуллина, 2009, 12;].

Тимәк, **-р** ялғауының мәғәнәһе ғалимдар тарафынан ныклап өйрәнелмәгән булып сыға. Ә укыусылар, укытыусылар имтихандарза һораузарға (тестарға) яуап биргәндә ни эшләргә тейеш була һун? Без әле һаман “*Кәрәк һәмәләргә үзем алырмын*”, — тип вәғәзә бирһәк тә, хәбәр кылымда **-ыр** аффиксы булған өсөн әйткәнәбеҙҙә һаман да билдәһезгә һанап ултырабыҙ һәм, иң үкенесләһе, шуға укыусыларҙы ла өйрәтәбеҙ.

Әйткәндәй, академик М. В. Зәйнуллин хәзәрә башкорт телендә билдәһез киләсәк заман (**-ыр** аффиксы — М.У.) әзәби телдә лә, дөйөм халык телендә лә билдәлә киләсәк заман (**-асақ** аффиксы — М.У.) формалары менән сағыштырғанда зур активлык күрһәтә. Мәсәлән, поэтик әсәрзәрҙә **-сақ**, **-сәк** аффикслы киләсәк заман бик һирәк осрай [Зәйнуллин, 2002, 142].

Тағы ла бер мөһим мәсьәләлә тукталмаксымын. Ул да булһа башкорт телендә киләсәк заманды **-р**, **-ыр/-ер**, **-ор/-өр** аффикстарынан тыш **-ар/-әр** аффикстарының да белдерүендә. Улар халык ижадында, әзәби әсәрзәрҙә йыш осрай, халык телендә иркен кулланыла. Мәсәлән, *беләр*, *бөтәр*, *елғыуар*, *етәр*, *исәр*, *йыуар*, *күсәр*, *кыуар*, *әсәр*, *тыуар*, *тояр*, *китәр*, *күсәр*, *өзәр*, *әсәр*; сифат кылымдар: *быуар* (йылан), *һыубасар* (туғай); исемдәр: *һөйәркә*, *һөйәр*, *Һөйәрғолов* һ.б.

Ж. Ғ. Кейекбаев хезмәттәрәндә кайһы бер һүзәрҙән, мәсәлән, *етәр*, *беләр*, *тейәр* ошо рәүештә дөрөс булғаны тураһында фекерен әйтә, артынса ук *етер*, *белер* дөрөс түгел тип, күрһәтеп куя, түбәндәге миһалдарҙы килтерә: “...мәсәлән: *уғатар батыр*, *осар тейен*. Был исемдәр *уғатыр батыр*, *осор тейен* рәүешендә язылмай. Кәтғи тыйыуы белдергән һәм ымлыкка күскән *етәр* һүзендә һәр вақыт **-әр** ялғауы әйтәлә һәм языла, мәсәлән: *Етәр*, *егеттәр*, *куйығыз!* (*Етер*, *егеттәр*, *куйығыз* — дөрөс түгел.)”; *Көмөш кенә әйәр атка* (ла) *тейәр*,

Әйәкәйзәрә белмәс ат беләр.

Ир башкайына кайғы төшһә,

Үз туғаны белмәс ят беләр. (*Белер* түгел — Ж.К.) [Кейекбаев, 1983, 217, 237].

Икенсенән, тарихи күзлектән карағанда, тип яза Ж. Ғ. Кейекбаев артабан, **-сақ**, **-сәк** ялғауы **-а**, **-ә**, **-й** ялғауы менән яһалған нигезгә кушыла: тартынкыға бөткән кылымдар — *ал-а-сақ*, *кил-ә-сәк*; һузынкыға бөткән кылымдар — *әшләй-ә-сәк*, *уқы-й-а-сақ* (дөрөс язылышы: *уқы-ясақ*). [Кейекбаев, 1983, 216]. Тимәк, ошо кәғизгә таянып эш итһәк, тамыр кылымға **-а** (**-ә**, **-й**) кушылып, кылымдың нигезә, ә уға **-р** аффиксы кушылып, өмөт, вәғәзә һ.б. мәғәнәлә билдәлә киләсәк заман яһала: *бел-ә-р*, *һөй-ә-р* (ошонан яһалған *һөйәркә*, *һөйәрәм*, *Һөйәрғолов*), *кей-ә-р*, *өз-ә-р*, *сы(к)ә-а-р* (ошонан яһалған *сығарылыш*, *сығарылған*), *ярзам ит-ә р* (кеше), *куй-я(йа)-р* (*куян ул тапқан*, *куяр урын тапмаған*), *тыу-а-р* (*тыуар бала* — *тыуасақ бала* түгел) һ.б. Шунһы кызык тип яза башкорт телсә-ғалимдары Ә. М. Азнабаев менән В. Ш. Псәнчин, кайһы бер кылымдарза **-ар/-әр** кушылмалары (йәнлә һөйләү телендә), икенселәрәндә **-ыр/-ер** аффикстары кулланыла: *ал-ыр*, ләкин *сақыр-ар*; *әйт-ер*, ләкин *кил-әр*. Орфография был аффикстардың **-ыр/-ер** вариантын ғына законлаштырған. Хәзәрә башкорт телендә **-ыр** йәки **-ар** аффикслы кылымдардың заман күзлегәнән айырмаһы юк Әйтәйек, *әйтер* һәм *киләр* формалары бер үк заманды белдерә. [Азнабаев, Псәнчин, 1976, 121].

Билдәлә булыуынса, татар телендә **-р**, **-ыр/-ер**, **-ар/-әр** аффикстары киләсәк заман төшөнсәһен бирә, норма булып йөрәй [Татар грамматикасы, 1997, 121; Дмитриев, 2007, 126; 2008, 177].

Артабан **-ар/-әр** ялғаулары булған фактик материалдарҙы килтерәйек:

Ағизәлкәй алкын, һыуы һалкын,

Икәү бергә һисек йөзәрбәз.

Икәү бергә һисек тә йөзәрбәз.

Айырылышыһақ һисек түзәрбәз. (“Ағизәл” йырынан).

Тәкдир булһа, үләрбәз.

Һақ яҙғанын күрәрбәз. (“Бузйегет” эпосы);

Юлымда юлдаш бул тиһәң,

Юлыңа бергә **китәрмен**. (“Урал батыр” эпосы);
 Болот та күсәр, ел **кыуар** —
 Ер йөзөндә үрт **тыуар**. (Тарихи эпос “Изеүкәй менән Моразым”);
 Балки, Машиканың эзенә төшәрмен. (Я. Хамматов);
 Гөл буһам, үсәр инем,
 Ел буһам, исәр инем.
 Алма буһам, алдарыңа
 Өзөлөп төшәр инем. (Йыр).
Инареңдән алда, сығарыңды уйла (Мәкәл)
 Түбәндә **-ер** аффиксы менән бирелгән шиғыр юлдарын тағиҙәгә таянып
-ер аффиксы менән дә, халыҡсан форма **-әр** менән дә укып карағыҙ. Кайһыһы матур һәм
 йөрәк күшкәнса яңғырай. Өлбиттә, **-әр** форманы менән булғаны: *Мин дә сынығып,
 Үсәрмен, ағай,
 Илде һаҡларға
 Китәрмен ағай.* (Ғ. Рамазанов);
-р аффиксын билдәһеҙ тип һанау, *киләсәк замандың билдәле* икәнән бер
-асаҡ ялғауы ғына белдерә тип укытыу һаман дауам итә. Ул башҡорт мәктәптәренән
 башланғыс класынан ук башлана. Миҫалдар: 1) *Нимәләрең буласаҡ?* (өйөң, баҡсаң, машинаң
 һ.б.); *Мин атайым кеүек балта оҫтаһы буласаҡмын; Без иртәгә Чч хәрәфен өйрәнәсәкбез;
 Һөйөнсө! Бөгөн һабан байрамы — һабантуй буласаҡ Ғаталар ҡунаҡ саҡырған. Уларға
 Ҡасим, Ғәли, Ҡарлугас, Ғәлиә киләсәк.* [Сынбулатова, 2012, 42, 61; 2013, 82, 129, 137]; Ө
сабылған үләндең тамырынан киләһе йылға яңыһы шытып сығасаҡ [Игеҙйәнова, 2014, 87].
 Киләһе быуынды сабый сағынан ук ант иттермәй генә ипле һөйләшергә өйрәтергә ине
 лә бит...

Ҡулланылған әҙбиәт

- Абдуллина Г. Р. Формы изъявительного наклонения в башкирском языке. Вестник Томского университета 2009, № 318. С.7-13. {Abdullina G. R. Forms of the indicative mood in the Bashkir language. *Bulletin of the Tomsk University*. 2009. No. 318. P. 7-13.}
- Азнабаев Ә. М., Псәнчин В. Ш. Башҡорт теленең тарихи морфологияһы. (Сағыштырматарихи тикшеренең тәжрибәһе). {Aznaev A. K., Psyanchin V. Sh.. Historical morphology of the Bashkir language. Experience of comparative historical research. Ufa: Bashkir book publishing house, 1976. 175 p.}
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. Л., 1948; М.: Наука, 2007. 232 с. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. Leningrad, 1948; Moscow: Nauka, 2007. 232 p. 2 nd ed.}
- Дмитриев Н.К. Башҡорт теленең грамматикаһы. (Грамматика башкирского языка). Л., 1950; Өфө, 2008. 324 бит. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. Leningrad, 1948; Ufa, 2008. 324 p.}
- Зиннәтуллина Х.Ш. Башҡорт теле. Башланғыс мәктәптең дүртенсе класы өсөн дәреслек. Өфө: Башҡортостан ҡитап нәшриәте, 1955. {Zinnatullina Kh. Sh. Bashkir language. Textbook for the 4th form of elementary schools. Ufa: Bashkir book publishing house, 1955.}
- Зәйнуллин М.В. Хәҙерге башҡорт әҙби теле. Морфология. Өфө: БДУ, 2002. 387 бит; Өфө: Ҡитап, 2005. {Zainullin M. V. The Modern Bashkir literary language. Morphology. Ufa: BSU, press, 2002. 387 p.; Ufa: Kitap, 2005. 2 nd printing.}
- Игеҙйәнова Н. Яңғын. Әҙби укыу. Дөйөм белем биреү учреждениеларының 2-се класы өсөн дәреслек. Ике киҫәктә. 2-се киҫәк. Өфө: Ҡитап, 2014. 106 бит. {Igethyanova N. Fire. Literary reading. In two parts. Part 2. Textbook for 2nd form of comprehensive schools. Ufa: Kitap, 2014. 106 p.}
- Ишбаев К.Ғ. Ҡылым // Башҡорт теле. Юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. Өфө: Ҡитап, 2012. 353-397-се биттәр. {Ishbaev K. G. The Verb. In: the *Bashkir language*. Textbook for students of the Philology faculty o of higher educational institutions. Ufa: Kitap, 2012. P. 353-397.}

Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле. Өфө, 1966. 146 бит. {Kiekbaev, Dj. G. Modern Bashkir literary language. Ufa, 1966. 146 p.}

Кейекбаев Ж.Ф., Гәлләмов А.А., Фәритов Х.С. Башкорт теле дәреслеге. 5-6 кластар өсөн. Фонетика һәм морфология. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1969. 256 бит. {Kiekbaev, Dj. G., Gallyamov A. A., Faritov Kh. S. The Bashkir language for grades 5-6. Phonetics and morphology. Ufa: Bashkir book publishing house, 1969. 256 p.}

Мансуров Ә. Башкорт теле грамматикаһы. I китеп. Фонетика һәм морфология. Ете йыллыҡ һәм урта мәктәптең V-VI кластары өсөн дәреслек. Өфө: Башгосиздат, 1951. 256 бит; 1953. 208 бит. {Mansurov A.A. Grammar of the Bashkir language. Part 1. Phonetics and morphology. Manual for V-VI forms of seven-year secondary schools. Ufa: Bashkir publishing house. 1951. 256 p.; 1953. 208 p.}

Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В. Әсә теле. 10-11 кл. Өфө: Китап, 2001. {Psyanchin V. Sh., Psyanchin Yu. V. The native language. Textbook for 10-11 forms of the Bashkir school. Ufa: Kitap, 2001.}

Сынбулатова Ф.Ш., Атнағолова С.В., Кәримова С.Ф. Дәйөм белем биреү учреждениеларының 1-се класы өсөн уҡыу китабы. 2-се баҫма. Өфө: Китап, 2012. 110 бит. {Sunbulatova F. S., Atnagulova S. V., Karimova, S. G. (Literary reader for 1st grade of comprehensive). 2nd ed. Ufa: Kitap, 2012. 110 p.}

Түймебаев Ж., Ескеева М., Усманова М. Қазақ және башкорт тилдерінің салыстырмалы грамматикасы. Түркітану сериясы. 2018. 256 б. {Tuimebayev Zh., Eskeeva M., Usmanova M., (Comparative grammar of the Kazakh and Bashkir languages). 2018. 256 p.}

Усманова М.Г., Абдуллина Ф.Ф. Башкорт теле. 5-9 кл. Теория. Өфө: Китап, 2013. 46 бит. {Usmanova M. G., Abdullina F. F. The Bashkir language for grades 5-9. Theory. Ufa: Kitap, 2013. 246 p.}

Фәритов Х., Ғүмәров Ғ. Башкорт теленең грамматикаһы. Фонетика һәм морфология. Педучилищелар өсөн дәреслек. Өфө: Башгосиздат, 1949. {Faritov Kh., Gumerov G. Grammar of the Bashkir language. Phonetics and morphology. Textbook for teachers' College. Ufa: Bashkir publishing house, 1949.}

Әхмәр К Башкорт теле. Педучилищелар өсөн дәреслек. Өфө, 1941. {Akhmer K. The Bashkir language. Textbook for teachers training Colleges. Ufa, 1941.}

УДК 811.512.145

Г. Ч. Файзуллина, г. Тобольск

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С КОМПОНЕНТОМ-НАИМЕНОВАНИЕМ ПИЩИ В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена явлению метафоризации языковых единиц как способу образования вторичных номинаций человека в языковом сознании сибирских татар. Научная новизна работы заключается в привлечении полевого материала, демонстрируемого впервые, и детальном анализе полисемантической структуры диалектного слова или фразеологизма. Доказано, что использование номинативных средств лексики в новой для них функции наречения способствует развитию полисемантической структуры слова.

Ключевые слова: лингвокультурология, сибирские татары, языковое сознание, пища, вторичная номинация, метафоризация.

NOMINATIONS OF THE PERSON WITH THE COMPONENT-NAME OF FOOD IN THE TOBOLI-IRTIISH DIALECT OF THE TATARIAN LANGUAGE. *The article is devoted to the phenomenon of metaphorization of linguistic units as a way of forming secondary human nominations in the linguistic consciousness of Siberian Tatars. The scientific novelty of the work is to attract field material, demonstrated for the first time, and a detailed analysis of the polysemantic structure of a dialect word or phraseology. It is proved that the use of nominative means of vocabulary in the new naming function contributes to the development of the polysemantic structure of the word.*

Keywords: linguoculturology, Siberian tatars, language consciousness, food, secondary nomination, metaphorization.

В татарском языкознании изучением кулинарной лексики занимаются такие исследователи, как Р.Р. Замалетдинов, Г.Ф. Замалетдинова, Ф.Ш. Нуриева, Р.С. Нурмухаметова, М.Р. Саттарова, Т.Х. Хайрутдинова, Г.Н. Хуснуллина, А.Ш. Юсупова и др. [Нуриева, 2015; Нурмухаметова, 2014; ТТЭС, 2015; Хайрутдинова, 1993].

Номинации человека с компонентом-наименованием мучного кондитерского изделия

В татарской национальной кухне особое место занимают печеные и жареные мучные изделия, наименования которых нередко используются при образовании номинаций человека. Как правило, в основе переноса названия по сходству лежит форма кулинарного изделия: круглая и заостренная. При этом образуемые фразеологические единицы конструированы по типу *наименование мучного изделия + соматизм*, используемые как в литературном языке, так и в диалекте. Например, нормированный фразеологизм *бәләш авыз* «неспособный человек» – бәлиш + рот.

При наименовании круглолицего человека используются фразеологизмы *липушгә пит* (лицо [как] лепешка), *пәлең пит* (лицо [как] бәлиш), *шәңкә пит* (лицо [как] шаньга). Лексема *пәлең* «мясной пирог» употребляется в тобольском и заболотном говорах [БДСТЯ, 2009]. По такому же принципу образованы фразеологизмы *он пит* «белолицый человек» – мука + лицо и *күптермә авыс* «пухлогубый» – пышная булочка + рот.

Остроголового человека называют *эртник паш* – рыбник + голова. Лексема *эртник* (тобольский говор) / *эртнек* (томский диалект) / *эртних* (заболотный говор) < рус. *рыбник* «рыбный пирог» является дореволюционным заимствованием, на это указывают данные словаря И. Гиганова «*эритник* – пирог с рыбой» [Гиганов, 1801].

Языковой материал представлен переносом названия по сходству не только формы изделия, но и качества. Лексическая единица с вторично-номинативным значением *павырсақ* «сострадательный человек» используется в речи жителей Вагайского района. Баурсаки получают в виде необычайно хрупкой шапочки. Данное качество национального мучного изделия легло в основу семантического переноса: *хрупкое* мучное изделие → человек с *нежным* темпераментом.

Лексема *шәңкә* в переносном значении используется в составе фразеологизма *шәңкә пит* (шәңкә + лицо) и самостоятельно. В отличие от других традиционных пирогов, шаньги открытые. В основном они начиняются картофельным пюре, поэтому пирог в руках разваливается. Вероятно, этот признак лег в основу переносного значения «бестолковый человек», на базе которого образован глагол *шәңкәләну* «ротозейничать».

Номинации человека с компонентом-наименованием горячего блюда

1. Номинации человека с компонентом-наименованием жидкого блюда. В речи тобол-иртышских татар используется лексема *шырцай* «болтушка», которая была основным блюдом в военные и послевоенные годы. Кроме того, данное слово употребляется в значении «несерьезный человек», синонимом выступает лексема *шырық*: 1) жидкий; 2) несерьезный человек. В основе семантического переноса находится сравнение жидкого начала с ненадежным человеком, на которого нельзя положиться и опереться.

Лексема *шурб^әа* «бульон» участвует в образовании фразеологизма *шурб^әалы күс* (бульонный глаз) «больные глаза, из которых сочится слизь». Фразеологизм образно и точно передает болезненное состояние человека – с мутными слезящимися глазами.

2. Номинации человека с компонентом-наименованием блюда из крупы. Человека с полным рыхлым лицом называют *путқа* «каша» или *путқа пит* – каша + лицо с ассоциацией по сходству внешнего вида.

Забытым блюдом на сегодняшний день является *қурмац* «зерна, поджаренные на сковороде» [Тумашева, 1992]. Глагол *күр* отмечен под киргизским наречием в словаре В.В. Радлова в значении «жарить»: *пудаі күрдү онь* – жарил пшеницу [Радлов, 1899]; Д.Г. Тумашева выделяет три значения в слове *қуру* – 1. жарить, 2. сгребать в кучу, 3. делать

боры, заканчивать вязанье [Тумашева, 1992]. «Словарь русских народных говоров» содержит лексему *затуран*, которая является русским названием «татарского кушанья *курмачь* или *курмац*. Кушанье готовят так: пережаривают ячмень, толкут, варят с молоком, прибавляют масла и едят» [Словарь русских народных говоров, 1976]. Однако до сих пор бытует в речи тоболо-иртышских татар фразеологизм *курмац тел* «бойкий на язык, языкастый» – поджаренные зерна + язык. Данный фразеологизм включает в себе положительную коннотацию: в народной культуре находчивый в разговоре, красноречивый человек, острослов является объектом всеобщего уважения.

Кроме того, лексема *курмац* сохранилась в игровом детском фольклоре:

Курмац кур, кур, кур (2 раза) 'Курмац жарь, жарь, жарь'

Мынта серкә, мынта пет 'Здесь гнида, здесь вша'

Мынта қантала, мынта пәрцә 'Здесь клоп, здесь блоха'

Қыцы-қыцы, қыцы-қыцы 'Имитация щекотания.'

Слова сопровождаются определенными движениями: *Курмац жарь, жарь, жарь* (круговые движения указательным пальцем по ладони ребенка).

На каждом слове указательным пальцем дотрагиваются до руки ребенка, одновременно поднимаясь вверх по руке к под мышками. Затем слегка ребенка щекочут подмышкой. Данное фольклорное произведение используется в целях отвлечения ребенка от плача.

3. Номинация человека с компонентом-наименованием печеного блюда. В народных говорах употребителен фразеологизм *пичүнкә пит* «темнокожий» – печеный картофель + лицо, который применяется в негативном ключе: *Шал пичүнкә пит пүтән игәнте* (тот темнокожий еще и жеманится). Лексема *пичүнкә* заимствована из русского языка *печенка*: *Пес картуп қасганта, пичүнкәне кастёрта пешереп ашайтын* (когда копаем картошку, всегда готовим печеный картофель на костре).

Номинации человека с компонентом-наименованием молочного продукта

Одним из центральных концептов татарского языка является «молоко», в котором отражаются древние ценностные отношения народа к миру. Актуальность исследования данного концепта обуславливается малоизученностью. Слово *сәт* «молоко» относится к древнейшему разряду лексики и активно участвует в образовании фразеологизмов. Например, *сәт анасы* «молочная мама», *сәте кипмәгән* «о том, кто слишком молод и неопытен», *сәт тә юк, йон да юк* «нет никакой пользы» [Исанбет, 1990], *сәтлә сыйыр* – 1. женщина, у которой много молока; 2. щедрый.

Молоко издревле считается основным продуктом питания, который используется как в свежем виде, так и переработанном. Рассмотрим диалектные лексические и фразеологические единицы, обозначающие молочные продукты.

Номинация человека с компонентом-наименованием *күпчек* «простокваша» применяется к лицу, возмнившему о себе, зазнавшемуся: *Қараң, қараң күпчекне!* (смотрите, смотрите на зазнайку!). При проведении полевых работ зафиксирована единица *күпчек* в значении «простокваша», однако в лексикографических источниках дается другое толкование слову – «творог» [Тумашева, 1992], [БДСТЯ, 2009]. В связи с этим была проведена уточняющая беседа с респондентами, в результате которой осуществлено разграничение семантики лексем *күпчек* «простокваша» и *эрмчек* «творог». В словаре И. Гиганова содержится слово *катык* в значении «простокваша» [Гиганов, 1801]. Технологии приготовления молочных продуктов простокваши и катыка отличны: простокваша образуется путем скисания сырого молока, а катык готовится из кипяченого молока. Таким образом, исследуемые лексемы не приравниваются к синонимам. Более того, важным аргументом в пользу нашей позиции является семантика основы слова *күпчек*: *күп* – распухать, увеличиваться в объеме [Радлов, 1899]; *күпцү* – скисать: *сәт күпцетте* [Тумашева, 1992].

Следовательно, ядро переноса обнаруживается в процессе приготовления продукта *күпчек*: при брожении молочная масса начинает увеличиваться в объеме. Это явление сравнивается с поведением зазнавшегося человека: индивид старается придать себе важное

обличье, при этом стремится занять своим телом как можно больше места.

Таким образом, *күтчек* – 1. Простокваша; 2. Зазнавшийся человек. Вторичная номинация имеет отрицательную коннотацию.

Номинации человека с компонентом-наименованием «май» представлены как общенародными фразеологизмами *майлы күз* «бесстыдный человек» (масляный + глаз), так и диалектными *майлы паш* «человек, отлынивающий от работы» (масляная + голова). В основе переноса единицы *майлы* находится сравнение в первом примере с мутностью вещества, во втором примере – с неустойчивостью субстанции (*йылып йөрөйтә май шигелле* – неустойчивый как масло). Данные языковые единицы употребляются в негативном ключе. Пословицы, напротив, демонстрируют положительную коннотацию лексемы *май* «масло»: *кеше өйөнтә май цүлмәк, үс өйөнтә пуқ цүлмәк* (в гостях – горшок с маслом, в своем доме – горшок с испражнениями), *йәтим пысау асрасаң, амыс-поруның май пулыр, йәтим пала асрасаң, амыс-поруның қан пулыр* (если вырастишь сироту теленка, то рот-нос будет в масле, если вырастишь сироту ребенка, то рот-нос будет в крови).

Номинации ребенка с компонентом-наименованием пищи

В народной культуре особое место занимает вопрос воспитания детей, который ярко выражается в пословицах и поговорках: *қысым, сиңә әйтәм, – киленем, син тыңла* (доченька, тебе говорю, – невестка, ты слушай); *арсар үсен мактар, дивана қысын мактар* (дурак себя хвалит, юродивый свою дочь хвалит), *уңса – пала, уңмаса – пашга пәлә* (удастся – ребенок, не удастся – беда на голову). В пословицах отражаются важные концепты диалектной языковой картины мира.

Номинации ребенка представлены такими единицами, как *пал кисәгем* – медовый, *пал итмәк* – медовый хлеб, пряник (в XVIII веке *бал итмәк* – пряник [Гиганов, 1801]), *нан кисәгем* – кусочек хлеба из пшеничной муки высшего сорта, *татлым, тәмлешигәм* «сладенький» – вкусный. Данные лексемы отражены в фольклоре сибирских татар:

Палам, палам – *пал кисәк* 'Дитя мое, дитя мое – кусочек меда',

Палам, палам – *пал итмәк* 'Дитя мое, дитя мое – медовый пряник'.

Минем иргәм шантай: 'Изнеженный мой такой':

Сәткә утырган қаймақтай, 'Как образовавшиеся сливки на молоке',

Көб'өгә пешгән майтай, 'Как сбитое масло в маслобойке',

Таб'ага пешгән қоймақтай 'Как поджаренный блин на сковороде'.

Паламның паласы палтан татлы 'Ребенок моего ребенка слаще меда'.

Следовательно, в основе семантического переноса лежат вкусовые качества – лакомый, сладкий. Номинации ребенка отличаются положительной коннотацией.

Таким образом, концепт «еда» как компонент диалектной языковой картины мира репрезентируется в культурном пространстве посредством вторичных номинаций. Эмоционально-экспрессивная составляющая номинаций человека с гастрономическим компонентом выражена положительной и отрицательной коннотацией. В народной культуре порицаются такие качества, как глупость, лень, ненадежность, напыщенность.

Литература

БДСТЯ – Большой диалектологический словарь татарского языка / сост. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайретдинова. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 839 с. {BDSTYA - A large dialectological dictionary of the Tatar language / comp. F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, Z. R. Sadiykova, T. Kh. Khayretdinova. Kazan: Tatar book publishing house, 2009. 839 p.}

Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе / И. Гиганов. СПб., 1801. {Giganov I. Indigenous words, necessary for information for teaching the Tatar language, collected in the Tobolsk main school / I. Giganov. St. Petersburg., 1801.}

Исанбет Н. С. Фразеологический словарь татарского языка. В двух томах. Том II /

Н. С. Исанбет. Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 365 с. {Isanbet N.S. The Phraseological Dictionary of the Tatar Language. In two volumes. Volume II / N.S. Isanbet. Kazan: Tatar book publishing house, 1990. 365 p.}

Нуриева Ф. Ш. Названия пищи в тюркоязычных письменных памятниках золотоордынского периода / Ф. Ш. Нуриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №7-1 (49). С. 143-146. {Nuriyeva F. Sh. Names of food in Turkic-speaking written monuments of the Golden Horde period / F.Sh. Nuriyeva. *Philological sciences*. Questions of theory and practice. 2015. № 7-1 (49). P. 143-146.}

Нурмухаметова Р. С. Словообразовательная активность кулинарной лексики татарского языка / Р. С. Нурмухаметова // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение. Материалы III Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Р. Р. Замалетдинова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 257-260. {Nurmukhametova RS Word formation activity of the culinary vocabulary of the Tatar language / RS Nurmukhametova // Languages of Russia and CIS countries as foreign: teaching and learning. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of RR Zamaletdinov. Kazan: Kazan (Privolzhsky) Federal University, 2014. P. 257-260.}

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч.2. Согласные *k, k, k, ƚ, r (r), x, h, ħ* / В. В. Радлов. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. 1814 с. {Radlow W. Experience of the dictionary of the Turkic dialects. V. 2. Part 2. Consonants *k, k, k, ƚ, r (r), x, h, ħ* / W. Radlow. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1899. 1,814 p.}

Словарь русских народных говоров. Выпуск 11. Зароситься-Зубрѣнка. – Ленинград: Наука, 1976 364 с. {Dictionary of Russian folk dialects. Issue 11. Zarosit'sya-Zubryonka. Leningrad: Nauka, 1976. 364 p.}

ТТЭС – Татар теленең этномәдәният сүзлегә: матди мәдәният лексикасы (ризык һәм савыт-саба атамалары) / Төзүче авторлар: Р. Р. Жамалетдинов, Ә. Ю. Юсупова, Г. Ф. Жамалетдинова, Р. С. Нурмөхәммәтова, М. Р. Саттарова, Г. Н. Хөснүллина / Тәржемәчеләр: А. Х. Әшрәпова, Л. Р. Мөхәммәтжанова, Л. Р. Мөхәрләмова, Л. Х. Шәяхмәтова. Казан: Казан университеты нәшрияты, 2015. 280 с. {Ethnocultural dictionary of the Tatar language / Authored by: R.R. Kamaletdinov, Ә. Yu. Yusupova, G.F. Kamaletdinova, R.S. Nurmukhmutova, M.R. Sattarova, G.N. Khusnullina. Kazan: Kazan University printing house, 2015. 280 p.}

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д. Г. Тумашева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. 255 с. {Tumasheva D.G. Dictionary of dialects of the Siberian Tatars / D.G. Tumashev. Kazan: Publishing house of the Kazan University, 1992. 255 p.}

Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке / Т. Х. Хайрутдинова. Казань, 1993. 142 с. {Khayrutdinova T. Kh. Names of food in the Tatar language / T. Kh. Khairutdinova. Kazan, 1993. 142 p.}

УДК 811.511.1

М. С. Федина, В. П. Чупров, г. Сыктывкар

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ИЖЕМСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ ЯЗЫКА КАК РЕСУРС ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

При документировании диалектной речи используются современные информационные технологии. Одним из результатов документирования является корпус диалектных текстов. Коми медиатека – это первый опыт создания электронного коми диалектного корпуса, где в основном представлен ижемский диалект коми языка. Корпус дает большие возможности для разносторонних лингвистических исследований на всех уровнях – от фонетики до синтаксиса.

Ключевые слова: диалект, корпус, лингвистика, фонетика, лексика, семантика, грамматика.

ELECTRONIC CORPUS OF THE IZHMA DIALECT OF THE KOMI LANGUAGE AS A RESOURCE FOR LINGUISTIC RESEARCHES. *In documenting of a dialect speech the modern information technologies are used. One of the results of that documenting is a corpus of dialect texts. The Komi media library is a first experience of creation of an electronic Komi dialect corpus where the Izhma dialect of the Komi language is mostly presented. The corpus gives great opportunities for various linguistic researches at all levels – from phonetics to syntax.*

Keywords: *dialect, corpus, linguistics, phonetics, vocabulary, semantics, grammar.*

Диалект есть форма функционирования национального языка, в которой сохраняются и отражаются важнейшие фонетические, лексические, морфологические, синтаксические особенности, в том числе и исторические. Поэтому особенно актуальным является документирование диалектной речи. Значимость языкового документирования огромна. «Для местных жителей записанные тексты интересны тем, что привязаны к их сегодняшней жизни, быту, знакомым людям и судьбам. Кроме того, сам факт, что их языком интересуются ученые, что эти материалы будут доступны во всем мире, несомненно, поднимает престиж языка, может способствовать пробуждению интереса к собственному языку у молодых. Для будущих поколений - это сохранение культурного наследия. Конечно же, собранные и обработанные материалы имеют огромную ценность для всех специалистов, изучающих язык в самых разных аспектах. Это лингвисты, которые занимаются языками данной языковой семьи; лингвисты-типологи, изучающие общезыковые закономерности путем сопоставления далеких и непохожих друг на друга языков; социолингвисты, этнографы, фольклористы» [Архипов, 2008]. При этом важнейшими задачами документирования являются не только сбор и качественная фиксация языкового материала, но и предоставление к нему доступа в электронной форме широкой аудитории и надежное и долговременное хранение собранных и обработанных данных и их периодическая обработка по требованиям современных форматов. В 2016 году Центром инновационных языковых технологий (Республика Коми) был создан электронный корпус ижемского диалекта коми языка – Коми медиатека (<http://videocorpus.ru/>). Это первый опыт создания электронного корпуса коми диалектной речи. О начале работы достаточно подробно было рассказано на данной конференции в 2014 г. [Блокланд Р., Рисслер М., Партанен Н., Чемышев А., Фебина М., 2014]. О разработке самого корпуса и принятых решениях см. [Фебина М.С., Левченко Д.А., 2017].

Сегодня хотелось бы остановиться на возможностях данного корпуса для лингвистических исследований. Корпус текстов является важным инструментом лингвистического исследования, источником данных об исследуемом языке – наряду с такими традиционными источниками, как языковая интроспекция исследователя, грамматики и словари. Однако следует признать, что возможности корпусов все-таки еще недостаточно усвоены лингвистической общественностью вообще и лингвистами в частности. Обращение к корпусным данным еще не стало столь же привычным и обязательным при формулировке и проверке тех или иных утверждений относительно фактов языка, как обращение к грамматикам и словарям, к работам коллег [Перцов, 2006, 318].

В основе корпуса – ижемский диалект коми языка, который является одним из наиболее своеобразных диалектов коми-зырянского языка. Он имеет широкую географию функционирования и контактирования с разными языками.

Вначале необходимо отметить два важных момента: во-первых, расшифровка текстов осуществлялась по принципу «верности звучащей речи», строго говоря, это не транскрибированный текст, а письменный текст, максимально приближенный к устной речи. Мы исходили из понимания, что «транскрибируя устный дискурс, следует основываться на верности реальной аудиозаписи... Необходимо избегать искушения подгонки под привычные шаблоны письменного языка. То, чего не может быть в письменном языке (или мы думаем,

что его там не может быть), вполне может встречаться в устном» [Кибрик, Подлеская, 2003, 3]. Во-вторых, расстановка знаков препинания не в полной мере соответствует правилам литературного языка, поскольку «она служит прежде всего для того, чтобы дать некоторое представление о членении диалектной речи и облегчить читателю восприятие текста» [Летучий, 2005, 215].

На данный момент в рабочей базе корпуса около 60 обработанных интервью продолжительностью от 15 минут до 1,5 часов, на сайте (в общем доступе) их меньше. Этот массив текстов достаточно легко обрабатывать благодаря программе ELAN для различных лингвистических исследований. В качестве примера можно взять исследования на фонетико-фонологическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях.

Фонетико-фонологические исследования

Программа ELAN дает большие возможности для исследования материала на уровне сегментной и супraseгментной фонетики. С помощью программы можно распознать звуки и их варианты, характерные для исследуемой речи, а также с помощью звуковой волны, отражающей на экране монитора, выявить особенности интонации, просодические характеристики.

Речь информанта можно исследовать, разбивая ее на наименьшие фонетические единицы – от фразы до сегментной единицы. Это позволяет, к примеру, рассмотреть и установить особенности звучания на уровне фразы, фонетической синтагмы, фонетического слова, слога и звука.

Особенно это актуально для сравнительного исследования локальных разновидностей ижемского диалекта, в которых звуки отличаются качеством, например, долгие гласные, мягкие согласные.

В фонетических исследованиях с помощью программы ELAN и метода широкополосной спектрографии можно определить как качество гласных, исследовав их формантные значения, которые характеризуют артикуляционные признаки ряда и подъема, так и произвести анализ долготы гласных в разноместных позициях слова отобранных фраз, что позволит определить интонационные особенности спонтанной речи ижемских коми.

Лексико-семантические исследования

Описание лексико-семантических систем современных диалектов, а также исследование синтагматических и парадигматических отношений между лексическими единицами, в т. ч. на материале тематических групп, может, в идеале - должно опираться на данные корпуса диалектных текстов.

Электронный корпус может выявить лексику, устойчивые выражения, которые не зафиксированы в словарях и научных трудах. Например:

А. *Гöрышше* – бедняга; человек, который вызывает у субъекта речи жалость. В ижемском диалекте также встречаются однокоренные слова с аналогичной семантикой “гөркей”, “гöre”.

Власова Анна Степановна, д. Красное, (00:21:05 – 00:21:06):

«Пыр на сулалэныс, *гöрышшеяс*». – Все еще стоят, бедняги.

Б. *Яран потан* – вид колыбели со спинкой, где ребёнок располагается в сидячем положении, букв. ненецкая колыбель.

Дети оленеводов, с. Сизябск Ижемского района Республики Коми, (00:04:27 – 00:04:29):
«*Яран потанъяс* выйымесь». – Есть колыбели со спинкой.

Грамматические исследования

В электронных репрезентативных корпусах немаловажную роль играет возможность статистических исследований. Прежде всего программа позволяет зафиксировать частотность употребления тех или иных графем, слов, словоформ, морфем и т. д. Такие

статистические методики используются для разрешения многих лингвистических задач, таких как машинный перевод, распознавание и синтез речи, средства проверки орфографии и грамматики и т.д. Так, устойчивые словосочетания представляют собой с семантической точки зрения неделимую смысловую единицу, что очень важно учитывать в лексикографии, системах автоматической обработки текста. На материале корпуса статистическими методами можно определить, какие слова встречаются вместе регулярно и, таким образом, могут быть отнесены к устойчивым словосочетаниям [Захаров, 2005]. В этом отношении Коми медиатека пока не имеет широкие возможности определения частотности тех или иных языковых элементов, но работы в этом направлении ведутся.

Программа дает возможность поиска не только целых лексем, но и разных формообразовательных и словоизменительных элементов.

Например, суффикс *-лаздор-* со значением «сторона, направление того, что названо в корне слова».

А. Евгений Александрович Игушев, г. Сыктывкар, (00:16:26-00:16:30):

«Кодорлаздорлань чужемнас пукалэмен кань мыссе, сыладорсянь и гось воас». - В какую сторону мордой сидя умывается кошка, оттуда и гость придет.

Б. Николай Никитич Чупров, с. Ловозеро, (00:29:03-00:29:07):

«Рыбачейлаздорын, сэн мыттэм кӧрыс вӧлі, а кӧрсэ вед быредісныс». - Возле Рыбачьего, там ведь сколько оленей было, но всех оленей ведь извели.

Наряду с морфологическими исследованиями Коми медиатека является прекрасной базой для исследования диалектного синтаксиса. При этом надо отметить, что крупных научных исследований по коми диалектному синтаксису просто нет.

Несомненно, Коми медиатека будет развиваться и далее за счет постоянного пополнения текстовой базы за счет записей по другим диалектам коми языка и параллельных текстов на коми литературном языке, а также за счет технической модернизации.

Литература

Архипов А. В. Документирование малых языков: научные и технические аспекты // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. М., 2008. С. 76-83. {Arkhipov A. V. Documenting of small languages: scientific and technical aspects // Language variety in cyberspace: Russian and foreign experience. M., 2008. P. 76-83.}

Блокланд Р., Рисслер М., Партанен Н., Чемышев А., Федина М. Использование цифровых корпусов и компьютерных программ в диалектологических исследованиях: теория и практика // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIV всеросс. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения известного башкирского лингвиста, диалектолога, тюрколога, доктора филологических наук С. Ф. Миржановой, 20-22.10.14. Уфа, 2014. С. 252-255 {Blokland R., Rissler M., Partanen N., Chemyshev A., Fedina M.S. Use of digital corpora and computer programs in dialectological researches: theory and practice // Current problems of dialectology of languages of the peoples of Russia: proceedings of the all-Russia's 14th scholarly conference, devoted to the 90th anniversary of a famous Bashkir linguist, dialectologist, turcologist, Doctor of Philology S.F. Mirzhanova, 20-22.10.14. Ufa, 2014. P. 252-255}

Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: Учеб.-метод. пособие. СПб., 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://www.academia.edu> (дата обращения – 19.04.2018). {Zakharov, V. P. Corporal linguistics: Study manual. SPb., 2005. [Electronic resource] URL: <http://www.academia.edu> (date of addressing – 4/19/2018)}

Кибрик, А.А. Подлесская, В.И. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // [Электронный ресурс] URL:

http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/Corpora_speech_transcription@S&I_2003.pdf. {Kibrik, A.A. Podlesskaya, V.I. To creation of corpora of the oral Russian speech: principles of transcription // [Electronic resource] URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/Corpora_speech_transcription@S&I_2003.pdf.}

Летучий, А.Б. Корпус диалектных текстов // Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/13letuchy.pdf> (дата обращения – 18.04.2018). {Letuchy, A.B. The corpus of dialect texts // The national corpus of the Russian language: [Electronic resource] URL: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/13letuchy.pdf> (date of addressing – 4/18/2018).}

Перцов, Н.В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 227-245. {Pertsov, N.V. To assertions on facts about the Russian language through the prism of corporal data // The Russian language in scholarly interpretation. 2006. No. 1 (11). P. 227-245.}

Федина М.С., Левченко Д.А. Из опыта создания Коми медиатеки // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы (16–17 марта 2017 г., Сыктывкар): сб. материалов Международной науч. конф. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСИУ, 2017. С. 220-227 {Fedina M.S., Levchenko D.A. From experience of creation of the Komi media library // Electronic writing of the peoples of the Russian Federation: experience, problems and prospects (March 16-17, 2017, Syktyvkar): proceedings of the International scholarly conference. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU, 2017. P. 220-227}

УДК 811.512.141'373:392/5(=512.141)

А. М. Хакимьянова, г. Уфа

ЛЕКСИКА СВАДЕБНО-ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА БАШКИР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РБ в рамках научного проекта № 17-14-02011 – ОГН «Башкирские свадебные песни: текст и практика»

В статье рассматривается лексика, относящаяся к свадебному обряду башкир. Красочный и богатый свадебный ритуал выявляет развитую терминологию. В последнее время наблюдается постепенное исчезновение многих обрядов, вместе с этим уходит и лексика, связанная с ним. Этот процесс обуславливает остроту и актуальность сохранения архаичной формы традиционной обрядности и, в первую очередь, сохранения лексики и терминологии.

Ключевые слова: свадьба, ритуал, действие, лексика, семантика.

VOCABULARY OF THE WEDDING-RITUAL FOLKLORE OF BASHKIRS. *The article deals with the vocabulary relating to the wedding ceremony of the Bashkirs. A colorful and rich wedding ritual reveals a developed terminology. Lately, there has been a gradual disappearance of many rituals, along with the vocabulary associated with it. This process determines the urgency of preserving the archaic form of traditional ritual and, first of all, the preservation of vocabulary and terminology.*

Key words: wedding, ritual, action, vocabulary, semantics.

Башкирская свадьба, как и свадьба любого другого этноса, представляет собой сложный многосоставной комплекс различных действий, основной целью которого является создание новой семьи для продолжения рода. В этом представлении большая роль отводится словесным и песенным состязаниям (*эйтеш*), причитаниям (*сеңләү*), благопожеланиям (*теләк*), песнопениям «яр-яр», величальным и прощальным песням, такмакам, которые органично вплетаются в ход свадьбы, создавая праздничную атмосферу, придавая особую важность всему происходящему [Хакимьянова, 2017, 173]. В красочном и богатом свадебном ритуале выявляется развитая терминология. Изучение свадебной терминологии позволяет

детально рассмотреть отдельную лексему в системе целостной картины обряда. Обзор литературы по исследуемой проблеме показывает, что к настоящему времени проделана определенная работа по изучению свадебно-обрядовой лексики и получены некоторые результаты. Первые сведения о свадебной терминологии были представлены в двух томах «Словаря башкирских говоров», в которых наряду с диалектизмами даются текстовые описания части свадебного обряда со всеми диалектными особенностями [Словарь башкирских говоров, 1969, 1970]. Лексика свадебного обряда находит отражение и в этнографических и фольклористических работах [Юлуев, Бикбулатов, Фатыхова, Султангареева, Карпухин]. Свадебные термины башкирского языка подробно описаны в монографии Н.Х.Максютовой «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» [Максютова, 1976]. Данной проблеме посвящена также статья Н.Х.Максютовой «Свадебные термины в башкирском языке» [Максютова, 1975, 32—42]. В свою работу она включила 177 терминов, общих для свадебного обряда башкир. По ее мнению, многие термины вышли из употребления и исчезли, некоторые потеряли первоначальное значение и обрели новое, у отдельных из них значения сузились. Такие термины, как *камат*, *ижсап-кабул*, *хаба* в значении сбора вещей и продуктов для проведения бэйге «скачки», *баш аты* и др., фиксированные С.И.Руденко в начале XX в., в настоящее время уже не обнаруживаются [Максютова, 1975, 32]. Далее свадебная терминология рассматривалась Багаутдиновой М.И. в ее работе «Этнографическая лексика башкирского языка» [Багаутдинова, 2002], в которой анализируется лексика, связанная с бытом, хозяйством, обрядами и обычаями башкир. Однако, следует отметить, что до сегодняшнего дня лексика свадебного обряда в башкирском языке комплексно этнолингвистически не достаточно изучена.

Терминологию свадебного обряда башкир можно подразделить на несколько самостоятельных лексико-семантических групп: 1. названия обрядов и ритуалов; 2. термины родства, названия участников и исполнителей обрядовых действий; 3. названия обрядовой пищи; 4. названия ритуальной атрибутики; 5. словесные формулы (благопожелания, приговорки).

У башкир свадебный цикл состоит из трех основных периодов (досвадебный, свадебный и послесвадебный), сопровождающихся огромным количеством различных ритуальных действий. Несмотря на повсеместную схожесть ритуалов, термины, выражающие тот или иной обряд, не всегда совпадают. Например: название молитвенного обряда бракосочетания в разных диалектах и говорах башкирского языка отличается – *ижэб укытыу*, *ижэб укыу*, *никах укыу* (средний, кызыл, ай), *бата укыу* (южный), *никах койзороу*, *никах койоу* (аргаяш, ялан-катай). Одним из главных обрядов на свадебной церемонии является *калын туй* – часть свадебного обряда, проводимая на стороне жениха. Этот этап также имеет различные названия: *калын* (средний говор, южный диалект), *туй һыйы*, *калын* (аргаяшский говор), *калын эсеу* (восточный диалект, ялан-катайский говор) – пир в честь гостинцев жениха, также лексема *калым* в башкирском языке функционирует в значении «приданое», «дары невесте и ее родителям» (демский, кызылский говоры) – *калым малы*, *калым айбере*.

Последнее угощение в доме отца невесты называется *хуш ите* (средний говор), в народе ее также называют *хуш көрэгәһе* (аргаяш, ялан-катай), *ступай буткаһы*, *ыступай ашы* (айский, кызылский, средний говоры), *сыбыртҡы ашы* (восточный диалект).

В башкирском языке большой пласт составляют термины родства, названия участников и исполнителей обрядовых действий. Жених и невеста (*кейәу һәм килен*) являются основными фигурами и связывающим звеном всей свадебной церемонии. Наряду с ними стоят *баш ҡоҙа*, *тәп ҡоҙағый* (родители невестки или зятя).

В старину для невесты из числа родственников или односельчан выбирали и назначали названных, посаженных отца (мать), которые помогали молодой невестке в чужой стороне. Их называли *борондоҡ (морондоҡ) атай / инәй* (салют, аргаяш, ялан-катай, ай, миас), *ҡиәмәтлек атай / инәй* (южный). Повсеместно распространен термин *балдыз*, так называют младшую сестру или племянницу жены, существуют также такие варианты, как *балдуҫ*,

балдыҫ (ялан-катай). В диалектах также отмечено употребление этого термина в значении 'младший шури́н'. *Тәнәй* (вост. диалект айский говор), *кәйнеш* (кызыл, средний), *балдыз* (аргаяш, ай), *йорсо*, *кәйенне* (аргаяш, салют, ялан-катай) – шури́н, младший брат мужа. Для обозначения лиц, являющихся родственниками мужа или жены, используются, в основном, одноосновные лексические единицы: *кейәу / езнә*, *килен / еңгә* (невестка), *ир (муж)*, *катын / бисә* (жена), *бабай / кайны* (свекор/тесть, отец невестки или зятя), *кәйнә / бейем* (свекровь), *кәза* (сват), *кәзагы́й* (сватья), *кәзагы́й / кәзаса* (сватья, младшая сестра, родственница невестки или зятя). Некоторые термины родства в башкирском языке представляют собой сложные слова: *кайнага* (средний, кызыл, ай) – деверь, шури́н, *кәймикә / кәйенбикә* (кызыл, ай, миасс) – старшая сестра мужа или жены, *кайынһеңле* (кызыл, средний) – младшая сестра мужа, *башиһеңгә* (салют) – главная сноха, обслуживающая жениха и невесту.

Не менее богата лексика, отражающая процесс приготовления и подачи свадебно-обрядовой пищи. Например: *күжә эштәу* – приготовление напитка из пшеницы, *саламай салыу* (аргаяшский говор вост. диал.) – приготовление мучного блюда, *кейәу кәймагы* (кызыл, южный) – блины, приготовленные жениху после брачной ночи, *осар кәз* (ялан-катайский говор) – сваренный в целом виде гусь – гостинец со стороны невесты, *гәлбәзиә*, *емешбәлеш* (гайнинский говор северо-восточного диалекта) – большой трехслойный сладкий пирог, *йыуаса* (кызыл, средний) – жареные в масле небольшие кусочки пресного теста, *сәксәк* (гайна, ай) – мелкие куски теста, жареные в масле и выставленные горкой на подносе. Все главные блюда на свадьбе обязательно выкупают. Семантическое поле «названия ритуальной атрибутики» отражает предметную, вещественную составляющую свадебного обряда. Например, *мәһәр* – дары невесте, *йыртмыш* – красная материя, которой преграждают дверь дома, в котором находится невеста, *шаршау* – красочно орнаментированная занавесь, огораживающая постель молодоженов, *ығырмау* (ай, миас, аргаяш) – подарок невесты в виде кисточек, *кейәу сергеһе* (аргаяш) – покрывало для коня жениха, приготовленное матерью невесты. Следующую лексико-семантическую группу составляют словесные формулы, сопровождающие обрядовое действие: *һаматтау* (кызыл, аргаяш, салют), *сеңдәу* (ай, миас, ик-сакмар) – причитание, *семдәу*, *сендәу* (аргаяш) – имитирование плача после причитания и т.д.

Таким образом, изучение башкирской свадебно-обрядовой лексики в настоящее время является необходимым и актуальным. В последние десятилетия наблюдается постепенное исчезновение многих обрядов и ритуалов, следствием которого становится утеря наименований пласта народной традиционной культуры.

Литература

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX—XX гг. М.: Наука, 1991. 189 с. {Bikbulatov N.V., Fatykhova F.F. Family everydaylife of Bashkirs XIX-XX. Moscow: Nauka, 1991. 189 p.}

Багаутдинова М.И. Этнографическая лексика башкирского языка. Уфа, 2002. 113 с. {Bagautdinova M.I. Ethnographic vocabulary of the Bashkir language. Ufa, 2002. 113 p.}

Карпухин И.Е. Свадьбы в Башкортостане на стыке тысячелетий (состояние, поэтика, межэтнические контакты): Монография. 2-ое изд., перераб. и доп. Уфа: Китап, 2011. 544 с. {Karpuhin I.E. Weddings in Bashkortostan at the turn of millennia (state, poetics, interethnic contacts): Monograph. 2 nd revised ed. Ufa: Kitap, 2011. 544 p.}

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. Москва: Наука, 1976. 292 с. {Maksyutova N.Kh. Eastern dialect of the Bashkir language in comparative-historical light. Moscow: Nauka, 1976. 292 p.}

Максютова Н.Х. Свадебные термины в башкирском языке // Башкирский языковедческий сборник / Под ред. А.Г. Бишева, Н.Х.Максютовой, З.Г.Ураксина (отв. ред.) Уфа, 1975. С. 32–42. {Maksyutova N.Kh. Wedding terms in the Bashkir language // Bashkir linguistic collection / Ed. A.G. Biyshev, N.Kh.Maksyutova, Z.G.Uraksin. Ufa, 1975. P. 32-42.}

Словарь башкирских говоров: в двух томах. I том: (Восточный диалект) / Ред. Н.Х.Максютова, Н.Х.Ишбулатов. Уфа, 1967. 300 с. {Dictionary of the Bashkir dialects: in two

volumes. Volume I (the Eastern dialect) / Ed. N.Kh.Maksutova, N.Kh.Ishbulatov. Ufa, 1967. 300 p.}

Словарь башкирских говоров: в двух томах. II том: (Южный диалект) / Ред. Н.Х.Максютова. Уфа, 1970. 326 с. {Dictionary of the Bashkir dialects: in two volumes. Volume II (the Southern dialect) / Ed. N.H.Maksutova. Ufa, 1970. 326 p.}

Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа; Гилем, 2005. 344 с. {Sultangareyeva R.A. Human life in the rite: folklore and ethnographic research of the Bashkir family rites. Ufa; Gilem, 2005. 344 p.}

Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с. {Sultangareyeva R.A. Family and household ritual folklore of the Bashkir people. Ufa: Gilem, 1998. 243 p.}

Фольклор курганских башкир / Сост. Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Гайсина Ф.Ф. Уфа, 2013. {Folklore of the Kurgan Bashkirs / Comp. Khusainova G.R., Yuldybaeva G.V., Gaisina F.F. Ufa, 2013.}

Фольклор Оренбургских башкир (материалы и исследования) / Сост. Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Хакимьянова А.М. Уфа, 2013. {Folklore of the Orenburg Bashkirs (materials and research) / Comp. Khusainova G.R., Yuldybaeva G.V., Khakimyanova A.M. Ufa, 2013}

Фольклор челябинских башкир (материалы и исследования) / Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Гайсина Ф.Ф. Уфа, 2012. 204 с. {Folklore of Chelyabinsk Bashkirs (materials and research) / Khusainova G.R., Yuldybaeva G.V., Gaisina F.F. Ufa, 2012. 204 p.}

Хакимьянова А.М. Свадебно-обрядовые песни башкир / «Развитие гуманитарной науки в регионах России» / Материалы Международной конференции. Уфа, 2017. С. 173-175. {Khakimyanova A.M. Wedding ritual songs of the Bashkirs. In: *The development of the humanities in the regions of Russia* / Proceedings of the International Conference. Ufa, 2017. P. 173-175.}

Экспедиционные материалы – 2003: Зилаирский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Султангареева Р.А., Сальманова Л.К., Ахметшина Г.М., Юлдыбаева Г.В., Гайсина Ф.Ф. Уфа, 2006. {Expedition materials - 2003: Zilair region / Comp. Khusainova G.R., Sultangareyeva R.A., Salmanova L.K., Akhmetshina G.M., Yuldybaeva G.V., Gaisina F.F. Ufa, 2006.}

Экспедиционные материалы – 2004: Альшеевский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Султангареева Р.А., Юлдыбаева Г.В., Гайсина Ф.Ф. Уфа, 2006. {Expedition materials - 2004: Alcheevsky region / Comp. Khusainova G.R., Sultangareyeva R.A., Yuldybaeva G.V., Gaisina F.F. Ufa, 2006. }

Экспедиционные материалы – 2005: Янаульский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Султангареева Р.А., Юлдыбаева Г.В., Сальманова Л.К., Хакимьянова А.М., Гайсина Ф.Ф., Якупова Г.Р. Уфа, 2009. 264 с. {Expedition materials - 2005: Yanaulsky region / Comp. Khusainova G.R., Sultangareyeva R.A., Yuldybaeva G.V., Salmanova L.K., Khakimyanova A.M., Gaisina F.F., Yakupova G.R. Ufa, 2009. 264 p.}

Экспедиционные материалы – 2006: Буряевский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Султангареева Р.А., Ахметшина Г.М., Юлдыбаева Г.В., Гайсина Ф.Ф., Сальманов А.С. Уфа, 2008. 240 с. {Expedition materials - 2006: Buraevsky region / Comp. Khusainova G.R., Sultangareyeva R.A., Akhmetshina G.M., Yuldybaeva G.V., Gaisina F.F., Salmanov A.S. Ufa, 2008. 240 p. }

Экспедиционные материалы – 2008: Балтачевский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Хакимьянова А.М., Гайсина Ф.Ф., Зинурова Р.Р. Уфа, 2010. 248 с. {Expedition materials – 2008: Baltachevsky region / Comp. Khusainova G.R., Yuldybaeva G.V., Khakimyanova A.M., Gaisina F.F., Zinurova R.R. Ufa, 2010. 248 p.}

Экспедиционные материалы – 2009: Бурзянский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Хакимьянова А.М. Уфа, 2011. 208 с. {Expedition materials – 2009: Burzyan district / Comp. Khusainova G.R., Yuldybaeva G.V., Khakimyanova A.M. Ufa, 2011. 208 p.}

Юлуев Б.К. Башкирские свадебные обряды // Оренбургский листок. 1885. № 39. С. 1–3. {Yuluyev B.K. Bashkir wedding ceremonies // The Orenburg sheet. 1885. No 39. P. 1-3.}

БАШКОРТ ТЕЛЕНЕҢ ЭЙӘЛЕК КОНСТРУКЦИЯҢЫ

Башкирский язык имеет 3 типа притяжательной конструкции: морфологический, синтаксический и морфологически-синтаксический типы. В предыдущих исследованиях объясняется, что синтаксический тип чаще встречается в разговорной речи. Но результаты нашего анализа корпусов показывают, что синтаксический тип чаще встречается в таких случаях, когда обладатель представлен в форме множественного числа 1-го или 2-го лица.

Ключевые слова: башкирский язык, притяжательная конструкция.

ON THE BASHKIR POSSESSIVE CONSTRUCTION. *Bashkir language has 3 types of possessive construction: morphologic, syntactic and morphologic-syntactic types. In the previous research, it is explained that syntactic type is more common in spoken language. But, the results of our corpus analysis show that syntactic type is more common when the possessor is 1st or 2nd person plural.*

Keywords: Bashkir language, possessive construction.

М. В. Зәйнуллин аңлатыуынса, исемдең эйәлек категорияһы предметтар, эйберзәр, хәл-хәрәкәттәр араһындағы мөнәсәбәттәрҙе эйә булыу һәм эйә булыныу яғынан асыҡлай һәм эйә булынған предметтың, эйберҙең эйәһен конкретлаштырып күрһәтә [Зәйнуллин, 2002, 21].

Ғалим, хәҙерге башкорт телендә исемдәрҙең эйәлек затының төп өс төрө бар тип яза: 1) морфологик төр (исемдәргә тик аффикстар кушылып яһала: *китаб-ым*); 2) морфологик-синтаксик төр (эйәлек килеше аффикслы зат алмашы һәм эйәлек аффикслы исемдән төзөлә: *минең китаб-ым*); 3) синтаксик төр (эйәлек килеше аффикслы зат алмаштарынан һәм аффиксһыз исемдән яһала: *минең китап*) [Зәйнуллин, 2002, 21].

Башкорт тел белемендә эйәлекте белдерәү юлдары Н.К.Дмитриевтың 1948 нсе йылда баһылып сыҡкан хезмәтендә инде ентәкле итеп аңлатылған. Ғалим, эйәлектең төп тибынан (*ат-ым, ат-ың, ат-ы* һ.б.) тыш, шул ук категорияны белдерә торған яһынан ике тип (*минең атым* һәм *һинең ат*) булыуын иҫкәртеп, был ике типка тәфсилләп аңлатма биргән. Ул эйәлектең икенсе тибын (*минең атым* формаһын) “морфологик-синтаксик тип” тип, өсөнсө тибын (*минең ат* формаһын) “синтаксик тип” тип атап, өсөнсө типтың үҙенең структураһы менән эйәлектең урыһса һәм алманса (немецса) бирелеш формаһына (*мой конь, mein Pferd*) яҡыныраҡ торыуын, өсөнсө заттың берлегендә лә күплегендә лә кулланылмауын иҫкәртә [Дмитриев, 1948, 58]. Шунһыһы иғтибарға лайыҡ: автор, был типтарҙың бигерәк тә кайһыһы күберәк кулланылыусан булыу мәһәләһе грамматика өлкәһенә генә түгел, стилистика өлкәһенә лә карай тип аңлатып, был турала ентәкле итеп яҙған. Н.К.Дмитриев, *атым* формаһында ауырлыҡ үзәге *ат* һүҙенә төшөүөн, *минең атым* һүзбәйләнешендә “минекелек” төшөнсәһенәң кабатлап кулланылыуы был типка билдәлә дәрәжәлә эмоциялылык биреүен иҫкәртә [Дмитриев, 1948, 58]. Шунһыһы әһәмиәтле: ғалим *минең ат* формаһы, VIII быуаттағы төрки телдәрҙең берендә осрағанға, был форманы урыһ теле йоғонтоһо аһтында яһалған форма тип иҫәпләү дәрәс түгел тип аңлата [Дмитриев, 1948, 58]. Уның фекеренсә эйәлектең был тибы, әзәби телгә карағанда һөйләү телендә йышыраҡ кулланыла, һәм ул да шундай ук эмоциялылыҡка бәйләнгән, ләкин шәһси характерҙағы эмоцияға түгел, коллектив характерҙағы эмоциялылыҡка, мәһәләһен, фольклорҙа осрай торған: *һезҙең ерҙәр ер түгел; беҙҙең Фәрраһ* кеүек һүзбәйләнештәр бына шул мәһәләлә кулланыла [Дмитриев, 1948: 58]. Ғалим, шәһси характерҙағы эмоциялылыҡты иһә дүртенсе тип, йәғни структураһы менән икенсе тип киҫәктәрәненәң урындағы үз-ара алмашыныуынан торған тип (*атым минең*) икәнлеген белдерә алыуын тип аңлата [Дмитриев, 1948, 58, 59].

Без башкорт теленә эйәлек конструкция типтарын корпустан һәм сайттардан файзаланып анализланьк. Интернетта эшләп килеүсә “Башкорт шигриәте корпусы”нда, 1 миллиондан артык һүз теркәлгән. Әлеге корпус, 500 мең самаһы шигри юл, 101 шағирзың 13 меңдән артык шигриын үз эсенә ала. Шигридан башка жанр итеп матбуғат басмаларында басылған язмаларзы һайланьк. Без үрнәктәрзә “Атайсал гәзите” һәм “Һакмар гәзите” сайттарынан алдык. Әлеге сайттарзың архивында, үрнәктәрзә йыйыу өсөн етәрлек һанда язмалар бар һәм яңылыктардан тыш, эзәби эсәрзәр зә шактай күп.

Без, исемле эйәлек конструкцияһында синтаксик тип һәм морфологик-синтаксик типтың кулланылыу йышлығы һәм үзенсәлектәрән тикшеревү максатынан, һәрбер I һәм II зат алмашына 250, барлык 1000 эйәлек конструкцияһын йыйып, ике типтың һанын һанап сыктык һәм түбәндәге һығымталарға килдек:

Матбуғат сайттарында басылған язмалар

	синтаксик тип	морфологик-синтаксик тип
I зат берлек (минә)	39 (15.6%)	211 (84.4%)
I зат күплек (беззә)	212 (84.8%)	38 (15.2%)
II зат берлек (һинә)	27 (10.8%)	223 (89.2%)
II зат берлек (һеззә)	124 (49.6%)	126 (50.4%)

Башкорт шигриәте корпус

	синтаксик тип	морфологик-синтаксик тип
I зат берлек (минә)	75 (30.0%)	175 (70.0%)
I зат күплек (беззә)	227 (90.8%)	23 (9.2%)
II зат берлек (һинә)	72 (28.8%)	178 (71.2%)
II зат берлек (һеззә)	202 (80.8%)	48 (19.2%)

Без йыйған башкортса матбуғат язмаларында табылған ике типтың һанын карағас, берлек һан зат алмашлы конструкцияла морфологик-синтаксик тип, күплек һан зат алмашлы конструкцияла синтаксик тип күберәк табылыуы, II зат күплек һан зат алмашлы конструкцияла ике тип якынса бер дәрәжәлә кулланылыуы аңлашыла.

Башкортса шигризарза, матбуғат сайттарында басылған язмалар менән сағыштырғанда, синтаксик тип морфологик-синтаксик типтан активырак кулланыла. Бының сәбәбе, беззә һикеребезсә, шигризарза ялғаузы кысқартыу орактары башка текстардан күберәк булыуы.

Стилгә карап айырмалар күзәтелһә лә, һөмүмән әйткәндә, башкорт телендә синтаксик тип күплек һан алмашлы конструкцияла, морфологик-синтактик тип берлек һан алмашлы конструкцияла актив кулланыла тип әйтергә була.

Һанау барышында, эйәлек конструкцияһының төрө һәм эйәлек конструкцияһындағы исемдәң төрөнә карап, ике типтың кулланылыш йышлығында айырма күзәтелде. Айырыуса, *ас, өс, ян, як, ал, арт, ара* кеүек ярзамсы исемдәрзәң һәм *карашка, бәхеткә, хакка, хөрмәткә* кеүек “өсөн” мәғәнәлә йүнәләш килешен алған һүззәрзәң морфологик типта күпкә активырак кулланылыуы, киреһенсә, *-са* ялғауын алып рәүеш функцияһында кулланылған һүззәрзәң морфологик-синтаксик типта ғына кулланылыуы күзәтелде.

Бәтә анализ һығымталарынан аңлашылғанса, башкорт телендә эйәлек килешендәге зат алмашының төрөнә карап, ике типтың кулланылыу йышлығында айырма күзәтелде: берлек һан зат алмашлы конструкцияла морфологик-синтаксик тип, күплек һан зат алмашлы конструкцияла синтактик тип күберәк табылды. Бының сәбәбе, күплек зат эйәлек ялғаулары сағыштырмаса озон булғанға, экономиялау аркаһында йышырак кысқартылыу булырға мөмкиң.

Литература

Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с. {Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. }

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. АН СССР. М., 1948. 276 с. {Dmitriev N. K. A Grammar of the Bashkir language. USSR ACADEMY OF SCIENCES. Moscow, 1948. 276 p.}.

Дмитриев Н.К. Башкорт теленең грамматикаһы. Өфө: БДУ, 2008. 326 б. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. 2nd-ed. Ufa: Bashkir State University press, 2008. 326 p.}.

Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле: морфология. – Өфө: БДУ, 2002. – 388 б. {Zainullin M. V. Modern Bashkir literary language: morphology. Ufa: BSU, 2002. 388 p.}.

<http://web-corpora.net/bashcorpus/search/> – сайт “Корпус башкирской поэзии” сайты

<http://ataysal.ru/> – сайт газеты “Атайсал”

<http://www.hakmar.ru/> – сайт газеты “Һакмар”

УДК 81.28

А. Я. Хусаинова, г. Казань

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КОНСОНАНТИЗМА ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В данной статье рассматривается вопрос об истории изучения фонетических особенностей, в частности системы консонантизма, татарских диалектов и говоров. Делается обзор работ с начала XIX века до сегодняшнего дня. Обосновывается актуальность изучения фонетики татарских диалектов. Подчеркивается необходимость комплексного изучения и обобщения данного материала с результатами сравнительно-исторических исследований других родственных языков.

Ключевые слова: диалектная фонетика, консонантизм диалектов, фонетические особенности, татарская диалектология, говоры татарского языка.

TO QUESTION THE HISTORY OF THE STUDY OF THE CONSONANT SYSTEM OF TATAR DIALECTS.

This article discusses the history of the study of phonetic features, in particular the system of consonantism, Tatar dialects and subdialect. A review of the works from the early nineteenth century to the present day. The urgency of studying phonetics of Tatar dialects is proved. The necessity of complex studying and generalization of this material with the results of comparative-historical researches of other related languages is emphasized.

Keywords: dialect phonetics, consonance of dialects, phonetic features, Tatar dialectology, Tatar language dialects.

Изучение фонетики татарских диалектов имеет свою историю. Некоторые данные о составе звуков, об особенностях произношения отдельных говоров можно найти в материалах изданных уже в начале XIX века. Изданные в этот период учебники по изучению татарского языка написаны, опираясь на особенности разговорного языка сибирских татар. В учебнике И. Гиганова, вышедшем в 1801 году лексика ареала Тобольска дана не только в арабской графике, но и в русской, что позволяет увидеть особенности, свойственные для разговорного языка сибирских татар того периода.

Во второй половине XIX века появляются специальные труды, посвященные изучению татарских диалектов, в которых большое внимание уделяется и фонетике (Н.П. Остроумов «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещённых татар Казанской губернии» 1876; А.Г. Бессонов «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» 1881). В.В. Радлов в своём многотомном труде «Опыт словаря тюркских наречий» дает тексты в транскрипции, что отражает звуковые закономерности разговорной речи татар. А. Воскресенский в работе «Русско-татарский словарь» (1894) дает краткую сравнительную характеристику особенностей произношения звуков в татарском и русском языках.

В начале XX века начинается изучение говоров западного диалекта татарского языка, говора касимовских татар и др. в сравнительно-историческом аспекте (С.Е. Малов «Из поездки к мишарям (о наречии мишарей Чистопольского уезда)» 1903, Е.Д. Поливанов «Фонетические особенности касимовского диалекта» 1923, и др.). Примеры изучения звукового строя говоров татарского языка и фонетических закономерностей в сравнительном аспекте с другими родственными языками можно найти в трудах В. А. Богородицкого («Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками» 1934). Начиная с 30-х годов говоры татар исследуются во время специально организованных экспедиций, составляются вопросники для сбора материалов, учебные программы, и в 1947 году впервые издается учебник по татарской диалектологии (Л. Жэлэй «Татар диалектологиясе» 1947). В нём автор не только предоставляет информацию о фонетических особенностях среднего, западного и восточного диалектов татарского языка, но и объясняет причины и истории возникновения некоторых звуковых явлений [Сунагатов, 2000, 5].

В 60-х гг. изучение татарских диалектов в сравнительно-историческом освещении приобретает новый виток развития. В монографии «Сопоставительный анализ звукового состава татарского литературного языка и диалектов» раскрываются произносительные особенности среднего, западного и восточного диалектов в отличие от татарского литературного языка, приводится таблица основных отличительных фонетических признаков трёх диалектов татарского языка. Звуковые закономерности диалектов татарского языка также описываются в книге Г.Ф. Саттарова «Мэктэптә тел культурасы». В работе Ф.Ю. Юсупова «Жирле сөйләш шартларында фонетика укыту» делается обзор вариантов единиц звуковой системы татарских диалектов в ареальном плане, описываются соответствия звуков и фонетические закономерности. В учебнике по татарской диалектологии 1984 года приводятся множество примеров соответствия гласных и согласных, делается попытка объяснения некоторых звуковых явлений. В «Атласе татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» и комментарии к «Атласу...» представлены карты, показывающие распространение вариантов гласных и согласных, употребление дифтонгов, соответствия звуков. Фонетика татарских говоров исследовалась в кандидатских и докторских диссертациях по тем или иным диалектам и говорам. Материалы по данной теме также нашли отражение в монографических исследованиях (Р.Р. Мингуловой (1963), Г.Ф. Саттарова (1965), Д.Б. Рамазановой (1970; 2001), Ф.С. Баязитовой (1973; 1998), Д.Г. Тумашевой (1977), Н.Б. Бургановой (1978), Л.Т. Махмутовой (1978), З.Р. Садыковой (1986), Ф.А. Ганиева (2000; 2005) и др. [Татар халык сөйләшләре 2008: 6].

В диалектологии немаловажное значение имеет экспериментальное направление в изучение диалектов. Такой подход в татарской лингвистике осуществлен в научных трудах В. А. Богородицкого (1919; 1933), Г.Ш. Шарафа (1927; 1928), У. Ш. Байчуры (1959), Х. Х. Салимова (1984), Г. М. Сунгатова (1991) и др.

В 1991 году Г.М. Сунагатов экспериментально исследовал фонетическую систему заболотного говора тоболо-иртышского диалекта сибирских татар.

В книге Г. М. Сунагатова «Татар диалектларының фонетикасы» (2000) дается описание основных фонетических особенностей диалектов татарского языка. В двух томном издании «Татар халык сөйләшләре: Ике китапта» (2008) наряду с другими лингвистическими особенностями дается описание фонетических особенностей по всем говорам диалектов татарского языка.

В 2005 году Т. Р. Рыжикова в своем диссертационном исследовании впервые провела систематическое исследование консонантизма языка барабинских татар методами экспериментальной фонетики [Рыжикова, 2005, 4].

Как видно, труды написанные по диалектологии, в основном, посвящены изучению лингвистических аспектов отдельных диалектов и говоров. Актуальными проблемами сегодняшней татарской диалектологической науки являются: изучение диалектов как целостной системы; описание диалектов, как объекта лингвистической географии, сравнительный анализ в генетическом и структурном плане; определение внутренних закономерностей развития диасистемы; уточнение внешних факторов и их анализ с точки зрения ареальной лингвистики и др.

Методы и приёмы ареальной лингвистики дают возможность изучать диалекты, как сложную и противоречивую систему, в контексте исторических причин. Изучение сравнительно устойчивого яруса языка – системы звуков в ареальном аспекте помогло бы раскрыть многие вопросы, касающиеся истории языка и народа. Для объяснения особенностей лингвистических явлений каждого татарского говора необходимо проанализировать каждый структурный элемент, составляющий систему языка. Сравнительное изучение системы консонантизмов татарского литературного языка и всех его говоров дает возможность выявить общие и различительные признаки звуков.

Система согласных тюркских языков в общем плане изучена в полной мере. Вместе с тем, следует отметить, что консонантизм отдельных тюркских языков требует полного и подробного анализа с применением диалектных материалов. Проблемы формирования и развития системы согласных татарского языка изучены не в полной мере. На сегодняшний день, как и во многих других тюркских языках, по всем трём диалектам татарского языка собран богатейший фактический материал. В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения и обобщения данного материала с результатами сравнительно-исторических исследований других родственных языков [Ишкильдина, 2013, 3].

Современный этап фонетических исследований наряду с традиционными методами требует включения экспериментальных данных. Описание диалектов татарского языка в синхронном аспекте является актуальным направлением. Анализ и сохранение системы звуков татарского языка и его диалектов очень важный аспект, поскольку их изучение возможно только при наличии диалектоносителей, хорошо владеющих своим языком, что в последнее время наблюдается всё реже.

Литература

Ишкильдина Л. К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка: на материале диалектов : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02. Уфа, 2013. 264 с. {Ishkildina L. K. Historical development of Bashkir language consonance: on the material of dialects: dissertation ... candidate of philological Sciences: 10.02.02. Ufa, 2013. 264 p.}

Сөнгатов Г. М. Татар диалектларының фонетикасы. Казан, 2000. 44 б. {Sungatov G. M. Phonetics of Tatar dialects. Kazan, 2000. 44 p.}

Татар халык сөйләшләре: Ике китапта /Ф.С.Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х.Хәйретдинова һ.б. Казань: Мәгариф, 2008. Беренче китап. 463 б. {Tatar national subdialects: in two books / by F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, T. H. B. khairutdinova and others. Kazan: Obrazovanie, 2008. The first book. 463 p.}

Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 266 с. {Ryzhikova T. R. Consonant system of the language of Baraba Tatars: a comparative-typological aspect. Novosibirsk: PUBLISHING House of SB RAS, 2005. 266 p.}

УДК 811.512.141'37:398.22

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ЭПОСА «КУЗЫЙКУРПЯС И МАЯНХЫЛУ» В ЗАПИСИ САЙФУЛЛЫ САЛИМОВА

В статье дается история и краткая характеристика широко распространенному у башкир и бытующему до настоящего времени эпическому сказанию «Кузыйкурпяс и Маянхылу». Для изучения стиля и языка произведения взята запись 1929 года, осуществленная С. Салимовым у челябинских башкир. Рассматриваются традиционные эпические формулы, диалектные слова, приводятся примеры ругательной лексики, использования русских слов. Язык произведения оказался интересным для исследования и требует более тщательного рассмотрения остальных 5 вариантов, записанных у челябинских башкир.

Ключевые слова: эпическое сказание, башкирский, «Кузыйкурпяс и Маянхылу», запись, язык.

THE LANGUAGE AND STYLE OF THE EPIC "KUZYIKURPES AND MAYANHLY" IN THE RECORD OF SAIFULLA SALIMOV. *The article deals with a history and brief characteristics of widespread among Bashkirs and prevailing up to the present time the epic legend "Kuzyikorpes and Mayanhly". To study the style and the language of the work, the text is taken which was recorded in 1929 by S. Salimov from Bashkirs in Chelyabinsk region. Traditional epic formulas, dialect words are considered, examples of abusive vocabulary, use of Russian words are given. Language proved to be interesting to research and requires more careful consideration of the remaining 5 variants recorded from Bashkirs in Chelyabinsk region.*

Keywords: epic legend, the Bashkir language, "Kuzyikorpes and Mayanhly", record, language.

В фольклорном наследии башкирского народа наряду с собственно национальными эпическими произведениями "Урал-батыр", "Акбузат", "Кара-юрга", "Акхак-Кула", "Куныр-буга" и др. имеет место памятник "Кузыйкурпяс и Маянхылу", который является «общим древнетюркским культурным наследием» [Семби, 2013, 166] и сохранился у ряда тюркских народов: башкир, казахов, алтайцев, ногайцев, барабинцев, крымских татар.

Известный русский путешественник, этнолог и фольклорист Г.Н. Потанин писал об этом произведении: «Любимая повесть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана <...>», «это история красавицы Баян-сулу, которая влюбилась в бедного пастуха Козу-Курпеша, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле. <...> Сюжет международный <...>» [Потанин, 1895, 84]. Подтверждая слова Г.Н. Потанина, выдающийся казахский писатель и знаток народного эпоса М.О. Ауэзов пишет, что «имена Баян и Корпеш сделались нарицательными для несчастных молодых влюбленных, подобно именам Ромео и Джульетты на Западе» [Песни, 1910, 13].

По настоящее время актуальны слова известного башкирского ученого А.И. Харисова о том, что башкирский эпос «Кузыйкурпяс и Маянхылу» по-настоящему еще не вошел в научный оборот, не нашел он и своего исследователя [Харисов, 1964, 10]. Ученый объясняет это тем, что «фольклористы до последнего времени считали эту поэму чисто казахским явлением, о ее принадлежности к башкирскому народному творчеству чаще всего умалчивалось», что «восстановлением справедливости в этом вопросе советская фольклористика обязана Л.И. Климовичу, который в своем специальном исследовании пришел к выводу, что «в основе записанного башкирским «курайчем» и переведенного Т. Беляевым «Куз-Курпяча» лежит подлинное произведение башкирского эпоса», что «беляевское издание 1812 года неожиданно стало выдаваться за перевод казахской поэмы» [Харисов, 1964, 10]. А.И. Харисов, отмечая огромную значимость, неповторимую самобытность эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылу» для обоих народов – и башкир, и казахов, – с сожалением констатирует факты отсутствия подлинника «башкирской повести», записанной безымянным кураистом и переведенной Т. Беляевым, и иной записи, более или менее полной. При этом он сообщает о фиксации «около десяти небольших текстов сказания о Кузы-Курпесе и Маян-хылу», что «все они записаны в последние десятилетия и в стиле, близком к народной сказке» [Харисов, 1964, 11]. Абсолютно прав А.И. Харисов в этом, только тексты уже исчисляются не одним десятком, и выявление их продолжается.

Сохранились некоторые сведения о сочинителе башкирской повести «Куз-Курпяч» Т. Беляеве, которые, по словам Г.Б. Хусаинова, обнаружены башкирским краеведом М.Г.

Рахимкуловым в 60-е годы прошлого века. Тимофей Савельевич Беляев (1768-1846) жил в деревне Ташлы Оренбургской губернии, был крепостным дворовым оренбургского губернского прокурора Н.И. Тимашева и крещеным грамотным башкиром. Его хозяин Н.И. Тимашев переписывался с поэтом Г.Р. Державиным и в одном из писем сообщил последнему о своей любви к башкирскому фольклору. В 1809 г. Т.С. Беляев по просьбе своего барина перевел из рукописи башкирский текст “Кузы-Курпяч” на русский язык, а в 1812 г. при содействии Г.Р. Державина он был издан отдельной книгой. Переписчик оригинала, башкирский курайсы, по записи Т.С. Беляева, был поэтом-историком, знатоком быта, обычаев, фольклора и истории. Предположительно это Конкас - сэсэн [Хусаинов, 1964, 63].

В послесловии “Кузы-Курпяч” Тимофей Беляев пишет: “Сим оканчивается рукописная башкирская повесть, курайчем собранная, по переводу которой отыскал я и начал уже переводить и вторую часть, в которой курайчи, окончив повесть о родоначальнике башкирского племени, начинает писать продолжение о его потомках. И если сия часть, мною переведенная и в свет изданная, читателями будет благосклонно принята, то и вторая вскоре за нею может явиться”. “Обещание” продолжить историю Кузыйкурпяса, его потомков имеется и в самой башкирской повести: 500-летняя Мяскай на своей волшебной доске-экране показывает Кузыйкурпясу его будущего сына по имени Барлыбай от Маянхылыу и его семерых сыновей: Бурзяна, Усяргана, Тамьяна, Кыпчака, Бушмаса, Кара-Кыпчака и Тенгаура, от которых “произойдут семь колен башкирских и наименуется по сим родоначальникам” [Харисов, 1964, 8]. Далее башкирский исследователь А.И. Харисов пишет, что “не дошедшая до нас 2-я часть эпоса была посвящена жизни этих племен”, что “она представляла произведение широкого историко-этнографического плана” и, следовательно, была заметным явлением в башкирском эпическом творчестве” [Харисов, 1964, 9]. Он также считает, что такое произведение не могло бесследно исчезнуть из народной памяти, в то же время не могло оно сохраниться “в той полноте, в какой была записана кураистом и начала переводиться Беляевым” [Там же]. По его мнению, частью второй половины эпоса “Кузыйкурпяс и Маянхылыу” является широкоизвестная башкирская эпическая поэма “Кусяк-бий”, характеризующаяся “общностью ряда художественно-композиционных средств и поэтических приемов, характерных только для этих двух эпических сказаний” [Там же].

По мнению же другого известного башкирского ученого Г.Б. Хусаинова, второй частью эпоса “Кузыйкурпяс и Маянхылыу” является обнаруженная в 1961 г. литератором-краеведом М.Г. Рахимкуловым в рукописном фонде библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина объемная рукопись под условным названием “Мои вечера. Сказки башкирские”, которая по содержанию и стилю напоминает башкирскую повесть “Куз-Курпяч”, ее вторую часть “О родоначальнике башкирского племени”, “о его потомках”. В ее предисловии говорится, что повесть посвящается генерал-губернатору Оренбургской губернии в 1798-1803 годах Н.Н. Бахметьеву. В авторском предисловии упоминается имя автора башкирского текста – сээсна Конкаса, который, вероятно, является автором и первой части повести [Хусаинов, 1964, 63-64]. Это тема специального изучения, которую мы пока обойдем.

Эпическое произведение «Кузыйкурпяс и Маянхылу» у башкир известно в двух версиях (беляевская и саямовская) и многочисленных вариантах. Беляевская версия названного эпоса примечательна тем, что является первым башкирским эпосом, опубликованным в 1812 г. в г. Казани в переводе Тимофея Беляева на русский язык и, по словам советского исследователя Л.И. Климович, «это издание явилось едва ли не самым ранним опытом перевода крупного эпического произведения тюркских народов России на русский язык» [Климович, 1964, 52], а по оценке выдающегося советского тюрколога Александра Константиновича Боровкова, оно также явилось «событием чрезвычайно знаменательным и для башкирской литературы, и для истории русской фольклористики» [Боровков, 1964, 3]. Как отмечает башкирский ученый А.И. Харисов, «под воздействием беляевского издания «башкирской повести» написаны стихи и прозаические произведения «Абдряш, башкирская повесть» поэта-декабриста П.М. Кудряшева (1797-1827). В прямом подражании «Кузы-Курпесу» написана и повесть «Араслан-Бабр» Кафтанникова (опубликована в 1833 году), в которой сделана попытка, притом без какого-либо успеха, рассказать о жизни башкирского

общества XVIII в. в стиле эпической поэмы, известной по переводу Т. Беляева” [Харисов, 1964, 10].

Записи эпического сказания "Кузыйкурпяс и Маянхылу" осуществляются с начала XIX в. по сегодняшний день. Число вариантов изучаемого эпического произведения достигает тридцати одного, они хранятся в НА УФИЦ РАН. Из них 6 текстов записаны в промежутке 1929-1939 гг., 19 текстов записаны с 1959 по 1969 гг., два текста записаны в середине 70-х годов и хранятся в фольклорном фонде БашГУ, 3 текста – в современной записи (2010, 2016, 2017 гг.).

Ареал распространения эпического сказания "Кузыйкурпяс и Маянхылу" довольно велик. Это Хайбуллинский, Зилаирский, Ишимбайский, Абзелиловский, Учалинский районы Республики Башкортостан, Челябинская, Оренбургская, Курганская, Самарская, Саратовская области. Больше всего текстов записано в Челябинской области – 6 текстов.

В настоящей статье объектом исследования выбран текст эпического сказания “Кузый-Курпяс и Маянхылу”, записанный в 1929 году Сайфуллой Салимовым в Челябинской области. Текст, напечатанный на машинке латинским шрифтом, хранится в Архиве УФИЦ РАН [Ф. 3., опись 5, ед. Хр. 56 Л. 1-43], в приложении к тексту в этой же папке имеется оригинал рукописного текста произведения на арабском шрифте [Ф. 3., опись 5, ед. Хр. 56 Л. 56-75].

Это один из объемных, относительно рано записанных текстов исследуемого произведения, относящийся ко второй, салямовской версии, записанной в Челябинской области в 1939 году поэтом Г.Салямом. Не заикливаясь на содержании текста, рассмотрим его богатый, своеобразный язык.

Язык данного произведения отличается разнообразными формульными конструкциями, которые выражены разными лингвистическими средствами.

I. Формулы в виде простых предложений одинаковой структуры.

а) Двусоставные предложения с глагольными сказуемыми. *Айзанган еренә агайырык (агайрык) үсте. Тулганган еренә тубылгы үсте* 'На месте, где он крутился, тростник вырос, на месте, где вертелся, таволга выросла'. Семантика формулы, видимо, сводится к тому, что герой проделал долгий, трудный путь в достижении цели. Эта же формула обнаруживается в тексте в несколько иной форме: *айзанган еренә акайык үсте, тулганган еренә дуплык үсте*”, где слова *акайык дуплык* не обнаружены в словаре.

б) Двусоставные предложения с именными сказуемыми. *Ул – хан кызы, һин – үкһез бала* 'она – дочь хана, а ты – сирота'. Здесь выражается социальный статус героев.

II. Формулы в виде периодов разного типа, которые представляют одну из характерных особенностей синтаксиса башкирского поэтического фольклора (Грамматика современного башкирского литературного языка, 1981, 485). В частности, нами выделены периоды разных обстоятельственных выражений, цепочки конструкций дополнений, перечисления простых двусоставных сочинительных предложений.

1. Периоды обстоятельств.

а) Образа действия. В самом начале произведения обращает на себя внимание ритмично оформленное формульное описание возвращения двух ханов с охоты в виде периода обстоятельств образа действия: 1) *ат уйнатып, кош сөйөп, жуян алдырып, төлкө алдырып, ук ман юлан да болан атып* 'прискакав на резвых конях, пускали ловчих птиц за зайцами и лисами, а стрелами из лука брали косулю и оленя', которое дает хорошее представление о том, как охотились башкиры и на каких диких животных; 2) слуга Харыбай-хана прискакал *ике ботта бер камсы булып* 'досл. 'быстро как плетъ', сообщил радостную весть и ускакал *сат та бот булып* (так же быстро), т.е. так выражается скорость всадника.

б) Времени. *Ете көн, ете төн туй яһап* 'семь дней, семь ночей свадьбу делали'.

2. Периоды определения. Два хана вернулись домой и через несколько дней *ат еткән, хат еткән ерзән* 'досл. с мест, до куда конь доскачет, письмо дойдет' собрали много народу.

3. Периоды в виде неполных предложений с пропуском подлежащего. *Ете дөйә һуяйым, ете көн туй итәйем, ете сапсак бал юяйым* 'семь верблюдов зарезу, семь дней будем пировать, семь кадок медовухи поставлю', герой в раздумье *бер өйгә инә, бер тышка сыга,*

<...> *кыззарга илтифат та итмэй* 'то заходит домой, то выходит, девушек вообще не замечает', беспокойное состояние героя передается через формулу *бер инэ, бер сыга, йэн атын, йэн биреп йөрөй* 'досл. 'то заходит, то выходит, душу метает, душу отдаёт ходит'. Формула следующей структуры широко распространена в мировой фольклорной традиции при выборе героем коня: *Корогоңдо кылырат, йүгәненде шалтырат. Кайһыһы караһа, шуһы мен* 'Короком потряси, уздечкой позвени, которая на тебя оглянется – ту и бери'.

Два раза в тексте встречается рассматриваемая структура в формуле проведения свадьбы: *Туйга ете сапсак бал койзо, ете тыу бейә һуйзы, ете көн, ете төн туй итте* 'На свадьбу семь кадок медовухи ставил, семь яловых кобыл зарезал, семь дней, семь ночей пировал' / *Ете дөйә һуйзы, ете сапсак бал койзо, ете көн туй итте* 'Семь верблюдов зарезал, семь кадок медовухи ставил, семь дней пировал'; еще одна аналогичная формула: *зур туй яһайым, күп халыкыйям, күп бал коям, күп мал һуям* 'Большую свадьбу сделаю, много народу соберу, много медовухи поставлю, много скота зарежу'.

В тексте неоднократно встречается своеобразная усложненная формула приветствия: *сәләм бирзе, арыузык-һаузык һораны* 'поприветствовал, здоровьем поинтересовался' вместо обычной *сәләм бирзе* 'поприветствовал'.

Встречаются несколько формул времени, расстояния, величины: *төн-көн тора, ай тора. Бер нисә айзар үтә* <...> *Ай үтә, йыл үтә* 'ночь, день, месяц живет. Несколько месяцев проходит... Месяц проходит, год проходит', *бер нисә көн китте, беләк буйы ер китте* 'несколько дней шел, прошел расстояние длиной с предплечье', *осо-башы күренмәгән бер ақ диңгезгә тап булды* 'подошел к белому морю, у которого конца и края не было видно'.

4. Периоды в виде сложных односоставных обобщенно-личных предложений. Здесь отмечаются оригинальные синонимы пословиц: *Етем бызау асыраһаң, ауызың тулы май булыр, етем бала асыраһаң, ауызың тулы кан булыр* () в формулировке *Укһез бозау асыраһаң, ауызың-мороһоң май итәр, укһез бала асыраһаң, ауызың-мороһоң юкитәр* ().

6. Смешанные периоды. Они встречаются как финальная формула эпического сказания и совпадают со сказочной: *Иртәгем ары китте, үзем бире қалдым, кыу агасқа, кыу сүпкә дугарзым* 'Иртэк мой дальше пошел, я здесь остался, у высохшего дерева, у свалки распряг лошадь'.

Язык эпоса привлекает внимание так же редко встречающимися в фольклорных произведениях поговорками: *мал ләззәтен күрһәк тә, бала ләззәтен безгә күреү насип булманы* 'богатством наслаждались, а детьми наслаждаться не пришлось', *ауырыу тейеп, әжәл түшәгенә йыгыла* 'заболел и слег', *ауырыуынан төзәлә алмай, донъянан үтте* 'не смог оправиться от болезни и покинул мир', *бер нәмәгә лә исе китмәй, донъяның ниңә бер яғы емерелеп ятмай икән* 'полное безразличие, пусть хоть мир рухнет', *қолагына алғандай булманы* 'не обратил внимания', *күз кысып, қаш һикерттеп* 'подмигивая, играя бровями', *буйзап көн сапты, төн сапты – сыга торған ере юк* 'день скакал, ночь скакал – не прорваться', *башын айзаттырзы, күзен томаландырзы* 'голова кругом шла, глаза затуманились', *үзәк ялғанды, күңел күтәрелде* 'покушали, настроение поднялось', *яқты көндәре қара төнгә әүерелде, ут йотоп қайғыралар ине* 'дни стали чернее тучи, сильно горевали', *Көткән донъяның йәме китте, қылған эитәрәнә үкенеүзән башқа эи қалманы* 'белый свет стал не мил, переживали за содеянное'.

Имеет место традиционный диалог героя со встречным: *Көтөүсе:*

–*Кайзан, кайзан килә туган балаһың*”, - *тип һораиты.*

–*Ялдаусы буһна, көтөүсе булып ялданыр инем*”, - *тип һөйзәне.*

То, что язык произведения записан на местном говоре, указывают:

А) следующие диалектные слова и выражения: *айзанды (әйләнде)* 'крутился', *үгет (өгөт)* 'наставление', *түмәндәге (түбәндәге)* 'внизу', *үткәл-фәлән түгел (үтәрлек түгел)* 'непроходимый', *бик зур бошомалга төштө (бик нык қайғырзы)* 'очень сильно переживал', *янын қапшап қараны (кесһен қапшап қараны)* 'пощупал карман', *быуай (бабай)* 'старик', "нәрһә" (*нәмә*) 'что', *үзәк ялғаны (әз-мәз қапқылап алды)* 'перекусил', *көтөүсе тулқанын қуйып (яланда аш бешерәү өсөн қуланма)* 'пастух поставил тулку' (приспособление для готовки еды в полевых условиях), *қуржын (қурийын)* – 'переметная сума',

һумбата (һапата) 'неряшливый', ҡара күбәт (сеүәтә) 'чашка', бозау (бызау) 'теленок', ҡасаҡандарҙы (ҡасаған) 'убегающая из стада скотина', балауыз һығып та алды (илап алды) 'поплакал', ашьяузык (ашьяулык 'скатерть', "ҡымыз шабрусы" (?), "һанһау" (алһот, иҫәр) 'не в себе', яһрык (яһрык) 'название большой миски', быслай (сызай) 'стерпел', ҡусайын (күзәтсе) 'наблюдатель', хәҙерҙәп (әҙерләп) 'приготовив', көшәндәп (тышан) ", талбауһып (әһерәп) 'обессилев', кәрҙән тайған ата-әсәңде ая (хәлдән тайған, көһөзләнгән ата-әсәңде ая (йәллә) 'пожалей обессилевших родителей' алланан зарый ҡылып теләне 'у бога сильно просил', һуу буйын күрәйтәп яталар 'берег моря украсив расположились'.

Б) окончания ряда слов: балдар (балалар) 'дети', эштарға (эшларға) 'работать', аттығыу (атлығыу) 'стремится', йәндәнеп (йәнләнеп) 'оживленно', хушташты (хушлашты) 'попрощался', уйҙаны (уйланы) 'подумал', тыңдай (тыңлай) 'слушает', ҡытыҡтай (ҡытыҡлай) 'щекочет', шаттанды (шатланды) 'обрадовался' и т.п.;

В) служебные слова и союзы: ман (менән) 'с', шан (шунан) 'затем', шалар (шулар) 'эти'.

Г) редко используемые в современном башкирском языке слова и выражения или архаизмы: әйттерегем 'моя нареченная', ярау 'приготовления', үкһез 'сирота', ҡаңҡар булырһың (иптәш булырһың) 'компанию составишь', көн байрап ҡунып барғанда 'на закате', көтөүселәр үзәренең уҡ баштарына урыннаштылар 'пастухи расположились в своих конусообразных юртах', аҡ утау 'белая юрта, юрта богача', үптәмһәп 'шикләнеп', йүн йурғын әйтмәне 'толком ничего не сказал', тәбер 'лоскут кошмы, которым покрывают отверстие в куполе юрты', моҡһидә 'договор'.

д) слова, обозначающие эмоциональное состояние человека: гәррә булды 'замучился', гәррә тиклем дә тәҫир итмәй 'нисколько не действует', зым-зыя юк булды 'без следа исчез'.

Интересна лексика проклятий и ругательств: ҡулың ҡороғор 'пусть рука отсохнет', ярты аҡыл 'полоумный', хандың йөзөнә ҡара китергән ерһез һуһыһыҙ, андай үкһез 'позоривший хана безродный, круглый сирота', гонаһ шомлого 'грешный', ах бутам, әүмәкәй, ҡһәр төшкөр 'ах, верблюжонок, будь ты проклят', һиндәй донъя күрмәгән бәндә 'как будто сегодня родился', аяҡты бәлә 'беда с ногами', ҡаңғырған малай 'запутавшийся мальчик', йәшен аяҡтығы ?(), һиндәй мәгәнһәҙ бала, ҡороғоро 'что за бестолковый ребенок, чтоб ты сдох', ер улқыры 'пусть земля тебя проглотит', ауызы көйгөрө 'пусть рот обожжет'.

Своеобразно использованы русские слова: сыбыһыҙ тилиграм 'беспроводная телеграмма', дуғывыр ҡағызы 'договор', пылан 'план'.

Таким образом, язык эпического произведения «Кузыйкурпяс и Маянхылу» в записи 1929 года, осуществленного С. Салимовым, оказался интересным, богатым для исследования. В связи с этим требуется более тщательное рассмотрение не только отдельно взятой записи, как в данном случае, но и привлечение остальных 5 вариантов, записанных у челябинских башкир, для сравнения их языка друг с другом.

Литература

Архив – Архив УФИЦ РАН.Ф. 3., опись 5, ед. Хр. 56. с/ 1-75. {The Archives of the Ufa Federal Scientific Center of the RAS (USC RAS)/ Fund 3, borderau 5, Individual file 56. P. 1-75}

Боровков А.К. О генезисе и сопоставительном изучении национальных версий эпоса «Кузы-Курпес и Маян-хылу» // Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-хылу». Сборник статей. Уфа, 1964. С. 3-7. {Borovkov, A.K. On the Genesis and the comparative study of national versions of the epos "Kuzu-Kurpes and Mayan-Khulu". In: Folk epic "Kuzu-Kurpes and Mayan-Khulu". Collected papers. Ufa, 1964. P. 3-7.}

Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. Юлдашев А.А. М., 1981. 495 с. {Grammar of the modern Bashkir literary language / Ed. Yuldashev A. A. Moscow, 1981. 495 p.}

Климович Л.И. Башкирский эпос «Кузы-Курпес и Маян-сылу» и его особенности в переводе Тимофея Беляева // Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-хылу». Сборник статей. Уфа, 1964. С. 52-68. {Klimovich, L.I. Bashkir epos "Kuzu-Kurpes and Mayan-Khulu" and its characteristics translated by Timophy Belyaev. In: Folk epic "Kuzu-Kurpes and Mayan-Khulu".

Collected papers. Ufa, 1964. P.52-68.}

Песни степей. Антология казахской литературы / Под ред. Л. Соболева; [Рис. И. Костылева и Г. Петрова]. Москва : Гослитиздат, 1940. 588 с. {Songs of the steppes. Anthology of Kazakh literature. Moscow, 1940. 588 p.}

Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // «Русское богатство». СПб., 1895. № 8. {Potanin, G.N. In the Yurt of the last Kyrgyz Prince. «Russian wealth». SPb., 1895. N 8. P. 60-88.}

Семби М. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (Тюркский меридиан). Алматы: КазНИИК, 2013. {Sembі, M. The memory of the land of Turko-Mongol origins and the symbolism of names (Turkic Meridian). Almaty: KazSRIK, 2013. 296 p.}

Харисов А.И. Башкирская народная поэма в русском издании 1812 года // Народный эпос «Кузы–Курпес и Маян-хылу». Сборник статей. Уфа, 1964. С. 8-30. {Kharisov, A.I. Bashkir folk poem in the Russian edition of 1812 year. In: *Folk epic «"Kuzu-Kurpes and Mayan-Khulu»*. Collected papers. Ufa, 1964. P. 8-30.}

Хусаинов Г.Б. Башкирская версия “Кузы-Курпес и Маян-хылу” // Актуальные проблемы башкирского эпосоведения: Материалы научной конференции. Уфа: Гилем, 2003. С. 62-68. {Khusainov, G.B. The Bashkir version of “Kuzu-Kurpes and Mayan-Khulu”. In: *Actual problems of Bashkir eposide: Materials of scientific conference*. Ufa: Gilem, 2003. P. 62-68.}

УДК 811.512.141

Р. Я. Хуснетдинова, г. Уфа

ВОПРОС О БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В ТРУДАХ ПРОФ. Н.К.ДМИТРИЕВА

Структурно-семантическим типом односоставных предложений является безличное предложение. Статья посвящена роли Н.К.Дмитриева в изучении данных конструкций башкирского языка. В статье охарактеризованы взгляды исследователя относительно синтаксического функционирования главного члена безличных предложений, структурно-семантических и функциональных типов данных конструкций.

Ключевые слова: Н.К.Дмитриев, односоставные предложения, безличные предложения.

THE QUESTION OF IMPERSONAL SENTENCES IN THE WORKS OF PROF. N.K. DMITRIYEV. *The structural-semantic type of mononuclear sentences is the impersonal sentence. The article is devoted to N.K. Dmitriyev's role in research of these constructions of Bashkir language. The views are characterized of the researcher of rather syntactic functioning of the main member of impersonal sentences, structural-semantic and functional types of these designs in article.*

Keywords: N.K. Dmitriyev, mononuclear sentences, impersonal sentences.

Односоставные предложения известным тюркологом Н.К.Дмитриевым подразделяются на два вида: безличные предложения и назывные предложения. В состав безличных предложений исследователь включает и неопределенно-личные, и обобщенно-личные конструкции. А в современной башкирской лингвистике данные предложения выделяются как самостоятельные типы односоставных конструкций.

Вопрос о безличных предложениях в трудах проф. Н.К.Дмитриева освещается в сопоставительном плане, поэтому в них в основном речь идет о соответствующих по смыслу русским безличным предложениям тюркских предложениях [Дмитриев, 1940, 188-191; Дмитриев 1948, 237-238].

Интересно в связи с этим заметить, что в работе «Турецкий язык» Н.К.Дмитриев, так же, как и А.Н.Кононов, отрицал наличие в этом языке безличных предложений [Дмитриев, 1960, 69-70]. В своих трудах по узбекскому и турецкому языкам А.Н.Кононов отмечает наличие в этих языках одноличных глаголов, сообщающих о явлениях природы и

соответствующих некоторым безличным глаголам русского языка. Эти глаголы употребляются только в 3-м лице единственного числа, поэтому называются одноличными. А.Н.Кононов писал: «Факты не дают возможности говорить о безличных предложениях в узбекском языке даже в том условном значении этого термина, в котором он употребляется в русском языке» [Кононов, 1948, 228; Кононов, 1941, 213]. Однако в дальнейшем его мнение меняется, в последних трудах безличные предложения им выделяются в особый тип односоставных предложений [Кононов, 1956, 506-510; Кононов, 1960, 401-402]. Конструкции, прежде охарактеризованные как одноличные, теперь А.Н.Кононовым относятся к безлично-модальным предложениям, подробно анализируются их структурные признаки и модальные значения, также определяется их место в общей классификации односоставных предложений.

Н.К.Дмитриев в дальнейшем безличные предложения также стал выделять в особый тип, включая в них и неопределенно-личные и обобщенно-личные конструкции. В «Грамматике башкирского языка» И.К.Дмитриев отмечает существование в нем безличных предложений, выражающих явления природы (*Тышта буранлай* «На дворе метет», *Туңдыра* «Морозит», *Гыуытты* «Похолодало», *Яктырзы* «Рассветло» и др.).

Как уже было сказано выше, безличные предложения он рассматривает в весьма широком плане, включая сюда и неопределенно-личные, и обобщенно-личные конструкции [Дмитриев, 1948, 237-238]. Однако не со всеми его взглядами можно согласиться. Например, он считает, что личной формой передаются на башкирском языке и такие русские выражения, как «мне хочется спать», «мне охота лежать» и пр. Для этого башкирский язык пользуется особой имеющейся в языке формой отглагольного имени на *-гы*, которое выступает как подлежащее при глаголе *килеу* (приходить). Грамматическое лицо, с которым связано безличное действие, выражается аффиксом принадлежности при подлежащем. Примеры: *бөгөн язгым килә* (сегодня мне хочется писать), *һинең ашагың киләме?* (хочется ли тебе поесть?) [Дмитриев, 1948, 237-238]. Отметим, что данные предложения современными синтаксистами признаются безличными конструкциями с главным членом, выраженным глаголом в форме желательного наклонения [Саитбатталов, 1999, 222; Хуснетдинова, 2017, 180-183 и др.].

О том, что желаемое действие относится к говорящему, отмечает А.А.Юлдашев: «В целом ряде тюркских языков выработаны специальные формы, передающие мечту говорящего без грамматического уточнения лица, к которому она относится, хотя в этом случае и не видно обычной связи желаемого действия с действующим лицом, действие тем не менее всегда относится к говорящему лицу» [Юлдашев, 1965, 213]. Таким образом, глаголы желательного наклонения могут выступать в роли главного члена безличных предложений: *Өзөлөп-өзөлөп корһак асты, ашагы килә, унан һуң йылы урында йоклагы, озак итеп йоклагы килә* (Д.Юлтый). *Минең дә йырга кушылгым килә* (М.Карим). *Уның да атаһы һымак тылмас булғыһы киләлер* (Г.Ибрагимов). *Хәзер үк урам ашаһына йүгереп сыккыһы килде уның* (Ф.Исянгулов).

Далее, предложения типа *Купме барылгандыр? Ашарга ултырылды, Иртән иртә торолдо, Һуң киленде* Н.К.Дмитриевым относятся к обобщенно-личным. Однако предложения, в которых для выражения сказуемого употребляется 3-е лицо страдательного залога, образованное как от переходных, так и непереходных глаголов, принято называть также безличными. Как отмечает А.А.Юлдашев, «широко употребляется в башкирском языке безличный страдательный залог», т.е. в случае отсутствия в предложении косвенного объекта субъект действия совершенно устраняется из речи, вследствие чего действие представляется как бы протекающим вне всякой связи с субъектом. Например: *Дошман үлтерелде* «Враг убит», *Өй төзәлдә* «Дом построен» и т.п.

Несмотря на то, что указанные пассивно-страдательные конструкции выражают действие вне его отношения к реальному субъекту, тем не менее являются личными, поскольку имеют в своем составе грамматическое подлежащее. И лишь в случаях, когда наряду с реальным субъектом из речи устраняется и реальный объект, выраженный грамматическим подлежащим, страдательные конструкции становятся безличными. Например: *Тэбигэт косагында һэйбэт ашала* “На природе хорошо кушается”, *Күн (бушка) йөрөлә* “Много (зря) ходится”; *Арыган сакта озак йоклана* “При усталости долго спится”, *Һине эзләп күпме йөрөлгән* (Г.Рамазанов). Страдательные глаголы в данном употреблении подчеркивают обычность, постоянность, как бы самопроизвольность действия.

Страдательные формы непереходных глаголов, по своему значению не сочетаясь с реальным объектом, приобретают безличное значение и поэтому выступают в функции главного члена безличного предложения.

Таким образом, безличное предложение – сложное грамматическое явление, в их изучении в тюркологической науке много спорных положений. Однако анализ лингвистической литературы показывает, что среди языковедов-тюркологов превалирует мнение о наличии в тюркских языках наряду с другими односоставными предложениями и безличных предложений. Признавая безличные предложения, характеризуя их, лингвисты-тюркологи подчеркивают следующие основные моменты данных конструкций:

предикативную основу безличных предложений составляет лишь один главный член (глагольное или именное сказуемое);

в безличных предложениях отсутствует и не может иметь места грамматический субъект (подлежащее в форме именительного падежа);

отсутствие логического субъекта необязательно, логический субъект может и быть (он выражен формой родительного, дательного, местного падежей);

сказуемое безличных предложений не может сочетаться с подлежащим, ибо в безличных предложениях само лексико-грамматическое значение сказуемого исключает возможность употребления подлежащего;

в глагольных конструкциях сказуемое всегда употребляется в форме 3-го лица единственного числа.

При классификации безличных предложений лингвисты руководствуются двумя принципами – структурным и семантическим.

Исходя из этого, в трудах тюркских исследователей содержится примерно одинаковое определение данного типа предложений. Таким образом, безличными предложениями называются односоставные предложения, которые обозначают процессы или состояния, независимые от активного деятеля (или признак, независимый от его деятеля).

Литература

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940. {Dmitriev N. K. Grammar of Kumyk language. Moscow – Leningrad, 1940.}

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. {Dmitriev N. K. Grammar of the Bashkir language. Moscow – Leningrad: Izd-vo an SSSR, 1948.}

Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М., 1960. {Dmitriev N. K. Turkish language. Moscow, 1960.}

Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. {Kononov A. N. Grammar of the Turkish language. Moscow – Leningrad: Izd-vo an SSSR, 1941.}

Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948. {Kononov A. N. Grammar of the Uzbek language. Tashkent, 1948}

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. {Kononov A. N. Grammar of modern Turkish literary language. Moscow – Leningrad: Izd-vo an SSSR, 1956.}

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. {Kononov A. N. Grammar of modern Uzbek literary language. Moscow – Leningrad: Izd-vo an SSSR, 1960.}

Саитбатталов Г.Г. Башкирский язык. Синтаксис простого предложения. Том I. Уфа, 1999. 352 с. {Saitbattalov G. the Bashkir language. The syntax of a simple sentence. Vol. I. Ufa, 1999. 352 p.}

Хуснетдинова Р.Я. Семантическая сущность именных безличных предложений в башкирском языке. Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 1. С. 180-183. {Khusnutdinova R. J. the Semantic essence personal of impersonal sentences in the Bashkir language. Bulletin of Bashkir University. 2017. Vol. 22. No 1. 1999. P. 180-183.}

Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. {Yuldashev, A. A., Analytical forms of the verb in the Turkic languages. Moscow, 1965.}

УДК 81'28

Р. Д. Хәснүллина, Нефтекама ҡ

ТӨНЬЯК-КӨНБАЙЫШ ДИАЛЕКТ ҺӘМ ҚАРИЗЕЛ ҺӨЙЛӘШЕ (Аскын районы Урмияз ауылы һөйләшсәһе миҫалында)

В статье рассматриваются фонетические, морфологические и лексические особенности говора села Урмияз Аскинского района Республики Башкортостан, которые могут помочь установить диалектную основу этого говора.

Ключевые слова: *фонетические, морфологические, синтаксические особенности.*

THE NORTH-WEST DIALECT AND THE KARAIDEL TALK (on the example of the dialect of the village of Urmiyaz, Askinsky district). *The article considers phonetic, morphological and lexical features of the dialect of the village of Urmiyaz of the Askinsky district of the Republic of Bashkortostan, which can help to establish the dialectal basis of this dialect.*

Key words: *phonetic, morphological and syntactic features.*

Башкорт теленең төньяк-көнбайыш диалекты Башкортостандың Каризел, Аскын, Балтас, Тәтешле, Борай, Янауыл, Илеш, Дөртөйлө, Туймазы һ.б. райондарында таралған. Шулай ук был диалектка Пермь, Свердлов өлкәләрендә һәм Татарстан менән Удмуртия республикаларында йәшәгән башкорттардың теле карай. Был һөйләштәрҙә аралашуһы оло быуын вәкилдәренә һөйләүҙәренә, шулай ук тарихи сығанаҡтарға карағанда, төньяк-көнбайыш Башкортостанда борон-борондан ҡаңны, юрмый, йәнәй, ғәйнә (тархан), бүләр, танып, йылан, кырғыз, балыкһы, дыуан, таз, ирәкте, ҡайпан, гәрәй ырыуҙарына ингән башкорттар тәйәк тапҡандар. Каризел һөйләше Аскын һәм Каризел райондарында таралған. Был һөйләштә балыкһы һәм ун ырыуҙары һөйләшкән.

Төньяк-көнбайыш диалекты түбәнгә һөйләштәргә бүленә: Каризел, Танып, Түбәнгә Ағизел, Ыҡ һәм Ғәйнә һөйләштәре. Каризел һөйләшенә Аскын районының Кубияз, Урмияз, Өүзәй, Солтанбәк, Сураш, Сөйөш, Ҡашка, Яңы Ҡускирте, Иҫке Ҡускирте, Үршәзе ауылдары карай. Был территорияла башкорттарҙан тыш мишәрҙәр, маризар, удмурттар, типтәрҙәр йәшәй.

Аскын районы Урмияз ауылының һөйләшсәһен ҡарап үтәйек. Каризел һөйләшенә айырым бер тармағы буларак Урмияз һөйләшсәһе фонетик яҡтан бик үҙенсәлекле тип

айтергә мөмкин. Республикабыздың ситендә урынлашып, быуаттар буйына күрше йәшәгән халыктар менән тығыз аралашканлыктан был як теле сит һөйләштәр тарафынан көслө йоғонто кисергән.

Һөйләштең сиктәре **лт, мт, нт, ңт, һк, рт** диссимилиатив өн кушылмалары кулланыуы менән билдәләнә.

Әзәби тел	Диалект	Русса тәржемә
һөйләйһендер	сүләйсеңтер [сүл'ә'јсәнтәр]	говоришь, наверное
бәрәңге	бәрәңке [бәрәңкә']	картофель
янында	янынта [й'анынта']	рядом
йоклаһам да	йокласам та [й'окласа'мта]	даже поспав

1. **А өнө.** Был һөйләштә һүз башында һәм һүзәң беренсе ижектерендә килгән **а** өнө иренләшеп **о** өнөнә якынайып әйтелә:

алма	[а°лма']	яблоко
камыл	[ка°мы'л]	жнив
май	[ма°й']	масло, жир

А – Ы. Урмияз һөйләшсәһендә кайһы бер һүзәрзә **а** өнө менән **ы** өндәренәң үз-ара алмашынып килеүе күзәтелә:

Әзәби тел	Диалект	Русса тәржемә
бағры	бағра [ба°ғра']	форель
осаяк	осыйак [осый'а'к]	треножка
умырзайа	умырзыйа [умырзый'а']	подснежник

Ы – А өндәре алмашыныуы рус теленән ингән һүзәрзә лә асык сағыла:

са°мыуар [самыва'р]	самовар
сәнескә [сәнескә']	салазки

А – О өндәренәң үз-ара алмашыныуы Урмияз һөйләшсәһендә күзәтелмәй.

У – А. Һөйләштә кайһы бер һүзәрзә **а, ә, е** өндәре урынына **у, ү** өндәре куланыла:

бәрәңге	бүрәңке [б'үрәңкә']	картофель
кәшмә	күшмәк [күшмәк]	плот

2. Каризел һөйләшенәң Урмияз һөйләшсәһендә **сингармоник параллелизмдар** за йыш кына осрай һәм күпселек осракта һүзәрзәң нәзек варианттары кулланыла:

атай	әтәй [әтә'й]
аз	әз [ә'з]
байрам	бәйрәм [бәй'рә'м]
сәс	сәс/чәч [сә'с] [чә'ч]

Шулай ук кайһы бер һүзәрзәң каты варианттарын да осратырға мөмкин:

йән	йан/ зан [йа°н] [ж°а°н]
әсе	асы/ачы [а°сы'] [а°чы']
бәгер	бағыр [ба°ғы'р]

3. **Ә - Е/Э.** Каризел һөйләшендә **ә** өнөнәң **е [э]** өнө менән алмашынып килеүе күзәтелә:

бәләкәй	белеки [бел'еки']	маленький
	белекей [бел'еке'й]	
	белкей [бел'ке'й]	
эрәкмән	эрәкмән [эрәкмән']	репейник, лопух
бәшмәк	мешкә [мешкә']	гриб

4. **Ү - Ө.** Урмияз халкы һөйләшеүендә йыш кына **ү** өнөнәң **ө** өнө менән алмашыныуын осратырға мөмкин:

гүмер	гөмер [гөме'р]
йүгерәү	йөгөрәү [й'өгөрә'ү]

йүткөрөү йөткөрөү [й'өткөрө'v]

5. **Ә - И** өндөрө алмашыныуы ла Каризел һөйләше өсөн бик ғәзәти күренеш булып тора:

кәңәш	киңәш [к'иңә'ш]	совет
кәрәк	кирәк [к'ирә'к]	надо
тәрән	тирән [т'ирән'н]	глубоко

6. **И – Е/Э** фонемалары алмашыныу күренеше сағыштырмаса һирәк осрай:

иреү	эреү [эрә'v]	таять
ишетеү	ишетеү [ишете'v]	слышать

7. **Ө - Э** күсеше күзәтелмәй

8. Урмияз һөйләшсәһендә **лабиализация** күренеше лә ниндәйзер кимәлдә сағыла:

О-Ы

шыма	шома [шома']	гладкий
уклау	оклау [окла'v]	скалка
кискә карай	кис корон [ки'скорон]	вечером

9. **Ы** өнө урынына **у** өнө килеү осрактары Урмияз һөйләшсәһендә күзәтелмәй.

10. (10,11,13) Ике айырым өндөң һөйләүзә бер өнгә күсеү процессы **монофтонгизация** тип атала. Был күренеш Урмияз һөйләшсәһендә лә асык сағыла.

ЫУ-У

йыуғыс	йуғыс [й'уғы'с]
сыуаш	суаш [суа'ш]
тыуған	туған [туға'н]

11. **ӨЙ-Ү**

Был күренеш күбәһенсә сонор **р, л** тартынкылары алдында булған өндәрзә күзәтелә

һөйләү	сүләү [с'үл'ә'v]
өйрә	үрә [үрә']
өйрәнеү	үрәнеү [үрәне'v]

ЫЙ-И

кибла	кибла [кибла']
сиған	сиған/чиған [с'иға'н]
уйлай	уйли [уйли'] [уй'лы']

Ләкин кайһы бер осрактарза дифтонг монофтонгизацияға бирелмәй, ә уның бер элементы ғына икенсе бер өнгә алмашынып кала:

бармай	бармый [ба ^о рмы' (й)]
кайтмай	кайтмый [ка ^о йтмы' (й)]

12. Каризел һөйләшендә диэреза күренеше лә урын ала. Был сакта һүззәрзә **ы, е[э]** өндәрә төшөп калырға мөмкин:

ысын	сын/чын [сы'н] [чы'н]
ыуак	уак/вак [уа ^о 'к] [ва ^о 'к]
эләүкә	ләүкә [л'әвкә']

Кайһы бер сакта һүззәң башында йәки азағында протетик һузынкы өстәлә:

төрмә	өтөрмә [өтөрмә']
ыспай	ыспайы [ыспай'ы']

Был күренеш күбәһенсә мишәр һәм татар һөйләштәре өсөн ғәзәти.

14. Сингармонизм закондары.

Ирен гармонияһы **о, ө** өндәрә буйынса үткәрелә.

өлкөкөннө [өл'кө'көнө]	позавчера
йөткөрөү [й'өткөрө'ү]	кашлять
божҗотоу [божҗото'ү]	отругать, дать жару

Ирен гармонияһының бозолоуы бик һирәк осрактарза ғына күзәтелә. Был хәл ғәзәттә ике ижектән торған һүзәрзә сағылырға мөмкин:

хошбый [хошбы'й]	духи
ботык башкыртлары [боты'кбашкыртлары']	бутукские/вотьякские башкиры

Аңкау гармонияһы

Урмияз һөйләшсәһендә аңкау гармонияһының бозолоуы йыш кына сит телдәрзән ингән һүзәрзә күзәтелә:

бәрәкат [б'әр'әка'т]	междометное слово, выражающее удивление
зыбанылар [зыбан'ила'р]	злые люди

хәйәсыз [х'әй'асы'з] бессовестный, невоспитанный

Шулай ук өстә килтерелгән үзенсәлектәрзән тыш Каризел һөйләшенә **редукция** күренеше хас, йәғни **о, ө, ы, е** (бик һирәк ә өнө лә) өндәре талғын тартынкылар менән бергә килгәндә тулыһынса редукцияға бирелеп төшөп калалар:

кырын	крын [кры'н]	наклонно, косо
бәләкәй	белкей [бел'ке'й]	маленький
һырыу	сыру [сыру']	стегать

15-16. **Һ-Ҙ** өндәре өндәре урынына Урмияз һөйләшсәһендә **с** тартынкыһы кулланыла.

һаташыу	саташыу [са'гашы'ү]
һимез	симез [с'име'з]
һыйыр	сыйыр [сыйы'р]

17. Каризел һөйләше кайһы бер төньяк-көнсығыш һөйләштәре менән тығыз бәйләнештә тора. Шуға күрә әзәби телдәге **й** өнө урынына һөйләштең күпсәлек райондарында **ж** тартынкыһы кулланыла. Был өн **й** өнөнә яқын тора һәм әйтелештә татар телендәге **з** өнө кеүек яңғырай: [ж^й]

ер	Зир [ж ^й и'р]
ерән	Зирән [ж ^й ирән']
емелдәү	Зимелдәү [ж ^й имел'дә'ү]

18. Урмияз һөйләшсәһендә тағы ла бер мөһим үзенсәлеге – **з** өнөн кулланмау. Был өн ғәзәттә **з** йәки **д** өнө менән алаштырыла:

һез	сез [се'з]
һоза	һоза [һоза']
һозағый	һозағый [һозағый']

19. Урмияз һөйләшсәһендә һүз башында **б** һаңғырауланып **п** өнө әйтелә. Был үзенсәлек татар теленә хас һәм уның көслә йоғонто һөзөмтәһе булып тора. Һөйләштә татар телендәге кеүек үк **п** өнөнә башланған бер нисә һүз бар, башкорт телендә был һүзәрзә тап килгән варианттар **б** өнөнә башлана.

һалас	һалас [һа'ла'с]
һатша	һатша [һа'тша']
һесәй	һеси [һес'и']

20. Һөйләштә **п-ф** өндәренәң алмашынып килеүен күзәтергә мөмкин:

һупрак	һуфрак [һуфра'к]
һалпак	һалфак [һа'лфа'к]
һәнәфи	һәнәфе [һәнәфе']

21. Шулай ук эзэби телдэге с тартынкыһы урынына күпселек вакытта ч өнө кулланыла:

сәскә	чәчкә [чәчкә']
сыйырсык	сыерчык [сыйерчы'к]
баҗкыс	баскыч [ба°скы'ч]

22. Һөйләштә кайһы бер һүззәр эзэби телдэге с өнө урынына т тартынкыһы менән башлана:

сөсө	төчө [төчө']
сөскөрөү	төчкөрөү [төчкөрө'v]

23. Кайһы бер ялгаузар эзэби телдэге н, л урынына з өнө менән башлана:

кешенән	кешезән [кешезэ'н]
баксала	бакчаза [ба°кчаза']

Морфологик үзенсәлектәре. Исем.

1. Каризел һөйләшендә -кай/-кәй ялгауы бер нисә функция үтәй:

а) исем яһай:

баллыкай	молочай
йөннөкәй	дикая морковь

б) кесерәйтеү формаһын яһай:

туғанкай	родненький
иптәшкәйем	подруженька моя
апакайым	сестричка

в) - кай/-кәй аффикслы кайһы бер һүззәр ымлык функцияһын башкарырға мөмкин:

атакайым	батюшки мои
инәкәйем	матушки мои

2. - бей/-пей/-пый аффикстары исемләшкән сифат яһай:

кишамбый	кривляка
кылдымбый	обидчивый
кыстыбый	сующий везде нос

3. - ма/-мә аффиксы Каризел һөйләшендә атрибутив мәғәнәле исемдәр яһарға мөмкин:

атлама	стропила, скоба
борма	извилина реки

4. - мык/-мек аффиксы ла исемдәрҙең яһалышында актив катнаша:

шарламык	водопад
эремек	творог

5. Каризел һөйләшендә исемдәрҙең эйәлек категорияһы ла эзэби телгә норма итеп алынған варианттан шактай айырыла:

ауылдың төньяғында	ауылныкы төньяғында
һарыктың каузаны	сарыкныкы каузаны
карсыктың казлары	карчыкныкы казлары

Сифат

1. -ыу/-еү, -ым/-ем аффикстары сифат яһайзар:

ваксыу	мелочный
мыжғыу	ворчливый
басым / басыңкы	спокойный, кроткий

2. Урмияз һөйләшсәһендә -лы/-ле аффикстары сифаттар яһалышында бик актив катнаша:

йоғоносло	заразный
жигәрле	трудолюбивый

тартышыу препираться

2.3.2) кайтым йүнәләше

йылышыу льнуть
йөдәшеү обессилеть
тыңнашмау не слушаться

Каризел һөйләшенең тағы ла бер үзенсәлеге шунда: кылымдарзың бойорок һөйкәләше яһалыуында аффикстарзың архаик формаларын кулланыу, йәғни һөйләштә әзәби телдәге – ығыз/-егез, -ғыз/гез ялғаулары урынына –ың/-ең,-ң варианттары йөрөй:

	берлектә	күплектә
1 зат	торайым, диәйем	торайык, диәйек
2 зат	тор, диен/дин	тороң, дийең
3 зат	торсон, дисен	торсон-нар, дисен-нәр

Лексик состав

Каризел һөйләшенең лексик составы күрше халыктар һәм уларзың телдәре, диалекттары менән булған мөнәсәбәттәрзе сағылдыра. Был һөйләшкә караған балыксы һәм һун башкорттары катай һәм табын башкорттары менән бик тығыз бәйләнештә булғандар, тимәк, улар урта һөйләштең йоғонтоһон кисергәндәр. Шулай ук Урмияз һөйләшсәһе татар һәм мишәр һөйләштәре менән үз-ара тәҗсир иткәндәр.

Балыксы һәм ун башкорттары урмансылык, һунарсылык, умартасылык һәм игенселек менән шөғөлләнгәндәр, шуға күрә был як диалект үзенсәлектәре туй йолаһы һәм көнкүреш терминдары, кош-корт һәм хайуан исемдәре араһында асык сағыла.

Кәрзәшлек терминдары: әтәй, әти 'отец'; инәй, әни 'мать'; картатай, карттай, дәүәтәй, дәүәти, картый 'дедушка'; дәүәни, нәнәй 'бабушка'; акбабай 'дядя, старше родителей'; ак әби 'тетя, старше родителей'; абзый 'старший брат'; энекәш 'младший брат'; сеңел, сеңелкәш 'младшая сестра'; түтәй 'старшая сестра'; бәбәй 'ребенок'; кентекәй картысы 'повивальная бабка'; туған-тума, туған-тумача 'родня, родственники'; кайната, кайны 'свекор, тесть'; кәйнә 'свекровь, теща'; әткәй 'обращение к свекру, тестю'; әңкәй 'обращение к свекрови, теще'.

Туй йолаһы менән бәйле терминдар: кыз суратыу 'сватание девушки'; башкода 'сват'; тарту, кыз хақы, мөһөр 'выкуп за невесту'; кыз тауары 'свадебная одежда для невесты'; туйаш 'свадебные гостинцы со стороны родителей жениха'.

Үсемлектәр исеме: кымызлык 'кислица алтайская'; кесерткән, кечерткән 'крапива'; дегәнәк 'репейник'; көркә 'хвойная шишка'; энәле каин 'боярышник'; шоморт 'черемуха'.

Хайуандар донъяһы: селәүсен 'рысь'; йуша, пошо 'лось'; божор 'рябчик'; көртлөк 'куропатка'; сөгөйлән 'дождевой червь'; сыйыр 'һыйыр'.

Балык исемдәре: серде, соло балык 'мальки рыб'; мөлө 'мелкорослая рыба'; ташбаш 'пескарь'; сукмарбаш 'головастик'.

Көнкүреш лексика: тәрзә 'окно'; мис/пис, мич/пич 'печь'; киндеройа 'ткацкий станок'; кашиак 'кухня'; чолан 'чулан'; азбар 'сарай'.

Кейем-һалым исемдәре: бишмәт 'верхняя легкая одежда'; ситле бүрек 'шапка, отороченная мехом'; мескен бүрек 'шапка без меха'; үксәле калуш 'туфли на каблуке'.

Әзәбиәт

Диалектологический атлас башкирского языка. Сост. Н. Х. Максүтова, С. Ф. Миржанова, У. Ф. Надергулов, М. И. Дильмухаметов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гареева. Уфа: Гилем, 2005. 234 с. {Dialectological atlas of the Bashkir language. Compilers:

N. Kh. Maksyutova, S. F. Mirzhanova, U. F. Nadergulov, M. I. Dilmukhametov, S. G. Sabiryanova, G. G. Gareyeva. Ufa: Gilem, 2005. 234 p.}

Информаторлар тураһында мәғлүмәт:

1. Мәғзүмйәнова Фәйхүнә Сәрвәртдин кызы; тыуған урыны: Аскын районы Урмияз ауылы; тыуған йылы: 1932; һөнәре: совхоз эшсеһе (ашлык үлсәүсе, аш пешереүсе); милләте: башкорт.

2. Фазлиәхмәтова Динара Харис кызы; тыуған урыны: Ағизел калаһы; тыуған йылы: 1990; һөнәре: укытыусы; милләте: башкорт.

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧИСЕЛ В
ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЕНИСЕЙСКИХ ЭПИТАФИЯХ**

В статье рассматриваются числа в древнетюркских енисейских эпитафиях. Проводится лексико-семантический анализ чисел в контексте, определяется их этимологическое происхождение и анализируется когнитивная связь количественных словосочетаний.

Ключевые слова: тюрк, древнетюркские енисейские эпитафии, число, значение, этнолингвистика.

ETHNO-LINGUISTIC VALUES OF NUMBERS IN ANCIENT TURKIC THE YENISEI EPITAPHS. *The author of the article considers numbers in ancient Turkic the Yenisei epitaphs. A lexico-semantic analysis of numbers, the etymological origin and the cognitive relationship between the number and words is analyzed.*

Key words: Turkic, ancient Turkic the Yenisei epitaphs, number, meaning, ethno-linguistics.

Числа – это языковые единицы имеющие логическое, философское, национально-культурные ценности [Зиновьев, 1974, 20]. Исходя из этого, числительные в тюркских языках, ослабив свою основную «числительную функцию», перевоплотились в символические, ритуальные, порой в сакральные значения. «...В частности это объясняется тем, что в архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира (imago mundi)» [Топоров, 2005, 227].

В древнетюркских письменных памятниках встречаются много чисел. Но, «устойчивые числовые словосочетания» в древнетюркских енисейских эпитафиях являются особенно интересными.

Хотя всем известно, что земля есть тело круглой формы и имеет четыре направления сторон света (восток, запад, север, юг), мы часто употребляем словосочетание «на все четыре стороны». А ведь у круглой формы нет сторон! В древнетюркских письменных памятниках, в тюркских енисейских эпитафиях встречается термин «дүниенің төрт бұрышы» - «төрт булундағы будунуғ» - «четыре стороны света (земли)». «...Төрт булуң көп йағы ерміс су селепен. Төрт булундағы будунығ көп алмыс, көп баз қылмыс» [Айдаров, 1989, 17-18], значит «...все четыре стороны (земли) были врагами. С помощью войска завоевал народы всех четырех сторон (земли), создал мирный народ». Или «дүниенің төрт бұрышы»-«четыре стороны света». «...tıkdı tört budunga tü»-«Установил (памятник) для четырех сторон света» [Кормушин, 1997, 99].

Тюрки знали о том, кто на севере, кто на юге с ними граничили, или же куда направляться в путь при походе и т.д. «Қурығару – Иінчү үгүз кече, Темір қапығқа тегі сүледім» [Айдаров, 1989, 14]; «Ілгерү күн тоғсықда Бөгли қағанқа тегі сүлеуі бірмін»; «Ілгерү – қурығару сүлеп тірміш кобартмыш»; «Қурығару Темір қапығқа тегі сүледіміз. Көгімен аша қырық аз йеріңе тегі сүледіміз» [Айдаров, 1989, 21-22]; «Ілгерү Қадырқан йышығ аша Бұлынығ ача контурдымыз анча ітдіміз. Қурығару Кеңү тармаңқа тегі Түрік бұдунығ анча контурдымыз. Анча ітдірміз» [Айдаров, 1989, 23]; «Будунығ ігідейін тийін Қырғару оғуз будун тапа, Ілгерү қытан, татабы будун таға. Бүргерү табғач тапа» [Айдаров, 1989, 25]; «Ілтеріс қаған болайын, беріе табғачығ, йырайы оғузуғ өк өлүртү. Біліг есі чаб есі бен көртім»; «Беріекеі будун қурыяқы ийырақы өңрекү будун келті», яғни «оңтүстіктегі халық, батыстағы, шығыстағы халықтар келді» [Айдаров, 1989, 44]. «Географические познания голубых тюрков были гораздо шире ареала их воинственных набегов» [Гумилев, 2003, 242].

В древнетюркских енисейских эпитафиях с числом «четыре» часто употребляется устойчивое словосочетание, наподобие «tört butlug jilqim», на казахском языке - «менің төрт аяқты жылқым», что в переводе на русский язык обозначает «мой четвероногий скот» [Кормушин, 1997, 225]. В текстах в честь Култегина и Тоньюкука слова «at, jilqı» - обозначают «лошадь, жеребец». А в контексте «tört butlug jilqim» - слово «jilqim» обозначает не «лошадь», а «четвероногий скот», то есть на казахском языке «менің төрт түлік малым» - «мои священные четыре животных», это – лошадь, верблюд, баран (овца), козел. Анализируя контексты можно с уверенностью сказать, что цифра «четыре» в словосочетаний со словом «лошадь», образует *целое понятие* и *название* «четырех священных животных», то есть «tört butlug jilqı».

Число «четыре» в древнетюркском мировоззрении объясняло понятие целостности, совокупности, обобщенности. И последующие слова-изречения в казахском языке, такие как «дүниенің төрт бұрышы» (четыре стороны света), «әлемнің бұрыш-бұрышында» (в каждом уголке мира), «төрт құбылаң тең болсын» (пусть будут равными все твои четыре стены), «алтау ала болса ауыздағы кетеді, төртеу түгел болса төбедегі келеді» (Если шестеро врозь, лежащее во рту теряют; если четверо за одно, улетевшее в небо достают), «төрт көзім түгел» (все в сборе), «төрт жыл мезгілі» (четыре времени года) - берут свое начало с древнетюркского мира 6-8 вв., возможно и раньше...

Словосочетание «Alti bodunim» также часто встречается в Енисейских эпитафиях. Например, E-5 (2): Alti oguz bodunda [Кормушин, 1997, 198]; E-49 (1): alti bodunim-a..., (4); alti bag bodunim ... [Кормушин, 1997, 208]. В памятниках это, как слово-обращение «alti bodunim» – «алты жұртым», «алты халқым», «алты елім» (шесть моих народов, шесть мои племена). В казахском языке есть устойчивое словосочетание «алты алаш баласы», «алты алаш жұрты» - «шесть сыновей алаша», «шесть народов алаша». Слово «bodunim» - «халқым, елім, туысым, бауырым, кіндік қаным» обозначает «мой народ, моя страна, мои родственники, мои сородичи, моя родная земля». Слово «Алаш» древнетюркское слово «alaşı» - «шатер», «дом» [Наделяев, 1969, 33]. Согласно казахской энциклопедии, «Алаш» — бауырластар, қандастар, туыстар деген мағынадан туған сөз. Көне заманда, түркі халықтары бөліне қоймаған қауым кезінде дүниеге келген ұғым [Жақып, 1951, 28]. Это в переводе обозначает: «Алаш – это понятие 'родственные, кровные, сородичи'. Оно образовалось в древние времена, когда еще все тюркские народы были сплоченными, одно целым».

Этнолингвистическое значение числа «восемь» также любопытно. «Säkiz adaglig» - на казахском языке «сегіз аяқ», то есть «восьминогое». А у казахов, как и у других тюркских народов есть жилье – юрта (*киіз үй*). Известно что, юрты делятся на несколько видов, и одна из них «сегіз қанатты киіз үй» - то есть «восьмикрылая (восьмиконечная, восьмистенная) юрта». «Внешнее и внутреннее устройство юрты полностью отражало социальное положение владельца. У зажиточных людей было жилище из 8 и более секций, а войлок светло-серым» [Назарбекұлы, 2005, 24]. Основа этнопознавательного, лингвокультурного, этнолингвистического значения словосочетания «Säkiz adaglig» в том, что во-первых, оно обозначало понятие «национального жилища», а во вторых «уровень социального благосостояния народа».

«Säkiz adaglig» встречается в следующих Енисейских эпитафиях: E-11 (10), E-10 (11), E-42 (4), E-96 (1) [Кормушин, 1997].

Числа – это ключ ко многим познаниям того или иного народа. Числа – неотъемлемая часть жизни человека. В них заложены лингвокультурные параметры ценностно-смыслового восприятия мира, ментальность. Поэтому числовые компоненты – это как код

этнокультурной системы, это архаические формы этнической культуры, которые заложены в семантике чисел.

Литература

Айбын. Энциклопедия. / Бас ред. Б.Ө.Жақып. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2011. 880 бет. {Aibyn. Encyclopedia. / Ed. by B.R. Zhakup. - Almaty: «Kazakh encyclopedia», 2011. 880 p.}

Айдаров Ғ., Сыздықов С. Орхон жазба ескерткіштері. ЖОО филология факультетінің студенттеріне арналған әдістемелік нұсқау. Алматы: Мектеп, 1989. 75 б. {Aydarov G., Syzdykov S. The Orkhon written monuments. Methodical instructions for students of the philological faculty of UNIVERSITIES. Almaty: Mektep, 1989. 75 p.}

Гумилев Л. Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.). Москва: Кристалл, 2003. 307с. {Gumilev L. Ancient Turks. History of formation and heyday of the Great Turkic Kaganate (VI-VIII centuries AD). Moscow: Kristall, 2003. 307 p.}

Древнетюркский словарь. Ред. кол.: Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Ленинград: Наука, 1969. 715 с. {Ancient Turkic dictionary. Ed.: Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tennishev E. R., Scherbak A. M. Leningrad: Nauka, 1969. 715 p.}

Зиновьев В. Н. Лексико-семантические особенности числительных в разных языках // Межвузовский сборник. Лексика. Терминология. Стили. Горьковский университет, 1974. Вып. 3. С. 20-39. {Zinoviev V.N. Lexico-semantic peculiarities of numerals in different languages // Interuniversity collection. Vocabulary. Terminology. Styles. Gorky University, 1974. Issue 3. P. 20-39.}

Кормушин И. В. Тюркские Енисейские эпитафии. Тексты и исследования. Москва: Наука, 1997. 303 с. {Kormushin I. V. Turkic the Yenisei epitaphs. Texts and studies. Moscow: Nauka, 1997. 303 p.}

Назарбекұлы С. Қазақтың киіз үйі. Астана: Елорда, 2005. 93 б. {Nazarbekuly S. The Kazakh Yurt. Astana: Elorda, 2005. 93 p.}

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые ее частные приложения. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 816с. {Toporov V. N. Studies in etymology and semantics. Vol. 1: Theory and some of its particular applications. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 816 p.}

УДК 81'2

Э. А. Алмадаков, г. Горно-Алтайск

ОЙКОНИМЫ УЛАГАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 17-04-00473 тип «а»)

В настоящей статье впервые рассматриваются ойконимы Улаганского района Республики Алтай. Впервые в тюркологию вводится новый ойконимический материал, который содержит ценные сведения о территории расселения и миграции улаганских теленгитов. По своей структуре слова, обозначающие названия населенных пунктов Улаганского района, подразделяются на простые и сложные (аналитические). С семантической точки зрения в составе одних ойконимов Улаганского района имеются зоонимы, другие ойконимы представлены фаунистической лексикой, значение некоторых ойконимов связано с обозначением заметных признаков.

Ключевые слова: топоним, ойконим, теленгиты, Улаганский район, простое слово, сложное (аналитическое) слово, аффикс принадлежности.

In this article, we consider the oikonyms of Ulagan district of the Altai Republic. For the first time, a new oikonymic material is introduced into turcology, which contains valuable information about the territory of settlement and migration of the Ulagan Telengits. By its structure, words denoting the names of settlements of the Ulagan district are divided into simple and complex (analytical). From the semantic point of view, in the composition of some oikonyms of the Ulagan district, there is a zoonim, other oikonyms are represented by faunistic vocabulary, the significance of some oikonyms is associated with the designation of notable signs.

Keywords: *toponym, oikonym, telengits, the Ulagan district, simple word, complex (analytical) word.*

В настоящей статье рассматриваются ойконимы Улаганского района Республики Алтай. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, вкратце отметим, что теленгиты – тюркский народ, язык которого в тюркологии традиционно, согласно классификации Н. А. Баскакова, рассматривается как диалект алтайского языка [Баскаков, 1958, 29]. Н. А. Баскаков говорит о теленгитско-тёлёсском и чуйском наречиях теленгитского диалекта: носители теленгитско-тёлёсского живут по рекам Чолушман, Башкаус и по южному берегу Телецкого озера (самоназвание теленгит); носители чуйского наречия живут по реке Чуй (самоназвание чуй-кижи) [Баскаков, 1969, 343]. Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 225 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» как теленгиты, так и телеуты, кумандинцы, чалканцы, тубалары отнесены к числу самостоятельных народов России. В настоящее время теленгиты компактно проживают на административной территории Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. Улаганский район – один из уникальнейших уголков Горного Алтая с удивительной древней историей, которая нашла отражение в топонимах.

Перейдем к рассмотрению вопроса.

Топонимия Горного Алтая впервые системно описана в работе «Топонимический словарь Горного Алтая» [Молчанова, 1979], которая послужила теоретическим обобщением исследования «Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая» [Молчанова, 1982]. Анализу региональной топонимики Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай посвящена работа «Топонимы Юго-Восточных приграничных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами» [Самтакова, 2013].

Известно, что ойконимы – это слова, обозначающие названия населённых пунктов. Ойконимы Улаганского района по настоящее время специальному исследованию не подвергались. Несомненно, ойконимический материал по Улаганскому району содержит ценные сведения о территории расселения и миграции улаганских теленгитов. В науку вводится новый лингвистический материал, который позволит проследить этническую и культурную историю теленгитов. Впервые систематизированы ойконимы Улаганского района, которые подвергаются структурно-семантическому анализу. Кроме того, впервые делается попытка провести этимологический анализ, хотя, как справедливо отметила Е.И. Убрятова, этимологический анализ является самым трудным видом лингвистической работы, выполнять которую могут только специалисты по данным языкам очень высокой квалификации [Убрятова, 2011, 81].

В настоящей работе рассматриваются одиннадцать названий населенных пунктов современной административной территории Улаганского района в алфавитном порядке с сохранением их фонетических особенностей.

1. *Ак-Таш* – название населенного пункта, которое представляет собой аналитическое (сложное) слово, первый компонент которого имеет значение ‘белый’, второй – значение ‘камень’. Следует заметить, что на карте и указателях компоненты этого сложного слова написаны слитно. Несложно установить, что название села произошло от названия местности, отличающейся прозрачными белыми камнями. Следует заметить, что в советские времена село Ак-Таш называлось посёлком городского типа, в котором жили в основном

рабочие шахты, добывающие руду. Село *Ак-Таш* до 1975 года являлось административным центром Улаганского района.

2. *Баалыкту-Јул* – ойконим, который, как и слово *Ак-Таш*, является сложным словом. Первое слово переводится как ‘имеющий рыбу’, улаганские теленгиты в первом слогe произносят долгий гласный [aa], в то время как в языке чуйских теленгитов и алтайцев произносится краткий гласный звук [a]. Второе слово *јул* имеет значение ‘речка, небольшая каменистая река’. Кроме того, начальный согласный звук топонима в произношении теленгитов не является звонким, а произносится как полувзвонкий, слабовзвонкий звук. Заметим, что топоним *Баалыкту-Јул* отмечен и в «Топонимическом словаре Горного Алтая» [Молчанова, 1979, 149]. Название села произошло от названия небольшой речушки, в которой в былые времена водилось много хариуса. Рассказывают, что никто не рыбачил удочкой, а ловили руками из-под камней. Попутно надо заметить, что рыба не входит в национальное блюдо теленгитов и в целом алтайцев. Рыбу называют *суунын куртты* ‘насекомое реки’, поэтому неудивительно, что рыболовство не входит в традиционное занятие.

Попутно заметим, что Село *Балыкту-Јул* (в русской транскрипции *Балыктуюль*) образовалось в 1960 году путем переселения жителей населенного пункта *Тужаар* и разных урочищ ущелья *Кару-Јарык* и долины Чолушман. Любопытно заметить, что жители бывшего населенного пункта *Тужаар* компактно заняли левое побережье реки *Балыкту-Јул*, другую сторону реки (болотистую часть) заняли переселенцы из *Кару-Јарык* и Чолушмана. Топоним *Тужаар* в языке теленгитов произносится с долгим гласным [aa] во втором слогe. Это естественно, поскольку корень слова *тужа*, который имеет значение ‘накладывать путы на передние ноги крупного и мелкого рогатого скота’ оканчивается на гласный *a*; за корнем следует аффикс причастия будущего времени с начальным гласным звуком [a]. Следовательно, долгий гласный в слове *Тужаар* образовался на стыке двух морфем. Слово *Тужар* с пометой *река* зафиксировано О. Молчановой; значение слова трактуется как ‘нижняя часть передней ноги лошади, куда накладывают путы’ [1979, 315], что нам представляется сомнительным. Значение топонима *Тужаар* наши информанты связывают с тем, что местность удобна для выгона лошадей с путами на передних ногах, а реку называют *Тужаардын суузы*. Бывший населенный пункт в настоящее время является стоянкой.

Надо отметить, что бывший населенный пункт *Тужаар* был образован в начале 1950-х годов из числа жителей населенного пункта *Чодыраа*, в котором базировалась застава на границе с Тувой. Слово *чодыраа*, которое характерно для языка тувинцев, в значении ‘черемуха’ в языке улаганских теленгитов не используется. В значении ‘черемуха’ в теленгитском языке применяется слово *јумурут*, которое находит соответствие в чалканском, кумандинском, тубаларском и хакасском языках. Однако, в отличие от этих языков, в алтайском языке используется слово *јодро*. Надо подчеркнуть, что местность *Чодыраа* соответствует своему названию по настоящее время. В весенний период в горах цветет черёмуха.

3. *Баалыкчы* (в русской транскрипции *Балыкча*) – населенный пункт, находящийся в Чолушманской долине на южном побережье Телецкого озера. Простое по структуре слово *баалыкчы* имеет значение ‘рыбак’, образовано от слова *баалык* ‘рыба’ при присоединении словообразовательного аффикса *чы*. По словам информантов, название села связано с тем, что каждый человек (включая женщин) был настоящим рыбаком.

4. Ойконим *Јазулу* (*Јзулу*) представляет собой простое слово. Как отметила О.Т. Молчанова, слово *Јазулу*, кроме обозначения населенного пункта, обозначает реку и урочище; в алтайском языке это слово имеет значение ‘раскинувшийся, ровный’, а в теленгитском языке *јас улу* ‘весенняя стоянка’. По данным нашего исследования, в

настоящее время слово *Jaazuлу* сохранилось только как ойконим. По мнению Молчановой О.Т., слова *јазал*, *јазалду* имеют значение 'место для сражений, поскольку в Язуле были частые столкновения теленгитов с соёнами' [Молчанова, 1969, 173]. По данным нашего исследования, наименование *Јазулу* произошло от слова *јас* 'ровное, просторное место, равнина на южной стороне склона' + аффикс обладания/принадлежности *лу*. Следовательно, *Јазулу* означает 'местность, имеющая ровное, просторное место, равнину на южной стороне склона'.

5. *Кара-Кујур* (*Кара-Кудюр*) – этот ойконим является сложным словом, первое слово в котором имеет значение 'черный', а второе – 'солончак; место, где охотники ожидают оленя'. Село *Кара-Кујур* находится на левом побережье реки *Башкаус*. Это слово как ойконим и гидроним зафиксирован О.Т. Молчановой; значение передается как 'черный солонцовый грунт, солончак' [1969, 208]. В Улаганском районе слово *Кара-Кујур* является названием населенного пункта. Почва этой местности черная, мягкая и плодородная, и название соответствует особенностям местности. Между тем обращает на себя внимание и другая трактовка значения этого ойконима: по словам некоторых информантов, в данном сочетании значение первого слова связано не с обозначением цвета, а с темными силами, которые якобы водились на солончаке, появлялись в сумерках и не позволяли охотиться.

6. *Кöö* – населенный пункт, находящийся недалеко от села *Балыкчы* в Чолушманской долине на южном побережье Телецкого озера. Слово *кöö* имеет значение 'сажа, уголь'. Происхождение названия села связывают с особенностью местности, окруженной горой темного (черного) цвета, подобного саже. В «Топонимическом словаре Горного Алтая» этот ойконим не зафиксирован. Отметим, что в официальных документах и на картах используется *Коо*. В языке чолушманцев, т.е. жителей села *Кöö*, *Балыкча*, в слове *Кöö* при произношении долгого гласного слышится дополнительный призвук, приближенный к звуку [a]: *Кööа*.

7. *Паспарты* – населенный пункт, образовавшийся путем объединения жителей разных урочищ в верховьях горы *Аныйак*, а также *Чолушманской долины*. Этот ойконим представляет собой сочетание двух слов: *пас* 'ходить', *парты* 'ушел'. Происхождение названия связывается с тем, что в эту местность были собраны люди, так называемые ходячие, бродячие. Отметим, что, как и топоним *Кöö*, ойконим *Паспарты* в «Топонимическом словаре Горного Алтая» не зафиксирован. В официальных документах и на картах используется форма *Паспарта*.

8. *Саратаан*. В официальных документах и на картах используется форма, в которой в третьем слоге – краткий [a]: *Саратан*. Этот ойконим, как и ойконимы *Кöö*, *Паспарты*, в «Топонимическом словаре Горного Алтая» не отмечен. Ойконим *Саратаан* является сложным словом: *сары* 'рыжий' + *ботаан* 'детеныш верблюда по первому году'. По словам информантов, название местности дали тувинцы (сойоны), жившие в далекие времена на этой территории. Некогда здесь умер детеныш верблюда. Уходя, сойоны прокляли землю улаганских теленгитов, чтобы не ступала нога верблюда. Теленгиты из поколения в поколение не держали в своем хозяйстве верблюды, чтобы не накликать беду. Однако во время национального праздника Эл-Ойын в 1988 году в Улаганском районе гости из Кош-Агачского района прошли колонной на верблюдах. С тех пор, как рассказывают старожилы, в Улаганском районе стали дуть суровые ветры.

9. *Улаган* (*Улаан*) – название населенного пункта, который в настоящее время является административным центром Улаганского района. Сами теленгиты предпочитают употребление варианта *Улаан*, который был в свое время отмечен и А.П. Потаповым [Потапов, 1953, 6]. В официальных документах и на картах используется вариант *Улаган*. Молчанова О.Т. полагает, что это может быть алтайское слово *улаган*, имеющее значение

‘соединенный’ или монгольское *улан/улаган* ‘красный’ [Молчанова, 1969, 324]. Надо полагать, что название местности произошло с учетом её особенности: встречаются горы с красноватым оттенком, близким к цвету охры. Кроме того, существует и такая народная этимология, согласно которой в данной местности некогда жил *улу каан* ‘великий царь, хан’, который одержал победу над сойонами, после чего сойоны не стали появляться на земле теленгитов. Надо отметить, что в средствах массовой информации появляются и более абсурдные трактовки: будто бы на этой реке утонул мальчик (*уул аккан*), на основании чего произошло название реки.

10. *Чибилү* (в русской транскрипции *Чибиля*) – название населенного пункта, представляющее простое слово, образованное от слова *чиби* ‘ель’ при помощи словообразовательного аффикса *лү* со значением обладания. Следовательно, ойконим *Чибилү* означает ‘местность, имеющая ели, местность, на которой растут ели’. Эта особенность местности сохранилась по настоящее время: село окружают многовековые раскидистые ели.

11. *Чибит* – населенный пункт, который до 1974 года входил в состав Кош-Агачского района Республики Алтай. В «Топонимическом словаре Горного Алтая» значение топонима *Чибит* объясняется как ‘охра’. По данным нашего исследования, в давние времена местность имела название *Чибби*, что в переводе означает ‘ель’. Русские переселенцы стали называть село словом *Чибит*, что и стало затем традиционным. Если в местности *Чибилү* ели сохранились по настоящее время, то в местности *Чибит* ели давным-давно исчезли из-за больших наводнений и не без участия человека.

Таким образом, из общего числа рассмотренных ойконимов Улаганского района по своей структуре шесть ойконимов (*Чибилү*, *Чибит*, *Улаган (Улаан)*, *Кёё*, *Жазулу*, *Баалыкчы*) являются простыми, остальные пять ойконимов (*Ак-Таиш*, *Баалыкту-Жул*, *Кара-Кујур*, *Паспарты*, *Саратаан*) – сложными (аналитическими). В свою очередь, улаганские ойконимы подразделяются на несколько групп: ойконимы, в составе которых имеется зооним (*Баалыкту-Жул*, *Баалыкчы*, *Саратаан*); ойконимы, представленные фаунистической лексикой (*Чибилү*, *Чибит*); ойконимы, значение которых связано с обозначением заметных признаков (*Кёё*, *Жазулу*). В объяснениях ойконимов существует немало народной этимологии, когда проводится произвольное членение наименования по созвучию со случайными словами современного теленгитского и алтайского языков (например, объяснение ойконима *Улаган*). И эту укоренившуюся традицию иногда бывает трудно преодолеть.

Литература

Баскаков Н. А. Алтайский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 115 с. {Baskakov N. A. Altai language. M.: Izd-vo Akad. of Sciences of the USSR, 1958. 115 p.}

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 380 с. {Baskakov N. A. Introduction to the study of Turkic languages. Moscow: Higher school, 1969. 380 p.}

Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 396 с. {Molchanova O. T. Toponymic dictionary of the Altai mountains. Gorno-Altai: Gorno-Altai Department of Altai book publishing house, 1979. 396 p.}

Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1982. 256 с. {Molchanova O. T. Structural types of Turkic place names of the Altai Mountains. Saratov: Publishing house of Saratov University press, 1982. 256 p.}

Потапов А. П. Очерки по истории алтайцев. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1953. 442 с. {Potapov, A. P. Essays on the history of the Altai. Izd-vo an SSSR. Moscow-Leningrad, 1953. 442 p.}

Самтакова К. Б. Топонимы Юго-Восточных приграничных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2013. 184 с. {Samtakova, K. B. place Names of the South-Eastern border areas of the Altai Republic in comparison with Mongolian names. Gorno-Altaysk: RIO of Gorno-Altay University, 2013. 184 p.}

Убрятова Е. И. Язык народа как исторический источник // Избранные труды «Исследования по тюркским языкам», Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. 280 с. {Ubriatova, E. I. The language of the people as a historical source // Selected works «Research in the Turkic languages», Novosibirsk: publishing cent NSU, 2011. 280 p.}

УДК 811.512.122'23

Н. Р. Балабекова, г. Астана

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

На материале казахского языка в статье анализируются эмотивы как единицы языка, выражающие эмоционально-психическое состояние человека. В аспекте функциональной грамматики раскрываются смысловые понятия эмотивов, их семантики с положительной и отрицательной коннотацией. Важное внимание уделяется определению ядерных и периферийных средств выражений эмотивов в произведениях М. Ауезова, Б. Сокпакабаева и М. Жолдасбекова.

Ключевые слова: эмотивы, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле эмотивов, семантика, ядро, периферия, средства выражения.

MEANS OF EMOTIVE EXPRESSION IN THE KAZAKH LANGUAGE НАЗВАНИЕ СТАТЬИ. *in an article on the material of the Kazakh language emotions are analyzed as units of language, expressing the emotional-mental state of a person. In the aspect of functional grammar, the semantic notions of emotives are revealed, their semantics with a positive and negative connotation. Important attention is paid to the identification of nuclear and peripheral means of expression of emotive in the works of M. Auezov, B. Sokpakbaev and M. Zholdasbekov.*

Keywords: emotions, functional grammar, functional-semantic field of emotives, semantics, nucleus, periphery, means of expression.

Одной из центральных проблем лингвистической прагматики является изучение эмоционально-оценочного содержания языковых единиц, ибо эмоции (эмотивы) представляют собой важнейшую сферу взаимоотношения человека с социумом, окружающим миром и являются средством выражения внутреннего мира человека, его психо-эмоционального состояния. Обеспечивая адекватную адаптацию человека к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, эмотивы тем самым мотивируют, организуют и направляют все виды деятельности человека, в том числе и языковую (речевую). Несмотря на то, что эмоционально-экспрессивные значения в казахском, русском и других языках достаточно изучены, актуальность их исследования с использованием современных научных парадигм, в частности функциональной методологии, остается востребованным и необходимым.

В разноструктурных языках существует несколько определений эмотивов. В русской лингвистической традиции впервые на эмоционально-экспрессивные значения слов обратил внимание А. А. Потенбя, отмечая, что предметные ассоциации, лежащие в основании номинации любой эмоции, оставляют без внимания объективную информацию эмоциональных наименований в конкретном употреблении [цитируется по Бабенко 1989,

97]. В 20-х XX в. термин «эмотивность» вошел в научный оборот благодаря работам Б. А. Ларина. Л. Г. Бабенко считает, что «эмотивное значение: это значение (семема), в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т.е. это значение в котором каким-либо образом представлены эмотивные смыслы» [Бабенко 1989, 16].

С исследованием семантико-смысловой стороны языковых единиц во второй половине XX века эмоционально-экспрессивные слова стали именоваться эмотивами, коннотативами, прагмативами. Л. А. Новиков в лексическом значении слова выделяет денотативный, сигнификативный, прагматический и структурный компоненты. В прагматическом компоненте ученый отмечает стилистически маркированные и оценочные слова, с помощью которых даются квалификации «хорошо», «плохо», а также лексемы, обладающие различными коннотациями, образными ассоциациями [Новиков, 1982, 101]. В. И. Шаховский эмотивы связывает с психическим состоянием человека: «эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводит) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру» [Шаховский, 2008, 6].

В казахстанской лингвистике проблема эмотивности в аспекте лексической семантики разрабатывалась с середины XX века, о чем свидетельствуют диссертационные исследования Х.М. Нурмуханова («Эмоционально-экспрессивная лексика драматургических произведений М. Ауэзова» (1969), Ш.И. Нургожиной («Эмоционально-экспрессивная лексика казахского разговорного языка» (1989), З.Х. Ибадильдиной «Эмотивная лексика казахского и русского языков» (1997), А. Г. Сембаевой «Көркем шығармалардағы эмоционалды-экспрессивті лексика (О. Бөкеев шығармалары бойынша).

Обобщая вышеизложенное по определению понятия эмотивов, мы считаем, лексическое значение слова структурировано, представляет собой информацию, в которой отражается окружающий мир, в том числе чувства и эмоции человека. Эмотивы как часть лексической семантики слова противопоставлены его понятийно-сигнификативному компоненту, несут информацию о настроении, чувствах, эмоциях, психическом состоянии человека в окружающем мире.

В аспекте функциональной лингвистики, ориентированных на анализ содержательной стороны языковых единиц, в эмотивах в казахском (тюркских) языках исследуются весь спектр чувств и эмоций человека, выявляются многообразие их средств выражений.

Согласно А.В. Бондарко, одного из основоположников функциональной грамматики российской школы, «функциональная грамматика - это грамматика, а) включающая описание семантических категорий, опирающихся на различные средства грамматического выражения в данном языке в их взаимодействии со средствами лексическими и контекстуальными (в нашей терминологии речь идет о системе функционально-семантических полей); б) направленная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания [Бондарко, 1983, 32].

Данное определение означает, что в функциональном исследовании главное внимание уделяется изучению содержания, семантического потенциала языковой единицы, базирующей на понятийных семантических категориях. Функциональный анализ использует ономазиологический подход - от значения к форме, от функции к средствам. Единицей функционального анализа, по мысли А.В.Бондарко, является *функционально-семантическое поле (ФСП)*: «Функционально-семантическое поле - это двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними

лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко, 1983, с.40].

А.В. Бондарко выделяет в структуре функционально-семантического поля *центр (ядро) поля* и его *периферию*, ядро занимают грамматические (морфологические) средства выражения, а периферию составляют все виды неморфологических средств, выполняющих одну и ту же семантическую функцию, что и морфологическое ядро. Ядро поля может быть полицентрическим и моноцентрическим. Периферия поля может состоять из нескольких слоев [Бондарко 2001, 4].

Однако как отмечает Н.Г.Шаймердинова, компонентная структура ядра и периферии зависит от типологических особенностей языков, что проявилось в системе тюркских языков, в том числе казахского [Шаймердинова, 2002, 63]. Вышесказанное нашло отражение в эмотивах казахского языка. Эмотивность в казахском языке в рамках ФСП, мы определяем как семантическую категорию, выражающую весь спектр эмоции и чувства человека. Средствами выражения эмотивности является взаимодействие нескольких уровней: словообразовательного, морфологического, лексического, интонационного, синтаксического. Анализ фактического материала показал, что ядро эмотивности в казахском языке является полицентрическим, поскольку представляется словообразовательными дериватами, лексическими и синтаксическими средствами. Периферийную зону в основном составляют морфологические притяжательные формы (формы тюркского *изафета*), интонация и контекст.

В ядре основную семантическую «нагрузку» несут дериваты «уменьшительно-ласкательного» значения: *-тай, -кай, -ш, -й, -жан, -еке, -шаң*:

1) *Оралтайымды академияңа қабылда, сен секілді еліміздің маңдайына ұстаған елшісі болып шықсын. (Зачисляй моего Оралтая в академию, пусть станет таким же выдающимся послом нашей страны, как ты)* [Жолдасбеков, 2012, 219].

2) *Кенет арт жағымнан: - Балақай, неғып тұрсың? - деген дауыс естілді (Внезапно за спиной послышался голос: «Малыш, чё стоишь?») [Сокпақбаев, 2014, 179].*

3) *Жәміш! Менің де айтқалы отырғаным осы еді. (Жамеш! И я хотел сказать об этом)* [Әуезов, 2002, 54].

В данных примерах от антропонимов «Орал» «Жамила» образуется уменьшительно-ласкательные «Оралтай, - Жамеш», от лексемы «бала» - «балақай». В письменной и устной речи казахов словообразовательные аффиксы - ш, -тай, -кай часто используются в возрастной дифференциации, при ласковом обращении к детям, к людям моложе, чем сам говорящий.

Для выражения эмотивности в казахском языке часто используются лексические средства, которые также составляют важную часть ядра. Как отмечает Новиков, лексические единицы «выполняют не только коммуникативную, но и «оценочную» функцию (эмотивную, поэтическую, эстетическую). Благодаря этому говорящий (адресант) может воздействовать словом на слушающего (адресата), выбирая соответствующие языковые знаки, а последний - испытывать интеллектуальное и эмоциональное воздействие при восприятии и оценке того или иного факта действительности» [Новиков, 1982, 103].

1) *Кемпір: Жарығым...жата гой...жалғызым!.. (Старуха: - Светик мой... спи... единственный !..)* [Әуезов 2002, 31].

2) *Айтқаның келсін қарағым. Кұдай жолыңды берсін* [Әуезов, 2002, 339].

3) *Өлтірдің гой мына сорлы анаңды (Убьещь же беднягу мать).* [Сокпақбаев, 2003, 83].

Лексемы «жарығым» (букв. «светлый мой») «жалғызым» («единственный мой»), «қарағым» (идиома) обозначают положительную эмоцию, а слово «сорлы» («несчастный») – отрицательную. В ядре эмотива достаточно распространены положительные и отрицательные оценочные лексемы: *масқара (позор), әттең (увы), тамаша (прекрасно), батыр (букв. богатырь), марқұм (покойный), мыстан (ведьма), сумдық (ужас), жесір*

(вдова)... Ә. Болғанбаев и Б. Қалиев относят эти слова к экспрессивно-эмоциональной лексике, к словам, которые имеют эмоциональную окраску без каких-либо аффиксов [Болғанбайұлы, 1997, 178]. Например:

1) *Неткен батыр адам! - деп бас шайқасады (Какой бесстрашный человек! — удивлялись все.)* [Соңпаңбаев, 2003, 247].

2) *Әлгідей сұмдық сөзді естигенде жүрегім су етіп, ішіме бір қап үрей кіргендей болады (Когда слышу такое ужасное слово, у меня сердце начинает стучить, как будто впадаю в панику)* [Б. Соқпақбаев, 2003, 185].

3) *Жетім! Не деген суық та, жексурын сөз!(Сирота! Какое мерзкое и противное слово!)* [Соқпақбаев, 2014, 185].

Яркими эмотивами ядра являются синтаксические единицы, или эмотивные высказывания, с помощью которых автор может выразить свои эмоции:

1) *Сағынған қайын-жұрт жолаушыларды қуанышпен қарсы алды (Соскучившиеся родственники со стороны супруги встретили путников с радостью)* [Әуезов, 2002, 44].

2) *Екеуі де жақсы китген, ақ жаға салып, иіс май сепкен, тойға бара жатқандай-ақ ажарлы, көңілді (Оба хорошо одеты, в белом воротнике, надушившиеся, красивы и веселы, как будто идут на свадьбу)* [Әуезов, 2002, 46].

3) *Үйге қонақтар келгеннен бері қозғалмай отырған Мақыштың байбішесі жүдеу, сарғыш тартқан түсімен баласының қайғысы батқандығын білдіріп тұр еді (Старшая жена Мақыша, которая сидела неподвижно с того времени как пришли гости, своим видом показала, как сильно переживает смерть сына)* [Әуезов, 2002, 58].

Периферия эмотивности раскрывает особенности языковой системы тюркских языков, в частности ,функционирование притяжательных форм, на что обратил внимание Н.К. Дмитриев. Он определил значимость функции притяжательных аффиксов: «Форма 1-лица ед. ч. в составе ласкательных и уменьшительных слов уже не обозначает конкретную принадлежность, а выражает ласковое обращение: ... йорәкәйем «сердечко мое», туганым «родной мой» и т.п.» [Дмитриев, 1956, 24].

1) *Балам, сен ккасс жетекшіңе бекер ренжисің (Сынок, ты зря обижаешься на классную руководительницу)* [Соқпақбаев, 2003, 89.]

2) *Шыбыным... Жалғыздан жалғыз отырып та адам жиналыс өткізе ме екен? (Муха моя... Разве человек самим собой проводит собрание?)* [Соқпақбаев, 2003. 95].

3) *Менің Ғалияшым! (Моя Гачияш)* [Соқпақбаев, 2014, 20]. Наш фактический материал доказывает функционирование в значении эмотивности не только форм 1 лица, но и 3 лица: - *Әжесі Әй, Бөпке! Тұрсаңшы! (Бабушка! Ай, Бопка! Вставай-ка!)* [Соқпақбаев, 2014, 217].

Литература

Әуезов М. Қорғансыздың күні. Әңгімелер мен повестер. Алматы: Атамұра, 2002. 432 б. {Auezov M. A day of defenseless. Stories and novels. Almaty: Atamura, 2002. 432 p.}

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоции в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 184 с. {Babenko LG. Lexical means of denoting emotion in Russian. Sverdlovsk: Uralsk University press, 1989. 184 p.}

Бондарко А. В. Функциональная грамматика {Bondarko A.V Functional grammar}

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград: Наука, 1983. 206 с. {Bondarko A.V. Principles of functional grammar and issues of aspectology. Leningrad: Nauka, 1983. 206 p.}

Болғанбайұлы Ә., Қалиұлы Ғ. Қазіргі қазақ лексикологиясы мен фразеологиясы. – Алматы: Санат, 1997. 255 б. {Bolganbai uly A., Kaliuly G. Modern Kazakh lexicology and phraseology. – Almaty: Sanat, 1997. 255 p.}

Дмитриев Н. К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. С .22-37 {Dmiitriev N.K. Category of belonging // Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. M., 1956. p.22-37}

Жолдасбеков М. Кісілік кітабы. Жеті томдық шығармалар жинағы. 3-том. Астана: Күлтегін, 2012. 544 б. {Zholdasbekov M. Kisislik kitabi. Collection of works in seven volume. Vol. 3. Astana: Kultegin, 2012. 544 p.}

Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. Пособие. М.: Высш. Школа, 1982. 272 с. {Novikov L. A. Semantics of the Russian language: Educational guidance. M.: High school, 1982. 272 p.}

Соқпақбаев Б. Өлгендер қайтып келмейді. Алматы: «Қазақпарат» баспасы, 2014. 378 б. {Sokprakbaev B. Dead people never come back. Almaty: «Kazakparat» press, 2014. 378 p.}

Соқпақбаев Б. Менің атым Қожа. Повестер. Алматы: «Атамұра», 2003. 304 б. {Sokprakbaev B. My name is Kozha. Novels. Almaty: «Atamura», 2003. 304 p.}

Шаймердинова Н. Г. Средства выражения времени в русском и казахском языках (функциональный аспект). Астана, ЕНУ, 2002. 140 с. {Shaimerdinova N. G. Means of time expression in Russian and Kazakh (functional aspect). Astana, ENU, 2002. 140 p.}

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с. {Shahovski V. I. Linguistic theory of emotions: Monography. M.: Gnozis, 2008. 416 p.}

УДК 81.33., 341.1.

С. И. Ивентьев, г. Казань

ЮРИСЛИНГВИСТИКА: ЮРИДИЧЕСКАЯ ИСТИНА

Автором рассматриваются актуальные вопросы уголовного и гражданского процесса, связанные с установлением истины по делу. В этом помогает язык, который выступает средством законодательной и правоприменительной деятельности. В российском законодательстве отсутствует правовое определение «истина», которое необходимо для правосудия, чтобы выявить истину по делу и вынести законный и обоснованный судебный акт. По этой объективной причине юридической наукой используется термин «юридическая истина», который имеет различные производные и названия.

Ключевые слова: человек, истина, право, права человека, язык, правосудие, юридическая истина, законодательство, юридическая наука, юрислингвистика.

JURISLINGUISTICS: THE LEGAL TRUTH. *The author considers topical issues of criminal and civil proceedings related to the establishment of the truth in the case. This is assisted by a language that acts as a means of legislative and law enforcement. In Russian legislation there is no legal definition of «truth», which is necessary for justice, to identify truth on trial and learn legitimate and informed judicial an act of. For this objective reason, legal science uses the term «legal truth», which has different derivatives and names.*

Keywords: man, truth, law, human rights, language, justice, legal truth, legislation, legal science, jurislinguistics.

Право связано с языком по происхождению, объективируется через язык, познаётся через него [Барабаш О.В., 2014, 14]. Благодаря языку законодателем даются правовые определения тем или иным общественным явлениям и (или) правоотношениям.

Человечество всегда интересовал вопрос: что такое Истина? Даже Понтий Пилат, римский префект Иудеи с 26 по 36 годы нашей эры, перед несправедливой казнью Иисуса Христа (Сына Божьего, сына Человеческого, Пророка и Моралиста) задал этот же вопрос: «Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нём» (Ин.18:37-38).

На вышеуказанный извечный вопрос Пилата даже попыталась ответить Государственная Дума Российской Федерации.

Итак, 29.01.2014 г. в Государственную Думу Российской Федерации депутатом Государственной Думы А.А.Ремезковым был внесён проект федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

В Заключение Правового управления Государственной Думы Российской Федерации на данный законопроект было указано следующее: «Законопроектом предлагается ввести в качестве принципа уголовного судопроизводства установление объективной истины по уголовному делу (пункт 3 статьи 1 проекта). При этом под объективной истиной предлагается понимать соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения (пункт 1 статьи 1 проекта).

Обращаем внимание, что термин «объективная истина» не является правовым, не употребляется в законодательстве Российской Федерации, в том числе в процессуальном законодательстве. Сам по себе процесс установления объективной истины носит субъективный характер, поскольку осуществляется человеком, обладающим теми или иными субъективными качествами: убеждениями, моральными и деловыми принципами, квалификацией и т.п. В уголовном процессе об этом свидетельствует положение части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в том числе в проектной редакции (пункт 4 статьи 1 проекта), согласно которому суд, присяжные заседатели, прокурор, руководитель следственного органа, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Несмотря на то, что данное положение содержит адресованное указанным участникам уголовного судопроизводства требование при оценке доказательств не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных и необоснованных решений, субъективный характер такой оценки не позволяет во всех случаях вести речь о безоговорочном установлении объективной истины по делу. Кроме того, в связи с невозможностью определения в законодательном акте каких-либо критериев достижения объективной истины, установление такого принципа в уголовном процессе будет носить декларативный характер. Сказанное не умаляет и не исключает предусмотренного нормами УПК РФ требования о необходимости всестороннего, полного и объективного производства предварительного расследования и разрешения дела по существу (часть первая статьи 33, часть четвертая статьи 152, часть вторая статьи 154, статья 239¹, части первая и шестая статьи 330 УПК РФ)».

Правительством Российской Федерации законопроект не поддерживается.

В своём письме Верховный суд Российской Федерации № 3-ВС-3190/15 от 22.05.2015 г. указывает, что «законопроект концептуально поддерживается... Вместе с тем обращает на себя внимание то, что используемый в законопроекте термин «объективная истина» не является правовым и не употребляется в процессуальном законодательстве. В проектом пункте 22¹ статьи 5 УПК РФ под объективной истиной предлагается понимать соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения...».

В свою очередь, Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству в своём отзыве № 3.1-07/1880 от 22.05.2015г. обратил внимание на понятие «объективная истина» следующим образом: «Оно является философским термином, поскольку объективная истина существует сама по себе. А

стремление её познать человеком всегда носит субъективный характер. «Объективная истина – такое содержание человеческих знаний, которое не зависит от воли и желания субъекта. Истина не конструируется по воле и желанию людей, а определяется содержанием отражаемого объекта, что и обуславливает её объективность (Философский словарь под редакцией И.Т.Фролова, Политиздат, 1981). «Объективная истина – истина, содержание которой не зависит от человека и человечества (истина объективна по содержанию, но субъективна по форме – как результат деятельности человеческого мышления)» (Советский энциклопедический словарь (Под редакцией А.М.Прохорова; 4-е изд., М., 1987. С.510).

По нашему мнению, необходимо максимально конкретизировать понятие «объективной истины», в противном случае предложенная законопроектом ориентированность процесса доказывания на достижение объективной истины в уголовном процессе может создать трудности в правоприменении.

Введение института установления объективной истины по уголовному делу в редакции проекта федерального закона породит ряд иных вопросов».

Как отмечает О.В.Барабаш, правовые термины имеют функциональные и структурно-семантические особенности, которые могут приводить к проблемам употребления и правоприменения [Барабаш О.В., 2013, 5].

Кроме того, возникающие вопросы у законодателя возникают, как указывает Е.Б.Берг, по следующим причинам: «Одним из самых распространенных приемов юридической техники является размещение дефиниций в статьях и других структурных единицах текстов нормативно-правовых актов, ибо наличие дефиниций в законодательном тексте является необходимым условием точного и ясного понимания нормативного текста, повышения юридической культуры правотворчества. К сожалению, определение самого понятия «дефиниция» вообще отсутствует в юридических энциклопедических изданиях; получается, что оно как бы исключается из правовой сферы. А ведь существует острая проблема специфики формулирования именно юридических дефиниций. Их цель – не всестороннее раскрытие научного понятия, а его определение, достаточное для нужд реализации права. Чем большему числу понятий будут даваться законодательные дефиниции, тем меньше будет ошибок и недоразумений на практике» [Берг Е.Б., 2004, 281].

Очевидно, что возникшие вопросы у законодателя и правоприменителя можно устранить с помощью юрлингвистики.

Таким образом, как нами отмечалось, вышеуказанное говорит о том, что на государственном уровне в Российской Федерации отсутствует общепринятое для всех понятие «истина» и государство явно не заинтересовано при расследовании уголовных дел устанавливать объективную истину совершённых преступлений, чтобы избежать судебных ошибок. Данный пробел в законодательстве позволяет государству, определённой группе лиц и любому человеку преднамеренно для достижения своих личных целей скрывать истину (правду), исказить истинное положение дела в стране, обществе и в организации, а также манипулировать людьми. Аналогичная ситуация присутствует и в других странах, что подтверждает отсутствие общечеловеческого понятия «истина», утверждённого мировым сообществом [Ивентьев С.И., 2016, 7].

Несмотря на отсутствие юридического определения «истина», каждый человек имеет право на информацию, а также право на Истину, что было закреплено четвёртым и пятым поколениями прав человека [Гузенко С.С., 2017, 184; Ивентьев С.И., 2012, 130; Ивентьев С.И., 2016, 166].

В праве выделяют юридическую истину, которая облекается в законы, направленные, как полагают государственные и общественные деятели, на благо народа и для установления социальной справедливости.

При этом следует отметить, что справедливость имеет различные характеристики в зависимости от конкретных видов социальных норм (регуляторов), благодаря которым регулируются общественные отношения.

К социальным нормам относят следующие группы: неправовые обычаи, традиции, ритуалы, корпоративные нормы, религиозные нормы, мораль (нравственность) и нормы права [Лазарев В.В., 1996, 112; Хропанюк В.Н., 1995, 197].

Традиционно в энциклопедиях указывается, что «справедливость – понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём. В экономической науке – требование равенства граждан в распределении ограниченного ресурса. Отсутствие должного соответствия между этими сущностями оценивается как несправедливость».

Нравственная справедливость в своей основе содержит нормы морали (нравственности). В свою очередь, духовная справедливость зиждется на религии (религиозных нормах).

Критерием духовной и нравственной справедливости всегда выступает душа человека.

Принцип социально-правовой справедливости, базирующей на поиске истины, используется при осуществлении правосудия при назначении гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

Юридическая истина – есть порождение политической или государственной истины [Ивентьев С.И., 2016, 137]. Этим определением пользуется юридическая наука.

Юридическая истина без государства не может существовать.

Советский и российский учёный-философ лезгинского происхождения, специалист по этике А.А.Гусейнов (родился 08.03.1939 г.) о праве говорит следующее: «Богиня правосудия предстает перед нами с закрытыми глазами. Она вершит суд, невзирая на лица. Она реализует уравнивающую (в аристотелевом понимании) справедливость, и потому ей безразлично, о каком конкретно лице идёт речь, но ей это только потому безразлично, что все лица ей равно, одинаково дороги. Она безразлична к лицу, но не к человеку. Совершенно ложным является представление о праве как механическом, бездушном механизме общественной жизни. В действительности оно представляет собой одно из одухотворённых и одухотворяющих начал совместного человеческого существования. Нет лучшего признания и обоснования этой истины, чем обращение к библейским истокам философии права» [Гусейнов А.А., 2012, 10]. Сказанное этим философом не соответствует действительности по нижеуказанным причинам.

В любом государстве правосудие направлено на установление именно социальной справедливости, отчасти нравственной справедливости, но не духовной справедливости с точки зрения Бога, а также души и духа человека.

Моя многолетняя юридическая практика подтвердила, что при отправлении правосудия не учитываются права души и духа человека, т.е. суд не связан с духовной справедливостью.

Духовная справедливость – исполнение Божественных и духовно-нравственных законов [Ивентьев С.И., 2012, 55].

Как указывалось выше, в российском законодательстве отсутствует какое-либо определение истины. Это связано с тем, что, как верно указывает М.В.Савостьянова, «проблема современной науки заключается в том, что понятие истины практически отсутствует в философско-методологической литературе о науке последних десятилетий» [Савостьянова М.В., 2004].

В юридической науке под истиной понимают объективное (верное) соответствие юридической теории юридического знания правовой действительности [Тарасов Н.Н., 2000].

Российский юрист Г.М.Резник (родился 11.05.1938 г.) указывает, что «истина может существовать не только в форме доказанного, обоснованного знания, но и в виде гипотезы» [Резник Г.М., 1977, 63].

Как правило, проблема истины в отечественной юриспруденции обсуждается правоведами, практикующими юристами в рамках теории доказательств.

Н.Е.Бухарова, Е.В.Писарев указывают о том, что «в юридическом судопроизводстве достигается лишь относительная истина, которая является результатом установления истины абсолютной» [Бухарова Н.Е., Писарев Е.В., 2013, 252].

Как справедливо указал Н.А.Шавеко, «в настоящее время среди юристов (по крайней мере, в науке гражданского процесса) чрезвычайно распространена позиция, которая может быть сформулирована следующим образом. Истина в суде не устанавливается: суд не обязан делать это. Решение суда основывается не на фактах объективной реальности, а на формально оцененных доказательствах, представленных сторонами. Истина недостижима, и доступна только Богу» [Шавеко, 2013, 148].

В уголовном судопроизводстве органы уголовного преследования и суд пытаются найти объективную истину [Шадрин, 2014, с.36]. Аналогично происходит и в гражданском процессе [Вандраков, 2014, 6].

По уголовному делу устанавливается «объективная истина», которая обозначается термином «материальная истина» [Теучеж, 2015, 195]. Речь в принципе идёт о судебной истине или процессуальной истине.

Согласно юридической этике, «обязанность устанавливать истину в каждом конкретном случае есть не только служебный, правовой долг судей, прокуроров, следователей, но и долг нравственный» [Аминов И.И. и др., 2012, 102].

Часто в уголовном процессе истине находят синоним «достоверность» [Ларин А.М., 1976, 192]. Многие авторы считают, что в уголовном процессе возможна лишь вероятная (юридическая, судебная) истина, а не объективная истина [Печников Г.А., 2014, с.122].

Точно подметил М. А. Гладко о том, что «из универсальных ценностей в речах адвокатов представлены ценности «закон», «истина» и «справедливость». Употребление лексем, актуализирующих данные ценности, объясняется целями адвокатского заседания, которым должны следовать судьи – поиск истины, вынесение решения в соответствии с законом, принципом справедливости. Ключевые слова закон, законный, истина используются в окружении лексем могущество, служение, основан на (законе), выдвигающих в фокус внимания идею главенствующей роли закона и истины, справедливости. Ожидается, что данные ценности окажутся решающими и определяющими при вынесении вердикта.

Так, употребляя ценностно-значимое существительное истина, ораторы пытаются передать информацию «наш профессиональный долг найти истину, служить истине». Истина же для ораторов заключается в вынесении судьями решения о невиновности подсудимого. Указывая на необходимость поиска истины, адвокат апеллирует к ответственности адресата за этот процесс поиска и его результат» [Гладко М.А., 2012, 20].

Таким образом, в ходе судебных слушаниях часто употребляется понятие «истина», что говорит о стремлении защитника и общества всегда найти истину по любому делу, даже если законом это не предписывается.

В настоящее время в России на законодательном уровне и среди научной общественности идёт дискуссия о необходимости установления объективной истины в уголовном процессе [Девяткин Г.С., 2016, 115]. При этом речь идёт только об объективной истине совершенного преступления, а не о причинах и последствиях любого правонарушения для общества, самого подсудимого, его семьи и родственников, что говорит

о неполном и не всестороннем рассмотрении важного для общества вопроса. Мы считаем, что судом должны устанавливаться все эти обстоятельства, то есть подходить системно или рассматривать вопрос с позиции междисциплинарного подхода (закон, наука, философия, религия и т.д.).

Из вышеизложенного следует, что в судопроизводстве устанавливается в виде судебного акта только формальная юридическая истина, которая может быть всегда опровергнута или скорректирована адекватными доказательствами или внешним воздействием (злой умысел, коррупция, идеология и пр.).

Потерпевший (истец) обращаются в суд для поиска правды, справедливости, а не истины, раскрывающей причинно-следственные связи происшествия, и не с целью создания условий для совершенствования своей и души правонарушителя. В данном случае обращение потерпевшего всегда преследует принцип талиона («око за око, зуб за зуб») или «отмщения», который, так или иначе, закрепляет закон в нашей жизни.

Реализация права всегда происходит на основе силы (государственные инструменты принуждения), а не нормах морали.

К большому сожалению, современное правосудие вышеуказанные вопросы не решает, её основной целью является установление социальной справедливости. Как правило, причинно-следственные связи и кармические причины тех или иных событий раскрывают эзотерика, магия (шаманизм) и экстрасенсорика, к которым наука категорична, не понимая взаимосвязь невидимых приборами духовных законов с событиями в материальном мире.

Литература и источники

Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2 (6). С. 14-17. {Barabash O.V. Jurislinguistics: origins, problems, prospects. Bulletin of Penza State University. 2014. No 2 (6). P. 14-17.}

Барабаш О. В. Юридический термин: проблемы изучения // Юрислингвистика. 2013. № 2. С.5-11. {Barabash O. V. The legal term: problems of studying. Jurislinguistics. 2013. No 2. P. 5-11.}

Берг Е. Б. Юрислингвистика в правотворчестве // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. С. 281-282. {Berg E.B. Jurislinguistics in law // Russian and comparative Philology: condition and prospects: international scientific conference, dedicated to the 200th anniversary of the Kazan University (Kazan, 4-6 October 2004): Studies and materials / Under the General editorship of K. R. Galiullina. Kazan: publishing house of Kazan. UN-ТА, 2004. P. 281-282.}

Бухарова Н. Е., Писарев Е. В. Характер истины в юридическом процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 2 (24). С. 251-253. {Buharova N.E., Pisarev E.V. The nature of truth in the legal process. Vector of science of Togliatti state University. 2013. No 2 (24). P. 251-253.}

Вандраков С. Ю. Проблемы истины и судебного познания: теоретико-правовое исследование. – М.: Издательство «Перо», 2014. 138 с. {Vandrikov S. Y. The problems of truth and judicial knowledge: theoretical and legal research. Moscow: Publishing House «Pero», 2014. 138 p.}

Гладко М. А. Лексические средства реализации аргументирования в адвокатском дискурсе // Юрислингвистика. 2012. № 1. С. 12-21. {Gladko M.A. Lexical means for realizing argumentation in the law discourse. Jurislinguistics. 2012. No 1. P. 12-21.}

Гузенко С. С. Что такое права души человека? // Молодёжь и наука: материалы международной науч.-практ. конф. (26 мая 2017 г., г. Нижний Тагил) в 2 т. Т. 2. / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Нижнетагил. технол. ин-т (фил.). Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. С. 183-185. {Guzenko SS What is the right of a person's soul? // Youth and Science: Materials of International Scientific and Practical Conf. (May 26, 2017, Nizhny Tagil) in 2 t. T. 2 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, FGAOU VO «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin», Nizhny Tagil. tehnol.in-t (fil.). Nizhny Tagil: STI (branch) UrFU, 2017. P. 183-185.}

Девяткин Г. С. К вопросу о необходимости установления объективной истины в уголовном процессе // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам Весрос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 16-17 декабря 2015 г.) / редкол.: И. Е. Поверинов, Е. Н. Мухина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 115-119. {Devyatkin G. S. To the question of the need to establish objective truth in the criminal process // Transformation of social systems: problems and the search for solutions: sb. nauch. tr. on materials Vesros. nauch.-prakt. konf. (with international participation), December 16-17, 2015) / rare: IE Poverinov, E. Mukhina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. P. 115-119.}

Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография. Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 357 с. {Iventev S. I. The divine and spiritual and moral rights and freedoms rights: monograph. Novosibirsk: Agency SIBPRINT LLC, 2012. 357 p.}

Ивентьев С. И. Истина. Новосибирск: ООО «Агентство СИБПРИНТ», 2016. 384 с. {Iventev S. I. Truth. Novosibirsk: Agency SIBPRINT LLC, 2016. 384 p.}

Лазарев В. В. Общая теория прав и государства. М.: Юристъ, 1996. 472 с. {Lazarev V. V. General theory of law and state. Moscow: Yurist, 1996. 472 p.}

Ларин А. М. От следственной версии к истине. М.: Изд-во Юрид. лит-ра, 1976. 200 с. {Larin A. M. From the investigation leads to the truth. Moscow: publishing house of the faculty of Law. lit-ra, 1976. 200 p.}

Печников Г. А. О вероятной и объективной истинах в уголовном процессе // Правоведение. 2004. № 4. С. 122-125. {Pechnikov, G. A., On the probable and objective truth in criminal proceedings. Jurisprudence. 2004. No 4. P. 122-125.}

Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Изд-во Юрид. лит-ра, 1977. 118 с. {Reznik G. M. Internal belief at an assessment of proofs. Moscow: publishing house of the faculty of Law. lit-ra, 1977. 118 p.}

Савостьянова М. В. Понятие истины в философии и методологии науки XX в. // Вестник СевГТУ. 2004. № 56. {Savostyanova M. V. the concept of truth in philosophy and methodology of science of XX century. 2004. No 56.}

Тарасов Н. Н. Истина в юридическом исследовании // Академический юридический журнал. 2000. № 1. {Tarasov N. N. Truth in legal research // Academic journal of law. 2000. No 1.}

Теучеж А. А. Соотношение «объективной» и «юридической» истины в уголовном процессе России // Вестник АГУ. 2015. № 1 (156). С. 195-198. {Teuchezh A. A. The ratio of «objective» and «legal» truth in the criminal process of Russia. Vestnik AGU. 2015. No 1 (156). P. 195-198}

Философия права Пятикнижия / Под ред. А. А. Гусейнова и Е. Б. Рашковского. Составитель П. Д. Баренбойм. Сборник статей. М.: Издательство «ЛЮМ», 2012. 576 с.

{Philosophy of law of the Pentateuch, ed. by A. A. Huseynov and E.B.Rostovskogo. Compiled By P. D. Varenbojm. Collected papers. Moscow: Publishing house «LUM», 2012. 576 p.}

Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М.: Дабаков, Ткачев, Димов, 1995. 384 с. {Hropanyuk V. N. Theory of state and law. Moscow: Dabagov, Tkachev, Dimov, 1995. 384 p.}

Шадрин В. С. Истина в современном российском уголовном судопроизводстве // Вестник СамГУ. 2014. № 11 (1). С. 36-42. {Shadrin V. S. The Truth in modern Russian criminal proceedings. Bulletin of the SSU. 2014. No 11 (1). P. 36-42.}

Шавеко Н. А. Проблема истины в праве // Новый юридический журнал. 2013. № 3. С.148-154. {Shaveko N.A. The problem of truth in law. New legal journal. 2013. No 3. P. 148-154}

Юридическая этика: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» /Авт. Аминов И.И. и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 239 с. {Legal ethics: textbook for students studying in the field of «Jurisprudence», «law Enforcement» /a Bus.Aminov I. I. and others. Moscow: YUNITI-DANA, 2012. 239 p.}

УДК 398 (470.57)

А. Ф. Илимбетова, г. Уфа

ЗМЕЯ – ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛЮДЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ И ПОВЕРЬЯХ БАШКИР

В статье говорится о том, что в устной традиции и бытовой обрядности башкир ясно проступают рудименты древней веры их предков в змею как существа, стоящего на страже жизни и здоровья людей. Представления о змее-целительнице были присущи в прошлом самому широкому кругу народов мира, историко-генетические корни которых восходят к тотемическим мировоззрениям первобытных охотников, рыболовов и собирателей древнекаменного века. В процессе эволюции тотемических идей умозаключения о лекарственных способностях змеи были перенесены и на отдельные части ее тела (как воплощения целого) – голове, шкурке, «рожкам», на мясо и т.п.

Ключевые слова: культ, змея, целительница, фольклор, поверья, башкиры.

SNAKE - HEALER OF PEOPLE IN THE FOLKLORE AND BELIEFS OF THE BASHKIRS. *In the article the author says that in the oral traditions and everyday rituals of the Bashkirs, the rudiments of the ancient faith of their ancestors in the serpent clearly appear as it being a creature guarding the life and health of people. Notions about the serpent-healer were in the past peculiar to the widest circle of the peoples of the world, the historical-genetic roots of which date back to the totemic worldviews of primitive hunters, fishermen and foraders of the ancient stone age.in the folklore and superstitions of the Bashkirs In the course of the evolution of totemic ideas, conclusions about the medicinal abilities of snakes were transferred to individual parts of its body (as the embodiment of the whole) – the head, skin, meat, «horns», etc.*

Key words: cult, snake, healer, folklore, beliefs, Bashkirs.

В мифоритуальной традиции башкир змея, как первопредок и покровительница, фигурирует в амплу врачевательницы людей. Пережитки таких взглядов глубоко укоренились в лечебной магии башкир. Например, в сказке «Йылан батыр» («Змей-батыр»), записанной у бурзянцев и гэрэй-кыпсаков Ишимбайского района РБ змей-егет оживляет изрубленного на куски старика – своего отца. В байке «Умыс» («Умыс») (нет паспорта) благодарная змея-девушка воскрешает разрубленного на части героя, ее спасителя от огня [БХИ, 1976 а, 128–135, 253–257]. Также в притче «Ак хан улы менән Карахан кызы» («Сын Акхана и дочь Карахана»), взятой на учет М.Х. Мингажетдиновым в Учалинском районе РБ у кубеляк-телевских башкир, змея подсказывает горемычной матери манипуляцию оживления убитого сына: она видит, как змея тащит на себе мертвую змею и трижды

оползает вокруг пня и та снова становится живой. Точно так же она трижды обходит с мертвым телом сына на руках вокруг пня и сын возвращается к жизни. Идентичный эпизод встречается в устном рассказе «*Һылыубикә менән Йәркәй*» («Хылыубика и Яркей»), обнаруженном у бурзянцев Зилаирского района РБ. В мифе «*Юлдыбай батыр*» («Юлдыбай-батыр»), зарегистрированном у бурзянцев Баймакского района РБ, змей-юха в облике мужчины восстанавливает зрение ослепленной и оклеветанной женщине, дав ей съесть два волшебных яблока [БХИ, 1976 б, 231, 247, 260].

Согласно фольклорным материалам, башкиры верили, что дома, дворы, где живут змеи, болезни якобы обходят стороной [Хисамитдинова, 2011, 197]. А вползав в утробу человека, страдающего расстройством желудка, они будто бы очищают его пищеводно-кишечную систему [Файсина, 2009, 24]. У бурзянцев Бурзянского, тангауров Абзелиловского и карагай-кыпсаков Баймакского районов РБ с целью избавления человека от лихорадки («*тапма*») знахарки неожиданно бросали в его постель живого ужа или мертвую гадюку: дескать, хворь, испугавшись змеи, оставляет одержимого трясучкой человека [ПД Илимбетова, 1966, 21, 48, 56].

В инонациональных культурах близкие фольклорно-мифологические мотивы были популярны в устном творчестве марийцев. В них, как и в вышеназванной башкирской сказке, сын-змея просит отца высватать ему дочь богача. Чрезвычайно оскорбленный этим богач дважды убивает старика, но сын-змея каждый раз оживляет отца. В калмыкском повествовании змий воскрешает старика, которого ханские нукеры разорвали на части за сватанье дочери к змее. Змеи воспринимаются как мудрецы и маги, способные оживить мертвых в суевериях маратхов (штат Махараштра, Западная Индия) [Березкин, Е11, Н5], русских [Афанасьев, 2008, 283] и в древнегреческой мифологии [Афанасьев, 1982, 270; Тейлор, 1939, 407].

Еще более широкий круг народов охватывает ареал распространения сцен передачи змеей человеку секретов оживления покойника. В мансийской сказке мать увидела, как змея воскресила травой убитого змееныша. Она вернула жизнь той же травой обезглавленному сыну. Аналогичные эпизоды имеются в устнопоэтическом творчестве лису (Китай), тямов и палаунгов (Индокитай), где человек по примеру змеи оживляет убитого человека при помощи сока (коры, корня) волшебного растения [Березкин, А12, А32С, К79].

В эпических произведениях ингушей, кабардинцев, абхазов, осетин [Березкин, К79; Чеснов, 1993, 75–78], русских [Афанасьев, 1982, 271], украинцев [Сравнительный указатель сюжетов, 1979, 166], белорусов, чехов, южных славян, греков, испанцев, каталонцев, португальцев, немцев [Афанасьев, 1982, 270, 271; Березкин, К79; Гура, 1997, 303, 326] мифологические герои овладевают тайными знаниями змей возвращать к жизни усопших людей (жен, любовниц). В предании бамбара (Мали, Западная Африка) змеи показали беспомощной женщине, как можно вернуть жизнь убитому мужу, поднеся к его носу животворный лист. Оживление мертвых людей волшебным листом было известно фольклорным героям хопи (Большой Юго-Запад, США) [Березкин, К79].

Параллели мотиву «змея-целительница» обнаруживаются в устной словесности татар [Замалетдинов, 1986, 44–45], чувашей [Ашмарин, 1934, 212–213], карачаевцев и балкарцев [Малкондуев, 1996, 36], тунгусо-маньчжурских народов [Новик, 1991, 203], японцев [Всемирная история, 1999, 506]. Они верили, что змеи («духи змей») способны излечить (изгонять) болезни. По суждениям народов мунда Северо-Восточной Индии, если при змеином укусе хорошо попросить и умиловить змею разными подношениями, то она забирает свой яд назад [Седловская, 1986, 173].

Во врачевательские способности змей верили курды и армяне [Афанасьев, 1976, 128], лезгины (Дагестан) [Гаджиев, 1977, 122], аварцы [Халилов, 1991, 268], грузины [Афанасьев,

1976, 128], македонцы [Гура, 1997, 342], эстонцы [Петрухин, 1991, 364], ранние христиане [Мейлах, 1991, 465], древние ассирийцы, израильтяне, ханаанейцы [Немировский, 2000, 250], библейские евреи [Библейские легенды, 1991, 91], шумеры [Афанасьева, 1991, 401; Галлямов, 1997, 261], дильмунцы [Всемирная история, 2000, 449], египтяне [Рубинштейн, 1991, 566], финикийцы [Мифы и легенды народов мира, 2004, 61, 63], древние греки [Немировский, 2000, 250], римляне [Штаерман, 1991 а, 97; Штаерман, 1991 б, 641], итальянцы [Немировский, 1991, 45].

У некоторых народов Кот-и Дивуар (Западная Африка) есть поверье, что питон, изображенный в виде кольца, браслета или сережки, предупреждает и вылечивает сонную болезнь [Корочанцев, 1978, 170]. К змее американские индейцы, относятся с глубочайшим почтением как обладательнице выдающейся магической силы [Спенс, 2005, 80].

В мистических взглядах и магической практике многих народов мира, в том числе и башкир, лечебные свойства приписывались и отдельным частям змеиного тела.

Так, башкиры при появлении нарывов под ногтями («*йылан карак*» / «*күпертке*») бурзяне, усергане и тангауры Большеглушицкого района Саратовской области [Намар, Нарытау өлкәһе..., 2008, 138], усергане Хайбуллинского, карагай-кыпсаки Баймакского, бурзяне Бурзянского [ПД Илимбетова, 1966, 8, 11, 21, 51, 75, 79], бушман-кыпсаки Мелеузовского, азнай-юрматинцы Ишимбайского [Арнольдов, 1894, 243], уранцы Янаульского [ЭМ-2005: Янауыл районы, 2009, 84] районов РБ, сарт-айлинцы и улу-катайцы Сафакулевского района Курганской области [Минибаева, 2002, 188] и др. к больному месту прикладывали змеиный выползок.

При попадании в глаза колючки репейника («*деганак*») усергане Хайбуллинского района РБ протирали их внутренней стороной размяченной в горячей воде змеиной кожи. Те же усергане Хайбуллинского, карагай-кыпсаки Баймакского [ПД Илимбетова, 1966, 51, 75, 79; ПМА, 2000, 17. 65, 78–79], катайцы Белорецкого [Хисамитдинова, 2010, 125], уранцы Янаульского [ЭМ-2005: Янауыл районы, 2009, 84] районов РБ змеиную шкуру прикладывали с заклинаниями к глазам при их заболевании, а бардымские гайнинцы Пермского края при такой ситуации клали змеиную линьку в кипящую воду и сидели над паром с открытыми глазами [Тулвинские татары и башкиры, 2004, 233].

У юмран-табынцев Красногвардейского района Оренбургской области [ПМА, 2005, 25], усерган Хайбуллинского [ПМА, 2000, 17, 18] и карагай-кыпсаков Баймакского [ПД Илимбетова, 1966, 51] районов РБ, кошчинцев Нижнесергинского района Свердловской области [Рухи мирас, 2008, 110] и гайнинцев Бардымского района Пермского края [Тулвинские татары и башкиры, 2004, 305] зафиксирована практика использования змеиного выползка в качестве влажной припарки при болях в суставах и опухолях.

Согласно материалам Ф.Г. Хисамитдиновой, при порче зрения, когда человек не мог смотреть на свет, тушили черную змею без пятен и на этом пару держали открытым больной глаз [Хисамитдинова, 2010, 126]. Говорят, что болезнь глаз проходит и в случае поедания тушеного мяса черной змеи [Хисамитдинова, 2011, 200].

В литературе зарегистрированы прецеденты применения для лечебных целей золы от сжигания змеи. В частности, в сказке «Жена-аждаха» (вариант А.Г. Бессонова) хан сжигает в железном доме свою жену из змеиной породы, а оставшуюся от нее золу люди использовали как лечебное средство при глазных заболеваниях [Башкирские народные сказки, 1941, 192]. Данный фольклорный сюжет подкрепляется и полевыми исследованиями: привязывание на больные глаза золы от сожженной змеиной кожи наблюдается у некоторых групп башкир и в наши дни [Хисамитдинова, 2011, 200].

К помощи змеи прибегали не только при нездоровье людей, но и при болезни домашнего скота. К примеру, усергане и кара-кыпсаки с. Канчурино Кувандыкского района

Оренбургской области засовывают в рот загнанной лошади («*янган ат*») змею, у которой предварительно отрывают голову и хвост (т.к. они будто бы ядовиты). При этом голову лошади приподнимают так, что она будет вынуждена жевать и проглотить змею [БХИ, 1995, 105]. По сообщению И.И. Лепехина, у башкир «черная змея служит... врачевным средством в той конской болезни, которую они лихим называют. В таком случае отрубают змее голову; и когда она еще некоторую в себе имеет живность, прикладывают к ране и сжимают рот: потом немедленно вводят лошадь в холодную воду и держат в ней, привязав до тех пор, пока ее чрезмерная не примет дрожь». И.И. Лепехин дает и описание «лихой» болезни: она «означает ту конскую болезнь, когда лошадь по всему телу получает проломы и раны» [Лепехин, 1802, 174]. А по В.И. Далю, «лихой – конская болезнь, гнойные желваки» [Даль, 1881, 261].

Аналогичные приемы лечения болезней широко практиковались у урало-алтайских народов, в частности у сибирских татар [Валеев, 1993, 165; Кадырова, 2008, 81], хакасов [Бутанаев, 2003, 72], турков Анатолии (Турция) [Иванова, 2009, 154–155], нанайцев [Гаер, Березницкий, 2003, 202] змеиный выползок считался чудодейственным средством при лихорадке, лечении опухолей, сглазе, использовался как оберег от козней злых сил.

У индоевропейских народов, в том числе, таджиков [Толстов, 1931, 335–336], осетин [Иванов, 1979, 90], русских крестьян [Круглый год, 1989, 226], белорусов, поляков, хорватов, боснийцев [Гура, 1997, 345, 355, 356], чехов [Афанасьев, 1982, 270], албанцев [Иванова, 1977, 317], а также у иберо-кавказских народов, в частности у ингушей и грузин [Иванов, 1979, 90] змеиная линька признавалась надежным апотропеем против дурного глаза, от лихорадки, при лечении опухолей и т.д.

Волшебные лечебные свойства приписывались змеиному мясу. В татарских сказках герои одолевают различные расстройства здоровья, съев мясо змея и приняв внутрь его отвар [Замалетдинов, 1986, 44–45]. В русской байке слепая старуха умывается ухой из змеи и прозревает [Сравнительный указатель, 1979, 284], а в белорусской – отведав этого кушанья, она исцелилась от своих болезней. Поляки мясо пойманной до дня Святого Войцеха (23 апреля / 6 мая) змеи, высушенное, стертное и залитое водой признают отличным снадобьем от простуды и брюшных колик. Болгары излечивали туберкулез и детскую эпилепсию, вкусив сердце змеи [Гура, 1997, 355, 356]. Как лечебное средство оценивалось змеиное мясо у осетин, ингушей, грузин [Иванов, 1979, 90], средневековых арабов [Синбад-мореход, 1988, 240] и у многих североамериканских индейских племен и народностей [Спенс, 2005, 80].

Русские крестьяне [Афанасьев, 1982, 270] и хорваты [Гура, 1997, 356] в предостережение от лихорадки носили на шее ожерелье из змеиных головок (вариант из девяти головок). У болгар голова убитой на Благовещение (25 марта / 7 апреля) змеи принималась за панацею от различных болезней [Колева, 1977, 284]. Анатолийские колдуны при изготовлении амулета против женской головной боли рисовали в круге змеиную голову, а потом в него вписывали коранические аяты [Иванова, 2009, 154–155].

Русские в XVIII веке к симпатическим средствам причисляли змеиные рожки. Их толкли в порошок и давали пить с водой в случае какой-нибудь «нутряной» хвори (брюшной болезни) [Костомаров, 1992, 285]. По суевериям украинцев, царь змей имеет золотой рог на голове. Если при встрече с ним положить на его путь красный пояс или платок, то он оставляет там свой рожок. Тот, кто сумеет завладеть им, станет вечно здоровым [Афанасьев, 1982, 262]. По предубеждениям абхазов, змеиный рог обладает медикаментозными качествами, который дробили на мелкие части, растворяли в воде и использовали как лекарство [Чеснов, 1993, 75–78]. Украинцы Закарпатья салом змеи лечили опухоли и змеиные укусы [Гура, 1997, 356].

Карачаевцы, балкарцы, тибетцы, гуджаратцы (Северо-Западная Индия) грузины [Березкин, i13B, i13C], хорваты [Гура, 1997, 321, 322], восточнороманские народы [Кабакова, 1991, 85] приписывали живительную силу волшебному камню на голове царя змей.

По поверьям татар [Замалетдинов, 1986, 44–45], чехов [Афанасьев, 1982, 270], родопских болгар [Гура, 1997, 356] лечебными свойствами владеет и пепел сожженного змея.

Судя по рассказам информаторов, змея, обладая даром врачевания недугов, одновременно может наделить этими способностями и людей. Так, по поверьям башкир гирей-кыпсаков Кувандыкского района Оренбургской области [БХИ, 1995, 60], усерган Хайбуллинского района РБ [ПМА, 2000, 77] и гайнинцев Бардымского района Пермского края [Фэйна башкорттарының фольклоры, 2012, 72] если кто-то, увидев змею, пожирающую лягушку, помешает ей проглотить жертву, может заниматься лечением людей – у него рука становится целебной. По поверьям минцев Альшеевского района РБ, признавались целительными и руки человека, нашедшего змеиный выползок [Файсина, 2009, 210].

Следы созвучных умозрений о змее проявляются в религиозных воззрениях древних китайцев [Немировский, 2000, 53], ифугао (остров Лусон, Филиппины) [Березкин, К79], арабов [Синбад-мореход, 1988, 239]. Люди перенимают приемы лечения болезней у змей и в устной словесности абхазов [Чеснов, 1993, 75–78], грузин, ингушей, осетин [Иванов, 1979, 90] и греков [Афанасьев, 1982, 270] змея знакомила людей с медикаментозными свойствами лекарственных трав, научила их секретам врачевания. Итак, анализ фольклорно-мифологических и этнографических материалов по данной теме дает основание для следующих обобщений:

В устной традиции и бытовой обрядности башкир ясно проступают рудименты древней веры их предков в змею как существа, стоящего на страже жизни и здоровья людей. Как показывают результаты сравнительного исследования, представления о змее-целительнице были присущи в прошлом самому широкому кругу народов мира, историко-генетические корни которых восходят к тотемическим мировоззрениям первобытных охотников, рыболовов и собирателей древнекаменного века.

В процессе эволюции тотемических идей умозаключения о лекарственных способностях змеи были перенесены и на отдельные части ее тела (как воплощения целого) – голове, шкурке, мясу, «рожкам» и т.п.

Литература

Арнольдов В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань, 1894. С. 227–244. {Arnoldov, V.A. Sanitary-everyday essay of life of the Bashkirs of the south-eastern part of Sterlitamak district of the Ufa province. In *Diary of the society of physicians at the Imperial Kazan university*. Kazan, 1894. P. 227–244.}

Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с. {Afanasyev, A.N. The tree of life. Selected articles. Moscow: Sovremennik, 1982. 464 p.}

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М.: Эксмо, 2008. 800 с. {Afanasyev, A.N. Russian Folk fairy tales. Moscow: Exmo, 2008. 800 p.}

Афанасьев Г.Е. Дохристианские религиозные воззрения алан. (По материалам амулетов могильника Мокрая балка) // Советская этнография. 1976. № 1. С. 125–130. {Afanasyev, G.E. Pre-Christian religious beliefs of the Alans. (Based on the materials of the amulets of the Mokraya Balka burial ground). *Soviet ethnography*. 1976. № 1. P. 125–130.}

- Афанасьева В.К. Нирах // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 401. 736 с. {Afanasyeva, V.K. The Nierah. In *Mythological dictionary*. / The editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 401. 736 p.}
- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1934. Вып. 6. 320 с. {Ashmarin, N.I. Dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, 1934. Issue 6. 320 p.}
- Башкирские народные сказки. / Запись и перевод А.Г. Бессонова. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1941. 368 с. {Bashkir folk fairy tales. / Recording and translation of A.G. Bessonov. Ufa: Bashkir book publishing house, 1941. 368 p.}
- БХИ – Башкорт халык ижады. Әкиәттәр. Беренсе китап. / Яуаплы ред. Н.Т. Зарипов. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976 а. 376 б. {Bashkir folk art. Fairy tales. Book 1. / editor N.T. Zaripov. Ufa: Bashkir book publishing house, 1976 а. 376 p.}
- БХИ. Әкиәттәр. Икенсе китап. / Яуаплы ред. Н.Т. Зарипов. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976 б. 376 б. {Bashkir folk art. Fairy tales. Book 2. / editor N. T. Zaripov. Ufa: Bashkir book publishing house, 1976 б. 376 p.}
- БХИ. Т. 1. Йола фольклоры. / Яуаплы ред. Ғ.Б. Хөсәйенов. Өфө: Китап, 1995. 560 б. {Bashkir folk art. Vol. 1. Ritual folklore. / editor G.B. Khusainov. Ufa: Kitap, 1995. 560 p.}
- Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 22.03.2018). {Berezkin, Yu.E. Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by area. Analytical catalog. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (date of the application 22.03.2018).}
- Библейские легенды. / Пересказ М. Письменного, предисл. К. Андерсона, науч. рук. изд. М.Д. Литвинова. М.: Детлит, 1991. 287 с. {Biblical Legends / Retelling M. Pismenny, foreword K. Anderson, scientific adviser M.D. Litvinov. Moscow: Children's literature, 1991. 287 p.}
- Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с. {Butanaev, V. Ya. Burkhanism of the Sayano-Altai Turks. Abakan: Publishing house of the N. F. KatanovKhakass state university, 2003. 260 p.}
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Тат. книж. изд-во, 1993. 208 с. {Valeev, F.T. Siberian Tatars. Culture and mode of life. Kazan: Tatar book publishing house, 1993. 208 p.}
- Всемирная история. В 24-х томах. Т. 1. Каменный век. / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. Минск: Харвест; М.: Изд-во АСТ, 2000. 528 с. {The World History. In 24 volumes. Vol. 1. Stone age. / A.N. Badak, I.E. Voynich, N.M. Volchek and others. Minsk: Harvest; Moscow: AST Publishing house, 2000. 528 p.}
- Всемирная история. В 24-х томах Т. 5. Становление государств Азии. / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек. Минск: Современный литератор, 1999. 544 с. {The World History. In 24 volumes. Vol. 5. Formation of Asian states. / A.N. Badak, I.E. Voynich, N.M. Volchek. Minsk: Sovremennyi literator, 1999. 544 p.}
- Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными // Советская этнография. 1977. № 3. С. 117–124. {Gajiyev, G.A. Beliefs of Lezgins related to animals. *Soviet ethnography*. 1977. № 3. P. 117–124.}
- Гаер Е.А., Березницкий С.В. Бытовые обряды и обычаи // История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003. 324 с. {Gaer, E.A., Bereznitsky, S.V. Household ceremonies and customs. In *History and culture of the Nanais*. Historical and ethnographical essays. St.Petersburg: Science, 2003. 324 p.}
- Галлямов С.А. Великий Хау Бен. Исторические корни башкортско-английского языка и мифологии. Уфа: Изд-во «Башкортостан», 1997. 320 с. {Gallyamov, S.A. Great Howe Ben.

Historical roots of the Bashkort-English language and mythology. Ufa: «Bashkortostan» Publishing house, 1997. 320 p.}

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. {Gura, A.V. Symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.}

Файсина Ф.Ф. Башкорт фольклорында йылан символы // Литературное наследие. Фольклор. Текстология. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. Вып. 4. 282 с. {Gaysina, F.F. Symbol of the snake in Bashkir folklore. In *Literary heritage. Folklore. Textology*. Ufa: Bashkir state university Publishing house, 2009. Issue 4. 282 p.}

Ғәйнә башкорттарының фольклоры. / Авт.-төз. Р.Ә. Солтанғәрәева, Ф.Ф. Ғайсина. Өфө: Ғилем, 2012. 172 б. {Folklore of Gaininsky Bashkirs. / authors and compilers R.A. Sultangareyeva, F.F. Gaisina. Ufa: Gilem, 2012. 172 p.}

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-ое. СПб., 1881. Т. 2. {Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Ed. 2. St.Petersburg, 1881. Vol. 2.}

Замалетдинов Л. Ш. Образы змея и подобных ему персонажей в татарских сказках // Фольклор народов РСФСР. Уфа: Изд-во БашГУ, 1986. Вып. 13. {Zamaletdinov, L.Sh. The images of a snake and similar characters in Tatar fairy tales. In *Folklore of the peoples of the RSFSR*. Ufa: Publishing house of the Bashkir state university, 1986. Ed. 13.}

Иванов Б.В. Интерпретация изображений на посохе из коллекции ГМЭ народов СССР // Советская этнография. 1979. № 2. С. 90–94. {Ivanov, B.V. Interpretation of images on a staff from the collection of SME peoples of the USSR. *Soviet ethnography*. 1979. № 2. P. 90–94.}

Иванова В.В. Змея-джинн-предок: Анатолийский взгляд на хранителя дома // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 185 с. {Ivanova, V.V. Snake-genie-ancestor: Anatolian view of the custodian of the house. In *Asian bestiary. Images of animals in the traditions of South, South-West and Central Asia*. / editor M.A. Rodionov. St.Petersburg: MAE RAS, 2009. 185 p.}

Иванова Ю.В. Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники / Под ред. С.А. Токарева. М.: Наука, 1977. 360 с. {Ivanova, Yu.V. The Albanians. In *Calendar customs and ceremonies in the countries of foreign Europe. Late XIX – early XX century. Spring Holidays*. / edit. by S.A. Tokarev. Moscow: Nauka, 1977. 360 p.}

Кабакова Г.И. Балаур // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 85. {Kabakova, G.I. Balaur. In *Mythological dictionary*. / editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 85.}

Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья. Омск, 2008. 108 с. {Kadyrova, L.M. People's medical knowledge of Siberian Tatars of the Omsk irtyshriver area. Omsk, 2008. 108 p.}

Колева Т.А. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Наука, 1977. 360 с. {Koleva, T.A. Bulgarians. In *Calendar customs and ceremonies in the countries of foreign Europe. The end of the XIX – beginning of the XX century. Spring Holidays*. / S.A. Tokarev. Moscow: Science, 1977. 360 p.}

Корочанцев В.А. Африка под покровом обычая. Континент, расстающийся с прошлым. М.: Наука, 1978. 287 с. {Korochantsev, V.A. Africa under the cover of custom. Continent parting with the past. Moscow: Nauka, 1978. 287 p.}

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. / Под общ. ред. Н.И. Павленко. М.: Республика, 1992. 303 с. {Kostomarov, N.I. Essay on the home life and customs of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries. / edit. N.I. Pavlenko. Moscow: Respublika, 1992. 303 p.}

Круглый год. Русский земледельческий календарь. / Сост. А.Ф. Некрылова. М.: Правда, 1989. 496 с. {All year round. Russian agricultural calendar / Compiled by A.F. Nekrylova. Moscow: Pravda press, 1989. 496 p.}

Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. Ч. 2. 341 с. {Lepekhin, I.I. Continuation of the daily notes of the travel of Academician and of Dr. medicine Ivan Lepekhin to various provinces of the Russian state in 1770. St.Petersburg, 1802. Part 2. 341 p.}

Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эльфа, 1996. 272 с. {Malkonduyev, Kh.Kh. Ritual-mythological poetry of Balkarians and Karachais. (Genre and artistically-poetic traditions). Nalchik: Elf, 1996. 272 p.}

Мейлах М.Б. Рафаил // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 465. 736 с. {Meilakh, M.B. Raphael. In *Mythological dictionary*. / editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 465. 736 p.}

Минибаева З.И. Традиционная медицина // Курганские башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. 216 с. {Minibaeva, Z.I. Traditional medicine. In *The Kurgan Bashkirs*. Historical and ethnographic essays. Ufa: Gilem, 2002. 216 p.}

Мифы и легенды народов мира. Передняя Азия. / Сост. Ю.Б. Циркин. М.: Литература; Мир книги, 2004. 416 с. {Myths and legends of the peoples of the world. The Lesser Asia. / Compiled by Yu.B. Cirkin. Moscow: Literatura; The world of books, 2004. 416 p.}

Немировский А.И. Ангития // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 45. {Nemirovsky, A.I. Angitiya. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 45.}

Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. Ростов-н/Д: Феникс, 2000. 544 с. {Nemirovsky, A.I. Myths and legends of the Ancient East. Rostov on the Don: Phoenix, 2000. 544 p.}

Новик Е.С. Дябдар // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 203. 736 с. {Novik, E.S. Dybdar. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 203. 736 p.}

Петрухин В.Я. Метсаваймы // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 364. 736 с. {Petrukhin, V.Ya. Metsavaimy. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 364. 736 p.}

ПД – Полевой дневник Ф.Ф. Илимбетова 1966 г. {Field notes of F.F. Ilimbetov. 1966.}

ПМА – Полевые материалы автора. 2000 г. {Field notes of the author. 2000.}

ПМА. 2005 г. {Field notes of the author. 2005.}

Рубинштейн Р.И. Уто // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 565. 736 с. {Rubinstein, R.I. The Uto. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 565. 736 p.}

Рухи мираҫ: Свердловск башкорттарының фольклоры. / Яуаплы ред. Ф.А. Нәзершина. Өфө: Эшлекле династия, 2008. 260 б. {Spiritual heritage: folklore of the Sverdlovsk Bashkirs. / Editor F.A. Nadrshina. Ufa: Business dynasty, 2008. 260 p.}

Седловская А.Н. Праздники народов мунда // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. / Отв. ред. Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 1986. 256 с. {Sedlovskaya, A.N.}

Holidays of the Munda peoples. In *Myths, cults, rituals* of the peoples of foreign Asia. / Editor N.L. Zhukovskaya. Moscow: Science, 1986. 256 p.}

Синбад-мореход. Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи». / Перевод с арабск. М.А. Салье; сост., вступ. статья и примеч. И.М. Фильштинского. М.: Правда, 1988. 608 с. {Sinbad the sailor. Selected fairy tales, stories and novels from the Thousand and one nights. / Russian translation by M.A. Salie; compiler, introductory article and notes I.M. Filshtinsky. Moscow: Pravda press, 1988. 608 p.}

Спенс Л. Мифы инков и майя. / Перевод с англ. Л.А. Карповой. М.: Центрполиграф, 2005. 334 с. {Spence, L. Myths of the Incas and Maya. / Translation from English by L.A. Karпова. Moscow: Centralpolygraph, 2005. 334 p.}

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Л.: Наука, 1979. 440 с. {Comparative index of story lines. The East Slavic fairy tale. / Compiled by L.G. Barag, I.P. Berezovsky, K.P. Kabashnikov and others. Leningrad: Nauka, 1979. 440 p.}

Тейлор Э. Первобытная культура. / Перевод с англ., под ред., с предисл. и примеч. проф. В.К. Никольского. М.: Соцэкгиз, 1939. 568 с. {Taylor, E. Primitive culture. / Translation from English, edited (with a foreword and notes) by professor V.K. Nikolsky. Moscow: Socekgiz, 1939. 568 p.}

Толстов С.П. Религия народов Средней Азии // Религиозные верования народов СССР. В 2-х томах. / Под общ. ред. В.К. Никольского. М., Л.: Московский рабочий, 1931. Т. 1. {Tolstov, S.P. The Religion of the peoples of Central Asia. In *Religious beliefs* of the peoples of the USSR. In 2 volumes. / Edit. V.K. Nikolsky. Moscow, Leningrad: Moskovski rabochiy press, 1931. Vol. 1.}

Тулвинские татары и башкиры. Этнографические очерки и тексты. / Отв. ред. А.В. Черных. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 456 с. {The Tulva Tatars and Bashkirs. Ethnographic essays and texts. / Editor A.V. Chernikh. Perm: Perm publishing house, 2004. 456 p.}

Халилов Х.М. Каж // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991. С. 268. 736 с. {Khalilov, Kh.M. Kaj. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. P. 268. 736 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с. {Khisamitdinova, F.G. Mythological dictionary of the Bashkir language. Moscow: Nauka, 2010. 456 p.}

Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с. {Khisamitdinova, F.G. A Dictionary of Bashkir mythology. Ufa: IHLL USC, RAS, 2011. 420 p.}

Һамар, һарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазинаһы. / Яуаплы ред. Р.Ә. Солтангәрәева, З.И. Яйкарова. Өфө: РФА ӨҒҮ ТТЭИ, 2008. 284 б. {Spiritual wealth of the Bashkirs of the Samara and Saratov regions. / Edit. R.A. Sultangareyeva, Z.I. Yaykarova. Ufa: IHLL USC RAS, 2008. 284 p.}

Чеснов Я.В. «Культ онгонов» или «эффективность символов»? (к интерпретации магического лечения у абхазов) // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 75–88. {Chesnov Ya.V. The Ongon Cult or «the effectiveness of symbols»? (to the interpretation of the magical healing among the Abkhaz). Ethnographic review. 1993. № 2. P. 75–88.}

Штаерман Е.М. Бона Деа // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991 а. С. 97. 736 с. {Staerman, E.M. Bona Dea. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991 а. P. 97. 736 p.}

Штаерман Е.М. Эскулап // Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энци., 1991 б. С. 641. 736 с. {Staerman, E.M. Aesculapius. In *Mythological dictionary*. / Editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991 б. P. 641. 736 p.}

ЭМ – Экспедиция материалдары-2005: Янауыл районы. / Төз. Г.Р. Хөсәйенова, Р.Ә. Солтангәрәева, Г.В. Юлдыбаева һ.б. Өфө: РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2009. 264 б. {Expeditionary materials-2005: Yanaulsky district. / Compilers G.R. Khusainova, R.A. Sultangareyeva, G.V. Yuldybaeva and others. Ufa: IHLL USC Russian academy of sciences, 2009. 264 p.}

УДК 811. 512.141 (092)

А. М. Ишегулова, г. Уфа

**К ЮБИЛЕЮ ИЗВЕСТНОГО БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВЕДА-ЛЕКСИКОГРАФА,
ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
ИДЕЛЯ МИГРАНОВИЧА АГИШЕВА**

(Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.)

Статья посвящается 90 летию известного башкирского лингвиста-лексикографа, видного общественного деятеля Агишева Иделя Миграновича (1928-2008). В данной статье дается краткий обзор жизненного пути и научной деятельности лингвиста, оценивается его общественная деятельность.

Ключевые слова: Агишев И.М., башкирская лексикология, лексикография, терминология, лингвист.

FOR THE ANNIVERSARY OF THE FAMOUS BASHKIR LINGUIST-LEXICOGRAPHER, PUBLIC FIGURE AGISHEV IDEL MIGRANOVICH. *The article is devoted to the 90th anniversary of the famous Bashkir linguist-lexicographer, prominent public figure Idel Agishev (1928-2008). This article gives a brief overview of the life and scientific activities of the linguist, his social activities evaluated being.*

Key words: Agishev I. M., Bashkir lexicology, lexicography, terminology, linguist.

Идель Миграновичу Агишеву в этом году исполнилось бы 90 лет, родился он 4 февраля 1928 г. в д. Иткулово II Баймакского района Республики Башкортостан. В 1930 году с изменением места работы отца семья переехала в с. Старосубхангулово Бурзянского района. В школьные годы он был преуспевающим учеником и по математике, и по языку, и по литературе, активно выступал в драматическом кружке. После окончания школы в числе отличников учебы был направлен на курсы преподавателей начальных школ. В 1942 году после прохождения курсов одновременно работал учителем Старо-Мунасиповской начальной школы Бурзянского района и бухгалтером Бурзянского РОНО. В 1946 году призвался в Советскую Армию, с 1947 по 1950 год проходил курс военного обучения в Одесском военно-пехотном училище им. Ворошилова. В училище он изучал английский язык, учитель даже посоветовал ему поступать в Московский институт иностранных языков. По окончании училища был направлен в Румынскую народную республику. С 1950 по 1953 год служил командиром взвода механизированного полка. В 1953 по 1957 год учился в Башкирском техникуме физической культуры. После окончания техникума работал учителем физкультуры Старосубхангуловской средней школы. В 1957 году переехал в Уфу, работал учителем физкультуры в татарско-башкирских школах № 55 и № 56 г. Уфы.

В 1958 И. М. Агишев поступает на филологический факультет Башкирского государственного университета. Будучи студентом ВУЗа И. М. Агишев собирал материалы по воспитанию и обучению детей языку, выступал с докладами, сообщениями на научных конференциях. В 1963 г. после окончания университета был направлен на работу в Башкирский институт усовершенствования учителей в качестве методиста. С 1964-го по 1991 годы Идель Мигранович работал научным сотрудником в отделе лексикографии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. И.М.Агишев участвовал в составлении «Толкового словаря башкирского языка» (в 2-х томах) [М., 1993], «Башкирско-русского словаря» [М., 1996], «Русско-башкирского словаря» (в 2-х томах) [Уфа,

2005]. Помимо этого, он активно принимал участие в редактировании словарных статей, методических работ по языку, переводил научные труды на русский язык.

Иделя Миграновича Агишева в Республике знают как активного общественного деятеля. С 1970 года он работал в Башкирском центре содействия народному образованию «Актамыр», с 2001 по 2006 годы являлся председателем этого центра. Мечтой и целью Иделя Миграновича являлось открытие (создание) в Уфе национальных (башкирских) школ и дошкольных детских учреждений. И. М. Агишев понимает важность обучения детей на родном языке, приобщения детей к культуре родного народа. Он объяснял родителям важность обучения детей на родном языке, приобщения их к культуре родного народа; дом за домом обходил квартиры, собирал заявления. Об необходимости открытия башкирской школы Идель Мигранович пишет в газеты «Известия», «Совет Башкортостана», в Башкирский обком КПСС, Совет Министров Башкирской АССР и Министерство просвещения БАССР, ходил по инстанциям*. В 1970 году, пройдя через многие испытания, преодолевая скрытое противодействие чиновников, Мухамет Искужин (первый председатель центра «Актамыр»), Идель Агишев, Амир Сиражетдинов и Ханиф Валеев) добились открытия в Уфе первой башкирской средней школы № 20, ныне Уфимская городская башкирская гимназия № 20 имени Ф. Мустафиной.

И. М. Агишев являлся одним из активных участников борьбы за суверенитет Башкортостана. Борьба за суверенитет Башкортостана, начатая в 1988 году, окрылила его. Активно участвуя в этом движении, он продолжает трудиться по осуществлению намеченной цели. Действительно, И. Агишев сыграл большую роль в открытии башкирских школ, башкирских классов в русских школах и башкирских детских садов в нашей республике. Как пишет Т. Г. Искужин «борьбу за сохранение и развитие башкирского языка начали эти личности (И. Агишев и М. Искужин) со своими сподвижниками еще в середине 60-годов XX столетия. В то время эта борьба была невероятно трудной. В осуществлении этих трудных задач Идель Мигранович был негибким идейным вдохновителем, а Мухамет Галиевич Искужин выступал как опытный, пламенный пропагандист среди башкирского населения» [Искужин, 2013, 57-61]. Вскоре совместными усилиями общественников появились башкирские школы (гимназии, лицеи) в городах Уфе, Кумертау, Салавате, Нефтекамске, Сибее и в некоторых райцентрах Башкортостана. Организаторы хорошо понимали, что сохранить башкирский язык, культуру, традиции, национальное самосознание, в конечном счете, башкир как этнос можно было, только создавая башкирские школы, обучая и воспитывая детей на башкирском языке.

И. М. Агишев был очень трудолюбивым, справедливым, целеустремленным: «эти качества, проявлялись в стремлении добиваться справедливости по отношению к своим друзьям, к своему народу, к языку. Башкирские классы, школы открылись именно благодаря неустанной энергии, упорству И. Агишева и М. Искужина», – пишет М. М. Хафизов в книге «Предначертано судьбой» [Хафизов, 2006, 131].

Наряду с общественной деятельностью Идель Агишев занимался творчеством. «Идель Мигранович писал стихи, прекрасно исполнял народные песни, сочинял музыку, в его архиве хранится около 90 мелодий, – пишет С. Бадретдинов в очерке об И. М. Агишеве. Некоторые его стихи были опубликованы в печати. Приведем несколько строчек из стихотворения И. Агишева [Бадретдинов, 2006, 131]:

*Тылсым тулы өндәреңдән
Теззем атай, әсәй һүзен.
Белем донъяһында йөззәм,*

* Документы, письма, обращения и т.п. напечатаны в книге «Очаг национальной духовности» / авт. М. М. Хафизов, Ю. М. Абсалямов. Уфа; Китап, 2011. С. 229-257.

Әсә телем, астың күзем.

Как видим, вся жизнь, работа, общественная деятельность Иделя Миграновича Агишева была направлена на сохранение, развитие языка и культуры родного народа. За заслуги в развитии башкирского языкознания и литературы в 1998 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан». Но самую высокую оценку деятельности и жизненным поступкам дают люди. Пусть имя Иделя Миграновича Агишева надолго останется в памяти подрастающего поколения.

Литература

Академический словарь башкирского языка: в 10 томах / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. Т. 1: (буква А). 432 с. {Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 volumes, ed. by F. G. Khisamitdinova. Ufa: Kitap, 2011. Vol. 1: (letter A). 432 p.}

Бадретдинов С. Сокровищница моего народа: очерки (на башк.яз). Уфа: Китап, 2011. 352 с. {Badretdinov S. Treasury of my people: essays (in Bashkir). Ufa: Kitap, 2011. 352 p.}

Искужин Т.Г., Ю.М.Искужин. Народный просветитель М. Искужин. Уфа: Китап, 2013. 144 с. {Iskuzhin T. G., Y. M. Iskuzhin. People's educator M. Iskuzhin. Ufa: Kitap, 2013. 144 p.}

Хафизов М.М. Предначертано судьбой (на башк.языке). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2006. 160 с. {Hafizov M. M. The destined cause. (in Bashkir) Ufa: Ufa polygraph combinat press, 2006. 160 p.}

УДК 81'366; 81'37; 003;

Б. Қ. Қасым, Алматы қ., Қазақстан

МЕТАФОРА ТЕОРИЯСЫ: КОГНИТИВТІ МОДЕЛЬДЕУ

В лингвистике основными направлениями изучения языкового феномена казахского языка признаются стилистическое, когнитивное и семантическое. Данный факт позволяет рассматривать метафору как троп, как средство номинации и как способ создания лингвистической картины мира. Метафора – это основной способ создания новых концептов в языковой картине мира, имеющая свои характерные особенности в связи с наличием определенной лингвокультурной ситуации в социуме. Немаловажным также является функционирование метафоры на уровне модели мира, концептуализируя действительность на основе определенного опыта и традиций культуры в сознании человека. В качестве когнитивной модели метафора представляет собой фреймовую сущность, где фрейм – это представление и хранение языковой информации. Метафорическую модель как «существующую в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, где при смене определенной лингвокультурной ситуации могут произойти некоторые изменения, связанные с полным или частичным переконструированием фреймовые структуры. Каждый компонент метафорического ряда имеет как когнитивные, семантические, так и лингвокультурные особенности.

Ключевые слова: Метафора, средство номинации, когнитивная модель, фрейм, когниция, ассоциативное поле, семантическое поле.

In linguistics, the main directions of studying this linguistic phenomenon are stylistic, cognitive and semantic. This fact allows us to consider the metaphor as a path, as a means of nomination and as a way to create a linguistic picture of the world. Metaphor is the main way of creating new concepts in the language picture of the world of the modern Turkic people, which has its own characteristics in connection with the presence of a certain linguistic and cultural situation in the society. Equally important is the functioning of the metaphor at the level of the world model, conceptualizing reality on the basis of certain experience and traditions of culture in the mind of a person. As a cognitive model, the metaphor is a frame entity, where the frame is the representation and storage of language information. The metaphorical model as "the scheme of communication existing between the conceptual spheres existing in the minds of the native speakers of the language, where certain changes may occur when changing a particular linguocultural situation, due to the complete or partial reconstruction of frame structures. Each component of the metaphorical series has, as cognitive, semantic, and linguocultural features.

Keywords: Key words: *metaphor, means of nomination, cognitive model, frame, cognition, associative field, semantic field.*

Қазіргі лингвистикалық зерттеулер объективтік шындықтың идеалды бейнелеуінде адамзаттың когнициясы, оның ақыл-ойы, санасы ойлауы, рухани ішкі дүниесімен тығыз байланысты. Соңғы кезеңдегі лингвистика ғылымы тіл материалдарын адами факторлармен, оның таным концептосферасымен бірлікте қарастыруға бет бұрды. Соның ішінде аталымжасам жүйесін зерттеуде олардың өзге тілдік бірліктерден тек ерекшеліктерін ғана атап қоймай, оның функционалды-прагматикалық мақсаттарының түпкі себептерін ұлт танымымен байланыстыра отырып, аталымға себеп болған қозғаушы күшті *ішкі мағыналық құрылымы* (ВФС) арқылы ашу үдерісі дәстүрге айналып келеді.

Қазіргі түркі тілдеріндегі тіл бірліктерінің метафора тәсілі арқылы жасалу үрдісінің белсенділігі тілдік қолданыстан айқын байқалады. Тілдің лексикалық қорын байытып отыратын метафоралық тәсіл тіл бірліктерінің ішкі мағыналық құрылымынан байқалады. Сондықтан да кез келген атаудың табиғатын қарастырғанда олардың тілдік сипатымен қоса танымдық негізі назарға ілігеді. Тілдегі бірліктер, ең алдымен, аталым қажеттілігін өтеу үшін туындап жатады. Атау жасауда тіл қолданушы өзін қоршаған *әлемнің тілдік бейнесін* қалыптастырады. Адам өзінің өмірлік қажеттілігіне байланысты сан алуан атауларды күнделікті коммуникативтік процесінде өз мақсатына сай пайдаланып, тілдік қорды дамытып отырады. Осы үдерістердегі пайдаланатын танымдық тәсіл метафора болып табылады. Метафора – айналадағы заттар мен құбылыстардың арасындағы ұқсастықтарды, байланыстарды тани білу және оны тілде бейнелеу болып табылады. Қазақ тіліндегі көптеген атаулар көбінесе заттар мен құбылыстар ұқсастығының негізінде жасалатынына күнделікті өмірде жиі ұшырайды. Атаулардың ішкі мағыналық құрамындағы астарлы ой, атауға әкелген жолды анықтау сөздердің уәждемесін айқындайды.

Концептуалды метафора – адам танымында ұқсату заңдылықтарының нәтижесінде туындаған деректі, дерексіз ұғымдардың атауы, жаңа лексикалық мағына. Метифораның когнитивтік теориясы туралы Э. Маккормак: «Метафораны танымдық үрдіс ретінде суреттеуді тілді жасаушы адам санасының терең құрылымдық сипатын түсінуіміз керек» [Маккормак, 1999, 56], - дейді. Ғалым когнитивтік лингвистикада метафораның *зат ♠ мағына ♠ таңба* үштігі шеңберінде қарастырылуына көңіл бөледі. Метафораның когнитивтік бағыттағы танымдық құралы екендігі турасында зерттеушілер мынадай қызметтеріне тоқталады:

➤ болмыстағы бар заттармен теңестіру, ұқсату арқылы затқа атау беру;

➤ абстрактілік мағынаны білдіретін жаңа ұғымдарды қалыптастыру. Мұндай метафоралар ғылымда концептуалды метафора деп аталып жүр. Қазіргі тіл білімінде метафораны танымдық сипатта қарау оның бағалауыштық, біртұтастық, эмбебаптық қасиеттерін анықтауға негіз болады;

➤ метафораның бағалауыш бейне тудыру қасиеті, бағаның кейіптелуі. Метафораның бағалауыштық мәнге ие болып, жаңа мағына тудыру қасиеті тілдік қолданыста құбылыстар мен заттардың бағалау, олардың бағалауыштық қасиеттері адами құндылықтарды тану (*ар, иман, сабыр, талап, мінез, жақсылық, тағдыр* т.б.) нәтижесінде көрінеді;

Аристотель алғаш рет метафораны ұқсастық негізінде сөз мағынасының өзгеруі деп көрсетеді. Цицерон оның тілге қажет ұғымдарды атау қабілетін басты назарға алады. Метафора табиғаты әлем лингвистикасында адамның білім қорының құрылымдық сипатымен байланыстыра қарастырылады. Метафораның аталымдық сипатын ашу – қазіргі қазақ тіл білімінде енді зерделене бастаған мәселелердің бірі. Тіл білімінде бұл мәселе көне ойшылдар Аристотель, Цицерон, орыс ғалымдары В.Гумбольдт, Ф.де Соссюр, Л.Вайсбергер, А.А.Потебня, В.Н.Телия, Н.Д.Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов т.б.; қазақ

ғалымдары А.Байтұрсынұлы, Ә.Болғанбайұлы, Ғ.Қалиұлы, Л.К.Жаналина, Б.Қасым, А.Салқынбай, Г.Зайсанбаева, С.Сәменова, А.Сыбанбаева, Р.Лауланбекова, т.б. зерттеу еңбектерінен орын алады. Қазіргі кезде ол ономазиологиямен, семасиологиямен, философиямен, психологиямен тұтасып, кешенді көптеген ғылымдардың тоғысуында зерделенуде. Сондықтан туынды сөздердің уәждері мен семантикасын, метафоралық құрылымын ашу үшін, ең алдымен ұлттық мәдени деректерге сүйенері анық, себебі тек ұлттық дүниетанымда халықтың бұрынғы өмірінің бүкіл көрінісі сақталады.

Тілдің ойды қалыптастырушылық маңызын басты бағыт етіп алған А.А.Потебня метафоралық ауысудың тілдік семантиканы дамытудың бір құралы ретінде таниды. В.Г.Гак, В.Н.Телия метафораның аталымдық, когнитивтік қызметіне назар аударса, Н.Д.Арутюнова бұл құбылыстың тілдік аспектілері: бейнелілігін, қолданымдық сипатын ашады, С.Г.Дудецкая медициналық терминология тұрғысынан метафоралану құбылысын қарастырса, Т.И.Уткина медициналық дискурсты ғылыми тұрғыдан семиотикалық, когнитивті-коммуникативтік және прагматикалық аспект негізінде талдап көрсеткен.

Профессор Б.Қасым: «...Метафора – тілде әмбебап құбылыс. Оның әмбебаптығы тілдің құрылымында және қызметінде көрінеді. Ол тілдің аспектісі мен қолданыстық қызметін қамтиды. Метафора ғылым тілінде бейнелілік немесе таза экспрессивтілік қызмет атқармайды, сонымен қатар когнитивті (интерпретация, түсіндіру, вербалдану), концептуалдық (танымдық) қызмет атқарады. Метафоралы ауыстыру – көптеген терминжасам жүйесінде кеңінен таралған семантикалық түрі [Қасым, 2010, 177]. Метафоралану – медициналық, экономика, саяси және т.б. ғылымдардың терминжасам жүйесінде кеңінен қолданылады және терминжасамның семантикалық түрі саналады. Ғылыми танымда метафора номинативті, болжамдық, бағалуыштық, түсіндірмелік, информативтік, жинақтау т.б. қызметтерін атқарады. Ғылым тілінде метафора, ең алдымен, таным қажеттілігін өтейді, болжамдық, жаңа білімді таныстыру мен түсіндіру қызметтерін жүзеге асырады. *Метафора* – адамның әлемді тануы және сол танылған білімді тілде бейнелеудің бірден-бір тәсілі. Сонымен концептуалды метафораның негізіне метафора тілдік құбылыс ретінде бізді қоршаған таным әлемі туралы түсінік жатады» деп тұжырымдайды [Қасым, 2010, 274]. Дәстүрлі лингвистикада тілдік жүйеден тыс шығу лингвистикалық норманы бұзу деп табылса, когнитивті лингвистикада лингвистиканың шеңберін кеңейтудің қажеттілігі мойындалды, себебі адамның ойлауы мен түсінігінде жасырынып жатқан халықтық ерекшелікке тән ұлттық және тарихи тілдік жүйедегі өзіндік құбылыстарды түсіндіру мүмкін емес, яғни әлемнің ұлттық суреті болады да оның негізінде әлемнің ұлттық тілдік көрінісі жинақталады.

В.А.Маслова когнитизм туралы пікірінде: «Когнитизмнің басты зерттеу нысаны – адамзаттық *когниция*. Оны тек байқау, бақылау әдістері арқылы зерттеп қоймай, ментальді репрезентациясын (ішкі танымын) білімнің негізін қалыптастырған символдар мен адамның стратегиялық таңбаларын айқындау керек» сонымен қатар «концепт объективті және субъективті әлемнің жекелей белгілерінен тұрады», - деп көрсетеді [Маслова, 2005, 53]. Соған сәйкес оларды жеке тұлғалық, жастық (бақыт, қуаныш) және жалпы ұлттық (орыс мәдениетіндегі – жан, Отан, қайғы, мұң) деп бөледі. Ғалымның пайымдауынша, «концепті көп қабатты құрылымнан тұрады, бұл құрылымдар оның әр кезеңдегі тілдік көрінісінен хабар береді», осыған орай ғалым концептінің мынадай ерекше құрылымын жіктеп көрсетеді: 1) *негізгі белгісі* (актуалды); 2) *қосымша белгісі* (пассив, тарихи); 3) *ішкі формасы*. Ішкі форма – сөздің негізгі өзек этимологиялық мағыналық негізі Осы айтылған тұжырымдар тілдік деректерден анық көрініс табады.

Н.Д.Арутюнова метафораның бірінші қызметі сөйлеумен (речь), екінші қызметі – тілмен қатысты екенін, метафора үздіксіз теңеумен өзара байланыста болатынын көрсетеді.

Тілші метафора лексиканың қайнар бұлағы екенін тұжырымдай келіп, тілдік метафораны *номинативтік метафора, образды метафора, когнитивтік метафора, когнитивтік метафораның соңғы нәтижесі (жалпылауыш метафора)* деп бөледі [Арутюнова, 1979, 154]. Қазіргі лингвистикадағы метафоралық қолданыстағы өзгерістерді және ерекшеліктерді анықтап, талдау, әсіресе метафораның *ұлттық ғылым* тілін қалыптастырудағы маңызы мен үлесін теориялық тұрғыдан зерттеу аса маңызды іс.

Л.В.Правикова: «Если посмотреть на когнитивную лингвистику не со стороны того, что стимулировало ее появление (изучение мышления и познавательной деятельности, когниции), а с точки зрения ее предметного места в системе языковых уровней языка, то обнаружится, что она в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Это области когнитивной семантики, пространственной семантики, фреймовой семантики. Это изучение категорий, категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности (выдвижение, активация, фигура-фон), ментального языка и др.» [Правикова, 1999, 2] - деп көрсетеді. Автор өз пікірімен танымдық тіл білімінде қазір тілді мазмұндық астарда қарастырып отырғанын жеткізеді. Оның көрсетуінде, танымдық тіл білімінің бастапқы зерттеу әдісі тілді *ойлау* мен *танымдық* әрекет тұрғысынан зерттеу болып табылады.

Қазіргі тіл ғылымында концептуалдық талдаудың қарастырылуы лингвистика мен философияның өзара қарым-қатынасының тығыз байланысты. Логикада «концепт» термині «ұғым, түсінік» терминдерімен бірдей мағынада қолданылады. Яғни, концепт ұғымын «адамның әлем туралы жинақталған мәдени түсініктері бейнеленген және атауларды бар ғаламның тілдік бейнесі» ретінде тани отырып, адам дүниетанымындағы әлем туралы ақиқат болмысты бейнелейтін когнитивті бірлік ретінде таныған жөн. Профессор Б.Қасым: «Уақыт өткен сайын сөздің атау болып қалыптасуындағы *бейнесі, уәжі* күңгірттеніп, тіпті, бұрынғы мағынасы тасаланып, ұмытылады», - деп [Қасым, 2010] өз зерттеу еңбегінде айтқандай, аналитикалық (күрделендіру) немесе синтетикалық (жұрнақ) тәсілі арқылы жасалған туынды сөздердің бастапқы түбір мағыналары күңгірттенген. Тілде қаншама атаулар болғанымен, атаулардың уәжденуі мен семантикасын зерттеу толық талдауды қажет етеді.

А.И.Баранов. «Метафоралық мағына когнитивтік тұрғыда оп-онай жасалмайды. Ол білім қорына жасалатын кешенді әрекеттердің нәтижесінде туындайды», - деп көрсетеді [Баранов, 1991, 186]. Көзге бірден түсетін сыртқы пішін ұқсастығы қарапайымдылығымен ерекшелінгенімен, өзге ұқсатулар адамның білім қорына әртүрлі операциялардың жүргізілуінен туындайтын ассоциацияларға негізделетіндіктен күрделі үрдіс болып табылады.

Аталымдардың жасалуын когнитивтік аспектіде метафоралану үрдісін екі фрейм: *негіз-фрейм* мен *мақсат-фрейм* арасындағы ақпараттың алмасуы деп қарастырған. Уәжділік белгілері ретінде таңдалынған нысандардың сыртқы пішін, қасиеттері, қызметтері өзге нысандарға ұқсастығы арқылы немесе олардың әртүрлі ассоциациялары арқылы ашылатыны тілдік бірліктер семантикасынан байқалды. Осы ұқсастықтарды белгілеуде әртүрлі категориялар арсасында ауысулар жүргізіледі. Енді осы ауысулардың сөзқосым атауларындағы жүйелеріне тоқтайық. Адамның көру мүшесі арқылы танылып, ұқсастығы белгіленетін «сыртқы пішін» көбінесе нақты заттарды атауда кеңінен қолданылады. Зат (предмет) ③ зат бағытында жүргізілетін бұл ауысуларды метафораланудың қарапайым түрі деп атауға болады. Қоршаған әлемдегі жаңа нысанды өзге нысанға сыртқы пішін ұқсастығы арқылы тануда заттардың көзге түсер бр белгісі таңдалады. ұқсастық жалпыға белгілі, түсінікті белгі болуы да, кейде ерекше сипатта да болуы мүмкін. Мысалға, жараның *жыланкөз*, өсімдіктің *түйеқарын* аталуы. Заттардың қасиеті ③ заттардың қасиеті үлгісі бойынша метафораланған бірліктерде екі нысан арасындағы терең анализ бен синтезді

жүргізуді талап етеді. Мысалға, *ақмарқа* (балық) атауында адам санасында төрттүлік малдың ішінде *марқаның* «еттілігі», майлылығы ақпараттары таңдалынуы атауға қажет нысанның, яғни балықтың қасиетін білуді талап етеді. Ауысуда денотаттың «етті, майлы» семалары өзге категорияға өтіп, атау жасауға негіз болады. Осы үлгі бойынша *балдың* «тәтті», «дәмді», *тастың* «қаттылығы», «беріктігі», *оқтың* «ұшқырлығы», сияқты заттың қасиеттері өзге заттардың қасиеттерін сипаттау үшін метафораланады. Соның нәтижесінде, *балқаймақ, балмұздақ, тасқабақ* атаулары жасалған. Сонымен қатар, заттың қасиет, белгілері ③ жан-жануарлар, құс қасиет, белгілері *таскене, тастүлек, тасбақа* сияқты атауларда, және қасиет, белгі → ауру атауы *тасөкпе* бірлігінде көшу үлгілері де кездеседі. Нысандар қасиетін өзге нысандар арқылы беруде түстердің беретін ассоциациялық мағыналарының да зор. Мысалы: көк «күшті», «мықты» *көктүйнек* (ауру), *көкжөтел* (ауру), *көксерек* (қасқыр), «арық» *көкжасық* (арық ет), көкбақа (ет) аталымдары жасалған. Бұл бірліктер түс ③ ауру сипаты; түс ③ жан-жануарлар қасиеті үлгілері бойынша жасалған. Түс ③ қару қасиеті үлгісінде *ақ* «таза», «қоспасыз» ақпараттары *ақберен, ақалмас, ақмылтық* атауларын жасаған. Зат → өсімдік, жәндік түсі үлгісімен қанның қызыл түсі қанкөбелек, қанқыз, қаншие атауларын жасаған. Сонымен қатар, қанның қызыл түсі «қызған», «нағыз» мағыналарын беру арқылы *қанжайлау, қанбазар* бірліктерінің туындауына негіз болған.

Адамның ойлау әрекетінің негізінде жатқан білім қорындағы әртүрлі операциялардың жасалуы ауысуларға әкеледі. Бұл ауысулар сөздік қор арқылы таңбаланып, адамның қоршаған әлемді тану үлгілерін құрады. Метафораларда нысандар категориалық шектестігінің бұзылуы жана мағына, ұғымдардың туындауына жол ашады. Жоғарыда кеңінен тоқталған тілдік бірліктердің жасалуында метафора заттар мен құбылыстардың ұқсастығын аша отырып, өзге нысандар туралы білімді пайдалану арқылы атаулар жасалу механизмінде кеңінен қолданылатынына көз жетеді.

Бағалауыштық – экспрессиялығымен, коннотативтік мағына ерекшелінетін жан-жануарлар, құстар, жәндіктер ③ адам үлгісі бойынша *қаранар* (күшті адам), *қарақұс* (қатыгез адам), *көртышқан* (оңбаған адам) бейнелі атаулары жасалған. Бұл үлгідегі тілдік метафоралар адамның мінез, жүріс-тұрыс, әлеуметтік дәрежесіне байланысты көбінесе жағымсыз мағаналарды береді. Тілдік қолданыста бар бірліктедің жасалуындағы бұл құбылыс адамның танымдық үрдістерімен байланысты. Сондықтан да, бұл ауысулардың адамның білім қорындағы ақпараттардың белсенділігіне қарай әрқилы сипатта болатыны белгілі. Дайын бірліктердің метафоралануы олардың денотативті мағыналарының астарындағы ақпараттарға байланысты жүргізіледі. Тілдің лексикасының жүйелілігінің қамтамасыз ететін лекикалық құрылымдардың:

1) *лексикалық өрістің*, 2) *ассоциациялық өрістің*, 3) *семантикалық өрістің* тіл бірліктерінің жасалуындағы маңызы зор. Семантикалық байланыстары бар лексикалық құрылым лексикалық өріс деп танылады. Өрістің көлемі ғалымның зерттеу мақсаттарына байланысты әр түрлі болуы мүмкін. Лексикалық өрістің ең кеңейген түрі ассоциациялық өріс, бұл өрісте лексика барлық еркін, индивидуалды ассоциациялық байланыстары арқылы топтастырылады [Караулов, 1976, 174]. *Семантикалық өріс* – әртүрлі сөз таптарының лексикасын жинақтаған лексикалық құрылым. Әр семантикалық өріс бірегей жүйе ретінде тануы мүмкін. Солай бола тұра әр өріс тілдің лексика-семантикалық жүйесінің бірлігі ретінде өзге өрістермен байланыс құрайды және өзге өрістердің элементтеріне ашық болады. Семантикалық өрістің осы қасиеті лексиканың жүйелілік тұжырымын нақтылай түседі [Скляревская, 1993, 114].

Адамның әртүрлі мінез ерекшеліктерін сипаттаудағы бейнелі атаулар адам фрейміндегі ұяшықтардағы ақпараттар ауысынан да жасалып жатады. Жоғарғы ассоциациялық ойлаумен жүзеге асатын бұл *когнитивтік үлгілерді* заттың *қасиеті, белгісі* ③ *адам* деп шартты түрде

суреттеуге болады. Бұған *арамтамақ* (жалқау адам), *тоңмойын* (қатыгез адам), *сужүрек* (қорқақ адам), *шүйкебас* (әйел), *шөпжелке* (қыз) аталымдардың жасалуы жатады.

Метафоралар адамға көрінетін нақты заттарды ғана емес абстрактылы түсініктерді таңбалау үшін де қолданылады. Дерексіз ұғымдарға атау беру абстракциялық байланыстарды қолдану арқылы жүргізіледі. *Зат* → *дерексіз ұғым* үлгісімен *жанайқай (қарсылық), жанталас (агония), жансарай (ішкі дүние)* атаулары жасалған. Ауысу талас, айқай, сарай бірліктері арқылы жүзеге асырылған. Жан лексемасымен тіркесті туындаған аталымдарда жан - адамға қуат беруші ішкі күш ретінде танылатын сияқты. Соған сәйкес, жан ашу, жан кую, жан кешу метафоралы мағыналы қимыл туындайды. Ішкі дүние сезімдерін сипаттаудағы осы қимылдардың ассоциациялары өзге жанашыр, жанкүйер, жанкешті атауындарының жасалуына негіз болды. Бұл үлгілегі бірліктерді *іс-қимыл + сөзжасамдық формант* → *адам* деп суреттеуге болады. Қимыл-әрекеттің ассоциациялы ұқсатуы негізінде *атұстар, қанішер, текетірес, естияр, бойжеткен, барсакелмес, итжеккен* сияқты бірліктер жасалған. Бұларды метафоралы ойлау жемісі деп тануымызға себепкер негіз болып тұрған қимыл-әрекеттің метафоралы жасалуы.

Қимыл-әрекет + сөзжасамдық формант ③ *дерексіз ұғым, қимыл-әрекет + сөзжасамдық формант* ③ *жер аты* үлгісіндегі бұл атауларда бейнелі түрде қоршаған әлемнің көрнісін тілде суреттеу нышандары жатыр.

Тілдік тұрғыда екі бірлік арасында жүргізілетін метафоралану оны құраушы лексемалардың сөздің ішкі мағыналық құрылымын түзудегі мағыналық ерекшеліктеріне байланысты төрт бірліктің арасындағы қатынасқа да құрылуы мүмкін. Мысалға: *таскене* бірлігінде метафораланып тұрған бірінші лексема, яғни *кененің* жабысып алатын қасиеті *тас* сөзінің ауыспалы мағынасы арқылы беріліп тұр. *Айқұлақ* өсімдік атауында екі бірлік те ауысуға ұшырайды. *Ай* – сыртқы пішін, *құлақ* – өсімдікті білдіреді.

Сонымен, метафора когнитивтік феномен ретінде *аталым* (номинация) қажеттілігіне толығымен жауап беруші құбылыс болып табылады. Заттар мен құбылыстарға атау беруде атауыштық метафоралар деп танылған қазақ тілінде пішін, қасиет, қызмет ұқсастықтарын негізге алады. *Когнитивтік-атауыштық метафоралар* дерексіз ұғымдарды таңбалауда немесе ассоциациялық байланыстар негізінде аталым жасаудағы тілдік бірліктер болып табылады. *Бейнелі-бағалауыштық метафоралар* тілдік бірліктердің қолданымдық ерекшеліктеріне байланысты бағалауыштығымен, бейнелілігімен ерекшелінетін метафоралар болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

Маккормак Э. //Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1999. С. 356-386. {Makkormak E. // Theory of metaphor. Moscow: Progress, 1999. P. 356-386.}

Қасым Б.Қ. Күрделі аталым жасалымы: когнитивті-дискурстық ұстаным (Зерттеулер). Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. 383 б. {Kassym B. Formation of complex names: cognitive-discourse criterion (monograph). Almaty: ZhK Volkova A.V., 2010. 383 p.}

Қасым Б.Қ. Метафоралы аталымдар когнитивті бағытта // Қасым Б.Қ. Қазақ тілінің теориялық және қолданбалы аспектісі (Ғылыми мақалалар). Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. 371 б. {Kassym B. Metaphorical names in cognitive direction // Theoretical and applied aspects of the Kazakh language (Scientific articles). Almaty: LCD Volkova A.V., 2010. 371 p.}

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с. {Maslova V.A. Cognitive Linguistics: a textbook. Minsk: TetraSystems, 2005. 256 p.}

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). М.: Наука, 1988. 338 с.; Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 140-141. {Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings (Avaluation, event, fact). Moscow: Nauka, 1988. 338 p.; Arutyunova N.D. Metaphor // Russian language. Encyclopedia. Moscow, 1979. P. 140-141.}

Правикова Л.В. Когнитивная и когнитативная лингвистика // Вестник Пятигорского гос.

университета. Пятигорск. 1999. № 2. С. 37-44. {Pravakov L.V. Cognitive linguistics // Vestnik Pyatigorsk State University. Pyatigorsk. 1999. № 2. P. 37-44}

Баранов А.Н; Караулов Ю.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991. С. 184-193. {Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Cognitive theory outline of metaphor. Russian political metaphor: Materials to the dictionary. Moscow, 1991. P. 184-193.}

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 355 с. {Karaulov Yu.N. General and Russian ideography. Moscow, 1976. 355 p.}

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с. {Sklyarevskaya G. N. Metaphor in the system of language. SPb.: Nauka, 1993. 150 p.}

УДК 81'366

Б. Қ. Қасым, А. Т. Қасымбекова, Алматы қ., Қазақстан

СӨЗЖАСАМДЫҚ ҰЯДАҒЫ ҚОЗҒАЛЫС ЕТІСТІКТЕРІНІҢ МАҒЫНАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ

В казахском языке есть группа глаголов, обозначающих различные способы перемещения в пространстве. Это глаголы движения. Они являются архаическим и структурно-семантическим типом тюркского глагола. Глаголы движения принадлежат к тюркской лексике. Несмотря на свой архаический характер, они активно употребляются в казахском языке на протяжении многих веков. Глаголы движения занимают центральное положение в глагольной системе и являются словообразовательной базой в казахском языке. В данную группу лексем включаются глаголы однонаправленного и неоднаправленного движения. Глаголы движения находясь у истоков словообразования, мотивируют множество таких словообразовательных типов, по модели которых уже образовались и образуются другие новые слова. Глаголы движения мотивируют большое количество производных и образуют максимально большие словообразовательные парадигмы. Гнезда глаголов движения принадлежат к полному структурному типу словообразовательных гнезд. В словообразовании каждая лексико-семантическая группа слов мотивирует свои, закономерно ей присущие производные.

Ключевые слова: словообразовательная база, словообразовательное гнездо, когнитивный аспект, прагматика, семантическое поле.

In the Kazakh language there is a group of verbs: denoting different ways of moving in space. These are the verbs of motion. They are an archaic and structural-semantic type of the Turkic verb. The verbs of the movement belong to the Turkic vocabulary. Despite their archaic nature, they are actively used in the Kazakh language for many centuries. The verbs of movement occupy the central position in the verbal system and are the word-formation base in the Kazakh language. This group of tokens includes verbs of unidirectional motion and unidirectional motion. Verbs of movement are at the origin of word formation, they motivate a lot of such word-formation types, according to the model, other new words have already been formed. Verbs of motion are motivated by a large number of derivatives and form the largest possible word-formation paradigms. The nests of the verbs of motion belong to the complete structural type of word-building nests. In word formation, each lexico-semantic group of words motivates its own, naturally inherent derivatives.

Key words: word-formation base, word-formation nest, cognitive aspect, pragmatics, semantic field.

Әлемдік лингвистикадағы адам факторына негізделген тілдің когнитивтік, функционалды-семантикалық, коммуникативтік және прагматикалық қырын терең және жан-жақты талдауға, саралауға, зерделеуге бағытталған. Бүгінгі таңда тіл білімінде зерттеулер екі бағытта жүргізіліп келеді: бірі – тілді кешенді (когнитология, мәдениеттану,

элеуметтану, логика, философия, психология т.б.) сабақтастықта зерттеу; екіншісі – дәстүрлі грамматиканың заңдылықтарына сүйене отырып, тілдің құрылымдық жүйесін терең және тіл табиғатындағы ұлттық ерекшеліктерін толық ашып көрсету мақсатындағы тілдік бірліктердің тұлғасы мен мазмұндық табиғаты, оның арақатынасын ішкі заңдылықтары тұрғысынан зерделеу, талдау.

Түркі тілдеріндегі етістікті когнитивтік, функционалды, коммуникативті-прагматикалық аспектіден қарастыру бүгінгі күн талабынан туындайды. Тілдік бірліктердің мағыналық семантикалық табиғатын зерттеу оның мағынасы мен функционалды-прагматикалық қызметі, қолданыс заңдылықтарын тереңірек тануға мүмкіндік береді және тілдік бірліктердің негізгі қызметімен байланысты заңдылықтарды ашуға жол ашады. Қоғамдық сұраныспен сәйкес міндеттердің бірі – тілдік таңбаның *семантикалық-мағыналық, семантикалық өріс* жағына қатысты мәселелер. Түркітануда етістікке қатысты пікір айтқан және арнайы зерттеу нысаны еткен еңбектерде етістік және күрделі етістіктің құрылымдық және жасалу тәсіліне қатысты сөз болды. Етістікке қатысты арнайы зерттеулер мен талдаулар жасаған түркологтар Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов, Н.П. Дыренкова, Н.А. Баскаков, М.В. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.А. Юлдашев, М. В. Зайнуллин, А.А. Коклянова, А.Қалыбаева, Ы. Маманов, Н. Оралбаева, М. Оразов, Е.Қажыбек, Б. Қасым, А. Салқынбай, Қ. Қасабекова т.б. ғалымдар зерттеулерінде және әр кезеңде шыққан түркі тілдеріндегі грамматикаларда сөзжасамның тәсілдеріне қатысты ғылыми ойлар беріледі. Түркітануда етістіктердің мағыналық жіктелуі жайлы бастапқы мағлұмат берген Н.К. Дмитриев башқорт тіліндегі етістіктерді төрт мағыналық топқа бөледі: *қозғалу, іс-әрекет, сөйлеу және ойлау* етістіктері [Дмитриев, 1948, 177-179]. А.А. Юлдашев етістікке қатысты еңбегінде етістіктердің сөзжасам тәсіліне көбірек тоқталған туынды етістік, күрделі етістік, аналитикалық формаларға қатысты көмекші етістіктердің мағынасы мен қолданылу ерекшеліктеріне талдау жасайды [Юлдашев, 212-236].

Н.А. Баскаков қарақалпақ тіліндегі *кел* және *түс* етістіктерінің қолданылу барысында ерекшелік бар екенін көрсетеді. *Түс* етістігі жоғарыдан төменге қарай бағытты білдірсе, *кел* етістігі субъектіге қарай бағытты білдіреді дейді. Ал *кет* етістігі керісінше субъектіге қарама-қарсы бағытты білдіретіндігін айтады. Етістіктерді жеті семантикалық топқа бөліп қарастырады: *іс-әрекет, күй, қозғалу, ойлау және тіл, қабылдау, түйсіну, сезім және көңіл-күй, дыбысқа* және образға *еліктеуіштер* деп бөледі [Баскаков, 313-330].

В.Ф. Вещилова түрік тіліндегі етістіктерді 4 лексика-семантикалық топқа жіктеген: 1) қозғалыс бағытын білдіретін етістіктер; 2) қозғалыстың амал-әрекеттің білдіретін етістіктер; 3) өмірдегі процестерді білдіретін етістіктер: *тамақтану, сезу-түйсіну, көру, сөйлеу, тыңдау, сезім, ойлау* т.б. 4) табиғатын құбылыстарын білдіретін етістіктер. Сонымен қатар қозғалыс етістіктерін морфологиялық құрылымы жағынан төмендегідей топтарға бөлген: *түбір, туынды (есім) және күрделі* [Вещилова, 1962, 101-115].

Орыс тіл білімінде қозғалыс етістіктерінің сөзжасамдық қабілеті туралы көп зерттелген. Орыс тілі сөзжасамында қозғалыс етістіктері етістік жүйесінде және сөзжасамдық база ретінде негізгі орынды алады. Мәселен, В.В. Лопатин, Е.А. Земская, И.С. Улуханов, З.Д. Попова, А.Н. Тихонов етістіктердің сөзжасамдық парадигмасындағы мүмкіндігін анықтайды және соған қарамастан қозғалыс етістіктеріне ғалымдар тарапынан қызығушылық бар дей келе, бүгінгі күн әлі толық қамтылмаған тұстары мен зерттелмеген қырлары бар екенін айтып: «До сих пор не предпринималась попытка выявить словообразовательный потенциал глаголов движения в синхронном аспекте, не произведен целостный анализ производных от глаголов неоднаправленного движения» деп әлі де қозғалыс етістіктерінің синхрондық тұрғыдан толық талдау жасалмағанын алға тартады [Попова, Стернин, 2007, 267]. Бұл зерттеулерде суффикстік сөзжасамдық тәсіл арқылы жасалған туынды сөздер мен олардың

тұлғалық құрамы жақсы көрсетілген. Осымен байланысты сөзжасамдық ұя туралы Н. Оралбаева орыс тіл біліміндегі пікірлер мен ойларды тұжырымдай келе: «Сөзжасамдық ұя – бір түп негіз сөзден сөзжасамдық тәсіл арқылы жасалған, жүйеге түскен, жиынтығы» деп анықтама берген [Оралбаева, 1989, 51]. Бұл анықтамада сөзжасамдық ұяның бір түпнегізден және одан жасалған туынды сөздерден құралатынын, ұядағы әр туынды сөздердің өзіндік жүйеден тұратындығы, олар белгілі құрылымдық жүйені сақтап орналасатыны, туынды сөздердің тілде *аталым* (номинация) қызметін атқаратыны тұжырымдалған. Әрине, сөзжасамдық заңдылықтардың жалпы мәселесі болғанымен қозғалыс етістіктеріне де қатысы бар.

Тілдік зерттеу – тілдің лексикалық қабаты, сөзжасамдық және грамматикалық құрылысы мен заңдылықтары, морфемдік бөлшектері, грамматикалық категориялармен байланысты сараланады және солардың негізгі мағыналары мен функционалды-прагматикалық қызметіне қатысты болады. Себебі олар бір-бірімен тығыз байланысты заңдылықтармен ұштасады [Қасым, 2015]. Бұл орайда тілде кең қолданысқа ие қимыл, іс-әрекеттердің қозғалысын көрсететін категорияны «*тұлғадан* ③ *мазмұнға*» бағытталған зерттеумен шектелмейді. Өйткені адам баласы танып-білген дүниенің тілдік бейнесі тілдік құралдардың жиынтығы арқылы қалыптасатындықтан, оның лексикамен, сөзжасаммен, грамматикамен тығыз байланысты. Сондықтан сөзжасам саласын өз шеңберінде шектемей, оның аясын тіл деңгейлерінің салалармен байланысты кешенді қарастырып, функционалды-семантикалық ұғымды жүйелі, когнитивті жиынтық ұғымдар тұрғысынан қарастыру маңызды [Қасым, 2010].

М.Оразов [Оразов, 1983] – қазақ тілінде етістікті лексика-семантикалық топтарға жіктеп көрсеткен ғалымдардан. Қазіргі кезде етістіктің жекелеген лексика-семантикалық тобы арнайы зерттелуде. Етістіктерді топтай қарастырғанда, қай тілде болса да көбірек ұшырасатыны – *қозғалыс етістіктері*. Олар семантикалық тұрғыдан қарағанда, тіпті сөйлем ішіндегі ең қомақты сөздер тобын құрайды. Қимылдың өзгеріске түсу үдерісі – *кенеттен жасалуы, баяу өтуі, созылыңқы, үдемелі, дүркінділігі, тез, баяу, немқұрайлығы* немесе *ынтамен істелуі, әдейі жасалуы*, қимылдың *басталуы* мен *аяқталу* т.б. кезеңі белгі кеңістікте және уақытпен тығыз байланысты өтуі – заңды құбылыс. Қозғалыс етістіктері өзінің семантикасында объектінің немесе субъектінің бір орнынан екінші орынға ауысуын білдіреді. Сонымен бірге бұл орын ауысудың бір ерекшелігіне кеңістіктегі жылжу ұғымы жатады. Демек, *түркі тілдеріндегі етістіктердің (*git-, *gel-, *kaş-, *kez-, *kir-, *aq-, *jort-, qaj- (обратиться назад) чув. кай- уходит, иди обратно, уйг. кай- возвращаться т.б. [ДТС, 1969].* Осымен байланысты *қозғалыс етістіктері* субъектінің қозғалысын нақтылайды; *қозғалыс құралын* білдіреді: (*тырманьп шығу* т.б.):, сипаттайды, *қозғалыс затын сипаттайды* мысалы, *аттанбақ* ③ *атқа отыру, машинамен кету* т.б.), *қозғалыс тәсілін* білдіреді т.б. Қазақ тіліндегі *ағу, көшу* т.б. етістіктерді қозғалыс бағыты тұрғысынан семантикасында қозғалыс бағыты туралы ешнәрсе айтылмайды.

ағу- қозғалыс субъектісі ретінде номинативтік тұрғыдан алғанда, бұл қозғалатын заттың белгілі формасы жоқ, сұйық зат, сұйық зат бірінен-бірі ажыратылмай жылжуы, бір нәрсенің бетімен қозғалып орын ауыстыруы.

Ақ- I 1. *течь, истекать*: *ętil suvı aqa turur qağa tüpi qağa turur* (МК I 73); <> *aq- töküil* парн. *изливаться, истекать* (МО 3); II *ау-* 1. *подниматься* (вверх) *восходить*: 2. *подниматься* (на возвышение). 3. *вдвигаться, приподниматься, подниматься* (МК 525); [ДТС, 1969]. Көнетүркі тілінде қолданыс тапқан *ағу* етістігін қозғалыс үдерісін білдіріп қоймаған, сонымен қатар жоғары көтерілу, ағып біту т.б, *течь, протекать, вытекать, литься, быть унесенным водой* [ДТС, 1969] деген мағыналы болғанын көруге болады. Оның қозғалыс бағыты туралы еш нәрсе айтылмаған. Мысалы, *ętil suvı aqa turur qağa tüpi qağa*

turur (МК І73) *Еділ суының қияға ағуы* туралы сөз болады. Бұл арада судың аққаны айтылады (судың ағу бағыты, бағыты бейтарап) ағатыны айтылмайды және сөйлемнің құрылысы оны талап етпейді. Сөйлемдегі етістікте қозғалыстың жылдамдығы туралы да айтылмайды. Ал етістіктердің бұл белгілері тек сөйлемдегі басқа көмекші етістіктер немесе басқа сөздер арқылы беріледі. Мысалы, *Ағу* етістігінің бастапқы ұғымынан жалпы кеңістіктегі қозғалыс ұғымдары туындайды. *Ақ*= етістігінің семалық құрамы: 1) сұйық заттың қозғалысы; 2) көлденең және тік кеңістікте жүзеге асады; 3) **•**уақытқа қатысты жасалу ұзақтығы бейтарап**•**. Сөйлемдегі *су ағып жат(-ыр)* етістігіндегі сема **•**созылыңқы әрекет**•** семасымен байланысқа түсіп, екі сөздің тіркесуіне негіз болған. Сондай-ақ, *ақ-* етістігі *жат(-ыр)* көмекші етістігімен тіркескенде, көлденең кеңістікте ұзыннан созыла орындалатын әрекетті білдіреді. Бұл ерекшелік *жат(-ыр)* етістігінің **•**көлденең кеңістікте орналасу**•** семасымен өзара мағыналық, семантикалық үйлесімділік табады. Мысалы, *су ағып тұр* десек, қозғалыстың жоғарыдан төмен қарай екенін білдіреді. Керісінше *су ағып отыр* немесе *су ағып жүр* деп айтылмайды, қолданылмайды, тілдік нормаға сәйкеспейді. Ол етістіктердің семантикалық тіркесімділігіне, үйлесімділігіне, талғап тіркесуіне қатысты.

Көшу етістігі де субъектінің кеңістікте бір орнынан екінші орынға ауысуын білдіреді. Сонымен бірге мұнда көшуші субъектімен бірге оның дүние-мүлкінің де көшірілгенін білдіретін астар бар және бұл арадағы етістікке ие болып отырған субъект жанды зат болатыны да белгілі қарастырылған етістіктердің семантикасы қозғалыс бағытын көрсетпегенмен, қозғалатын субъектінің қозғалу процесінің бейнесін көрсетеді. Демек, айтылған етістіктер қозғалыс бағыты тұрғысынан қарғанда бейтарап етістіктер тобына жатуы мүмкін. Бірақ бұл шарт көп жағдайда контекстке қарап белгіленеді.

Көшу етістігінің бастапқы мағынасынан жеке адамның қозғалысынан – кеңістіктегі жалпы қозғалыстың мағынасы туындайды. Мұнда көшуші субъекті жансыз зат болған дағдайда көшу етістігі өзінің номинативтік – туынды мағынамен көрінеді. Мысалы, Ауыл қыстақтан жайлауға *көшіп жатты*, жаңбыр себелеп бұлт *айналып кетті*. Қозғалыс етістіктерінің тобына жатады, бұлар қандай бір жеке қозғалысты да, сондай-ақ жалпы қозғалысты да білдіреді. Соңғысы қозғалыстың қандай жолмен жүзеге асатыны көмескі. Бұл жағдайда аталған етістік орын ауыстырудың тәсілдері белгісіз, жаяу ма, көлікпен бе т.б контекст бойынша айыруға болады.

Етістіктерді қозғалу бағыты тұрғысынан ғана емес, сондай-ақ қозғалыстың *қарқыны*, *қозғалу үдерісі* жағынан да бейтарап екені көрінеді.

-п кел. **Қозғалыс етістіктерімен** тіркескенде (*келіп жібер, айдап жібер*) + *-п АФ* (*жатыр, тұр, отыр, жүр*) етістігінің қалып семасының мағыналары жойылады. Архисемасы кеңістікте орын ауыстыру болып табылатын бұл топтағы етістіктер қозғалыстың бағыты, жылдамдығы, қозғалыс тәсілі мен құралына байланысты қимылдың түрлі ерекшелігін білдіреді [Қасым, 2016]. Қозғалыс әрекеттері уақытқа қатысты жасалу ұзақтығына қарай *бәсең, қалыпты сипаттағы және тез жасалатын қозғалыс* деп топтастырылады. Қалыпты қозғалыс бәсең және күшейтпелі дәреже ортасындағы аралық, бейтарап сипатымен ерекшеленеді. Мысалы, Қартаң әйел жұмысына *іздеп келіп*, жылады. Жалғыз қызым бар еді, айнама, тірлігімнің шынары (М.Шаханов). Кабинетке баж-бұж етіп бір қартаң әйел *кіріп келді* (М.Гумеров). Мен баспалдақпен төртінші этажға көтерілдім. Үш-төрт бала қабатынан *жүгіріп барып*: «Шеше, сүйінші, балаңыз *келді!*» – деп даурыққанда әрен оянып, алғашында түсіне қоймай, балалар «балаңыз келдінің» орнына тағы да үстемелеп «Жарас *келді!*» дегенде: «Үйбай-ау мыналар не дейді» (Т.Әлімқұлов). Қимылдың өту дәрежесі тұрғысынан бұлай жинақтап беру олардың жалпы етістіктермен тіркесімділігінің негізін көрсету үшін қажет. Бұл *тіркесімділік* арқылы қимылдың түрлі *дәрежесін* анықтауға болады:

1) қозғалыс етістігінің *уақытқа қатысты жасалуы ұзақтығы бейтарап* семасы мен көмекші етістіктің *☉созылыққы әрекет☉* семасы арқылы тіркеседі. Алдыңғы сема көмекші етістіктің *☉созылыққы әрекет☉* семасына қайшы келмейді. 2) *қозғалыс қарқыны жоғары әрекет* семасымен сипатталатын қозғалыс етістіктері *кеңістікте тік* немесе *көлденең бағытта* жүзеге асады. Егер қозғалыс көлденең қалып-жағдайдағы әрекет болса, онда бұл сема *жат(-ыр)* етістігінің дифференциалды семасынан туындайтын қимылдың жүзеге асу жағдайын көрсететін медиалды сипатына қатысты *қалып-күй* семасымен семантикалық байланысқа түседі.

-n кірді, -n шық 1) қозғалыс; 2) жердегі қозғалыс; 3) қарқыны – жай; 4) ішке кіру бағыты; сыртқа шағу бағыты, 5) көлденең кеңістікте жүзеге асады; 6) қозғалысты жасайтын – адам, субъект. **Кір+(ді)** сөзінің *қозғалыс* семасы мен *кіру* әрекетінің *көлденең кеңістіктегі қозғалыс* семасы қимылдың жүзеге асуына негіз болған. Қара бұжыр дәлдек танау, көзі ұясынан шығып адырайған, ұзын бойлы сопиған бір жігіт үйге *кірді* (Б.Майлин). Бәйбішесі мен қызынан айырылғалы Мамырбай отағасы ертеңгі шайын ішкен соң, төбе басына *шығып*, жер шұқып отыра беруші еді (Ж.Аймауытов). Қазақтың қосын, қазақтың астауын, шөмішін ес көреді. Үңірейген қосқа *кіруге* тағы батылы бармайды (Ж.Аймауытов).

-n бар- форманты жетекші етістікке амалдың бірте-бірте я үдеуін (дамуын, өсуін, өнуін), я бәсеңдеуін (солғындауын, азаюын) білдіретіндей реңк үстейді [Оралбаева, 1979]. Мысалы: *кетіп барады, кетіп қалды, көшіп барады* т.б. Мысалы, Екеуі тәуекел деп *кетіп қалды*, Таң атпай-ақ Ордаға *жетіп барды*. Ағаштан балаған қып, арша жауып, Бекініп бір дарада жатып алды (Шәкәрім).

-й кел- етістігінің семалық құрамы: 1) *бағытты*; 2) *көлденең кеңістіктегі қозғалыс*; 3) *нысанға жақындау*; 4) *уақытқа қатысты жасалуы ұзақтығы бейтарап*. Соңғы семаға қатысты: *бар, кел* әрекеттері бірі нысаннан алыстауды, екіншісі нысанға жақындауды білдіреді. Бұл қозғалыстар тез жасалғанның өзінде нәтижеге жету немесе әрекетті көрсетуде уақыт жағынан созылықты қажет етеді. Сондай-ақ, *жат(-ыр)* көлденең кеңістіктегі қалыпты білдіреді, *кел* қимылы – көлденең кеңістікте жүзеге асатын әрекет. *Жат(-ыр)* етістігінің *☉созылыққы әрекет☉* семасы мен *кел* етістігінің *уақытқа қатысты жасалуы ұзақтығы бейтарап* семасы екі сөздің тіркесуіне негіз болған: Алты күннен соң осы Құнанбай ауылдары көшкен жолмен тағы бір мол көштер *келе жатты*. Бұл – Бөкенші мен Борсақтың көші! (М.Әуезов); Бірақ бәрібір үзілісте Бекеттің далаға шыққанын *бағып тұрып*, осындай мөлшерде тиеді-ау деген шамамен, наннан опыра *үзіп алып*, ол *келгенше* бәрін де жоқ қылып, түк сезбегендей *отыра беретінмін* (Д.Исабеков). Әлгіден *жегім келіп тұрса* да, қысылғанымнан «я, аз ғана...» деп күмілжимін (Д.Исабеков). Бекет айтқандай, «менің бәсіре қойларым» осыған әбден дәнiккен бе, тар есіктен тығылыса *кіріп барып*, шашылған шөпті күрт-күрт шайнап жатыр. – Жолымыз түсіп, түнделетіп *келіп қалдық*, – деді. – деді жастау біреуі мұртының қырауын алақанымен сүртіп жатып (Д.Исабеков).

-n жүгір, -n жібер. Етістігінің «Қазақ тілінің он томдық түсіндірме сөздігінде» көрсетілген мағыналары: «1. Біреуді бір жаққа жөнелту, аттандыру, жұмсау; 2. Босату, қоя беру, ұстап қалмау, тоқтатпау; 3. Басқа етістіктермен тіркесіп, жылдамдық, тездік мән тудырады» деп көрсетілген [Оралбаева, 1979]. Мысалы: Біреу біреудікіне келгенде үйіндегі малының бәрін де *айдап келіп*, өз үйіне кісі барғанда бар малын далаға *айдап жіберетұғыны* қалай? (Абай. Қырықыншы сөз). Тілдік деректер *жібер* етістігінің хабар беру мағынасында да қолданылатындығын көрсетеді: Жаңағы шешелерден басқа жеңгелер, көрші үйлердің әйелдері, бірен-саран тыста жүрген шал-кемпір, *жүгірісіп келіп жатқан* бала-шағалар бар (М.Әуезов). Ал көмекшілік қызметте бұл етістік лексикалық мағынасын жойып, тіркескен жетекші етістікке қимылдың тез, бірден жасалғандығы мағынасын үстейді. Бұл мағына *жібер* сөзінің лексикалық мағынасының құрамында кездеспейді. Дегенмен, кейбір қозғалыс

етістіктерімен тіркескенде лексикалық мағынасының құрамындағы **жөнелту**, **қозғау салу** семасын сақтап қалады. Қозғалыс етістіктерінің архисемасы – орын өзгерту, ауыстыру, бағыттық қозғалысты білдіретін лексика-семантикалық топ жалпы қозғалыс етістіктері құрамынан дифференциалды семалары арқылы бөлініп шығады.

Қайт етістігінің семалық жіктелімі мен сөзжасамдық ұясы:

архисема – кеңістіктегі қозғалыс, орын өзгерту; *ортақ сема* – бағытты қозғалыс, нысанға жақындау; көлденең бағыттағы қозғалыс; жылдамдығы жағынан бейтарап; 1) **Шыққан орнына оралу, қайыра келу.** Ал елге қайтамын дегенің дұрыс. Ит тойған жеріне, ер туған жеріне деген (І.Есенберлин, Маңғыстау майданы). Мен кеше туған жерге барып қайттым (Т.Молдағалиев, Жүректегі жазулар). Қатша...байы көз ұшынан жоғалғанша артынан қараңғыға қарап тұрды да, ет салған қапты арқалап үйге қайтты (М.Әуезов, Қараш-қараш). 2) **Өткір заттың өтпей қалуы, жүзінің мұқалуы.** 3) ауыспалы мағына. **Әуелгі пікірінен өзгеру, таю.** Мерген жан-жағына қарап... айқайлайын деп бір оқталды да, бірақ бала шошып кетер деп бұл ойынан тез қайтты (С.Омаров, Өмір асулары). Сәндібала... күйеуінің Қалипаға деген әуелгі беттегі жаман ойынан қайтқанына қуанды (М.Дүзенов, Әке болғым келеді). Біздің Сәуле бір мінезді, Сайқал емес алдауыш. Серттен қайтпас тура сөзді, Жылан емес арбауыш (С.Сейфуллин, Шығармалар). 4) **Бұрынғы қалыптан төмендеу, бәсеңдеу, кему.** Сынып зәрлі қаһары, Қалшылдап қайтқан кәрі ашу. Сапырыла ағып барады, Сары алтындай сары су (С.Мәуленов, Алыс кетіп барамын). 5) ауыспалы мағына. **Дүние салу, өлу.** Асылыңа бір күн қайтарсың, Топырақтан болған негізің (Кердері Әбубәкір, Қазағым.). Мұқажан қайтысымен артында қалған жесірі... азын-аулақ малдарын көпке жеткізбей бошыратып, шашып алды (Б.Тілегенов, Ақ-қайнар). 6) **Қалай ету, не ету, не қылу.** Бұл кісі алмаймын десе қайтер едіңіз? (Т.Дәуренбеков, Дала.).

Кесте, 1

«Қайт» етістігіне сөзжасамдық ұя

	1-саты	2-саты	3-саты	4-саты	5-саты	
ҚАЙТ	Қайт-а	Қайта-ла	Қайтала-ғыш			
				Қайтала -қ-та	Қайталақтау	
			Қайталама	Қайтала малы		
			Қайталан		Қайталанбас	
				Қайтала ну		
				Қайтала ныл	Қайталанылу	
			Қайталап	Қайтала тқыз	Қайталапқызу	
				Қайтала ттыр	Қайталаптыру	
				Қайтала ту		
			Қайталау	Қайтала ушы	Қайталаушыл ық	
			Қайт-а-р	Қайтарма		
				Қайтарт	Қайтарт қыз	Қайтартқызу

			Қайтару	Қайтар улы Қайтар усыз Қайтар ушы	
			Қайтарыл	Қайтар ылу	
			Қайтарым	Қайтар ымды Қайтар ымсыз	Қайтарымдыл ық
			Қайтарың	Қайтар ыңқыра	Қайтарыңқыр ау
			Қайтарыс	Қайтар ысу	
Қайтқы з	Қайтқыздыр	Қайтқыздырт			
	Қайтқызу				
Қайтқы ш	Қайтқышта	Қайтқыштау			
Қайтпа	Қайтпас	Қайтпастық			
Қайтыл	Қайтылу				[2 т. 132-133б]

1-ші тік қатар сатысындағы туындылар: *қайта, қайтқыз, қайтқыш, қайтпа, қайтыл.*

2-ші қатар сатысындағы туындылар: *қайтала, қайтар, қайтқыздыр, қайтқызу, қайтқышта, қайтпас, қайтылу.*

3-ші қатар сатысындағы туындылар: *қайталағыш, қайталақ, қайталама, қайталан, қайталат, қайталау, қайтарма, қайтарт, қайтару, қайтарыл, қайтарым, қайтарың, қайтарыс, қайтқыздырт, қайтқыштау, қайтпастық.*

4-ші қатар сатысындағы туындылар: *қайталақта, қайталамалы, қайталанба, қайталану, қайталаныл, қайталатқыз, қайталаттыр, қайталату, қайталаушы, қайтартқыз, қайтарулы, қайтарусыз, қайтарушы, қайтарылу, қайтарымды, қайтарымсыз, қайтарыңқыра, қайтарысу.*

5-ші қатар сатысындағы туындылар: *қайталақтау, қайталанбас, қайталанылу, қайталатқызу, қайталаттыру, қайталаушылық, қайтартқызу, қайтарымдылық, қайтарыңқырау.*

«Қайт» етістігінен жасалған ұяда 5 тарам бар. Ең үлкен тізбектер бес туынды сөздерден құралған:

2. Қайт – қайта – қайтала – қайталақ – қайталақта – қайталақтау;
3. Қайт – қайта – қайтала – қайталан – қайталанба – қайталанбас;
4. Қайт – қайта – қайтала – қайталан – қайталаныл – қайталанылу;
5. Қайт – қайта – қайтала – қайталат – қайталатқыз – қайталатқызу;
6. Қайт – қайта – қайтала – қайталат – қайталаттыр – қайталаттыру;
7. Қайт – қайта – қайтала – қайталау – қайталаушы – қайталаушылық;
8. Қайт – қайта – қайтар – қайтарт – қайтартқыз – қайтартқызу;

Сөзжасамдық жұп:

Қайта–қайтала, қайтала–қайталау, қайталау–қайталаушы, қайталаушы–қайталаушылық;
Қайта–қайтар, қайтар–қайтарт, қайтарт–қайтартқыз, қайтартқыз–қайтартқызу;

Сонымен, қозғалыс етістіктерінің семантикасын талдай келе, мынадай қысқаша қорытынды жасауға болады. *Біріншіден*, тек қозғалыс үдерісінің өзін білдіреді. *Екіншіден*, негізгі семантикалық компоненттер – жылдамдық, түрлі бағыт – мәтін ішінен байқалады. *Үшіншіден*, бұл етістіктердің ауыспалы мағыналары да бар. Осы қаралған қозғалыс етістіктерінің ұстанымдық жақындығын айта келіп, бұлардың мағыналық жүйесінде өзіне тән ерекшеліктер бар екені ескеру қажет.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. Изд-во СССР, 1948. 276 с. {Dmitryev N.K. Grammar of the Bashkir language. M.: Izd-vo USSR, 1948. 276 p.}

Юлдашев А. А. Внутриглагольное сложение. Аффикация // Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 467 с. {Yuldashev A.A. Intraverbal addition. Affixation. // Grammar of the Contemporary Bashkir literary language. Moscow: Nauka, 1981. 467 p.}

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч. 1. М.: Изд-во СССР, 1952. 542 с. {Baskakov N.A. The Karakalpak language. Phonetics and morphology. Part 1. Moscow: Publishing House of the USSR, 1952. 542 p.}

Вещилова В.Ф. Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1962. Т. 4. С. 101-115. {Veshilova V.F. Verbs of movement in the Turkish language. Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. Vocabulary. Moscow: Nauka, 1962. T. 4. P. 101-115.}

Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 408 с. {Popova Z.D., Sternin I.A. General Linguistics. M.: AST, East-West, 2007. 408 p.}

Оралбаева Н. Сөзжасамдық тізбек. // Қазіргі қазақ тілінің сөзжасам жүйесі. Алматы: Ғылым, 1989. 367 с. {Oralbaeva N. Word formation chain. // System of word-formation of the contemporary Kazakh language. Almaty: Gylum, 1989. 367 p.}

Қасым Б. Мотивация и типы мотивированности в словообразовательной системе тюркских языках // Bulletin d'EUROTALENT-FIDJIP, 2015. № 5. ISSN-2101-5317. FRANCE (Франция), 2015. С. 6-11. {Kassym B. Motivation and types of motivation in the word-formation system of the Turkic languages. Bulletin d'EUROTALENT-FIDJIP, 2015. № 5. ISSN-2101-5317. FRANCE (France), 2015. P. 6-11.}

Қасым Б.Қ. Күрделі аталым жасалымы: когнитивті-дискурстық ұстаным (Зерттеулер). Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. 383 б. {Kassym B. Formation of complex names: cognitive-discourse criterion (monograph). Almaty: ZhK Volkova A.V., 2010. 383 p.}

Оразов М. Семантика казахского глагола (опыт семантической классификаций): дисс. ... докт.филол.наук. Алматы, 1983. 415 с. {Orazov M. Semantics of the Kazakh verbs (experience of semantic classifications): diss. ... Doctor of Philological Sciences. Almaty, 1983. 415 p.}

Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 676 с. {Ancient Turkic dictionary. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p.}

Қасым Б. Түркі тілдеріндегі қозғалыс етістіктерінің құрылымы мен мағынасы. //Академик Ө.Айтбайұлы және мемлекеттік тіл мәселелері атты халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. Алматы, 2016. 241-246 б. {Kassym B. Structure and semantics of the verbs of movement in the Turkic languages // Proceedings of the international scientific and theoretical conference dedicated to Academician O. Aytbayev and problems of the state language. Almaty, 2016. P. 241-246.}

Оралбаева Н. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы. Алматы: Ғылым, 1979. 195 б. {Oralbayeva N. Structure and semantics of analytical formants of the Kazakh verbs. Almaty: Science, 1979. 195 p.}

**ШЕТТІЛДІК ТЕРМИНДЕРДІҢ
ТҮРКІ ТІЛДЕРІНДЕ ҚОЛДАНЫЛУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ
(қазақ, түрік, әзербайжан, өзбек және башқұрт тілдерінің материалдары негізінде)**

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (на основе материалов казахского, турецкого, азербайджанского, узбекского и башкирского языков). В данной статье все термины иноязычного происхождения по способам использования в тюркских языках условно подразделены на следующие группы: использование с сохранением формы языка-источника либо языка-посредника; передача иноязычных терминов посредством исконных слов; использование терминов в соответствии с фonomорфологическими особенностями тюркских языков; собственное формoобразование тюркских языков.

Основные особенности использования иноязычных терминов в тюркских языках:

- неизменное использование иноязычных терминов в тюркских языках, как в языке-источнике либо языке-посреднике объясняются экстралингвистическими факторами (политические, экономические и т.д.);
- процент соотношения использования иноязычных терминов, созданных на базе родного языка или в виде адаптации исконным фonomорфологическим особенностям более превалирует в турецком языке, далее идет азербайджанский язык, узбекский, казахский и башкирский языки более склонны неизменному заимствованию, как в языке-источнике либо в языке-посреднике;
- собственное формoобразование (существительное, глагол, имя прилагательное) иноязычных терминов на базе родного языке во всех тюркских языках представлено одинаково.

Ключевые слова: тюркские языки, иноязычные термины, способы терминообразования, словарный фонд, фонетико-морфологические особенности.

FEATURES OF FUNCTIONING FOREIGN LANGUAGE TERMS IN TURKIC LANGUAGES (based on materials from Kazakh, Turkish, Azerbaijani, Uzbek and Bashkir languages). In this article, all terms of foreign origin by methods of use in Turkic languages are conditionally divided into the following groups: use with preservation of the form of the source language or the intermediate language; the transfer of foreign words using ancestral words; use of terms in accordance with the morphological features of the Turkic languages; own form of Turkic languages.

The main features of the use of foreign language terms in Turkic languages:

- the invariable use of foreign-language terms in Turkic languages, as in the source language or the mediator language, are explained by extralinguistic factors (political, economic, etc.);
- the percentage of the ratio of the use of foreign-language terms created on the basis of the native language or in the form of adaptation to the original phonomorphological features is more prevalent in the Turkish language, then the Azerbaijani language, Uzbek, Kazakh and Bashkir languages are more likely to be borrowed, either in the source language or in the intermediate language ;
- own form (noun, verb, adjective) of foreign-language terms based on the native language in all Turkic languages is represented equally.

Keywords: Turkic languages, foreign terms, ways of term formation, dictionary fund, phonetic-morphological features.

Кіріспе

Әлемдегі кез келген тілдің шет тілдерінен сөз қабылдайтындығы және мұндай кірме сөздер қабылдаушы тілдің фonomорфологиялық бейімделуіне байланысты екі топқа бөлінетіндігі белгілі: 1) түпнұсқа тілде немесе аралық (делдал) тілде қалай жазылса, солай жазылатын (айтылатын) сөздер; 2) фонетика-морфологиялық бейнесін өзгертіп, қабылдаушы тілдің заңдылығына икемделген сөздер. Басқа тілден сөз қабылдау мәселесін қарастыра келе, А.А. Реформатский: «Кірме сөздердің ішінен, ең алдымен, «игерілген» (усвоенные), «меңгерілген» (освоенные) және «игерілген» (усвоенные), алайда «меңгерілмеген» (не

освоенные) сөздерді ажырата білу керек» [Реформатский, 2006, 140] деген тұжырым жасайды.

Негізгі бөлім

Қазақ тілінің қазіргі қолданыстағы орфографиясында кірме сөздерге қатысты екі түрлі қағидат қолданылады: 1) қазақтың төл сөздері мен араб-парсы тілдерінен енген кірме сөздер қазақ тілінің заңдылығы бойынша жазылады (айтылады); 2) шет тілдерінен орыс тілі арқылы еніп жатқан сөздер осы тілдің орфографиясы негізінде жазылып (айтылып) келеді. Осыған байланысты әліге дейін а) кірме сөздердің барлығын (оның ішінде терминдерді де) қазақ тілінің заңдылығы бойынша жазу керек және ә) кірме сөздер орыс орфографиясымен жазылуы керек деген кереғар көзқарас бар. Өкініштісі сол, қазіргі түркі тілдерінің көбінде екінші қағидат басымдық алып келеді.

Бұрынғы Кеңес одағының құрамында болып, тәуелсіздік алған бірқатар түркітілдес мемлекеттер әліпбиін латын қарпіне ауыстырғаны белгілі. Алайда ол тілдердің терминологиясында шет тілдерінен енген терминдерді транслитерациялау және транскрипциялау мәселесі толық шешілді деп айта алмаймыз. Бұл мәселе қазіргі түркі тілдерінің барлығында бар десек қателеспейміз.

Түрік әдеби тіліне енген ғылым мен техникаға қатысты кірме терминдердің көпшілігі өзгеріссіз алынады. Өйткені олар, әдетте, «ұғымдардың бастапқы атауларын» білдіреді. Соңғы жылдары интеграциялану мен жаһандану процесіне байланысты кірме сөздер түрік тілінде еуропа тілдерінен көптеп енуде, дәлірек айтсақ, олардың негізін латын және итальян тілдерінің сөздері құрайды [Гасанли, 2009, 15].

Түрік тіліне шет тілдерінен енген терминдер негізінен төмендегіше жіктеледі: 1) ғылым мен техника саласының терминдері: а) медицина саласының терминдері: *stres (stress) – стресс; epikriz (epicrisis) – эпикриз; liposuction (liposuction) – липосакция*; ә) компьютер терминдері: *bit (bit) – бит; cobol (Cobol) – Кобол; çet (chat) – чат; hekir (haker, hacker) – хакер; internet (internet) – интернет*; б) өсімдік және жануарлар әлеміне қатысты терминдер: *buldok (bulldog) – бульдог; flâmingo (flamingo) – фламинго; çarliston (charleston) – чарльстон; greypfrut (grape fruit) – грейпфрут*; г) өнер: *caz (jazz) – джаз; fokstrot (fox-trott) – фокстрот; folk (folk) – фолк; hit (hit) – хит* және т.б.; 2) экономика саласының терминдері: *bar (bar); akseptans (acceptance); banknot (bank-note) – банкнот; çek (check, cheque) – чек; fob (free on board) – фоб; kliring (clearing) – клиринг; aktüeryal (aktuarial); marketing (marketing); partner (partner) – партнер; brokir (broker) – брокер* және т.б.; 3) қоғамдық-саяси лексика: *apartheyd (apartheid) – апартеид; boykot (boycott) – бойкот, dominyon (dominion) – доминион, lider (leader) – лидер, lord, lort (lord) – лорд* және т.б.; 4) спорт саласының терминдері: *ralli (rally) – ралли; sprint (sprint-) – спринт; hokey (hockey) – хоккей; kriket (cricket) – крикет; kros (cross) – кросс* және т.б.; 5) шоу-бизнес (сән, мәдениет, музыка, кино, телевидение) саласының терминдері: *blazer (blazer) – блейзер; frak (frock) – фрак; кер (cap) – кепи; tabloid (tabloid) – таблоид; rating (rating) – рейтинг, soundtrack – саундтрек* және т.б. [Мамедова, 2009, 137-142].

Зерттеушілердің көрсетуінше, әзербайжан тіліне шет тілдерінен енген терминдер негізінен тілдік заңдылықтарға бейімделіп алынады. Мысалы, *infrastruktur (инфраструктура), magistral (магистральный), bakterial (бактериальный), industriya (индустрия), hidro-inşaat (гидро-строительство), deaktivləşdirmək (деактивизировать), etnoqrafiya (этнография), makrobentos (макро-бенгос), makrofauna (макро-фауна)* және т.б. [Пашаева].

Өзбек тіліне шет тілдерінен енген терминдер негізінен аралық (делдал) орыс тілі арқылы алынып, өзбек тілінде айтылуына жақындатуға тырысу байқалады. Алайда өзбек тіліндегі банк-қаржы саласы терминдерінің 30%-ы кірме сөздер болып табылады. Мысалы,

akkreditiv (аккредитив), aktiv (актив), aksiya (акция), aliment (алимент), amortizatsiya (амортизация), arxiv (архив), auditor (аудитор), budjet (бюджет), integratsiya (интеграция), fiuchers (фьючерс), resurs (ресурс) және т.б. Бұл терминдердің көпшілігі «игерілген» (усвоенные) және «меңгерілген» (освоенные) терминдер саналады. Өйткені олар қоғамдық өмірде кең қолданылатын сөздер болып табылады [Ширинова].

Башқұрт тіліндегі кірме терминдер: 1) шеттілдік аналогтарымен құрылымы сәйкес келетін сөздер; 2) термин қабылдаушы тілдің құралдарымен ішінара рәсімделген сөздер (аффикстік элементтердің қысқаруы немесе түсірілуі) болып жіктеледі [Кагарманов, 1981, 19].

Зерттеушілердің пікірінше, қазіргі башқұрт тілінің ғылыми-техникалық терминологиясы тілдік бірліктерді толықтай немесе олардың бөліктерін (түбір, аффикстік морфемалар, қысқарған сөздер және т.б.) шет тілдерінен алу жолымен дамуда. Терминдердің біразы түбір морфемаларға башқұрт тілінің сөз тудырушы құралдарының жалғануы арқылы және калькалау жолымен игерілгенімен, мысалы, *комбайнсы, нефтсе, подрядсы, тракторсы* және т.б., ауызекі тілде және жазба тілде *комбайнер, нефтяник, подрядчик, тракторист* сөздері қатар қолданылады [Вопросы развития... , 1994, 51]. Алайда башқұрт тілінде кез келген салаға шет тілдерінен еніп жатқан терминдер орыс тілінің заңдылығы бойынша (бірдей жазылып және айтылып) алынуда. Мысалы, спорт саласының терминдері: *софтбол, фристайл, кикбоксинг, пауэр-лифтинг, полиатлон, мини-футбол* және т.б.

Башқұрт тілінің арнайы (махсус) лексикасын (кәсіби және терминологиялық) зерттеген Ф.Ф. Кагарманов башқұрт тіліндегі ғылыми терминологияның 60-65%-ы орыс тілінен және орыс тілі арқылы басқа шет тілдерінен енгендігін айтады. Статистикалық мәліметтер бойынша, «Башкорт теленең һүзлеге» (М., 1993) сөздігінде латын тілінен (328), грек (225), орыс (201), араб (99), француз (86), неміс (37), итальян (31), ағылшын (28), голланд (14) тілдерінен енген терминдер берілген. Алайда «Башкортса-русса һүзлек» сөздігінде төл башқұрт арнайы (махсус) лексикасы этнография, ботаника, зоология, тарих және салаларында басымырақ [Кагарманов, 2002, 129].

Қазіргі кезде «халықаралық» деп аталып жүрген шеттілдік терминдердің түркі тілдерінде қолданылуын қарастыра келе, біз оларды шартты түрде төмендегідей топтарға бөліп қарастырамыз.

1. Шеттілдік терминдердің түркі тілдерінде түпнұсқадағы немесе аралық (делдал) тілдегі формасын сақтап қолданылуы

Шеттілдік терминдердің кез келген тілге енуіне ең алдымен қазіргі кезде ғылым мен техниканың дамуы себеп болып отыр. Сонымен қатар мұндай кірме терминдердің қатарына қандай да бір «шетелдік өмірдегі» реалийді белгілейтін сөздерді де жатқызуға болады.

Қазақ тіліндегі шеттілдік терминдер орыс тілі арқылы қабылданып, орыс тілінің айтылу нормасына «бейімделіп» алынған. Мысалы: ағылшын – *agent*, орыс – *агент*, қазақ – *агент*; ағылшын – *bank*, орыс – *банк*, қазақ – *банк*; ағылшын – *grant*, орыс – *грант*, қазақ – *грант*; ағылшын – *deposit*, орыс – *депозит*, қазақ – *депозит*; ағылшын – *journal*, орыс – *журнал*, қазақ – *журнал*; ағылшын – *impeachment*, орыс – *импичмент*, қазақ – *импичмент*; ағылшын – *capital*, орыс – *капитал*, қазақ – *капитал*; ағылшын – *license*, орыс – *лицензия*, қазақ – *лицензия*; ағылшын – *memorandum*, орыс – *меморандум*, қазақ – *меморандум*; ағылшын – *oligarchy*, орыс – *олигархия*, қазақ – *олигархия*; ағылшын – *patent*, орыс – *патент*, қазақ – *патент*; ағылшын – *resident*, орыс – *резидент*, қазақ – *резидент*; ағылшын – *standard*, орыс – *стандарт*, қазақ – *стандарт*; ағылшын – *transit*, орыс – *транзит*, қазақ – *транзит*; ағылшын – *franchise*, орыс – *франшиза*, қазақ – *франшиза*; ағылшын – *hedge*, орыс – *хедж*, қазақ – *хедж*; ағылшын – *cedel*, орыс – *цедел*, қазақ – *цедел*; ағылшын – *cent*, орыс – *цент*, қазақ – *цент*; ағылшын – *charter*, орыс – *чартер*, қазақ – *чартер*; ағылшын – *cipher*, орыс –

шифр, қазақ – *шифр*; ағылшын – *export*, орыс – *экспорт*, қазақ – *экспорт*; ағылшын – *usance*, орыс – *юзанс*, қазақ – *юзанс*; ағылшын – *yard*, орыс – *ярд*, қазақ – *ярд* және т.б.

Салыстырылып отырған түркі тілдеріне енген шеттілдік терминдердің басым көпшілігі ғылым мен техника саласына қатысты. Мысалы: ағылшын – *accessory*, түрік – *aksesuar*, әзербайжан – *aksesuar*, өзбек – *aksesuar*; ағылшын – *bank*, түрік – *bank*, әзербайжан – *bank*, өзбек – *bank*; ағылшын – *index*, түрік – *indeks*, әзербайжан – *indeks*, өзбек – *indeks*; ағылшын – *code*, түрік – *kod*, әзербайжан – *kod*, өзбек – *kod*; ағылшын – *credit*, түрік – *kredit*, әзербайжан – *kredit*, өзбек – *kredit*; ағылшын – *office*, түрік – *ofis*, әзербайжан – *ofis*, өзбек – *ofis*; ағылшын – *patent*, түрік – *patent*, әзербайжан – *patent*, өзбек – *patent*; ағылшын – *certificate*, түрік – *sertifikat*, әзербайжан – *sertifikat*, өзбек – *sertifikat*; ағылшын – *trance*, түрік – *trans*, әзербайжан – *trans*, өзбек – *trans*; ағылшын – *softball*, орыс – *софтбол*, башқұрт – *софтбол*; ағылшын – *freestyle*, орыс – *софтбол*, башқұрт – *фристайл*; ағылшын – *kickboxing*, орыс – *кикбоксинг*, башқұрт – *кикбоксинг*; ағылшын – *power lifting*, орыс – *пауэр-лифтинг*, башқұрт – *пауэр-лифтинг*; ағылшын – *polyatlon*, орыс – *полиатлон*, башқұрт – *полиатлон*; ағылшын – *mini football*, орыс – *мини-футбол*, башқұрт – *мини-футбол* және т.б.

Шеттілдік терминдердің түркі тілдерінде, соның ішінде, басымдығы бойынша келтірсек, қазақ, өзбек және әзербайжан тілдерінде түпнұсқадағы немесе аралық (делдал) тілдегі формасын сақтап қолданылуын бұл мемлекеттердің бұрынғы Кеңес одағының, ал башқұрт халқының қазіргі кезде Ресейдің құрамында болуымен және орыс тілінің әсері күшті болғандығымен (әлі де болып отырғандығымен) түсіндіруге болады. Ал түрік елінің саяси жүйесі басқа болғандықтан, мұндай әсер айтарлықтай байқалмайды.

2. Шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің төл сөздерімен аударылып қолданылуы

Қазақ тілінде терминжасам тәсілдерінің бірі ретіндегі шеттілдік терминдердің баламасы ретінде төл тілдің сөздерін қолдану ХХ ғасырдың басында Алаш зиялыларының еңбектерінен бастау алғанымен, Кеңес одағы тұсында саяси жағдайдың ықпалынан әлсіреп қалып, тәуелсіздік алған жылдары біршама қарқын алды. Мысалы; ағылшын – *authority*, орыс – *авторитет*, қазақ – *бедел*; ағылшын – *administration*, орыс – *администрация*, қазақ – *әкімшілік*; ағылшын – *blocking*, орыс – *блокировка*, қазақ – *бұғам*; ағылшын – *version*, орыс – *версия*, қазақ – *нобай*; ағылшын – *diversification*, орыс – *диверсификация*, қазақ – *әртараптандыру*; ағылшын – *document*, орыс – *документ*, қазақ – *құжат*; ағылшын – *initiative*, орыс – *инициатива*, қазақ – *бастама*; ағылшын – *collective*, орыс – *коллектив*, қазақ – *ұжым*; ағылшын – *method*, орыс – *метод*, қазақ – *әдіс*; ағылшын – *modernization*, орыс – *модернизация*, қазақ – *жаңғырту*; ағылшын – *motivation*, орыс – *мотивация*, қазақ – *уәжділік*; ағылшын – *neutrality*, орыс – *нейтральность*, қазақ – *бейтараптық*; ағылшын – *optimization*, орыс – *оптимизация*, қазақ – *оңтайландыру*; ағылшын – *organizer*, орыс – *организатор*, қазақ – *ұйымдастырушы*; ағылшын – *plan*, орыс – *план*, қазақ – *жоспар*; ағылшын – *privatization*, орыс – *приватизация*, қазақ – *жекешелендіру*; ағылшын – *region*, орыс – *регион*, қазақ – *өңір*; ағылшын – *recommendation*, орыс – *рекомендация*, қазақ – *ұсыным*; ағылшын – *season*, орыс – *сезон*, қазақ – *маусым*; ағылшын – *situation*, орыс – *ситуация*, қазақ – *жағдаят*; ағылшын – *sponsor*, орыс – *спонсор*, қазақ – *демемуші*; ағылшын – *structure*, орыс – *структура*, қазақ – *құрылым*; ағылшын – *sovereignty*, орыс – *суверенитет*, қазақ – *егемендік*; ағылшын – *unification*, орыс – *унификация*, қазақ – *біріздендіру*; ағылшын – *financing*, орыс – *финансирование*, қазақ – *қаржыландыру*; ағылшын – *fund*, орыс – *фонд*, қазақ – *қор*; ағылшын – *form*, орыс – *форма*, қазақ – *нысан*; ағылшын – *expert*, орыс – *эксперт*, қазақ – *сарапшы* және т.б.

Салыстырылып отырған түрік, әзербайжан және өзбек тілдерінде шеттілдік терминдердің аударылып қолданылуы олардың қазақ және башқұрт тілдеріндегі мөлшеріне

қарағанда басымырақ. Мысалы, ағылшын – *act*, түрік – *hareket*, өзбек – *harakat*; ағылшын – *audit*, түрік – *denetim*; ағылшын – *auditor*, түрік – *denetçi*; ағылшын – *auctioner*, түрік – *mezatçı*; ағылшын – *balance*, түрік – *denge*, әзербайжан – *balans*, өзбек – *muvozanat*; ағылшын – *businessman*, түрік – *işadamı*, әзербайжан – *biznesmen*, *iş adamı*, өзбек – *tadbirkor*; ағылшын – *debit*, түрік – *borç*, әзербайжан – *debet*, өзбек – *debet*; ағылшын – *deposit*, түрік – *mevduat*, әзербайжан – *depozit*, *əmanət*, өзбек – *depozit*; ағылшын – *dealer*, түрік – *satici*, *toptancı*, *borsa ajanı*, әзербайжан – *diler*, өзбек – *sotuvchi*; ағылшын – *dualism*, түрік – *ikilik*, әзербайжан – *dualizm*, өзбек – *dualizm*; ағылшын – *import*, түрік – *ithalat*, әзербайжан – *idخال*, өзбек – *import*; ағылшын – *indicator*, түрік – *gösterge*, әзербайжан – *indiqator*, өзбек – *belgisi*; ағылшын – *industry*, түрік – *endüstri*, әзербайжан – *sənaye*, *industri*, өзбек – *sanoat*; ағылшын – *innovation*, түрік – *yenilik*, әзербайжан – *innovasiya*, *yenilik*, өзбек – *yangilik*; ағылшын – *capital*, түрік – *sermaye*, әзербайжан – *kapital*, өзбек – *sarmoya*; ағылшын – *client*, түрік – *müşteri*, әзербайжан – *müşteri*, өзбек – *mijozlar*; ағылшын – *company*, түрік – *şirket*, әзербайжан – *şirkət*, өзбек – *kompaniya*; ағылшын – *coefficient*, түрік – *katsayi*, *koefisyan*, әзербайжан – *əmsal*, өзбек – *nisbati*; ағылшын – *lot*, түрік – *parça*, *tür*, *parti(mal)*, әзербайжан – *lot*; ағылшын – *memorandum*, түрік – *muhtura*, әзербайжан – *memorandum*, өзбек – *memorandum*; ағылшын – *memorial*, түрік – *anıt*, әзербайжан – *memorial*, *xatirə*, өзбек – *yodgorlik*; ағылшын – *manager*, түрік – *yönetmen*, әзербайжан – *menecer*, өзбек – *menejer*; ағылшын – *monopoly*, түрік – *tekel*, *tek satıcı*, әзербайжан – *inhisarçılıq*, өзбек – *monopoliya*; ағылшын – *order*, түрік – *sipariş*, *talimat*, әзербайжан – *order*, өзбек – *buyurtma*; ағылшын – *offset*, түрік – *dengeleme*, әзербайжан – *ofset*, өзбек – *ofset*; ағылшын – *resident*, түрік – *oturan*, әзербайжан – *rezident*, өзбек – *rezident*; ағылшын – *reforms*, түрік – *reform*, әзербайжан – *islahat*, өзбек – *islohotlar*; ағылшын – *summit*, түрік – *zirve*, әзербайжан – *sammit*, *zırvə*, өзбек – *sammit*; ағылшын – *sanction*, түрік – *yaptırım*, әзербайжан – *sanksiya*, өзбек – *sanksiya*; ағылшын – *swing*, түрік – *sallamak*, әзербайжан – *sving*, өзбек – *tebranish*; ағылшын – *switch*, түрік – *şalter*, *değiştirmek*, әзербайжан – *svitç*, өзбек – *switch*; ағылшын – *tender*, түрік – *ihale*, әзербайжан – *tender*, өзбек – *tender*; ағылшын – *urbanization*, түрік – *kentleşme*, әзербайжан – *urbanizasiya*, өзбек – *urbanizatsiya*; ағылшын – *factor*, түрік – *faktör*, әзербайжан – *faktor*, *amil*, өзбек – *omil*; ағылшын – *economist*, түрік – *ekonomist*, әзербайжан – *iqtisadçı*, өзбек – *iqtisodchi*; ағылшын – *jurisdiction*, түрік – *yargı*, әзербайжан – *yurisdiksiya*, өзбек – *yurisdiktsiya* және т.б.

Біздің байқағанымыз, шеттілдік терминдерге балама ретінде өз тілінің сөздік қорын қолдану түрік тілінде басымдау болса, одан кейінгі орында әзербайжан тілі тұрады, ал өзбек, қазақ және башқұрт тілдерінде бұл құбылыстың деңгейі төмен.

3. Шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің фонеморфологиялық ерекшелігіне бейімделіп қолданылуы

Қазақ тіліндегі терминдер негізінен орыс тілі арқылы (орыс тіліндегідей жазылып, айтылады) қабылданғанымен, кейінгі кездері тіліміздің айтылуына «сындырып алу» процесі байқалады. Мысалы, ағылшын – *euro*, орыс – *евро*, қазақ – *еуро*; ағылшын – *eurobank*, орыс – *евробанк*, қазақ – *еуробанк* және т.б.

Мұндай құбылыс салыстырылып отырған түрік, әзербайжан, өзбек тілдерінде қазақ және башқұрт тілдеріне қарағанда басымырақ. Мысалы, ағылшын – *agent*, түрік – *ajan*, әзербайжан – *agent*, өзбек – *agent*; ағылшын – *base*, түрік – *baz*, әзербайжан – *baza*, өзбек – *baza*; ағылшын – *devaluation*, түрік – *devalüasyon*, әзербайжан – *devalvasiya*, өзбек – *devalvatsiya*; ағылшын – *dynamics*, түрік – *dinamik*, әзербайжан – *dinamika*, өзбек – *dinamika*; ағылшын – *logistics*, түрік – *lojistik*, әзербайжан – *lojistik*, өзбек – *logistika*; ағылшын – *offshore*; түрік – *off-shore*, әзербайжан – *ofşor*; өзбек – *offshor*; ағылшын – *policy*; түрік – *poliçe*, әзербайжан – *polis*; өзбек – *siyosat*; ағылшын – *sector*; түрік – *sektör*, әзербайжан – *sektor*; өзбек – *sektor*; ағылшын – *strategy*; түрік – *strateji*, әзербайжан – *strategiya*; өзбек –

strategiya; ағылшын – *cipher*; түрік – *şifre*, әзербайжан – *şifr*; өзбек – *shifr*; ағылшын – *directive*, орыс – *директива*; башқұрт – *директив*, ағылшын – *bondage*; орыс – *кабала*; башқұрт – *кабал*, ағылшын – *program*; орыс – *программа*; башқұрт – *программ*, ағылшын – *system*, орыс – *система*; башқұрт – *систем* және т.б.

Шеттілдік терминдерді өз тілдерінің фономорфологиялық ерекшелігіне бейімдеп қабылдау түрік тілінде басымдау болса, одан кейінгі орында әзербайжан тілі тұрады, ал қазақ, өзбек және башқұрт тілдерінде бұл құбылыстың деңгейі төмен.

4. Шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің өзіндік формаларымен түрленуі

Бұл тәсіл әлемнің барлық тілдерінде кездеседі. Мысалы, ағылшын тіліндегі **-tion** жұрнағы орыс тіліне **-ция** жұрнағымен аударылса, қазақ тілінде орыс тіліндегі нұсқасы сол күйінде қабылданады (**-ция**) немесе орыс тіліндегі нұсқасына **-лау** жұрнағы жалғанады; ағылшын тіліндегі **-ization** жұрнағы орыс тіліне **-изация** жұрнағымен аударылса, қазақ тілінде орыс тіліндегі нұсқасы сол күйінде қабылданады (**-изация**) және орыс тіліндегі нұсқасына **-деу/-дау/-леу**, **-ландыру**, **-тану**, **-мендіру** жұрнақтары жалғанады; ағылшын тіліндегі **-ing** жұрнағы орыс тіліне **-ние**, **-инг** жұрнақтарымен аударылса, қазақ тілінде орыс тіліндегі нұсқасы сол күйінде қабылданады (**-ние**, **-инг**) және **-тау//дау //деу//леу//лау** жұрнақтары жалғанады және т.б. Мысалы, а) зат есім: ағылшын – *importer*; орыс – *импортер*; қазақ – *импорттаушы*; ағылшын – *agency*; орыс – *агентство*; қазақ – *агенттік*; ағылшын – *bankruptcy*; орыс – *банкротство*; қазақ – *банкроттық*; ағылшын – *bootlegging*; орыс – *бутлегерство*; қазақ – *бутлегерлік*; ағылшын – *keynesianism*; орыс – *кейнсианство*; қазақ – *кейнсшілдік*; ә) етістік: ағылшын – *attestation*; орыс – *аттестация*; *аттестаттау*, ағылшын – *commercialization*; орыс – *коммерциализация*; қазақ – *коммерцияландыру*, ағылшын – *ratification*; орыс – *ратификация*; қазақ – *ратификация*, *ратификаттау*; ағылшын – *regulation*; орыс – *регламентация*; қазақ – *регламенттеу*; б) сын есім: ағылшын – *absolute*; орыс – *абсолютный*; қазақ – *абсолюттік*; ағылшын – *abstract*; орыс – *абстрактный*; қазақ – *абстрактілі*; ағылшын – *affiliated*; орыс – *аффилированный*; қазақ – *аффилирленген*; ағылшын – *audited*; орыс – *аудитруемый*; қазақ – *аудиттелетін*; ағылшын – *audited*; орыс – *аудитруемый*; қазақ – *аудиттелетін*; ағылшын – *proportional*; орыс – *пропорциональная*; қазақ – *пропорционал*; ағылшын – *autocratic*; орыс – *автократический*; қазақ – *автократиялық* және т.б. және т.б.

Бұл тәсіл салыстырылып отырған өзге түркі тілдерінде де қолданылады. Мысалы, ағылшын – *amortization*; түрік – *amortisman*, әзербайжан – *amortizasiya*; өзбек – *amortizatsiya*; ағылшын – *reformer*; орыс – *реформатор*; қазақ – *реформалаушы*; түрік – *reformcu*, әзербайжан – *islahatçı*; өзбек – *islohotchi*; ағылшын – *idealism*; орыс – *идеализм*; башқұрт – *идеализмсылық*; ағылшын – *agitate*; орыс – *агитировать*; башқұрт – *агитирләу*; ағылшын – *to finance*; орыс – *финансировать*; башқұрт – *финансирләу*; ағылшын – *to export*; орыс – *экспортировать*; башқұрт – *эспортирләу*; ағылшын – *reconstruct*; орыс – *реконструировать*; башқұрт – *реконструктирләу*; ағылшын – *discriminate*; орыс – *дискриминировать*; башқұрт – *дискриминациялау*; ағылшын – *ratify*; орыс – *ратифицировать*; башқұрт – *ратификациялау* және т.б.

Қорытынды

Қазіргі кезде «халықаралық» деп аталып жүрген шеттілдік терминдердің түркі тілдеріндегі қолданылуы шартты түрде төмендегідей топтарға бөлінді:

- шеттілдік терминдердің түпнұсқадағы немесе аралық (делдал) тілдегі формасын сақтап қолданылуы;
- шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің төл сөздерімен аударылып қолданылуы;
- шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің фономорфологиялық ерекшелігіне бейімделіп қолданылуы;

- шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің өзіндік формаларымен түрленуі.

Шеттілдік терминдердің түркі тілдерінде қолданылу ерекшеліктері төмендегіше тұжырымдалды:

- шеттілдік терминдердің қазақ, өзбек және әзербайжан тілдерінде түпнұсқадағы немесе аралық (делдал) тілдегі формасын сақтап қолданылуы бұл мемлекеттердің бұрынғы Кеңес одағының, ал башқұрт халқының қазіргі кезде Ресей құрамында болуымен және орыс тілінің әсері күшті болғандығымен (әлі де болып отырғандығымен) түсіндіруге болады, ал түрік елінің саяси жүйесі басқа болғандықтан, мұндай әсер байқалмайды;

- қазақ тілінде терминжасам тәсілдерінің бірі ретіндегі шеттілдік терминдердің баламасы ретінде төл тілдің сөздерін қолдану XX ғасырдың басында Алаш зиялыларының еңбектерінен бастау алғанымен, Кеңес одағы тұсында саяси жағдайдың ықпалынан әлсіреп қалып, тәуелсіздік алған жылдары біршама қарқын алды, ал шеттілдік терминдерге балама ретінде өз тілінің сөздік қорын қолдану түрік тілінде басымдау болса, одан кейінгі орында әзербайжан тілі тұрады, ал өзбек, қазақ және башқұрт тілдерінде бұл құбылыстың деңгейі төмен;

- шеттілдік терминдерді өз тілдерінің фонеморфологиялық ерекшелігіне бейімдеп қабылдау түрік тілінде басымдау болса, одан кейінгі орында әзербайжан тілі тұрады, ал қазақ, өзбек және башқұрт тілдерінде бұл құбылыстың деңгейі төмен;

- шеттілдік терминдердің түркі тілдерінің өзіндік формаларымен (зат есім, етістік, сын есім) түрленуі бірдей деңгейде.

ӘДЕБИЕТ

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект пресс, 2006. 536 с. {Reformatsky A.A. Introduction to linguistics. Moscow: Aspect press, 2006. 536 p.}

Гасанли Ш. Заимствованные слова в турецком литературном языке. // Вопросы терминологии. Баку: «Эльм», 2009. С. 14-22. {Hasanli Sh. Borrowed words in the Turkish literary language // Questions of terminology. Baku: «Elm», 2009. P. 14-22.}

Мамедова Н. Я. Обогащение словарного состава турецкого литературного языка английскими заимствованиями // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 22 (61). № 3. 2009 г. С. 137-142. {Mammadova N. Ya. Enriching the vocabulary of the Turkish literary language with English borrowings // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. in and Vernadsky. Series «Philology. Social Communications». Volume 22 (61). №. 3. 2009. С. 137-142.}

Пашаева Г.Б. Функциональные особенности терминов (на материале азербайджанского языка) // www.gramota.net. {Pashaeva G.B. Functional features of terms (on the material of the Azerbaijani language) // www.gramota.net}

Ширинова Е. Заимствование как способ обогащения банковско-финансовой терминологии узбекского языка // <http://gisap.eu/ru/node/29180>. {Shirinova E. Borrowing as a way of enriching the banking and financial terminology of the Uzbek language // <http://gisap.eu/en/node/29180>}

Кагарманов Г.Г. Вопросы нормализации общественно-политической терминологии башкирского языка // Развитие терминологии башкирского литературного языка (Исследования и материалы). Уфа, 1981. С. 16-28. {Kagarmanov G.G. Questions of the normalization of the socio-political terminology of the Bashkir language. Development of the terminology of the Bashkir literary language (Studies and materials). Ufa, 1981. P. 16-28.}

Вопросы развития научно-технической терминологии современного башкирского литературного языка // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии: Сб. Статей. / УНЦ РАН. Уфа, 1994. С. 51-54. {Questions of development of scientific and technical terminology of the modern Bashkir literary language // Actual problems of the Bashkir lexicology and lexicography: Sat. Articles. / UNSC RAS. Ufa, 1994. P. 51-54.}

Каһарманов F.F. Башкорт теленең лексикаһы һәм терминологияһы. Уңыу әсбабы. Стәрлетамақ, 2002. 318 б. {Kagarmanov G.G. Vocabulary and terminology of the Bashkir language. Tutorial. Starletamak, 2002. 318 p.}

УДК 811.512.154'28

Г. Э. Садыралиева, г. Бишкек

КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕГИ САЯСИЙ ДИСКУРС

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ. *Актуальность данной работы связана с тем, что в современном мире политический дискурс становится самостоятельным смысловым полем - некой реальностью, которая существует и развивается по определенным законам. В статье уточнено понятие "дискурс" в целом и "политический дискурс" в частности, рассмотрены различные подходы в лингвистическом исследовании политического дискурса. В статье рассматриваются вопросы, связанные с политическим дискурсом кыргызского языка. Анализируются процесс формирования политического текста, его результаты и экстралингвистические факторы, специфика данного процесса в условиях Кыргызстана. Автор приходит к заключению, что политический дискурс является специфической разновидностью дискурса, активно влияет на движение политических процессов в республике.*

Ключевые слова: политическая лингвистика, дискурс, метафора, номинация, коннотация, лексика.

POLITICAL DISCOURSE IN KYRGYZ LANGUAGE. *The article deals the political discourse in Kyrgyz language. The process of forming a political text, its results and extralinguistic factors is analyzed. The relevance of this work is connected with the fact that in the modern world political discourse becomes an independent semantic field - a certain reality that exists and develops according to certain laws. The process of the formation of the political text, its results and extralinguistic factors, the specifics of this process in the conditions of Kyrgyzstan are analyzed. The author comes to the conclusion that political discourse is a specific type of discourse, actively influences the movement of political processes in the republic.*

Keywords: political linguistics, discourse, metaphor, nomination, connotation, vocabulary.

Саясий лингвистика - лингвистика жана саясий илимдеринин негизинде пайда болгон лингвистиканын бир тармагы. Ал азыркы лингвистикалык тармактар, өзгөчө прагматингвистика, коммуникативдик жана когнитивдик лингвистика менен тыгыз байланышат.

Саясий лингвистика илимине кызыгуу орус тил илиминде 90-жылдардын башында пайда болгон. Алсак, Алтунян, Проскураков, Шейгал ж.б.лардын эмгектери саясий лингвистиканын маселелерине арналган. Саясий лингвистиканын негизги маселелерин, предметин аныктаган, тил илиминдеги ордун кеңири камтыган эмгек орус изилдөөчүсү А.Чудиновдун «Саясий лингвистика» (2003) аттуу эмгегин белгилөөгө болот.

Азыркы саясий лингвистикага азыркы тил илиминин негизги өзгөчөлүктөрү толугу менен мүнөздүү. Алсак, антропоцентризм (тилдик кубулуштарды изилдөөдө адам жана анын жүрүм-туруму негизги мааниге ээ болот), функционализм (тилди иш-аракеттерде изилдөө), экспланатордук (тилдик фактыларды сыпаттап гана койбостон, ага түшүндүрмө берет [Чудинов, 2003].

Саясий коммуникациянын негизги мүнөзү, белгилери катары төмөнкү антиномияларды бөлүп көрсөтүүгө болот:

- 1) ритуалдуулугу жана информативдүүлүгү;
- 2) институционалдуулугу жана жекече мүнөзгө ээ болуусу;
- 3) эзотерикалуулугу жана жалпыга жеткиликтүү болгондугу;
- 4) редуционизм жана саясий тексттеги маалыматтын көп аспектте болушу;
- 5) саясий тексттин авторунун болушу жана анонимдүүлүгү;
- 6) саясий тексттин интертекстуалдуулугу жана автономдуулугу;
- 7) саясий коммуникациядагы агрессивдүүлүк жана толеранттуулук [Чудинов, 2003].

Саясий лингвистиканын негизги түшүнүгү саясий дискурс болуп саналат. Саясий дискурс өзгөчө мүнөзгө ээ болгон, саясий бийликти багындыруу жана бекемдөө максатын көздөгөн дискурстун түрү. Лингвистикалык адабиятта *саясий дискурс* бүтүндөй бир бирдикти түзгөн элементтердин жыйындысы катары көп аспектилүү жана көп пландуу кубулуш.

Демек, саясий дискурс - саясий талкууларда колдонулаган бардык тилдик актылардын, ошондой эле салт болуп калган жана тажрыйбадан өткөн коомдук саясаттын эрежелеринин жыйындысы [Сорокин, 1997].

Акыркы мезгилде саясий дискурс маселелери Е.И. Шейгалдын «Саясий дискурстун семиотикасы» деген эмгегинде толук изилдөөгө алынган. Бул эмгекте саясий дискурс, дискурстун башка түрлөрү сыяктуу эле *реалдуу жана виртуалдуу* деген эки ченемге ээ.

Реалдуу ченем – бир социалдык мейкиндиктеги кеп ишмердиги, ошондой эле анын натыйжасында пайда болгон, лингвистикалык, пралингвистикалык жана экстралингвистикалык факторлордун карым-катышынан турган кеп чыгармачылыгы, текст.

Дискурстун виртуалдык ченеми - вербалдык жана вербалдык эмес белгилерди камтыган семиотикалык мейкиндик. Анын денотаты - саясий дүйнө, бул чөйрөгө таандык болгон айтымдардын тезаурусу, кептик иш-аракеттердин жана жанрлардын моделдери [Шейгал, 2000].

Ю. А. Сорокин саясий дискурсту идеологиялык дискурс менен карым-катышта аныктайт: Саясий дискурс – идеологиялык дискурстун бир түрү. Бирок саясий дискурс эксплицитикалык прагматикага ээ, ал эми идеологиялык – имплицитикалык прагматикага ээ. Дискурстун биринчи түрү – субдискурс, экинчи түрү – метадискурс [Сорокин, 1997].

Демек, *саясий дискурс* термини лингвистикалык адабиятта кең жана тар мааниде колдонулат. Кең маанисинде пикир алышууга катышкан субъект, адресат же маалыматтын мазмунусаясий чөйрөгө тиешелүү болот. Тар маанисинде саясий дискурс – саясий бийликти сактоо жана жүргүзүүнү максат кылган дискурстун бир түрү. Изилдөөдө дискурстун кең маанисине таянып, саясий тексттин жаралыш процесси, анын жыйынтыгы, ага таасир эткен экстарлингвистикалык факторлорду да киргизүүгө болот.

Азыркы тил илиминде «дискурс» термини бардык тилдик жана тилдик эмес факторлордун жыйындысынан түзүлгөн ар кандай кепти жана кеп чыгармачылыгын аныктайт.

Кыргыз тил илиминде саясий дискурс азырынча илимий изилдөөгө алына элек, жаңы багыттардын бири.

Саясатты түшүнүү аракеттери байыркы доордо эле башталган. Ал мамлекет менен кошо пайда болуп, аны менен бирге өнүгүп келе жатат. Саясий тармакты таануунун алгачкы формасы диний-мифологиялык чечмелөөлөргө байланыштуу болгон. Сакталып калган тарыхый булактарда алгачкы доордо биздин эрага чейинки I-II миңинчи жылдарда бардык элдерде бийликти жана коомдогу саясий түзүлүштү кудай жараткан деген түшүнүк орун алган. Бир миңинчи жылдардын орто ченинде саясий көз караштарды адамдын акыл-эсине байланыштырып түшүндүрүү аракеттери, алгачкы саясий категориялар менен аныктамалар пайда болот. Кийинчерээк философиялык-этикалык мүнөздөгү саясий теориялар иштелип чыгат. Ошентип, саясат теориялык жактан изилдене баштайт. Чыгыш өлкөлөрүнүн атактуу окумуштуулары Конфуций, Мо-Цзы, Заратустралардын, Батыштагы Сократ, Платон, Аристотель, Цицерондордун чыгармаларында саясат адамдын жыргалчылыкка жетишүү жолдорун иликтөөчү, жакшы мамлекеттик түзүлүштү камсыз кыла турган илим катары берилген. Аристотель саясат таануунун изилдөө объектилери катары акыйкатчылык, адамдарга жакшылык кылууну белгилеген. Улуу ойчул акыйкатчылык, адамдарга жакшылык кылуу акылдын күчү менен курулган мамлекетте гана болушу мүмкүн деген пикирде болгон. Аристотелдин ою боюнча, бардык илимдердин жана өнөрлөрдүн арасында саясат таануу

өзгөчө орунду ээлейт. Жарандарды тарбиялап, алардын эң жакшы адамдык сапаттарын өстүрүү жана жүрүш-турушун оңдоо анын негизги максаттары болуп саналат. Демек, Аристотелдин көз карашында, саясат таануу адамдарды акыйкат жакшы турмушта чогуу жашоого үйрөтүү үчүн зарыл.

Ал эми саясий бийлик кандайдыр бир деңгээлде тил аркылуу ишке ашат. Тил менен саясатчы тилдик жөнөкөй ыкмалардын жардамы менен реципиенттин инсандык чөйрөсүнө өтөт. Мисалы, «мен» деген ат атоочтун ордуна «биз» ат атоочун колдонот, пикир алышуу тилин тандайт (кош тилдүүлүк болсо), же манипуляциялык ыкма сыяктуу (тилдик оюн) татаал формаларды тандайт. Манипуляциялык ыкма – элге өзүнүн көз карашын, пикирин таңуулоо болуп саналат. Адресант аны чындык деп эсептебейт, бирок өзү үчүн пайдалуу. Бул көрүнүш реципиент тарабынан сынчылдык ойломго тоскоол кыла турган атайын ыкманы колдонуу менен байланыштуу.

Бийликтин тили бардык коомчулукта пайдаланылат. Алсак, диктатура шартында тил коомго үстөмдүк кылууда негизги курал катары колдонулат. Ал эми күчтүү демократиялык коомдо тилди өз орду менен, ыктуу колдонуу жалпы коомчулук арасында өзүнчө бир пикирди, көрүнүштү жаратат, башкача айтканда, бийликти кармоонун негизги куралы деп айтууга болот.

Саясий дискурстагы тилдин кызматын изилдөөдө эки негизги маселе бар – *бийликтин тили* жана *тилдин бийлиги*. *Бийликтин тили* - учурдагы бийлик кандай сүйлөгөндүгүн, кандай тилдик каражаттарды жана ыкмаларды колдонорун аныктайт, т.а, бул лингвистиканын предмети. Ал эми *тилдин бийлиги* - ал тилдик каражаттар жана ыкмалар жалпы элдик массага кандай таасир этиши. Бул саясий лингвистикада иликтөөгө алынышы керек [Маслова, 2008].

Саясатчынын кеби жалпы элдик массанын аң-сезимине туура таасир бериши керек, анын айтымдары жалпы көз караштарга жана адресаттардын пикирине ылайыкталат. Ошондуктан дасыккан саясатчы кебинде жалпыга маалым ар кандай символдорду, архетиптерди жана ритуалдарды колдонот. Кыргыз тилиндеги саясий кепке кыргыздын ат оюндарына, согушка, ооруга байланыштуу лексикасынын негизинде түзүлгөн метафоралык түшүнүктөр мүнөздүү. Мисалы: *шайлоого ат салышуу, мөөрөйдү алуу, шайлоого аттануу, атка минер, оорукчан коом, маалыматтык согуш* ж.б.

Саясатчынын кеби дайым эле аргументтешпейт жана логикалык жактан байланыштуу болбойт. Албетте, бул көрүнүш кокустук эмес, анткени кээде өзүнүн кызыкчылыгын коргоп жатып, угуучунун эмоциясына, сезимине жана башка моралдык жагдайына таасир этиши мүмкүн. Дагы бир таасирдүү ыкма – адамдын когнитивдик чөйрөсүнө тиешелүү түшүнүктөрдү да камтып кетүү болуп саналат. Мындай учурда бир ойдон экинчи бир ойго билгизбей өтүп кетүүгө болот [Маслова, 2008].

Бийликтин тили карама-каршылыктуу келет. Бир жагынан, ал бардык адамдарга белгилүү болот. Белгилүү болгондой, саясатта көпчүлүк талаш-тартыштар, талкуулар сөз үчүн келип чыгат. Башкача айтканда, кээ бир саясатчылар сөздү кебинде туура эмес, же атайын максатты көздөп колдонушу мүмкүн.

Экинчи жагынан, саясатчылар коомго тил аркылуу таасир кылуусу үчүн, көпчүлүк калк тилдин ролун толук аңдап билбөөсү зарыл. Ошентсе да, саясатчылар өздөрү тилдин саясий дискурстагы ордун дайым эле биле беришпейт.

Тилдик оюн – тилдеги бир эле сөздүн ар кандай түрдө, мааниде колдонуу. Мисалы, депутаттар, саясатчылар, атка минерлер көп колдонгон сөздөргө булар кирет. Мисалы: *мамлекет – өлкө, Мекенибиз, жерибиз; эл – журт, калк, карапайым калк, жарандарыбыз, коомчулук, электорат, шайлоочулар* ж.б.

Бул синоним сөздөрдүн ар биринин колдонулуш чөйрөсү бар, таасир этүүчү касиетке ээ. Алсак, тигил же бул депутат карапайым элдин алдына келгенде кебинде бул сөздөрдү колдонот: *калайык, эл-журт, аталар, энелер, бир туугандар* ж.б. Албетте анын кеби элдин аң-сезимине таасир калтыруу, өзү жөнүндө жакшы пикир жаратуу максатын көздөйт.

1.Саясий чөйрө үчүн сөздүн негизги маанисин күчөтүп, ага байланыштуу коннотацияны, өзгөчө оң маанидеги сөздөрдү колдонуу мүнөздүү. Сөздүн маанисине таасир этүү анын сырткы формасын өзгөртүү аркылуу ишке ашат. Алсак, сөздөрдү кыскартуу, аббревиация ж.б. Мисалы: *Ж.Оторбаевдин жумуштан кетишине ЖК депутаттары себепкер* (интернет).

2.Сөздөр аркылуу манипуляция кылуу. Мында сөздүн маанисине негизделбестен, тигил же объектти атоода тиешелүү сөздү тандап алуу. Натыйжада модалдуулук сүйлөөчү тараптын пайдасына өтөт. Мисалы: *Кыргызстанда гендердик маселе мышык ыйлай тургандай* (интернет).

Бул сүйлөмдө терс маанидеги коннотация *мышык ыйлай тургандай* деген туруктуу сөз айкашы менен берилип, субъекттин баалоосун эксплицитикалык каражат аркылуу туюндуруп жатат.

Сүйлөөчүнүн мындай номинацияны колдонушунун эки себеби бар: а)аудитория терс жана нейтралдуу баалаган объектти оң жана нейтралдуу багытка буруу же тескерисинче максатты көздөө. Объекттин терс образын жаратуу үчүн терс маанидеги сөздөр, компоненттер колдонулат. Ал эми оң образды жаратуу үчүн нейтралдуу жана оң маанидеги сөздөр, сөз айкаштары колдонулат.

Тилдик материалды талдоонун жыйынтыгында азыркы учурда саясий тилге, өзгөчө дүйнөлүк саясий системанын өзгөрүшүнө экстралингвистикалык факторлор чоң таасир этери маалым болду. Кийинки мезгилдерде пейоративдик лексика, терс коннотациядагы лексика, кеңири колдонулуп келе жатат. Мисалы: *Деги, мамлекеттин маанилүү тармагын ушундай “эрдиктери” менен атагы чыккан, суу куйду чиновникке ишенип берүүгө болобу? Ал атка минер сактыгынан эмес, суктугунан кетти.*(интернет). Бул мисалдагы *суу куйду* «жинди, акылсыз» деген маанини берсе, экинчи мисал кыргыз тилиндеги макалдын мисалында алынып отурат. Ошондой эле кыргыз саясатында мындай бир топ сөздөр бар: *сасык саясат, башынан ылдый суу куйду, мээси жок, иммунитетти начар* ж.б.

Саясий лингвистикада терс маанидеги коннотация салыштырмалуу көбүрөөк колдонулгандыгы байкалат. Натыйжада, социалдык-саясий лексиканын басымдуу колдонулушу - коркунучтуу лингвистикалык синдром. Себеби ал элдин социалдык жана нравалык турмушуна түз байланышат.

Тигил же бул сөздүн коннотациясын жана модалдуулугун эвфемизм, какшык сөздөр өзгөртө алат. Мисалы: *Биздин депутаттар абдан чарчап кеткендиктен, каникулга кетүүнү чечишти* (Алиби).

Саясатчылар колдонгон сөздөр, көбүнчө, денотаттар менен дал келсе, коннотациясы боюнча айырмаланат. Мисалы, *контртеррористтик операция жана согуш, кан төгүү жана өлтүрүү*. Мындай өз ара синонимдик мааниде келген сөздөр тилде *прагмема* деп аталат.

Ал эми саясатчылардын, депутаттардын, атка минерлердин иштерин сындаган макалалар массалык-маалымат каражаттарында ар кандай лексикалык каражаттар менен берилип келет. Албетте, ММКнын тили өзүнчө изилдөөнүн талап кылат.

Ошентип, саясий дискурста тилдеги сөздөр мааниси өзгөртүлүп, же объектти аныктоо үчүн тиешелүү сөздөрдү тандап алуу жолу менен колдонулат.

Жыйынтыктап айтканда, саясий лингвистика азыркы мезгилде тил илиминин негизги багыты болуу менен бирге, жаңыдан изилдене баштаган илимдердин бири. Анын ичинен кыргыз тилинин саясий лингвистикасы өзүнчө илимий изилдөөнүн талап кылат.

Адабияттар

Маслова В. В. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып.1 (24). Екатеринбург, 2008. с.43-48. {Maslova VV Political discourse: language games or word games? *Political Linguistics*. Вып.1 (24). Ekaterinburg, 2008. P. 43-48.}

Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997. {Sorokin Yu.A. Political discourse: an attempt to interpret the concept. *Political discourse in Russia*. М., 1997.}

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. {Sheigal EI The semiotics of political discourse. Volgograd, 2000.}

Чудинов А.П. Политическая лингвистика / Общие проблемы, метафора. Учеб.пособие. Екатеринбург, 2003. 194 с. {Chudinov A.P. Political linguistics / Common problems, metaphor. Training. Ekaterinburg, 2003. 194 p.}

УДК 811.512.141 (092)

З. А. Сиразитдинов, г. Уфа

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ СЛУЖЕНИЮ РОДНОМУ ЯЗЫКУ (к юбилею З. К. Ишмухаметова)

В статье рассматривается биография, научная деятельность кандидата филологических наук Ишмухаметова З.К. Ученый внес вклад в башкирскую лингвистическую науку, его исследование лексико-семантических характеристик, фонетической и морфологической структур, проблем словообразования и синтаксических функций звукоподражательных слов выявило много новых научных фактов. Ученый участвовал в составлении академических двуязычных, толковых, орфографических словарей башкирского языка. Отмечается несомненный вклад ученого в башкирскую лексикологию и лексикографию.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, башкирский язык.

A LIFE DEVOTED TO THE SERVICE OF HIS NATIVE LANGUAGE (to the birth anniversary of Z. K. Ishmukhametov). *The article examines the biography, scientific activity of Candidate of Philology Ishmukhametov Z.K. .. The scientist contributed to the Bashkir linguistic science, his study of lexico-semantic characteristics, phonetic and morphological structures, word formation problems and syntactic functions of onomatopoeic words revealed many new scientific facts. The scientist participated in the compilation of academic bilingual, explanatory, spelling dictionaries of the Bashkir language. There is an undoubted contribution of the scientist to the Bashkir lexicology and lexicography.*

Key words: lexicography, lexicology, Bashkir language.

Ишмухаметов Зайнулла Кулмухаметович родился 15 января 1933 г. в деревне Юлук Гафурийского района БАССР в семье колхозника. Он рано осиротел: мать умерла когда ему не было еще и трех лет, отец ушел на фронт в начале войны, героически погиб, защищая его светлое будущее, как миллионы советских воинов. Начальное образование Зайнулла Кулмухаметович получил в родной деревне. Затем он был определен в детский дом №5 г. Уфы и одновременно учился в интернате №9. Он рос смышленным, рано появился интерес к родному языку, к языку на котором, прижимая его к груди, пела колыбельную мама, которую, по его воспоминаниям, он не помнил, но навсегда сохранил в душе ее голос, ее песню.

После школы Зайнулла Кулмухаметович поступил учиться на восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М. Ломоносова. В 1958 г., получив специальность филолога-востоковеда, он был направлен в Башкирский филиал академии наук СССР. В это время Институтом истории, языка и литературы была подготовлена рукопись первого академического Русско-башкирского

словаря, которая была отправлена в Москву в издательство для печати [Русско-башкирский словарь, 1964]. Но отсутствие специалиста по башкирскому языку сдерживало его издание.

По прибытию в БФАН СССР Зайнулла Кулмухаметович был прикомандирован на полгода в редакцию для работы над корректурой и редакцией словаря. На исполнительного и эрудированного специалиста, прекрасно владеющего тюркскими, арабским и персидским языками, обратили внимание и предложили остаться в Москве. Но тяга к родному краю, желание служить языку той колыбельной песни, слова которой он и не помнил, была сильнее. В январе 1959 г. Зайнулла Кулмухаметович вернулся в Башкирский филиал академии наук и был принят на работу в Институт истории, языка и литературы старшим лаборантом в сектор толкового словаря.

Со дня принятия в сектор, он активно включился в работу по созданию картотечной лексической базы толкового словаря. Отметим, что составление словника словаря и сбор иллюстративного материала был проведен на высоком уровне. Ни одно из художественных произведений того времени не осталось в стороне. Зайнулла Кулмухаметович нашел в архиве Книжной палаты республики единственный сохранившийся экземпляр произведения Т.Хайбуллина «Сурагул», язык которого является удивительно сочным и красочным, отражающим до тонкостей быт башкирской жизни, и расписал по краточкам.

Далее Ишмухаметов З.К. участвовал в подготовке инструкции для составления самого словаря, разработал его макет. С 1963 г. по 1980-е годы Зайнулла Кулмухаметович активно участвовал в написании словарных статей, им был выполнен объем работы в 60 а.л. После он был включен в редколлегию по подготовке словаря к изданию, являлся одним из ответственных редакторов [Башкорт теленең һүзлеге, 1993].

На ряду с выполнением тематической работы сектора, молодой исследователь работал по индивидуальному плану: занимался исследованием одной из сложных и нерешенных на тот момент вопросов башкирской лексикологии — звукоподражательной лексики. К тому времени звукоподражательные слова не являлись объектом самостоятельного исследования, рассматривались в контексте либо подражательных слов [Ишбулатов, 1962, с. 18; Юсупов, 1962, с. 39], либо междометий [Кейекбаев, Фәритов, Ғәлләмов, 1967, с. 242]. Это отрицательно сказывалось на практике преподавания, поскольку учебники родного языка не освещали такой крупный пласт лексики, придающий речи полноту изображаемой картины, делающий ее живой и яркой, экспрессивной и динамичной. С другой стороны изучение звукоподражательных слов имело бы и теоретическое значение, оно способствовало бы раскрытию путей возникновения отдельных категорий башкирской лексики, помогло бы проследить их становление и развитие. Ишмухаметов З.К. блестяще исследовал данный пласт лексики и в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию [Ишмухаметов, 1970].

Проведенное им исследование лексико-семантических характеристик, фонетической и морфологической структур, проблем словообразования и синтаксических функций звукоподражательных слов выявило много новых научных фактов. Автором в частности было отмечено, что:

звуковое строение слов этой группы несвойственно фонетической структуре других лексических групп;

с точки зрения морфологической структуры они представляют первичную основу;

они активно выступают как словообразующие средства;

в речи они могут выступать в функции любых членов предложения.

Эти факты позволили Ишмухаметову З.К. прийти к выводу о необходимости рассматривать их как отдельную категорию лексики [Ишмухаметов, 1970, с. 20].

Автором в работе отмечены также и интересные закономерности в структуре звукоподражательных слов. Так гласные фонемы используются для характеристики

звуковых явлений со стороны тона: широкие гласные **а, э, о, ө** используются в башкирском языке для передачи сильных звуков, из которых **а** содержится в словах, передающих самый сильный звук. Узкие гласные **е(э), и, у, ү, ы** — для выражения сравнительно слабого звука, из них **и** передает звук наименьшей силы: **данк (донк)** — гулкий звук, **голк** — звук глотания жидкости, **гөп** — звук падения тяжелого предмета, **пыр** — порхания [Ишмухаметов, 1970, с.10]. Согласные фонемы же передают различия в характере звука: **б, п, з, к, т, д** — взрывные согласные передают резкость, неожиданность, краткость; **ғ, г, ф, 3, с, ҫ, х, ш, һ, х** — щелевые гласные характеризуют протяженность; **м, н, р, л** — сонорные гласные выступают в передаче длительных и резонирующих звуков [Ишмухаметов, с. 1970, с. 10-11].

Данная работа, сыгравшая значительную роль в разграничении лексических категорий в башкирском языкознании не была в свое время издана. По нашему мнению, она должна быть опубликована как монографическая работа в серии научных трудов, сыгравших роль в становлении национальной лингвистической науки.

С 1980 г. Зайнулла Кулмухаметович участвовал в создании инструкции, затем был одним из составителей и редакторов академического башкирско-русского словаря [Башкортса-русса һүзлек, 1996].

С конца 80-х годов Ишмухаметов участвовал в составлении двухтомного академического русско-башкирского словаря и орфографического словаря башкирского языка [Русско-башкирский словарь, 2005; Ишмухаметов, Суфьянова, 2002].

Мне, выросшему в городе, закончившему аспирантуру по математической лингвистике в Казахстане, научную деятельность в стенах ИИЯЛ пришлось начать в качестве составителя этого словаря. И я считаю большой удачей то, что лексикографическую деятельность я начал в одном кабинете с Зайнуллой Кулмухаметовичем. По каждому вопросу я обращался к нему, и он всегда спокойно и мягко, без всякого тона поучительства разъяснял значения того или иного слова.

В ноябре 1996 г. он как-то задал мне вопрос о том, где я беру на зиму мясо. Узнав, что в Буздякском районе в д. Канны-Тюркеево (он знал откуда родом моя супруга, видимо, заранее предполагал, что за продуктами ездю туда), он изъявил желание составить мне компанию. Вопрос с транспортом он взял на себя. В субботу утром мы встретились, нас повез его сын Азамат, чья деятельность была связана с нефтяным бизнесом. Он не разделял желание отца ехать за 150 километров и брать мясо целыми ляжками, когда его полно в магазине и не надо разделявать. Отец молчал. Тогда в Канны-Туркеево еще сохранялись традиции забивания скота, одним из атрибутов которого был “өмә” (созыва соседей и родственников). После раздела туши на крупные части, нас позвали за праздничный стол. На дастархан, ломящийся от угощений, подали подносы с бишбармаком. Каждому отдельно поднесли тарелки, на которых возвышались крупные куски свеже сваренного мяса, затем подали пиалы с шурпой, заправленные курутом, и потекла неторопливая беседа о предках и о нелегкой жизни их потомков в “лихие девяностые”. Зайнулла Кулмухаметович спрашивал о быте и традициях сельчан, уточнял значения некоторых диалектных слов и был безмерно счастлив тому, что присутствовал в реальном воплощении той жизни, которая все больше остается только в лексикографии с пометой этнографизм. После застолья всем присутствующим в мешочках раздали на прощание “өлөш” — мясо которое гости “не осилили”, да и как его можно было осилить, когда был сытный бишбармак. Только вечером мы выехали обратно. Дорога была разбитой, между Канны Туркеево и райцентром тогда еще не было “рахимовского” асфальтового шоссе. Была сильная метель, Азамат медленно вел новенький Ланд Круйзер, груженный горами мяса. Зайнулла Кулмухаметович был задумчив, через некоторое время он обратился к сыну: “Знаешь, Азамат, дело не в мясе. Мы живем один раз в этом мире. Я, будучи в экспедиционных выездах, был почти во всех башкирских деревнях, но ни разу не

был в Канны-Туркеево, так уж сложилось. Часто слышал о традициях и обычаях гостеприимных жителей этой деревни. Теперь я считаю себя счастливым: увидел и услышал речь и быт всех представителей моего народа, языку которого посвящена моя жизнь”. Не знаю, может он слукавил: хотел показать сыну-горожанину его корни, но был он безмерно рад...

Через год Зайнулла Кулмухаметович трагически погиб. Не стало еще одного истинного знатока и глубокого ценителя языка и культуры своего народа. Всего им опубликовано более 30 научных трудов.

Он до последних дней служил башкирскому языку: четыре капитальных академических словаря, которые определили целую веху в башкирской лексикографии, явились базой для последующего уже десятитомного толкового словаря, стали монументами для него и его коллег — служителям родному языку.

Литература

Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г.Ураксина. М., 1996. 884 с. {Bashkir-Russian Dictionary / Ed. Z.G.Uraksin. M., 1996. 884 p.}

Башкорт теленең һүзлеге. 2 томда. Т. 1 (А-М), М., 1993. 862 б.; Т. 2 (Н-Я), М., 1993. 814 б. {Bashkir Language Dictionary. Vol. 1 (A-M), M. 1993, 862 p.; Vol. 2 (H-Y), M., 1993. 814 p.}

Ишбулатов Н. Х. Хәзерге башкорт теле: һүз төркөмдәренәң бүленеш. Өфө, 1992. 128 б. {Ishbulatov N.Kh. Modern Bashkir language: parts of speech. Ufa, 1992. 128 p.}

Ишмухаметов З. К. Звукоподражательные слова башкирского языка: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Уфа, 1970. 21 с. {Ishmukhametov Z.K. Onomatopoeic words of the Bashkir language: Author's abstract. diss. cand. philol. sciences. Ufa, 1970. 21 p.}

Ишмухаметов З. К., Суфьянова Н. Ф. Оффографический словарь башкирского языка. Уфа, 2002. 351 с. {Ishmukhametov Z.K., Sufyanova N.F. Dictionary of the Bashkir language. Ufa, 2002. 351 p.}

Кейекбаев Ж. Ф., Фәритов Х. С., Ғәлләмов А. И. Башкорт теле дәреслеге. 1 китеп. Өфө, 1964. 264 б. {Kiekbaev, Dj. G., Faritov Kh.S., Gallamov A. I. Textbook of the Bashkir language. Part 1. Ufa, 1964. 264 p.}

Русско-башкирский словарь / Под ред. К.З.Ахмерова. М., 1964. 986 с. {Russian-Bashkir dictionary / Edited by of K. Z. Akhmerov. Moscow, 1964. 986 p.}

Русско-башкирский словарь: В 2-х т. / под ред. З. Г. Ураксина. Т. 1. (А-О). Уфа, 2005, 807 с.; Т. 2 (П-Я). Уфа, 2005. 680 с. {The Russian-Bashkir Dictionary: In 2 volumes / Edited by of Z.G.Uraksin. T. 1 (A-O). Ufa, 2005, 807 p.; T. 2 (P-Z). Ufa, 2005. 680 p.}

Юсупов Х.Г. Башкорт теленең окшатыу һүзәрә хакында // Башкортостан укытыусыһы. 1962. № 4, 39-41 б. {Yusupov Kh.G. Reverend words of the Bashkir language. In: *Teacher of Bashkortostan*. 1962. No. 4. P. 39-41.}

УДК 398.22(=512/141)

Р. А. Султангареева, г. Уфа

УРАЛ-БАТЫР: ДЕМИУРГ, ВЕРОУЧИТЕЛЬ и АРХЕТИП ПРОРОКА с.г.с. (текстовые аргументы)

В статье впервые рассматриваются пророческие мотивы в эпосе «Урал-батыр», роль, миссия Урала как Пророка с.г.с., создателя учения о Добродетели, изменившего мировоззрение народов. Устанавливаются пратекстовые свидетельства эпоса «Урал-батыр», особенности доминантов духовно-нравственных, дидактических, религиозных начал, характеризующих главный эпос башкир.

Ключевые слова: миф, сказитель, пророк, эпос, ритуал, творчество, философия, импровизация, поэтика, мотив

URAL-BATYR: the DEMIURGE, the MASTER and ARCHETYPE of the PROPHET (text arguments). *The article deals for the first time with prophetic motifs in the Ural-Batyr epic, the role, mission of Ural as a Prophet, Creator of the doctrine of Virtue that changed the worldview of peoples. The author provides evidence of the epos Ural-Batyr, the features of the dominant moral, didactic, religious principles that characterize the main epos of Bashkir.*

Keywords: myth, narrator, prophet, epic, ritual, creativity, philosophy, improvisation, poetics, motif.

Идея-символ о Добродетели является основой мировых эпосов «Авесты», «Ригведы», «Эдды», далее «Манас»а, «Джангар»а, «Кобланды-батыр»а, «Ньюргун–Батыра», «Маадай–Кара» и др. Главная форма Добродетели – жертвенность во имя других обозначена в мировой мифологии, а имя “Урал”, соответствуя индогерманскому слову-предложению “Человек–Земля”, конкретизирует самую архаичную модель осознания происхождения Земли. Это есть миф о возникновении из тела погибшего первопредка Урал-батыра (в ведийско-арийской космогонии весь мир произошел из тела Пуруши, в германо-скандинавской мифологии Вселенная рождается из тела Имира, в древнеиранской “Авесте” космос возникает из тела человека по имени Гайомарт) Земли. Эпос “Урал-батыр” – архетип мышления, когда человек отождествляется с Землей и Космосом и первым слагает учение о Добродетели. Тело Урала – это сущность и явление, прошлое и настоящее, изначалие и конец во имя продолжения, оно вбирает Космос и Землю и Подземный мир! Следовательно, допустимо гипотетически объяснить совершенно непонятную чужеродцам и самим башкирам величайшую, генетически кровнородственную, бессознательно-безграничную жертвенную Любовь башкира к своей Земле-Уралу. Он веками защищал Его, проливая реки крови, отдавая в бесчисленных восстаниях и справедливых войнах свои жизни и жизни детей, самоотверженно, отчаянно защищал Урал во имя того, чтобы никто не смел осквернять, топтать это священное для него место. Такая любовь башкира к Урал-тау основана на многовековом изначальном осознании Урала как живого тела – живого фетиша, признания в нем мировой Матери и мирового Отца! В эпосе «Идукай и Мурадым» эта истина лаконично передана в строках «Урал безгэ Эсэ ул, Урал безгэ Ата ул ! Уралға һүз тигезгән тимә бала, хәжә ул!»(И Мать нам Урал-тау, И Отец нам – Урал-тау! Кто дурное скажет об Урале – только рожденный вне родства чужак !”. С Уралом народ соединял себя как неотрывную часть с целым, самой истинно священной святыней. Именно в этой логике и Истине строится , казалось бы немыслимая, но реальная связь Мысли, Слова эпоса и современных открытий по гаплогруппам этносов-творцов. Концепт этот позволяет бесспорно точно устанавливать этническую идентификацию эпосов и других словесных творений, осознать глубинные пути движений Духа, Языка того или иного народа , которые нельзя и невозможно подменять.

Эпос, как первородный Закон народа, рождает заново своего творца в каждый новый виток Времени. Урал–батыр по своему происхождению и эпохальной миссии появления на арену мира выполняет задачи как Спасителя - творца, так и первого религиозно-нравственного Учителя. Как первотворец свода нового мировоззрения, учения о Добродетели Урал -батыр проявляет выдающиеся качества – Пророка.

Стремление постижения и отображения в эпосе конечного результата в эволюции Природы, Человека, его духовно-нравственных возможностей выводит на первый план учение и образ Победителя, действующего на уровне Пророка. Доминанта эта становится основным идеологическим, эпосообразующим, философско-поэтическим кредо как эпосов, так и последующих традиций сложения богатырских сказок. На новом этапе развития сознания и историко-социальных условий действующим лицом решающих событий становится Батыр, носитель не только огромной физической силы, но и мудрости, статуса мудреца, повелителя, покровителя Рода. В его действиях проявляются учения, поступки Пророка, формирующего мировоззрение, идеалы народов. Символично-образный связный текст осознания мира - Эпос застаёт нас на этапе идеализации сверхчеловека, демиурга, Батыра, объединяющего Человека и Вселенную. Он на много веков определяет идейную основу и стиль сюжетообразований эпических сказаний. Батыр, придя на смену идеализации

одного-объединяющего всех Человека-идеи, представляет следующую ипостась эпического носителя Закона и мировоззрения, т.е. архетипа – Пророка.

Победители в лице главных героев – Батыров являются символами, защитниками, образцами поведения избранных Всевышним Мужчин и носителями идеалов народов. Башкирский Урал батыр, уйгурский Абахай-Пахта, казахский Кобланды, кыргызский Манас, алтайский Маадай-Кара, ногайский Муса, общетюркский Алпамыша, калмыцкий Джангар – это протообразы носителей спасительных идеалов о защитниках обитаемой Земли, страны и поборников духовной свободы. Они, как органические живые части своих пространств, родились в своих странах и на родных землях, потому не стали рабами, а стали творцами новых учений и способов гуманизации общества! В жизни народов по сей день они представляют непререкаемые примеры добродетели и истинных служителей справедливости, Любви к земле, самое главное-носителей идей единства с родной Землей, то есть тех качеств, которые делают современного Человека непоколебимым против выпадов Времени.

Эпос «Урал батыр» является наиболее древним пратекстом из известных (тюрко-монгольских) эпических сказаний о демиургах. Возникший в глубокой древности, он вобрал реалии архаичных традиций, ритуалов, мифов о космизации логического обустройства мира и об истинном назначении Человека в новой цивилизации.

Малый объем текста при особой архаичности, колоссальной информативности сюжета эпоса “Урал-батыр” по сравнению с другими эпосами есть само по себе феноменальное явление. Оно может быть объяснено только тем, что эпос “Урал-батыр” некогда сложился как пратекст всех индоевропейских, ведийских сюжетов, посвященных мифам о сотворении мира и предназначении Человека. В течение веков эпос “Урал-батыр” как живой Родник питал духовные поиски и творчество других народов, в своем тексте удерживая первородно архаические символы и смысловые коды. Сюжет доносит события следующего за многими другими периода цивилизации. Янбике говорит сыновьям “Когда мы пришли сюда, земля еще была в болотистая, зверей и птиц было мало..”. Культурное Время в эпосе охватывает очередной период сотворения мира после глобальной катастрофы до провозглашения Добродетели как основного спасительного Закона разумного человеческого сообщества.

Күккә лә осор Якшылык В небо взлетит Добродетель,

Телдән дә төшмәс Якшылык! С языка не сойдет Добродетель (БХИ, 1998).

Далее осмысление Времени, Космоса, Пространства, Места, идеалов Вечной жизни и преданной Любви к родной Земле дается на фоне подвигов, поисков, ошибок и самопожертвования Урала. Поступок этот может быть истолкован как высшая форма Добродетели, способной воссоздать мир! Эти особенности аргументируют статус пратекста эпоса ”Урал-батыр “ на фоне остальных эпосов о Батырах-демиургах. Слова завещания умирающего Урал-батыра (“Пусть Добро будет Вашим именем, Человек пусть будет Родом вашим!” ...) объясняют главную цель создания и причину прочной сохранности текста эпоса в этносознании. Декларирующие общечеловеческие задачи слова были некогда сочинены самим Пророком, позже в этносознании народа приобрели статус Батыра. Первым сочинителем и провозгласившим некогда эпос как закон и был Урал Пророк! (это, возможно, условное Имя). Для аргументации показателен эпизод совета Людей с животными. В эпосах других народов (якутском, алтайском и др.) главный Герой держит Совет с мудрецами, аксакалами, сильными воинами-друзьями. В башкирском эпосе Янбирды и Янбике, Урал советуется с животным, птичьим мирами о том, как найти и убить Смерть. Священный Ворон, отказываясь найти Смерть, произносит главную мысль – философию о нераздельности, вечном противостоянии, борьбе и единстве Жизни и Смерти:

Куйан һымак җайһылар Словно зайцы, если некоторые

Йылына ике-өс түлләһә, Три раза в год будут плодиться

Унан безгә ни файза? Какая нам от того польза?

По религиозным преданиям известно, что Пророки знали языки Природы, животных и умели вести речь, беседовать с ними. Сулейман знал языки птиц, муравьев, Юныс – рыб, Дауыт – змей, пауков и т.д.. Эпизод Совета зверей, птиц в эпосе “Урал-батыр” свидетельство не только первобытной архаики и древности сюжета, а скорее пророческого происхождения

текстов. Первоначальная сила повествования связана со сложением Закона, объединяющего людское сообщество в Разумном и Добром началах. Эпос достоверно транслирует действия и могущество Урала как Пророка:

Урал алға сапқан, ти Урал вперед поскакал, оказывается
Аты дингез ярған, ти Конь его море разверзал, оказывается,
Аты барған урында Там, где конь проходил,
Һыу алмаҫтык юл булып Являлась дорога, свободна от воды
Зур тау ҡалға барған, ти Возникла там большая гора.
Һыу эсенән бары халык Весь народ из воды так
Шунан сыға барған, ти Выходил оттуда, говорят.

Этот эпизод напрямую обнаруживает параллели с чудодейством Пророка Моисея (Мусы), разверзшего палкой и молитвой море и спасшего народы! Мы полагаем, что Урал (царь Уранус у скифов – его след. ипостась) как первый идеолог, оракул, демиург, восставший против насилия и подавления слабых, Зла, гордыни, порождавших Хаос и спасший народы от рабства и царства звероподобных людей (“кеше ҡаны булмаған дейеүзәрҙе сорғотоп”) - Он сам и был законодателем норм Жизни, Первым сочинителем и исполнителем эпоса “Урал-батыр”! Отличительный морально-нравственный посыл и доминирующая дидактическая направленность, нравоучительные интонации и назидания, как качественные характеристики эпоса “Урал-батыр” свидетельствуют об этом. Учения о Добродетели-Якшылык, поэтические насихаты о правах человека и человечности (“Олоно оло итегез, кәңәш алып йөрөгөз, кесене кесе итегез, кәңәш биреп йөрөгөз “ и др.) представляют не что иное, как законы жизни и рода человеческого, изменившие мировоззрение народов. От пророков остаются книги-учения. От Заратустры-“Авеста”, от Мусы- “Таурат-Шариф”, от Даута “Забур”, от Мухаммеда пророка – “Аль-Коран Карим”, а от Урала- эпос-закон “Урал-батыр”- великая книга Жизни. Спасенные от драконов и чудовищ люди благодарно признаются Уралу: ”Помощь, которую ждали от Тенгри, ты нам дал, о, Егет !” В эпосе заложена идея ниспослания свыше великой несокрушимой Силы тому, кто творит и безмерно верен Добродетели, ставит безопасность Страны (Иль) выше личной и потому становится Победителем не только над внешними врагами, но создателем нового спасительного мировоззрения - т.е. Пророком. Урал-пророк и был идеологом нового прогрессивного Учения о Добродетели. Эта гипотеза имеет все основания исследоваться как объективно открывающая генезис создания праэпоса и главного эпоса башкир. Во всяком случае, традиции сложения песен неизменно связываются в духовности башкир с самими героями или первыми сочинителями песен – это “Буранбай”, “Бейеш”, “Абдрахман”, “Гильмияза” и мн. др. Единство пророческого, высоко духовного, мифологичного, разумно-практического и поэтико-импровизационного обуславливает феноменальную устойчивость этих великих творений, в частности, эпоса “Урал-батыр” в Памяти народа, пространстве и Времени. Эпос в живом исполнении с напевами записан нами от А. М. Усмановой в 2011 г. в с. Акьяр Хайбуллинского р-на.

Время возникновения Уральских гор в эпосе синхронизируется с появлением спасительного Пророка, создавшего учение о Добродетели. Следовательно, Добродетель-Вера во все века человечества, за периоды различных потрясений, безверия, ошибок, потерь, согласно эпохе прихода нового Пророка совершенствуется как Закон жизни. Постигание законов Добродетели осваивается человечеством веками, в какие то витки времени, сообразно духовным потребностям, социальным изменениям обновляется и вновь становится следствием причины сложения Слова (эпоса, религиозного учения) как Закона.

Есть перспективы для дальнейших исследований по уточнению имени Пророка, возможно и Урала – Пророка. Имя героя возможно было другим, а статус Батыра к имени был привнесен гораздо позже, уже в обозримое историческое время. На этом фоне очевидно, что эпос изначально назывался “Урал”.

За тысячелетия передачи из эпосов выпадают какие-то эпизоды, привязки, образы, связи и мотивы, но главные темы, представляющие эпос эпосом, сохраняются в течение многих веков: это идеи космоизации мира, Добродетели, единства Земли и человека, культовой,

созидательной всепоглощающей Любви и жертвенной жизни ради блага других, переданные в образе-символе одного Героя – демиурга! Идея – символ служения Добру во имя непрерывности Жизни и пронизывающий все творения жанра фольклорного произведения замысел покровительства человеческому в Человеке, непоколебимая вера и посвященность деяний служению целостности Природы-Земли воспроизводят безупречный облик идеала Мужчины с характеристиками Пророка. Думаем, что на фоне исследований истории жизни 124 тысяч пророков предоставляется возможность нового прочтения и постижения деяний Батыра, мифосемантики эпизодов, сюжетных универсалий или даже реконструкции выпавших повествовательных линий эпических сказаний народов. Этот подход станет новой страницей в научном постижении эпосов мира. Цепкое удержание в эпосе личностного, общечеловеческого и глобального замыслов обусловлено главным фактором в создании сакрального текста – его пророческим содержанием. Именно по этой причине произведения эти несут идеалы не только национальной, но общечеловеческой значимости. Сказитель – мастер вербальной магии, сэсэн и слушатели сэсэна изначально знают законнесущую силу Слова эпоса относительно необходимости поддержания жизни мира, роли Героя в гармонизации отношений, способствующих Добру и они (сказители и слушатели) заинтересованы в непосредственной передаче духовного опыта потомкам. Инстинкт Добродетели как залог Жизни изначально заложен в генной Памяти человека во имя того, чтобы оставаться Человеком. В эпосе башкир идея эта получает классически всеобъемлющее и законнесущее выражение: *Кеше бульын затыгыз, Якшылык бульын атыгыз, Яманга юл куймагыз!* ‘Будьте родом человеческим, Добродетель пусть будет Именем вашим, Злу не давайте хода!’.

Системное изучение и практическое постижение Эпоса имеет великие потенциалы воспроизводства Духа и Чести – (Намыс) человека в 21 веке! Актуальны стали ныне декламации наизусть, системные почасовые учебные Программы в школьных классах, фестивали, конкурсы, семинары, практикумы и т.д. Эпос должен стать Учебником по философии, религии, этикету, искусству, спорту. Не только глобальные понятия мироустройства, отношений Космоса и Хаоса, борьбы Зла и Добра, мифологическая передача архаичных реалий и т.д. являются ведущими компонентами в сложении Эпоса, но и идеи гуманизации общества, поиски и утверждения роли личности Человека в развитии цивилизации делают эпос эпического уровня произведением. Именно потому даже малые по форме произведения, в которых решаются глобальные замыслы гуманизации и Добродетели, **становятся эпосами**. Таковы дидактические кубаиры, кубаиры о батырах Баязите, Сура, Сукем - батыре и др. Читая, изучая и произнося наизусть эпос “Урал-батыр” как пророческое назидание, религиозно-нравственное и психофизиологическое священное завещание прапредков, башкир становится Башкиром, человеком с могучим потенциалом духовности, веры и перспектив в будущем.

Более десяти тысяч лет охватывает культурная традиция десакрализации мифов, архаичных ритуалов и словесной передачи информации за много веков кропотливого непрерывного творческого вклада сэсэнов. Они и были носителями идей пророков, великими мудрецами, память которых уникальным образом соединяла доисторическое и современное, прошлое и будущее, сознательное и подсознательное, символ и поэтику. Потому настало время изучать башкирские кубаиры (эпосы мира) не только как словесно-поэтические наследия, а в XXI в. они должны стать инструментами воспроизводства их основных положений в статусе Законов общества, также гарантийных принципов религиозно-нравственного просвещения масс.

Литература

БХИ - Башкорт халык ижады. Т. 3: Эпос. Өфө: Китап, 1998. {Bashkir people' s creative activity. Vol. 3: The Epic. Ufa: Kitap, 1998.}

Галлямов С.А. Башкортская философия Психоанализ мифа. Уфа, Китап, 2015, 393 с. {Gallyamov S. A. Bashkir philosophy, the Psychoanalysis of myth. Ufa: Kitap, 2015. 393 p.}

Пэйгамбэрләр тарихы. Казан: Татарстан китап нәшриәте, 1992. 143 б. {The prophets’

history. Kazan: Tatarstan editors, 1992. 143 p.}

Солтангәрәева Р.Ә. Башкорт сәсэн мәктәбе. Өфө: Полиграфдизайн, 2012. {Sultangareeva R. Bashkir epic story-tellers art. Ufa: Poligrafidizajjn, 2012.}

УДК 811.512.122*373.6

Г. Х. Тулекова, г. Алматы, Казахстан
Академия Гражданской авиации

Г. Х. Тулекова, г. Алматы, Казахстан
Университет «Туран»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕХОДА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА НА ЛАТИНСКИЙ АЛФАВИТ

В данной статье рассматриваются вопросы перехода казахского языка на латинский алфавит в законодательном, историческом и лингвистическом аспектах. Приводится история развития казахской письменности с использованием различных алфавитов. В качестве примера рассматривается история перехода на латиницу постсоветских тюркоязычных стран. Описываются преимущества перехода казахского языка на латиницу.

Ключевые слова: *переход, латиница, кириллица, письменность, алфавит, язык, реформа, развития.*

TOPICAL ISSUES IN THE PROBLEM OF TRANSFERRING THE KAZAKH LANGUAGE TO THE LATIN SCRIPT. *This article deals with the transition of the Kazakh language to the Latin alphabet in the legislative, historical and linguistic aspects. The history of the development of Kazakh script with the use of various alphabets is given. As an example, the history of the transition to the Latin alphabet of post-Soviet Turkic-speaking countries is considered. The advantages of the Kazakh language transition to the Latin alphabet are described.*

Key words: *transition, Latin, Cyrillic, writing, alphabet, language. reform, development.*

Казахстан находится на пороге лингвистической реформы. С этого года в нашей стране стартует плавный переход казахского языка с кириллической графики на латинскую. Вопрос смены письменности поднимался в республике неоднократно. Однако на этот раз Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев поручил Правительству до конца 2017 года составить график работы в этом направлении, а ученым — разработать новый алфавит.

Заявление главы государства взволновало казахстанское общество, в рядах лингвистов, политологов, деятелей культуры и простых граждан тотчас открылась дискуссия. Одни считают, что после перехода на новую графику казахский язык обретет "второе дыхание", а страна получит больше возможностей в международном поле. Другие опасаются, что из-за смены письменности молодое поколение может оказаться оторванным от художественной и научной литературы, написанной кириллицей. В настоящее время выслушиваются обе стороны и заодно анализируются, как прошел процесс смены графики в других странах. [Указ Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» от 26 октября 2017 года.].

Казахский язык берёт свое начало с VI-VII веков, когда на материке Евразия появилась древнетюркская руническая письменность, известная в истории как орхоно-енисейская письменность. Это один из древнейших алфавитов в истории человечества. В V-XV веках тюркский язык был языком межнационального общения на большей части Евразии. К примеру, официальные документы и международные письма и сообщения Золотой Орды были написаны на древнетюркском языке. После внедрения ислама рунические записи постепенно начали исчезать, и вместо них появилась арабская вязь. С X до XX века, в течение 900 лет на территории современного Казахстана использовали арабский алфавит. В

1929 году 7 августа Центральный исполнительный комитет КазССР и президиум Совета народных комиссаров Казахской ССР приняли постановление о внедрении "Единого тюркского алфавита" на основе латиницы. Латинский алфавит использовали с 1929 по 1940 годы. В 1940 году 13 ноября был принят закон «О переводе казахского языка с латинского алфавита на алфавит на основе русской графики». Таким образом, каждый раз перевод казахского языка на тот или иной алфавит был инициирован исключительно в политических целях.

В Казахстане имеются как поборники так и противники латинизации языка.

Во многом тревоги ученых и общественных деятелей вызваны тем, что в некоторых постсоветских странах переход на латиницу обернулся неоднократным переделыванием алфавита, большими затратами. И общей неразберихой на выходе, когда часть населения владеет одной письменностью, а часть — другой. Казахстан подробно и детально изучает опыт перехода на латиницу на примере постсоветских тюркоязычных государств. [Статья Назарбаева Н.А. «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», 12 апреля 2017 года.].

Туркменистан. Год перехода 1992. Алфавит утверждали трижды. Первый был принят в августе 1992 года, но он оказался неудобным в использовании. В апреле 1993 года утвердили новый алфавит, который постигла та же участь. Систему, которая пришлась по нраву и ученым, и гражданам, создали только в 2000 году. Так как реформа шла форсированными темпами, в школах республики творился настоящий театр абсурда. Один год дети учили туркменский по учебникам с латинской графикой, а второй — по пособиям с кириллицей.

Узбекистан. Год перехода 1993. Уже в мае 1995 года недавно созданный алфавит пришлось заменить на новый. Однако "дубль-два" также оказался неудачным. В нем все специфические звуки языка на письме обозначались сочетанием букв, что очень усложняло письмо и чтение. Полностью перейти на новую графику Узбекистан должен был к 2000 году, потом срок перенесли на 2005 год. Однако на сегодняшний день процесс так и не завершен. В республике печатают учебники на латинице, этой же графикой написаны вывески в общественных местах и аншлаги. На телевидении в титрах и рекламе используют два формата письменности. Большая часть газет и журналов издается на кириллице.

Азербайджан. Год перехода 2001. Успешный пример проведения письменной реформы. В стране основательно готовились к переходу и заранее составили список книг, которые в первую очередь нужно транслитерировать с одной графики на другую. Также заранее издали учебники для всех классов с использованием нового алфавита. Благодаря большой предварительной работе в закавказской республике переход прошел гладко.

Лингвисты Казахстана считают, что самым первичным фактором, который движет этим процессом в Казахстане, является сохранение самобытности языка – в нашем случае доминирует лингвистический фактор.

Реформирование казахского письма на базе нового алфавита на основе латиницы не имеет никакой политической подоплеки. Это чисто лингвистическое решение вопроса, от которого во многом зависит будущее государственного языка. Письменность у казахского народа за время советского режима менялась неоднократно. Но, известно, что ни одна смена алфавита не была решением самого казахского народа, все происходило из-за внешних политических и исторических факторов. Сам народ никогда себе самостоятельно эти алфавиты не выбирал. Казахская письменность до революции была основана на арабской вязи, так как традиционная религия казахов – ислам, мы были частью мусульманского мира, и на арабице много веков создавалось письменное духовное наследие нашей культуры. Именно поэтому выдающийся ученый, основоположник казахской лингвистической науки, разработчик первого национального казахского алфавита Ахмет Байтурсынулы выбрал в

основу своей разработки «төте жазу» – арабскую вязь. [Интервью заместителя директора Института языкознания им. А. Байтурсынова А. Фазылжановой интернет-ресурсу www.express-k.kz]. Советская власть была атеистичной, отрицала религию и делала все, чтобы разрушить религиозную идентичность на своей территории. Нужно было оторвать от арабской графики, которая, как известно, напрямую связана с исламом. А перед Второй мировой войной все народы в СССР решили перевести на кириллицу, потому что надо было сформировать «нацию единого Советского Союза», говорящей на одном – русском языке и кириллица выступила средством такой «советизации». В советский период все иноязычные слова входили в казахский язык через русский язык, он был языком-донором иноязычных заимствований. Но был утвержден строгий закон «писать и произносить все заимствования через русский язык по-русски». Таким образом, естественный механизм адаптации иноязычных слов на основе артикуляционной базы языка реципиента был исключен, как мощный иммунитетный аппарат любого языка. То есть любой язык для того, чтобы он существовал, должен иметь свои механизмы адаптации. Они выступают мощными иммунными средствами языка. Если такое средство страдает, велика вероятность, что язык в последующем превратится в креолизированный, калькированный язык. В казахском языке своих исконных звуков всего 26, а кириллический алфавит национального языка использует 42 знака. Все слова с европейских языков приходят к нам, преломляясь через русскую орфографию. Если мы перейдем на латиницу, то многие слова мы сможем брать с оригинала и сразу адаптировать их к артикуляции казахского произношения. Тем самым мы сохраним самобытность языка и его звуковой строй [Қалиев, 1984, 116], [Аханов, 993, 496].

Алфавит – это как переходник, через который слова проходят и потом «одеваются» в казахскую одежду. Если алфавит неправильный, они все будут приходить в твой язык в той одежде, в которой пришли. В современном мире латиница ассоциируется с новыми технологиями и прогрессом. На латинице пишутся все доменные имена и адреса электронной почты. Одним из главных преимуществ нововведения является то, что, изучая государственный язык на латинице, будет проще осваивать английский язык, на котором сейчас говорит и пишет мировое сообщество.

Переход поможет не отстать от времени и успешно интегрироваться в мировое пространство, сохраняя при этом свое лицо. Отечественные лингвисты в настоящее время уже определили критерии, которым должен отвечать будущий казахский алфавит на основе латинской графики. Это модернизированная латынь без избыточных элементов, быстро пишущийся и легко читаемый алфавит с узнаваемыми словами и так далее.

Для набора казахского текста на латинице будет использоваться стандартная англоязычная клавиатура.

№	Написание	Звук	№	Написание	Звук
1	A a	[a]	17	Ń ń	[ɲ]
2	Á á	[ə]	18	O o	[o]
3	B b	[b]	19	Ó ó	[ø]
4	D d	[d]	20	P p	[p]
5	E e	[e]	21	Q q	[k]
6	F f	[f]	22	R r	[r]
7	G g	[ɣ]	23	S s	[c]
8	Ĝ ĝ	[ɣ̃]	24	T t	[t]
9	H h	[x], [h]	25	U u	[ʏ]
10	I i	[i]	26	Ú ú	[y]
11	І і	[ɪ], [i̯]	27	V v	[v]
12	J j	[ʒ]	28	Y y	[ɨ]
13	K k	[k]	29	Ý ý	[ɨ̣]
14	L l	[l]	30	Z z	[z]
15	M m	[m]	31	Sh sh	[ʃ]
16	N n	[n]	32	Ch ch	[tʃ]

Литература

Указ Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» от 26 октября 2017 года. {Decree Of The President Of The Republic Of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. «On transition of the Kazakh alphabet from Cyrillic to Latin script» dated October 26, 2017.}

Статья Назарбаева Н.А. «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», 12 апреля 2017 года. {Article by Nazarbayev N. A. «Looking to the future: modernization of public consciousness», April 12, 2017.}

Интервью заместителя директора Института языкознания им. А. Байтурсынова А. Фазылжановой интернет-ресурсу www.express-k.kz.4. {Interview with Deputy Director of the A. Baitursynov Institute of linguistics A. Bazylianowa to the Internet resource www.express-k.kz.4.}

Аханов К. Тіл біліміне кіріспе. Алматы: Мектеп, 1993. 496 б. {Akhanov K. Introduction to linguistics. Almaty: Mektep, 1993. 493 p.}

Қалиев Б. Қазақ тіліндегі дауысты дыбыстардың редукциясы. Алматы: Ғылым, 1984. С. 5. {Kaliev B. Reduction of voiced consonants in Kazakh. Алматы: Gilem, 1984. p. 5.}

**ЙОЖЕФ ТОРМА – УЧЕННЫЙ-ТЮРКОЛОГ, ДИПЛОМАТ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
(к 75-летию со дня рождения)**

В статье рассматривается биография, научная деятельность венгерского тюрколога, башкироведа, этнографа, фольклориста, дипломата Й. Тормы. Ученый тщательно изучал материалы и научную литературу по башкирской и тюркской диалектологии, этнографии. Своими работами Й. Торма башкирскую лингвистику и этнографию поднял на международный уровень.

Ключевые слова: тюркология, этнография, диалектология, башкироведение.

JOZSEF TORMA – TURKOLOGIST SCHOLAR AND DIPLOMAT, PUBLIC FIGURE (the 75th anniversary of his birth). *The article deals with the biography, scientific activity of the Hungarian Turkologist, the scientist carefully studied the materials, scientific literature on Bashkir and Turkic dialectology, and ethnography. By his works Jozsef Torma raised Bashkir linguistics and Ethnography to the international level.*

Keywords: Turkology, Ethnography, dialectology, Bashkiria.

Известный венгерский тюрколог, башкировед, этнограф, фольклорист, дипломат Йожеф Торма прожил короткую, но очень яркую, насыщенную жизнь. Родился он 5 октября 1943 года в городе Кечкемете, умер 23 апреля 2000 в г. Будапеште. В 1948 году семья Тормы переехала в город Сегед, где он окончил среднюю школу и университет, работал преподавателем иностранных языков в школах и вузах. Интерес к науке у Йожефа Тормы появился в Сегедском университете имени Йожефа Аттилы, где он изучал славянские, германские и алтайские языки. Наряду с языками он изучал научную литературу по славистике, тюркологии, алтаистике. Посещая занятия известного тюрколога профессора Рона-Таша, заведующего сектором алтаистики Сегедского университета, заинтересовался башкирским языком. Ознакомился с трудами В. Проле, И.Н. Березина, Д. Немета, Л. Лигети, З.В. Тогана, Г.Тагана, С.И. Руденко, Н.К. Дмитриева, Р.Г. Кузеева, Дж.Г. Киекбаева и др. и выучил разговорный башкирский язык.

В 1978 году он впервые приехал в Уфу. Здесь в Башкирском госуниверситете прослушал курс лекций по башкирскому языкознанию, диалектологии и истории исламского права. Кроме лекций и языковой практики, Й.Торма в Уфе занимался сбором топонимического, диалектологического материалов в картотеках ИИЯЛ УНЦ РАН, а также отрывков из произведений башкирских писателей и фольклора для «Краткой хрестоматии башкирской литературы», первый вариант которой (объемом 172 стр.) вышел в 1979 году и в Сегедском университете применялся в качестве учебного пособия при изучении тюркских языков, башкирского в частности. Как результат пребывания Й. Тормы в Уфе, в 1979 году появился перевод книги Мустая Карима «Озон-озак бала саю» («Долгое-долгое детство»). Эта книга потрясла его. Именно поэтому ее образы, этнографические материалы из этой книги использованы во многих работах Й. Тормы. В 1981 году на материале, собранном в ИИЯЛ УНЦ РАН, а также в д. Абдульмамбетово Бурзянского района Башкортостана, он защитил магистерскую диссертацию по башкирским диалектам. В 1982 году за эту работу он был удостоен личной премии президента Венгерской академии наук. Его систематизация башкирских диалектов, основанная на историческом подходе, является одной из лучших классификаций диалектов в башкироведении.

В 1984 году Й. Торма приехал в Уфу во второй раз. В этот приезд, длившийся 3 недели, он в основном работал в картотеках ИИЯЛ и редком фонде научной библиотеки УНЦ РАН. Именно с этого момента он вплотную начинает заниматься башкирской диалектологией и этнографией. Й. Торма тщательно изучает материалы и научную литературу по башкирской и тюркской диалектологии. Пишет статьи, выступает с научными докладами на конференциях, в обществе тюркских языков им. Чома Кереши, сектора алтаистики Сегедского университета и др. С 1984 года усиливаются его контакты с такими башкирскими учеными, как Р.Г. Кузеев, З.Г.Ураксин, Н.Х. Максютובה, М.М.Сагитов, Ф.Г. Хисамитдинова, У.Ф. Надергулов и др. С

ними он обменивался научной литературой, обсуждал те или иные проблемы башкироведения, собирал материал, готовил совместные публикации. Именно благодаря Й. Торме башкирские ученые впервые получили возможность ознакомиться с трудами венгерских, западноевропейских и турецких тюркологов и алтаистов, в том числе башкирских ученых-эмигрантов – Абдулкадира Инана, Галимжана Тагана.

С 1986 года Й. Торма стал приезжать в Башкортостан для сбора полевого этнографического, диалектологического и фольклорного материала. На машине, лошади, пешком он обошел многие районы, населенные пункты Башкортостана, Оренбургской области. Наиболее ценные материалы им собраны в Учалинском, Белорецком, Абзелиловском, Зилаирском, Хайбуллинском, Мелеузовском, Иглинском, Давлекановском, Чишминском, Кугарчинском районах Республики Башкортостан, Гайском районе Оренбургской области. Для себя и своих коллег из Башкортостана Й. Торма выработал «особый порядок работы» (как сам пишет) по сбору материала. Хотим привести этот «порядок», думаем, всем пригодится, особенно молодым исследователям:

«записать на магнитофон;

расшифровать как можно точно (не говори, что ты не этнограф, ты должен быть настоящим филологом. Филолог – это аккуратный человек. Это качество я считаю самым важным, это качество я уважаю больше всего. Теорию творить может каждый философ – даже далеко, и даже в любое время, но факты записать можно только на месте, и только в данный момент.

Поэтому прошу тебя: уважай факты, не исправляй слова информатора, не внушай ему свою, городскую философию, произношение, взгляды и т.д. Лучше осторожно спрашивай: «Что это такое?» – если что-то не понимаешь. Спрашивай и учись у информаторов, как трехлетний ребенок, и точно, не торопясь, записывай факты; после расшифровки спрашивай у информатора каждое непонятное слово, но и понятные тоже, потому что, может быть, ты иначе понимаешь. Задавай наивные вопросы о подробностях, тогда информатор может лучше раскрыться».

Эта методика сбора полевого материала во время поездки в районы Башкортостана дала возможность собрать Й. Торме очень богатый полевой материал, о котором он писал с гордостью следующее: «Без йыйған мәғлүмәттәр – настоящая, очень богатая, богатейшая, неисчерпаемая сокровищница народной культуры, веры, полная жемчужин и небывалых сведений. Бының өсөн мин монографияны «любой ценой» (һин айтмешләй) тизерәк бөтөргә теләйем, сөнки тәүҙә 50-60 мәкәлә яза алырбыҙ. Мин мәкәләләр язам. Количество публикаций не важно, качество важно. Одной маленькой статьей можно создать новую дисциплину, а множеством монографий – ничего нового. Поэтому ҡабаланма, китап язырға һағынған булһаң да. Мин ныҡ эштәйем. Һин дә күп эштә, зинһар».

Вот такая скрупулезная работа дала возможность Й. Торме создать классические работы по этимологии и ареальной характеристике башкирских слов *быйма* (валенки), *күсер* (шафер), магической медицине, обрядовой пище, башкирским именам, демонологии и др. Этими работами башкирскую лингвистику и этнографию он поднял на международный уровень. Собирая материал в башкирских районах, он также создал богатую этнографическую коллекцию, которая, безусловно, ждет своего исследователя. Ждут своего исследователя также материалы по башкирской диалектологии и этнографии. Хочется верить, что собранный Й. Тормой материал будет опубликован и будет использоваться тюркологами и алтаистами не только Венгрии, но и всего мира.

В 1991 году Йожеф Торма был направлен на дипломатическую работу. Сначала он работал в посольстве Венгрии в Турции. Позднее был назначен чрезвычайным и полномочным послом Казахстана и других среднеазиатских республик СНГ. Будучи аккредитованным послом Венгрии в Казахстане, Киргизии и Таджикистане, он не переставал заниматься научной деятельностью. Именно в те годы он изъездил вдоль и поперек территории расселения тюркоязычных народов Средней Азии, Сибири, Китая и собрал бесценный материал по их этнографии, фольклору и языкам. Материалы этих поездок нашли отражение в книгах, многочисленных статьях Й. Тормы, которые были написаны не только на

родном венгерском, но и казахском, киргизском, русском, немецком, английском языках. За статьи, посвященные казахской этнографии, топонимии, казахскими журналами «Ана теле» («Родной язык») и «Парасат» («Интеллигенция») в 1994 году он был награжден премией «Выдающийся автор года». Он является единственным иностранцем, получившим награды года сразу двух авторитетных журналов Казахстана.

Судя по трудам и переписке с коллегами из Башкортостана, Й.Торма никогда не переставал заниматься башкироведением. Так, в 1997 году в Будапеште вышла его совместная с профессором Ф. Г. Хисамитдиновой книга «...A Tüznek mondom!», посвященная магической медицине башкир, в 1999 году – большая статья «Заклинания, связанные с луной в башкирском народном лечении» в сборнике статей, посвященном 90-летию юбилею Габора Люка.

В целом, большой ученый Й. Торма много сделал для башкирской науки. Башкирская тематика нашла отражение и в докторской диссертации ученого, которую он успешно защитил в 1998 году в Будапеште. Несмотря на болезнь, Й. Торма продолжал заниматься наукой. Именно поэтому даже после смерти его статьи продолжают выходить и удивлять своей информативностью и открытиями многих тюркологов мира. Достаточно назвать только одну его статью «Традиция охоты с беркутом у центральноазиатских народов», вышедшую в 2001 году в сборнике, посвященном 70-летию известного ученого Рона-Таша.

Для тюркологии, в частности для башкироведения, ученый Й. Торма очень много сделал. Но не меньше его вклад и в дипломатию. Установление, развитие контактов тюркоязычных народов и республик с Венгрией было успешным именно благодаря дипломату Й. Торме. Зная историю, культуру, языки, но самое главное менталитет тюркских народов, он сумел укрепить дипломатические связи среднеазиатских республик с Венгрией. Поэтому до сих пор в Алма-Ате и Бишкеке, Душанбе и Чимкенте не только ученые, но и простые казахи и киргизы, таджики и узбеки помнят его. Что же касается Башкортостана и других башкироязычных территорий России, то в них Й. Торма стал легендарной личностью. Его знание башкирского языка и культуры, обычаев и обрядов, верований и фольклора покорило сердца многих башкир. Многие русскоязычные молодые башкиры под влиянием выступлений Й. Тормы и И. Конгура-Мандоки на башкирском языке в декабре 1990 года на научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Заки Валиди Тогана, стали изучать свой родной язык. Если до сих пор ни один башкирский ученый даже не представлял, что научный доклад можно делать на башкирском языке, то после выступления венгерских ученых Й. Тормы и И. Конгура-Мандоки выступления многих башкирских исследователей прозвучали на родном языке. Об аналогичном влиянии Й. Тормы на казахских и киргизских ученых приходилось слышать от коллег из Алматы и Бишкека. Удивительно, но факт. К сожалению, к 90-м годам прошлого века в результате политики руководства СССР, направленной на формирование единого советского народа с единым языком, многие тюркоязычные народы СССР подверглись значительной языковой ассимиляции, поэтому незнание или плохое знание родного языка было почти повсеместно. Это беспокоило национальную интеллигенцию тюркоязычных народов СССР. Поэтому выступления, статьи Й. Тормы на башкирском, казахском, киргизском языках были восприняты национальной интеллигенцией с воодушевлением и благодарностью. Действительно, Й. Торма, И. Конгур-Мандоки подняли авторитет тюркских языков перед молодым поколением, доказали, что эти языки ничем не хуже, не беднее других языков. Таким образом, венгерские ученые Й. Торма и И. Конгур-Мандоки способствовали росту национального самосознания башкир, казахов, киргизов и др.

Сердце Й. Тормы горело любовью не только к тюркским народам. В частности, с воодушевлением он писал о румынской революции 1990 года следующее: «Эти события меня просто потрясли. С 21 декабря до 4 января мы не спали, мы не ели, мы не работали, только следили за событиями в Румынии. Это была прекрасная революция! Такого прекрасного события, может быть, не было со времен Французской революции 1789 года. Мы все прожили еще раз нашу октябрьскую революцию 1956 года. В отличие от нас, румынский народ победил, потому что не было интервенции из-за границы. Это была революция всех

народов Румынии. Начал венгерский священник в городе Темешвар, приняли участие все народы Румынии. А в Сегеде, Будапеште и других городах Венгрии десятки тысяч венгров стоят в очереди перед клиниками и больницами, чтобы сдать кровь для румынских раненых. Венгерские врачи поехали в Румынию спасать пострадавших. В наших церквях стоят горы подарков, одежды, лекарств для отправки в Румынию. На прошлой неделе я с Красным крестом объездил всю Трансильванию. Раздавали лекарства, продукты, одежду пострадавшим. Там я познакомился с секлярами (народ), которые живут, как горные башкиры. Побывав в Румынии, я немного успокоился и начал работать над книгой о магической медицине башкир». Эти строки из письма свидетельствуют о том, что Й. Торма не был кабинетным ученым. Он всегда был в гуще событий. Его сердце было открыто для всех. Он через свое сердце пропускал горе и радость не только своего венгерского народа, но и других. Если в Оренбургской и Челябинской областях он переживал за тамошнее молодое поколение, которое лишено родного языка из-за отсутствия башкирских школ, то в Румынии он радовался за победу революции и горевал за погибших в ней румын и трансильванских венгров.

В 2000 году 23 апреля Й. Тормы не стало. Он скончался в Будапеште на 57-м году жизни. В 2003 году в Уфе на здании Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук была установлена мемориальная доска Й. Торме, великому сыну венгерского народа, посвятившему свою жизнь изучению башкир и других тюркоязычных народов Евразии. При открытии мемориальной доски все выступающие говорили о том, что Й. Торма прожил очень короткую, но яркую жизнь. Действительно, ему была отпущена короткая жизнь. Но за эти неполных 57 лет он сделал очень много для науки. Он открыл для зарубежной тюркологии башкир, их язык и культуру. Науку он обогатил бесценным полевым материалом, свежими идеями и мыслями.

УДК: 371.927

И. А. Шакиров, г. Уфа

ВЛИЯНИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ НА СТРУКТУРУ ЛИЧНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИЛИНГВОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье речь идёт о вопросах двуязычия и его влиянии на речевое развитие, главным образом, детей. Дается сопоставительный анализ билингов и монолингов. Приводится типологизация видов билингвизма. Раскрывается суть некоторых самостоятельных научных направлений в изучении билингвизма. Приводятся аргументы в пользу защиты языковых меньшинств.

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, монолингвизм, родные языки, двойная языковая система, онтолингвистика, онтобилингвология, лингвистическая интерференция, смешанные семьи, Республика Башкортостан, равноправное развитие языков, языковая ситуация, языковые меньшинства.

THE INFLUENCE OF BILING ON THE PERSONALITY STRUCTURE: SOME SPIRITUAL ISSUES OF BILINGVOLOGICAL THEORY. *The article deals with the issues of bilingualism and its influence on speech development, mainly of children. Comparative analysis of bilinguals and monolingua is given. Types of bilingualism are typologized. The essence of some independent scientific directions in the study of bilingualism is revealed. Arguments are presented in favor of protecting linguistic minorities.*

Keywords: bilingualism, bilingualism, monolinguisim, native languages, dual language system, ontolingustics, ontobingvology, linguistic interference, mixed families, the Republic of Bashkortostan, equal development of languages, language situation, linguistic minorities.

Кем ерендә йәшәһәң, шуның һыуын эсерһең.

В каком народе живешь, того обычая и держись.

When at Rome, do as the Romans do.

Современная культурная политика многих стран поддерживает мультикультурную модель, где личность органично включается как в «доминирующую», так и в этническую культуры. В этом контексте особого внимания заслуживает проблема двуязычия, опыт развития которого в России показывает, что даже однополярный билингвизм не является показателем «порчи» национальной культуры.

Статус социо-лингво-этно-психологического термина двуязычие получило в СССР лишь в 1960-е годы. Не случайно поэтому изучение билингвизма в широком смысле привело к появлению таких самостоятельных научных направлений, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, которые в совокупности представляют собой комплексный подход к изучению двуязычия.

Так как язык является функцией социальных группировок, то быть билингвом – значит принадлежать одновременно к двум различным социальным группам. Билингвизм становится одним из наиболее актуальных и широко исследуемых феноменов современности. По мнению специалистов, сейчас билингвов в мире больше, чем монолингвов.

Считается, что половина населения Земли – функциональные билингвы, при этом для большинства оба языка родные. Более того, существует множество билингвальных сообществ, преимущественно в Латинской Америке, Африке и Азии, где «монолингвальные языковые нормы могут не использоваться или не существовать».

Одним из последствий колониализма является распространение двуязычия, при котором одним из языков языковой пары являются английский, испанский, русский, португальский либо французский языки.

В современном мире усиливается интерес к речевому развитию детей, воспитывающихся в ситуации билингвизма. Данный вопрос находится в сфере интересов лингвистики, онтолингвистики и онтобилингвологии, психологии, педагогики, логопедии, что обусловлено возросшим потоком мигрантов, приезжающих в Россию всей семьей, когда не только дети, но и взрослые не владеют русским языком, что выдвигает проблему помощи таким семьям в разряд важных. Помимо этого, в последнее десятилетие увеличивается число семей, постоянно проживающих в России, для которых русский язык не является родным, предпочитающих учить детей родному языку и общаться на нем в семье, что также выдвигает проблему билингвизма на значимые позиции.

Остаётся достаточно большим число билингвов среди народов, в силу различных политических, экономических и социокультурных причин оказавшихся в сфере влияния СССР и России или в составе Российской Федерации: народы Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, Кавказа, прибалтийские народы, народы России (татары, башкиры, чуваша, якуты, народы Северного Кавказа и многие другие).

На момент распада СССР большинство нерусских народов, в него входивших, владело в той или иной степени русским языком. В некоторых ситуациях русский язык оказал вытесняющее воздействие, становясь единственным родным языком для представителей нерусских этносов. На сегодняшний день данная ситуация сохраняется не только в субъектах России, но и в некоторых странах СНГ.

На территории Российской Федерации билингвизм распространён в республиках Алтай, Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Республике Саха (Якутия), республиках Северного Кавказа, Бурятии и других регионах. В этих республиках языковая ситуация имеет следующую типичную структуру: городское население зачастую говорит только на русском языке или имеет некоторое знание языка автохтонного этноса (коренного народа). Сельское население часто владеет языком родного этноса, владение русским языком может быть

неуверенным или неполным. Другой тип билингвизма (русский как родной и знание другого языка) распространен несколько реже.

Функционирование башкирского, татарского и русского языков в Республике Башкортостан на фоне углубленных процессов информатизации, а также как основных компонентов тюркско-русского двуязычия в условиях глобализации социума, дает такие закономерные «ответы» на порождаемые указанными явлениями вопросы, как «лингвоэтническая революция», «этническая экспансия», «языковая ассимиляция этнических меньшинств» и т.п. [Аюпова, 2007, 304-311]. Рост национального самосознания выдвинул на первый план очень важную проблему полноценного и равноправного развития всех языков.

В РБ сформированы и действуют законы, позволяющие вести серьезную работу по сохранению и развитию национальных культур и языков народов, проживающих в республике. Так, в одной из основных составляющих в реализации языковой политики – в области образования – приняты в 1990-2016 гг. и реализуются такие государственные программы, как «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Башкортостан», «Народы Башкортостана», «Башкиры Российской Федерации», содействующие сохранению и дальнейшему развитию культуры и искусства народов, стабилизации межнациональных отношений. Каждый обучающийся имеет возможность изучать свой родной язык, при этом качество обучения в национальных школах должно отвечать современным требованиям. В принятых нормативно-правовых документах была обозначена поддержка государственных языков РБ, предусмотрены конкретные мероприятия по ее реализации и установлен приоритет национально-регионального компонента, исходя из особенностей каждого народа.

Языковая ситуация в Республике Башкортостан характеризуется большим удельным весом билингвов в общей популяции. Согласно данным Всероссийской переписи 2010 года, почти половина населения республики владеют двумя и более языками, а 382,5 тысяч человек – тремя и более [Выготский, 1935].

В феврале 1999 года был принят Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», утвердивший государственными языками башкирский и русский языки на территории республики.

Около 92 % башкир в селе хорошо знает башкирский язык. В городах более 74 % башкир знают башкирский язык. Около 50 % башкир в городе и 24 % в сельской местности одинаково хорошо знают как русский, так и башкирский языки. Около 32 % башкир-горожан и 6,4 % сельских башкир знают русский язык лучше, чем башкирский [Итоги..., 2010].

Существует различные критерии типологизации видов билингвизма. По способу овладения иностранным языком выделяют естественный и искусственный типы билингвизма. Естественный билингвизм возникает в иноязычной языковой среде при спонтанной речевой практике. Вторым языком при искусственном билингвизме осваивается в учебной обстановке, при этом необходимо использование волевых усилий и специальных методов и приемов. Кроме этого, по последовательности усвоения языков различают симультанный (одновременный) и сукцессивный (последовательный) виды билингвизма. Симультанное двуязычие предполагает одновременное усвоение двух языков, когда ребенок с рождения находится в двуязычном окружении. Сукцессивное двуязычие формируется, когда человек усваивает последовательно сначала один язык (родной, материнский, семейный, первый, Я1), затем на его основе выстраивает систему второго языка (Я2).

Российским специалистом Е.К. Черничкиной были предложены следующие стадии динамики становления «искусственного» билингва: интуитивный дилетант, рефлексивный дилетант; рефлексивный теоретик; рефлексивный практик; компетентный билингв [Нугуманов, 2012].

Еще в 1928 году Л.С. Выготский писал: «Вопрос о многоязычии в детском возрасте выдвигается сейчас как один из самых сложных и запутанных вопросов современной психологии, с одной стороны, а с другой – как проблема исключительной теоретической и практической важности» [Выготский, 1956].

На основании многолетних исследований Выготский выдвинул положение о том, что мышление и речь представляют собой функционально взаимосвязанные, но генетически самостоятельные системы [Выготский, 1935, 3]. В когнитивных исследованиях его последователей признается, что мышление действительно осуществляется без обязательного обращения к языку: инструментом мышления выступает универсальный предметный код – нейрофизиологический субстрат мышления, некоторая психическая система, имеющая общую структуру для обработки информации о действительности, поступающей через разные органы чувств [Жинкин, 1982, 80]. При помощи универсального предметного кода принимающий речь преобразует ее в модель отрезка действительности, о котором сообщается, и «возникает денотат, учет которого соответствует акту понимания» [Жинкин, 1982]. Такой предметный код рассматривается как «универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки» [Жинкин, 1998, 36]. Этот «универсальный язык» содержит структуры глубинного семантического уровня (глобальные универсальные семантические единицы, универсальную грамматику) [Chomsky, 1975], единицы долингвистического концептуального уровня [Котик, 1992] и представляет собой «язык мысли» [Fodor, 1975], или «внутренний код интеллекта» [Fodor, 1975].

Различные аспекты билингвизма были изучены специалистами в области нейробиологии. В их число входят: способы отображения языков в мозгу, их воздействие на нейропластичность мозга, явление афазии у билингвов, явление бимодального билингвизма (способность писать на одном языке и говорить на другом) и другие.

Феномен искусственного билингвизма связан с такими понятиями, как вторичная языковая личность и межкультурная коммуникация. Понятие вторичной языковой личности было введено И.И. Халеевой и было определено как «совокупность способностей (готовности) человека к «производству» речевых поступков в условиях аутентичного общения с представителями других культур» [Халеева, 1989].

Существует множество безосновательных представлений о билингвизме, например, что дети-билингвы никогда не будут владеть обоими языками в совершенстве и что они будут отставать от сверстников в когнитивном отношении. Во множестве исследований XX века билингвизм приравнивался к пониженному уровню интеллектуальных способностей.

Существует и гипотеза двойной языковой системы. Исследования развития словарного запаса предоставляют фактологическую базу в поддержку этой гипотезы. Дети-монолингвы на ранней стадии языкового развития запоминают одно обозначение для определённого явления, дети-билингвы же знают два обозначения, то есть переводческих эквивалента («единица языка перевода, регулярно используемая для перевода данной единицы языка оригинала»). Но осознание синонимичности появляется в значительно более позднем возрасте.

В ряде современных исследований, посвященных одновременному билингвизму, приводятся факты, свидетельствующие о когнитивном преимуществе билингвов над монолингвами, в особенности в области когнитивной гибкости, аналитических и металингвистических способностей. Однако большинство учёных сходятся во мнении, что никаких однозначных когнитивных преимуществ у билингвов над монолингвами нет.

Согласно исследованиям группы А. Мекелли (Andrea Mechelli), раннее изучение второго языка способствует развитию той части мозга, которая ответственна за беглость

речи. Этот эффект особенно заметен, – утверждают учёные, – если второй язык начать осваивать в возрасте до пяти лет.

Исследования обнаружили, что у двуязычных людей образуется больше серого вещества в нижней части теменной области коры головного мозга. Чем позже начато освоение второго языка, тем менее проявляется эта особенность. Именно серое вещество мозга отвечает за анализ информации. Хотя «пластичность» серого вещества известна уже давно, процессы изменения вещества мозга под воздействием определённых факторов до сих пор остаются плохо изученными. Новые результаты показывают, как изучение второго языка может влиять на структуру мозга, особенно в раннем возрасте.

Билингвизм ассоциируется с замедленным когнитивным старением и более поздним наступлением сенильной деменции. В исследовании Suvarna Alladi, DM, Thomas H. Bak et al., проводившемся с 2006 по 2013 год, было показано, что двуязычные пациенты чаще сохраняют нормальные познавательные функции после инсульта [Alladi, 2015]. Вывод сделан на основании данных 608 пациентов, перенёсших инсульт, около половины из которых были билингвами. Нормальные когнитивные функции сохранились у 40% двуязычных пациентов против 20% пациентов, говорящих только на одном языке [Нопог, 2015].

И тем не менее, многие специалисты – психологи, логопеды и другие – и по сей день считают, что для того чтобы начать изучать второй язык, ребёнок должен сначала уметь свободно изъясняться на первом.

Г.Н. Чиршевой был выдвинут тезис о том, что на отдельных этапах взросления детей ранний билингвизм играет роль познавательного ускорителя. Имеется в виду не сам билингвизм, а та интеллектуальная работа, которая предпринимается для освоения второго языка и которая не может не оказывать благотворное влияние на общее развитие ребенка [Чиршева, 2012].

Двуязычный индивид обычно лучше ощущает язык, грамматику и различия между языками, чем одноязычный. Это проявляется и в том, что двуязычному человеку легче учить иностранные языки. В любом случае двуязычие означает «бесплатно» полученное свободное владение двумя языками, какого крайне сложно достичь в более позднем возрасте. Если общество является терпимым в культурном и языковом отношении, то дополнительные языковые способности приносят человеку пользу также в учебе и работе.

Карл Додсон говорит о том, что билингвы выражают свои мысли более вариативно и разнообразно, так как у них к одному и тому же понятию существует больше названий, чем у монолингвов [Dodson, 1984].

Культура передается во многом посредством языка – а двуязычный человек способен понимать две различные культуры. Он может отождествлять себя с двумя языковыми сообществами и владеть двумя культурными традициями. Это дает ему преимущества перед одноязычными людьми в понимании различных идей, форм поведения и традиций. Двуязычные индивиды обычно легче приспосабливаются к иному культурному окружению и более терпимы, чем одноязычные, к различным видам «инакости».

По мнению Л.В. Щербы при смешанном двуязычии возникают условия, благоприятствующие сравнению: «Сравнивая детально разные языки, мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, – иллюзию, будто существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности. Таково, по-моему, колоссальное образовательное значение двуязычия, и можно, мне кажется, лишь завидовать тем народам, которые силою вещей

осуждены на двуязычие. Другим народам его приходится создавать искусственно, обучая своих школьников иностранным языкам» [Щерба, 1974].

Переключение (смешение) кодов обозначает в языкознании процесс разговора, предложения или речевой составляющей, при котором происходит внезапное, спонтанное переключение говорящего с одного языка на другой язык или диалект и обратно. Переключение кодов часто зависит от контекста. Этот феномен может проявляться как в устной, так и в письменной речи. К примеру, главное предложение может быть сказано на одном языке, а придаточное на другом. Переключение кодов – частое явление в смешанных этноязыковых регионах.

Э. Хауген определяет интерференцию как лингвистическое частичное совпадение (overlap), при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно, или как наложение двух языковых систем. В. Ю. Розенцвейг считает, что «интерференция – это нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы». «Интерференция (от лат. *inter* – между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного...». В отличие от переключения кодов, при интерференции происходит не смена языка, а изменение одного языка под влиянием другого.

Факты явлений интерференции обнаруживаются на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях языка. Проблемы языковой интерференции возникают также при совместном обучении детей русской и башкирской национальности.

Не всё ли равно, на каком языке мы говорим? Почему родные языки надо защищать? Разве было бы не здорово, если бы все говорили на одном языке и понимали друг друга без проблем? Следует ли государству выделять ресурсы на защиту языков и нужно ли ради этого менять политический курс? Можно повернуть этот вопрос и с точки зрения индивида. Для чего нужно говорить с моим ребенком на языке, который распространен на небольшой территории, иногда всего в нескольких деревнях, когда ближайший большой язык понимают даже за тысячи километров?

Все это оправданные вопросы, которые задают себе представители языковых меньшинств России и других стран, и на них нет однозначных ответов. Все же ясно одно: языки – это часть мирового культурного наследия, и их смерть угрожает исчезновением целых культур, обеднением общечеловеческого капитала знания, мысли и культурных ценностей. Политику, которая ведет к смерти языков, можно в определенном смысле считать такой же опасной халатностью, как и ту, которая приводит к ослаблению биосферы.

Прежде всего в Европе, но также и в других частях света значительную часть государств составляют т.н. национальные государства. Это означает, что в них имеется одна государствообразующая нация, язык которой является единственным официальным языком.

Идеологические корни национального государства восходят к немецкой романтической философии. В основе ее лежит идея о неразрывной связи народа, языка и государства, в соответствии с которой у каждого народа должно быть право формировать свое государство и использовать на его территории свой язык. После Первой мировой войны на территориях бывших Российской и Австро-Венгерской империй образовалось особенно много новых национальных государств.

На практике границы государств все же невозможно устанавливать строго по принципу национальности. В мире есть множество регионов, где территории проживания различных языковых групп пересекаются. Поэтому в национальных государствах обычно присутствуют народы, языки и культуры которых исходно находятся в более слабом положении, чем

общенациональный язык и культура. Исторически многие национальные государства стремились ассимилировать меньшинства в состав основного населения. С другой стороны, особенно после Второй мировой войны, было принято много различных мер по упрочению позиций меньшинств.

Представляется, что в современном обществе культура либо становится письменной, либо оказывается под угрозой исчезновения. Поэтому продвижение использования языков на письме является важной составляющей их защиты. Однако письменность сама по себе не может спасти язык меньшинства. Наиболее важна возможность приобщения к мировой культуре посредством своего языка.

Неудачная национальная и языковая политика была одной из мин замедленного действия, разрушивших СССР. Недовольство статусом национального языка и культуры, находящихся под прессом русского языка (особенно в странах Балтии, на Кавказе и на Украине), в совокупности с низким уровнем экономического развития, недееспособной бюрократией, отсутствием демократических свобод и процветанием властных элит, создали основу для окончательного распада Советского Союза.

Несмотря на меньшую, по сравнению с СССР, территорию, а также возвращение характера национального государства, Россия по-прежнему остается многоязычной. Перед ней до сих пор стоит та же самая проблема, в решении которой Советский Союз потерпел неудачу: каким образом народы могут вместе построить такое общество, в котором каждый чувствовал бы себя как дома.

Существуют многочисленные примеры многонациональных государств, сохраняющих свою целостность, несмотря на предоставление меньшинствам широких прав. Например, в Индии нет единого господствующего языка, и в различных регионах в образовании и управлении используются десятки разных языков. Отношения языковых и этнических групп сложны и не всегда гармоничны, но государству не грозит непосредственная опасность распада.

Некоторые страны Европы в течение нескольких десятилетий превратились из централизованных национальных государств в многонациональные федерации. Например, в Испании, начиная с конца 1970-х годов, деконструировали националистическую и централизованную систему управления. Региональные языки крупных народов, такие как баскский и каталонский, стали языками образования и управления, а регионам добавили автономии. Статус этих языков и основанных на них культур существенно укрепился, но Испания сохранила территориальную целостность. Примечательно, что поддержка местных языков и культур в рамках федеративного государства значительно ослабила основу для проявлений терроризма и сепаратизма в Стране Басков. Все большее число басков отказывается от вооруженного сопротивления, поскольку они получили возможность влиять на положение своего языка и культуры в рамках существующей государственной системы. Сходной была эволюция и в Великобритании, где статус валлийского и других коренных языков значительно укрепился, начиная с 1980-х годов. Несмотря ни на что, Британия является по-прежнему единой страной.

В России часто утверждают, что улучшение положения ее народов может угрожать федеративной целостности страны. Европейские примеры показывают, что и противоположный путь развития возможен. Во многих случаях обеспечение прав национальных меньшинств не ослабляет государство, а наоборот, скорее, укрепляет его.

В настоящий момент в России, помимо русских, проживает шесть народов, имеющих более миллиона представителей, и примерно сорок, состоящих из более чем ста тысяч человек. Меньшинства в России представляют собой либо коренные народы, которые стали меньшинствами, когда границы России распространились на восток, либо группы мигрантов,

переехавших сюда из других частей бывшего СССР. Наиболее многочисленными языковыми группами являются тюркские народы (всего около 12 миллионов человек, например, татары, башкиры, чувашы, якуты, а также мигрировавшие в Россию узбеки, казахи и др.) и финно-угорские народы (всего около 3 миллионов, например, удмурты, марийцы, мордва, коми, карелы и др.). Кавказские народы, например, лезгинцы, даргинцы, кабардинцы, ингуши, чеченцы и авары), относящиеся к различным языковым группам, составляют более пяти миллионов россиян.

Русские составляют коренное население лишь в сравнительно небольшом ареале европейской части России и Южной Сибири, площадь которой покрывает примерно лишь четверть современной России. На большей части территории России коренными являются другие народы. Для российской ситуации также характерно, что города являются преимущественно русскоязычными даже и в тех случаях, когда в окружающей их сельской местности большинство населения говорит на каком-то ином языке.

В России имеются и такие субъекты федерации, где русские представляют собой сравнительно небольшое меньшинство. Таким регионом в особенности является Северный Кавказ (например, в Ингушетии число русских составляет 1% всего населения республики, в Чеченской Республике – 3%, а в Дагестане – 4%). С другой стороны, многие преимущественно русскоязычные регионы имеют заметные по численности меньшинства. Например, среди 11 миллионов жителей Москвы этнические меньшинства составляют 9%.

Мощный удар по части языков нанесла проводимая в 1970-х годах политика ликвидации бесперспективных деревень, которая заставила жителей глухих уголков сельской местности переехать в более крупные и часто многонациональные центры. Поскольку школьное образование было организовано в основном на русском языке, дети из среды меньшинств часто вырастали двуязычными, причем таким образом, что овладение родным языком ограничивалось практически только семейным кругом. Подобное двуязычие, при котором у одного из языков имеется очень мало сфер употребления в обществе, в следующем поколении могло приводить к полному отказу от местного языка и в сельских населенных пунктах.

Смешение национальностей, которое на практике вызывало русификацию многих регионов, также было сознательной политикой СССР. У жителей тоталитарного государства возможности выбора места проживания были крайне ограничены. Молодежь, окончившую учебные заведения, могли переместить на другой край обширного государства. Посредством трудовых лагерей и масштабныхстроек население смешивалось, и другие национальности попадали в такие регионы, где ранее проживали только коренные народы этих территорий. С помощью перемещений населения власть стремилась создать единый советский народ, который чувствовал бы себя как дома в любом уголке большой страны, но одновременно были разрушены многие локальные сообщества и прерваны различные культурные традиции.

Например, на территории современной Республики Коми в 1930-х годах этнические коми составляли почти 90% населения. К началу 2000-х годов из-за роста городов, индустриализации и существовавшей в советское время на этой территории системы сталинских лагерей их число сократилось до четверти. Соответственно, число карел в Карелии за XX век сократилось с 60% до менее чем 10%, а уменьшение числа носителей карельского языка было еще более стремительным.

Такие резкие демографические изменения, конечно, повлекли за собой и изменения языковой ситуации. Например, среди нивхов острова Сахалин на своем языке говорит менее 10%, в то время как в 1930-е годы говорящими были практически все. Аналогичное радикальное падение числа носителей произошло и с финно-угорским вепским языком. В

1930-е годы на нем говорило более 30 тысяч человек, а также издавалась учебная литература. В настоящий момент вепсов насчитывается примерно 8 тысяч, но только около 4 тысяч из них еще говорит на родном языке. Центральную роль в утрате языка, по-видимому, сыграла ликвидация многих вепских поселений и перемещение населения в города.

Господствующая в России русская культура – в той форме, в какой она сейчас существует – развилась в тесной связи с другими культурами. В ней – как и в любой культуре мира – сложно однозначно выделить «чужое» влияние, отделив его от «русского» ядра.

Например, в качестве символа русской культуры используется унаследованная из Византии церковная архитектура. Название столицы России, по-видимому, происходит из какого-то утраченного финно-угорского языка. Некоторые распространенные личные имена, как Ольга и Игорь, заимствованы из скандинавских языков, а бесчисленные слова повседневного обихода восходят к французскому языку, на котором говорила элита царского времени. В русской народной музыке, архитектуре, кухне и костюмах, помимо собственно славянских традиций, прослеживаются также финно-угорское, тюрское, еврейское, западноевропейское и другие влияния.

Вообще говоря, многоязычие было базовой частью русской культуры с самых первых этапов ее становления. Например, в древнейшем историческом труде, «Повести временных лет» Нестора, создание древнерусского государства в конце IX века описывается как союз славянских и финно-угорских племен, которые пригласили в качестве руководителей верхушку скандинавской знати. Централизованным государством под управлением единого царя Московия стала только в 1471 году, после окончательной победы Москвы над Новгородом.

На протяжении последующих столетий во многом благодаря языковым и национальным меньшинствам культурное пространство России объединило в себе европейские и азиатские влияния и в таком качестве приобрело всемирное значение. В российской истории политической мысли важной и повторяющейся темой была идеология евразийства, которая рассматривает русскость как этническую идентичность, объединяющую европейское и азиатское начала.

Например, проживающие в России тюркские народы, многие из которых исповедуют ислам, связали эту страну с ближневосточной культурной традицией. Связи с Европой зародились главным образом благодаря балтам, прибалтийско-финским народам, полякам и немцам, проживавшим на территории России. Во многом благодаря немцам и евреям Россия усвоила европейскую научную традицию.

Потенциальное значение коренных народов крайне велико и для современной России. Если России удастся конструктивно интегрировать их в состав своего общества, с их помощью она может налаживать культурные и экономические связи в различных направлениях – как в финно-угорском, так и в тюркском мире, как на Ближнем Востоке, так и в Китае и Корее. Многие языки народов России крайне полезны при изучении иностранных языков. Например, татарский и башкирский языки близки казахскому, киргизскому, азербайджанскому и турецкому. Карельский и вепский языки во многом схожи с финским и эстонским.

Пассивность граждан объясняется не только слабой политической и правовой культурой и неразвитостью гражданского общества. Гражданская активность обходится людям дорогой ценой, подвергая их угрозе прослыть нелояльным, «скандальным» гражданином. Языковая тема близко стыкуется с темой национальной – по сути, языковые требования являются на сегодня единственными, которые могут выдвигать представители меньшинств для поддержания своей национальной идентичности, не подвергаясь опасности обвинения в национализме.

Литература

Аюпова Л.Л. Русский язык в современном мире: социально-коммуникативные функции // Русское слово в Башкортостане: Материалы региональной НПК. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. {Ayupova L.L. Russian language in the modern world: social and communicative functions // Russian word in Bashkortostan: Materials of regional NPK. Ufa: RIC BashGU, 2007.}

Выготский, Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. – М.-Л., 1935. {Vygotsky, L.S. On the issue of multilingualism in childhood / L.S. Vygotsky, LS Vygotsky. Mental development of children in the learning process. - M.-L., 1935.}

Выготский Л.С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. М.: Наука, 1956. 385 с. {Vygotsky, L.S. Thinking and Speech / LS Vygotsky. Moscow: Nauka, 1956. 385 p.}

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. М.: Лабиринт, 1998. {Zhinkin N.I. On code transitions in internal speech / N.I. Zhinkin // Zhinkin N.I. Language - speech - creativity. M.: Labyrinth, 1998.}

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. М.: Наука, 1982. 157 с. {Zhinkin N.I. Speech as a conductor of information / N.I. Zhinkin. - Moscow: Nauka, 1982. 157 p.}

Итоги ВПН 2010 года по Республике Башкортостан // http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default {Results of 2010 GP for the Republic of Bashkortostan}

Константин Замятин, Анника Пасанен, Янне Саарикиви – Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. {Konstantin Zamyatin, Annika Pasanen, Yanne Saarikivi - How and why to preserve the languages of the peoples of Russia? Helsinki, 2012.}

Котик Б.С. Межполушарное взаимодействие у человека / Б.С. Котик. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. 173 с. {Kotik B.S. Interhemispheric interaction in humans. A cat. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don Publishing House. University, 1992. 173 p.}

Лебединский С.И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов: монография / С.И. Лебединский. Минск: БГУ, 2008. 535 с. {Lebedinsky S.I. Perception of oral scientific speech: strategies for segmentation of sounding speech and identification of terms: monograph / S.I. Lebedinsky. Minsk: BSU, 2008. 535 p.}

Нугуманов М.М., Шакиров И.А. Уровни межэтнических контактов в современной языковой политике Республики Башкортостан // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. С. 213-215. {Nugumanov MM, Shakirov I.A. Levels of interethnic contacts in the modern language policy of the Republic of Bashkortostan. Ural-Altai: through the centuries into the future: Proceedings of the V All-Russian Turkic Conference, dedicated to the 80th anniversary of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Science Center. Ufa, 2012. P. 213-215.}

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. 240 с. {Khaleeva I.I. Fundamentals of the theory of teaching the understanding of foreign speech (preparation of translators). Moscow: Higher School, 1989. 240 p.}

Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. [Электронный ресурс]. Волгоград, 2007. 29 с. URL: <http://cheloveknauka.com/iskusstvennyy-bilingvizm-lingvisticheskiy-status-i-harakteristiki> {Chernichkina E.K. Artificial bilingualism: the linguistic status and characteristics: the author's abstract. dis. ... Doct. philol. sciences. [Electronic resource]. Volgograd, 2007.}

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: «Златоуст». 2012. 488 с. {Chirsheva GN Children's bilingualism: simultaneous mastering of two languages. St. Petersburg: Zlatoust. 2012. 488 p.}

Шакиров И.А. Открытость обществ и устойчивость национально-культурных устоев государств // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 217-218. {Shakirov I.A. Openness of societies and the stability of national and cultural foundations of states // XI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Sat. materials. Ekaterinburg, July 2-5, 2015 / Otv. Ed .: V.A. Tishkov, A.V. Golovnev. Moscow; Ekaterinburg: IEA RAS, Institute of Oriental Studies, UrB RAS, 2015. P. 217-218.}

Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. {Shcherba L.V. To the question of bilingualism // Shcherba LV Language system and speech activity. L., 1974.}

Юлдабашев Ю.Х. «Национально-русское двуязычие в республике Башкортостан» // <http://cheloveknauka.com/natsionalno-russkoe-dvuyazychie-v-respublike-bashkortostan-v-sovremennyh-usloviyah> {Yuldabashev Yu.H. "National-Russian bilingualism in the Republic of Bashkortostan"}

Alladi S. et al. Impact of Bilingualism on Cognitive Outcome After Stroke //Stroke. 2015. С. STROKEANA. 115.010418.

Chomsky N. Reflections on Language / N. Chomsky. New York: Pantheon, 1975. – 269 p.

Dodson C. Living with two languages. The Bilingual Family Newsletter. – 1984. № 1.

Honor Whiteman. Bilingualism may protect cognitive function following stroke (20 November 2015) // <https://www.medicalnewstoday.com/articles/302787.php>

Fodor J.A. The Language of Thought / J. A. Fodor. Cambridge – Massachusetts: Harvard University Press, 1975. 215 p.

© Шакиров И.А.

УДК 398

Г. В. Юлдыбаева, Офёк

И. Ғ. ҒАЛӘУЕТДИНОВТЫҢ БАШКОРТ ХАЛЫКУЙЫНДАРЫН ӨЙРӘНЕҮ ӨЛКӘҢЕНДӘГЕ ХЕЗМӘТТӘРЕНӘ КҮЗӘТЕҮ

В данной статье рассматривается роль и значимость научных трудов д.ф.н., профессора И.Г.Галәутдинова в изучении народного творчества башкир. Сбор, изучение и публикация образцов детского устного фольклора не было второстепенной темой для ученого. У исследователя более пятидесяти научных статей, в том числе книги, посвященные играм, устному фольклору башкирского народа.

Ключевые слова: И.Г.Галәутдинов, языковед, народное творчество, башкирские игры, фольклор, сбор, изучение, публикация.

A REVIEW OF I. GALAUTDINOV'S WORKS IN THE FIELD OF STUDYING CHILDRENS' GAMES. *This article examines the role and significance of scientific works of Doctor of Philology, professor I.G. Galyautdinov in the study of the folk art of the Bashkirs. Collecting, study and publication of samples of children's oral folklore was not a secondary topic for the scholar. The researcher has more than fifty scholarly articles, including books on games, oral folklore of the Bashkir people.*

Key words: I.G. Galyautdinov, linguist, folk art, Bashkir games, folklore, collection, study, publication.

Башкортостандың Учалы төбәгендә тыуып үскән филология фәндәре докторы, профессор Ишмөхәмәт Ғилметдин улы Ғәләүетдиновтың археография, текстология, әзәби башкорт теленең тарихи үсешен өйрәнәү проблемаларына бәйлә ғилми эштәре менән бер

рәттән халык ижадына, балалар фольклорын өйрәнеүгә арналған хезмәттәре лә бихисап [Ғәләүәтдинов, 2005, 76-сы б.]. Ғилми мәкәләләр Башкортостанда ғына түгел, ә Рәсәй кимәлендә узғарылған фәнни-ғәмәли конференцияларза, киң матбуғатта яктыртылһа, башкорт халык уйындарына арналған китаптары киң катлам укыусылар араһында күптән инде үз укыусыһын тапты.

1964 йылда Өфө калаһының 1-се мәктәп-интернатында укыған сағында ук Ишмөхәмәт Ғилметдин улының “Совет Башкортостаны” гәзите биттәрәндә курайсылар ансамбленә арналған “Тырышһаң була икән!” [Ғәләүәтдинов, 1964] тәүге мәкәләһе донъя күрһә, 1967 йылда, Башкорт дәүләт университетында белем алғанда, уның “Карға буткаһы” [Ғәләүәтдинов, 1967] мәкәләһе баһылып сыға. Ошо көндән башлап буласак ғалимдың гәзит-журнал биттәрәндә халык уйындарына, уларзың балаларзы, йәштәрзе тәрбиәләүзе тоткан роле хақында, шулай ук курайға, курайсыларға арналған фәнни мәкәләләре донъя күрә, киң матбуғатта уйындарға бағышланған рубрикалар асылла башлай [Ғәләүәтдинов, 1981]. Курайза башкорт халык көйзәрен ошта башкарған, фольклорға, уның рухи ынйыларына битараф булмаған ғалим үсеп килгән быуынға “уйын һинәң өсөн тормош мәктәбе, хезмәткә әзерләнеү сараһы һәм халкыңдың изге ғәрәф-ғәзәттәрәндә һәйбәт тәрбиә алыузың асыл сығанағы” [Ғәләүәтдинов, 1994, 4-се б.], - тип өндәшә.

Ғалим И.Ғ.Ғәләүәтдинов халык уйындарын өйрәнеүсе генә түгел, ә үзе халык күңеләнән йыйыусы, башкорт телендә генә түгел, рус теленә тәржемә итеп, киң ғилми әйләнәшкә индереүсе лә. Ул уйындарзы өйрәнәп, үз хезмәтендә “һауаһыз йәшәп булмағандай, тормошондо уйындарһыз күз алдына килтереү мөмкин түгел” [Ғәләүәтдинов, 1994, 4-се б.], – тип билдәләй. Уның 1979 йылда хәрәкәтле уйындарға бәйле “Уйнайык, дуһтар, бергәләп” [Ғәләүәтдинов, 1979], 1987 йылда был баһманың балалар һәм йәштәр уйындарына арналған икенсе китабы [Ғәләүәтдинов, 1987], 1991 йылда бишек йырзаны, һанамыштар тупланған “Ак тирәк, күк тирәк: балалар фольклорының үрнәктәре” [Ғәләүәтдинов, 1991] йыйынтыктары донъя күрә. 1994 йылда нәшер ителгән “Балалар фольклоры: Бала сак -уйнап, көлөп үсер сак” [Ғәләүәтдинов, 1994] китабының 1-се баһмаһында балалар фольклорын өс зур төркөмгә бүлеп карай ул: әсәләр поэзияһы, балалар ауыз-тел ижады, уйын фольклоры. Ә 1996 йылда киң даирәгә сыққан икенсе китабы иһә көләмәстәр, әкиәттәр, уйындар йыйылмаһын тәшкил итә [Ғәләүәтдинов, 1996]. 1995 йылда иһә Ишмөхәмәт Ғилметдин улының балалар һәм йәштәр уйындарына арналған “Уйнайык, дуһтар, бергәләп!” [Ғәләүәтдинов, 1995] тигән күләмле хезмәте донъя күрә. 2002 йылда иһә “Башкорт халык балалар уйындары” китабының үзгәртелгән 1-се баһмаһы [Ғәләүәтдинов, 2002], ә 2011 йылда башкорт фольклорсыһы Ә.М.Сөләймәнов менән берлектә төзөлгән “Башкорт балалар фольклоры” [Сөләймәнов, Ғәләүәтдинов, 2011] китаптары баһылып сыға, был хезмәттең хәрәкәтле уйындарға арналған өлөшө И.Ғ.Ғәләүәтдинов тарафынан язылған. Ғалимдың тағы бер хезмәте, фольклорсы Ә.М.Сөләймәнов менән берлектә төзөгән “Башкорт халык ижадының” “Балалар фольклоры” томы иһә, әлегә көндә “Китап” нәшриәтендә донъя күрер сәғәтен көтә.

Ишмөхәмәт Ғилметдин улы бәләкәйзән курайға, уның моңона ғашик булып үсә һәм бик ошта уйнарға ла өйрәнә, сөнки уның атаһы тирә-якта дан тотқан курайсыларзың береһе була. Ғалим 1972-1985 йылдарза Өфөлә Тарих, тел һәм әзәбиәт институты эргәһендә эшләүсе “Кобайыр” фольклор-этнографик ансамбленә ошта курайсыларының береһе була. Был ансамбль менән ул Рәсәй һәм Германия буйлап гастролдәрзә, 1983 йылда Й.Исәнбаев исемендәге призға Республика курайсылар конкурсында, 1989 йылда Алма-Атала Халык-ара музыкаль фестивалдә, 1990 йылда Нефтекама калаһында узған Бөтә Рәсәй фольклор коллективтары фестивалендә катнашып, лауреат исеме ала.

Башкорт халык ижадына ғашик булып үскән ғалимдың эштәре бөгөнгө көндә лә дауам ителә. Уның хезмәттәре нигезендә фәнни мәкәләләр, китаптар языла, диссертациялар яклана. Халык уйындарын туплау, ғөмүмән, башкорт халкының рухи ынйыларын йыйыу эше әле лә Тарих, тел һәм әзәбиәт институты фольклорсылары тарафынан Башкортостанда, уға күрше өлкәләрзә дауам ителә. Фольклор экспедицияларында халык ижадының асыл гәүһәрзәре йыйыла, өйрәнелә, киң ғилми даирәгә сығарыла. Ишмөхәмәт Ғилметдин улы тыуған, Башкортостандың гүзәл тәбиғәт косағында урынлашкан Учалы районының ауыз-тел ижадын өйрәнәү максатында ла башкорт фольклорсылары тарафынан бер нисә тапкыр экспедиция, шәхси командировкалар ойшторолған. Тәүге фольклор экспедицияһы С.А. Галин етәкселегендә 1965 йылда узғарыла (экспедиция ағзалары: М.М. Сәғитов, Н.Д. Шоңкаров). Был экспедиция һөзөмтәләрен барлағанда, Урал арты башкорттары фольклорында, асылда, йыр мирасы төп урынды алып тора. Йыр ижадынан тыш, такмактар, бәйеттәр, әкиәттәр, легендалар, иҫтәлек шиғырзары, ер-һыу атамалары тарихы күпләп язып алынған.

Учалы районына сираттағы ғилми эш сәфәре, 1986 йылда, Р.Ә. Солтангәрәйева, Г.Р. Хөсәйенова тарафынан ойшторола һәм туғыз ауылда эш алып барылып, тарихи, лирик йырзәр, батырзәр тураһында, тормош-көнкүреш әкиәттәре, ер-һыу тарихтары, йолалар, ундан ашыу хөрәфәт, егерменән артык уйын язып алына.

Учалы төбәгенең рухи ынйыларын өйрәнәү фольклорсылар тарафынан әлегә көндә лә дауам итә. 2001 йылда Гөлнур Рауил кызы Хөсәйенова, районда, шәхси командировкала сакта, Учалы музыка училищеһы фольклор фондында һакланған материалдарға юлыға. Училище укытыусыһы Бүләкова Зөһрә Алсынбай кызы (1941 й.) етәкселегендәге студенттар тарафынан йыйылған мәғлүмәттәр фольклорсыла зур кызыкһыныу тыузыра һәм ул араларында һирәк осраған йә әлегә тиклем бер зә күзгә салынмағандарын күсереп ала. Әлегә көндә был материалдар эшкәртеләп, бер системаға һалынып, Ғилми архивта айырым папкала һаклана [Ғилми архив].

Хәзергә көндә лә халыктың рухи хәтеренән әллә күпме мәғлүмәт язып алырға була. Кайһы берзә бары тик халык телендә генә йәшәгән әкиәттәр, йырзәр, легенда, риүәйәттәр зә осрап куя. Уларзың һакланып калыуы, әлбиттә, шатлыклы күренеш. 2010 йылда халык ижадының хәзергә торошон тикшерәү максатында Институттың фольклористика бүлегә хезмәткәрзәре Р.Ә. Солтангәрәева етәкселегендә (экспедиция ағзалары: Ф.Ф. Ғайсина, Р.Р. Зинурова, Р.Р. Ваһапова) сираттағы ғилми экспедицияға юллана. Райондың ун өс ауылы: Сөләймән, Көсөк, Иҫке Байрамғол, Яңы Байрамғол, Таңғатар, Һөйөндөк, Мулдакай, Котой, Колош, Ишмәкәй, Муса, Сораман, Кәрим ауылдары тикшерелә. Әлегә көндә йыйылған материалдар «Учалы башкорттары фольклоры (кыуакан, теләү, барын-табын, кара-табын)» йыйынтығында донъя күрзе. Экспедиция етәксеһе Р.Ә. Солтангәрәева әйтеүенсә, «экспедиция эше был якта халык ижады әсәрзәренең халык хәтерендә тоторокло һакланыуын ғына түгел, ә фольклор традициялары нигезендә яңыса импровизация, фекерле һүз сәнғәтенең үзенсәлекле дауам итеүен дә күзалларға мөмкинселек бирә» [Фольклор учалинских..., 2014].

2011 йылда Институттың тағы бер төркөм фольклорсылары, атап әйткәндә, Г.Р. Хөсәйенова (экспедиция етәксеһе), Г.В. Юлдыбаева, А.М. Хәкимйәнова, Учалы башкорттары ижадын өйрәнәүгә йәнә эш сәфәренә юл алды. Райондың Кунакбай, Рысай, Аккужа ауылдарында эш алып барылды. Халык ижадының был төбәктә тоторокло һакланыуы күренде, бик кызыклы мәғлүмәттәр, мәсәлән, ундан артык әкиәт, бәйеттәр («Сак-Сук» бәйетенең тулы варианты, ололарзың үззәре ижад иткән бәйеттәр), халык йырзары («Биккол», «Ахун», «Һандуғас», «Таштуғай» һ.б.), кыска исемһез йырзәр, такмактар, уйын өлгөләре («Бала йәшереш», «Йөзөк һалыш»), әйәләр, ен-шайтандар

тураһында хөрәфәти хикәйәләр, ер-һыу, айға, кояшка арналған легендалар, тыуым, үлем, туй йолалары, байрамдар, мәкәлдәр, йомактар, һынамыштар, тыйыузар язып алынды. Оло быуын кешеләренән йылдар буйы кағыз биттәренә язып, һаклап килгән материалдар за табылды. Был дәфтәрҙәрҙә күберәген әкиәттәр, бәйәттәр, мөнәжәттәр теркәлгән. Ололар үзәренәң белгәнән һаклап калыу максатында хәтерҙәренән кағыз биттәренә күсергәндәр. Учалы районында язып алынған бар фольклор материалдары “Экспедиция материалдары – 2011: Учалы районы” [Экспедиция материалдары, 2012] китабында 2012 йылда донъя күрзе лә инде.

Учалы районының “Яйык” гәзите биттәрендә халык ижады өлгөләренәң донъя күрәүе – һөйөнөслә күренеш. Рухи мирасына, халкының боронғоһона битараф булмаған кешеләренәң, үзе белгәнән, йә иһә ололарҙан һорашып язып, киләсәк быуынға калдырырға тырышыуы изге эш һәм хуплауға лайык.

Йыйылған фольклор материалдары ғалимдар тарафынан эшкәртеләп, алда әйткәнәбезсә, ғилми архивта һаклана [Ғилми архив], күбәһә ғилми әйләнәшкә индерелгән, “Башкорт халык ижады” томдарында донъя күргәндәре лә бихисап.

Фольклорсылар Башкортостанда, сит өлкәләрҙә йыйылған фольклор материалдарын киң катлам укыусыларға сығарыу, ғилми әйләнәшкә индерәү бурысын ваҡытында аткара килә. Улар “Башкорт халык ижады” томдарынан тыш, райондарҙа узғарылған экспедиция материалдарынан йыйынтыктар әзерләп сығара башланы. Был йыйынтыктарҙа өйрәнелгән төбәктә язып алынған мәғлүмәттәр тулыһынса, бер системаға һалынып, йырҙар ноталары менән, информанттар менән эш мәнәндә төшөрөлгән фотолар менән тулыландырылып сығарыла. Был ғилми экспедициялар ваҡытында йыйылған материалдар, һәм шул нигеҙҙә сығарылған йыйынтыктар, бар өлкә ғалимдарына ла, киң катлам укыусылар өсөн дә мөһим сығанак ул. Мәсәлән, ул белгестәргә халык ижадының үткән торошо менән бөгөнгөһөн сағыштырып өйрәнәп ғилми хезмәттәр языр өсөн мөһим булла, укытыусылар өсөн халык ижадын дәрестәрҙә кулланып, укыусыға, халык тарихын, уның боронғоһон күзаллау өсөн киммәтле материал булып тора, һәм, әлбиттә, рухи байлыҡты ғилми әйләнәшкә индерәп, халыҡтығын яңынан халыҡка кайтарыу бурысын да аткара.

Шулай итеп, был мәкәләлә Ишмөхәмәт Ғилметдин улы Ғәләүәтдиновтың башкорт фольклористикаһына индергән тос өлөшө, уның тыуған Учалы районы халык ижадының өйрәнеләүенә, әлегә тороһона бер ни тиклем күзәтәү эшләнәдә. Дөйөмләштерәп әйткәндә, Ишмөхәмәт Ғилметдин улының “халык ижады һуты менән һуғарылып үскән бала ғына киләсәктә рухи яктан бай, физик яктан көслә була” [Балалар фольклоры, 1996, 4-се б.] тигән һүзәренәң һаклығын иһбатлап, Учалы районында үзенәң телән, тамырын, халкының тарихын, уның ғөрөф-ғәзәттәрен беләп, тойоп үскән күренәклә кешеләр йәшәй, һәм был төбәк халык ижады өлгөләренәң бай яктарҙың берәһә, тип әйтергә ерлек бар.

Әзәбиәт

Ак тирәк, күк тирәк / Йыйығысы И.Ғ. Ғәләүәтдинов. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1991. 32 с. {White poplar, black poplar / Compilers I.G. Galyautdinov. Ufa: Bashkir book publishing house, 1991.}

Балалар фольклоры / Яуаплы мөхәр. И.Ғ. Ғәләүәтдинов; төз. И.Ғ. Ғәләүәтдинов, М.Ә. Мәмбәтов, Р.М. Ураксина. Өфө, 1996. 2-се китап. {Children's folklore / Under the editorship of I.G. Galyautdinov, compilers I.G. Galyautdinov, M.A. Mambetov, R.M. Uraksina. Ufa, 1996. book 2.}

Балалар фольклоры: Бала-һак – уйнап-көлөп үсәр һак. 1 кит. / Төз. И. Ғәләүәтдинов, М. Мәмбәтов, Р. Ураксина. Өфө: Китап, 1994. 160 б. {Children's folklore: Childhood - is high

- time to play and laugh / Compilers I.G. Galyautdinov, M.A. Mambetov, R.M. Uraksina. Ufa: Kitap, 1994. 160 p.}
- Балалар фольклоры: Мөгжизәле бала сак – уйындарза һәм уйзарза каласак / Төзөү. И.Ф. Фәләүетдинов, Р.Ураксина. Өфө: Китап, 1996. 176 б. {Children's folklore: Magic childhood will remain in games and thoughts / Compiled by I.G. Galyautdinov, R.M. Uraksina. Ufa: Kitap, 1996. 176 p.}
- Башкирский детский фольклор / Сост. А.М. Сулейманов, И.Г. Галәутдинов. Уфа, 2011. 184 с. {Bashkir children's folklore / Compilers A.M. Suleymanov, I.G. Galyautdinov. Ufa, 2011. 184 p.}
- Башкорт халык балалар уйындары / Төз. И. Фәләүетдинов. Өфө: Китап, 2002. 248 б. {Bashkir folk children's games / Compilers I.G. Galyautdinov. Ufa: Kitap, 2002. 248 p. }
- Галәутдинов И.Г.: Биобиблиографический указатель / Сост. Г.Р. Ильясова, А.Г. Салихов, Р.М. Булгаков. Уфа: Гилем, 2005. 76 с. {Bibliographic index / Compilers G.R. Il'yasova, A.G. Salikhov, R.M. Bulgakov. Ufa: Gilem, 2005. 76 p.}
- Фәләүетдинов И.Ф. Карға буткаһы // Совет Башкортостаны. 1967. 25 июнь. {Galyautdinov I.G. *Grachinaya kasha. Sovet Bashkortostany newspaper*, 1967. 25 June.}
- Фәләүетдинов И.Ф. Тырышһаң була икән! // Совет Башкортостаны. 1964. 6 май. {Galyautdinov I.G. *After all it succeeds, if you try! Sovet Bashkortostany newspaper*, 1964. 6 May.}
- Филми архив, ф.3, тсу 2, эш. 1027. {Scientific archives, f.3, borderau 2, indiv. file 1027}
- Филми архив, ф.3, тсу 47, һ.б. 3; Филми архив, ф.3, тсу 92, һ.б. 3. {Scientific archives, f.3, borderau 47, indiv. file 3; scientific archives, f.3, borderau 92, indiv. file 3}
- Уйнайык, дуһтар, бергәләп / Сост. Галәутдинов И.Г. Уфа, 1979. 68 с. {Play together, friends / Compiler I.G. Galyautdinov. Ufa, 1979. 68 p.}
- Уйнайык, дуһтар, бергәләп / Сост. Галәутдинов И.Г. Уфа, 1987. 125 с. {Play together, friends / Compiler I.G. Galyautdinov. Ufa, 1987. 125 p.}
- Уйнайык, дуһтар, бергәләп! / Төзөүселәре И. Фәләүетдинов, М. Мәмбәтов, Р. Ураксина. Үзгәртелгән 2-се баһма. Өфө: Китап, 1995. 240 с. {Play together, friends! / Compilers I.G. Galyautdinov, M.A. Mambetov, R.M. Uraksina. Ufa: Kitap, 1995. 240 p.}
- Фольклор учалинских башкир (куваканцы, тиләуцы, барын-табынцы, кара-табынцы) / Сост. Султангареева Р.А., Гайсина Ф.Ф., Зинурова Р.Р., Вагапова Р.Р. Уфа: Гилем, 2014. 252 с. {The folklore of Uchalinsky Bashkirs (Quvakans, Tilya, Baryn-tabyn, Qara-tabyn) / Compilers Sultangareyeva R.A, Gaysina F.F, Zinurova R.R, Vagarova R.R. Ufa: Gilem, 2014. 252 p.}
- Шыу-шыу шыузырмак: “Уйнайык бергәләһеп” рубрикаһы асылыу уңайы менән // Башкортостан пионеры. 1981. 3 июль. {In connection with the opening of the rubric "Let's play together!" *Pioneer of Bashkortostan magazine*. 1981. 3 July.}
- Экспедиция материалдары – 2011: Учалы районы / Төзөүселәре Г.В. Юлдыбаева, Г.Р. Хөһәйенова. Өфө: РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2012. 156 б. {Expedition materials - 2011: Uchalinsky district / Compilers G.V. Yuldybaeva, G.R. Khusainova. Ufa: IHLL, Ufa academic centre, RAS, 2012. 156 p.}

Р. СОЛТАНГЭРЭЕВ ҺӘМ С. БЭЗРЕТДИНОВ ОЧЕРКТАРЫНДА ТЕЛ-ҺҮРЭТЛӘҮ САРАЛАРЫ

(Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.)

Статья посвящена изучению изобразительных средств в очерках Р.Султангареева и С.Бадретдинова. Анализ языкового своеобразия очерков позволяет утверждать, что изобразительные средства в очерках играют главную роль. Они выполняют самые различные функции, помогая автору показать предмет речи с разных сторон и самое главное, способствуют раскрытию образа героя.

Ключевые слова: диалектизм, языковая картина мира, башкирская литература, публицистика, жанр, очерк, Р.Султангареев, С. Бадретдинов.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSIVENESS IN THE ESSAYS OF R. SULTANGAREEV AND S. BADRETDINOV. *The article is devoted to the study of visual means of expressiveness in the essays of Sultangareev R. and S. Badretdinov. The analysis of language peculiarities of the essays suggests that images in the articles have the main role. They perform a variety of functions, helping the author to show the subject of speech from different angles and most importantly to reveal the image of his hero.*

Key words: dialect, language, and world view, Bashkir literature, journalism, genre, essay, R. Sultangaziev, S. Badretdinov.

Очерктарҙың күпселеге портрет очерктарҙы тәшкит итә. Бында инде кеше яҙмышы тәрән өйрәнелә, геройҙың уй-кисерештәре, уларға бәйлә хәл-вақиғалар автор тарафынан оҫта һүрәтләнә. Портрет термины иң беренсе нәүбәттә кешенең тышҡы киәфәтен һүрәтләүҙе аңлатһа, ваҡыт үтеү менән был төшөнсөгә тәрәнерәк мәғәнә һалынған. Публицистик ижадта ул кешенең тышҡы киәфәте генә түгел, ә эске күнелен дә аңлата – быллар бөтәһе лә теге йәки был шәхестең рухи байлығына бәйлә. Шуның өсөн портрет очеркында һүрәтләү объекты булып кешенең тирә-яҡ менән социаль йөзө, эске донъяһы, тормошонда булған вақиғалары һүрәтләнә.

Тимәк, яҡшы очерктың әһәмиәте, мөһимлеге - геройҙың образын тел-һүрәтләнеү саралары ярҙамында үзенсәлекле булыуын асыу. Ғөмүмән, һүрәтләү саралары геройҙың күнел торошон, киәфәтен, характерындағы мөһим һыҙаттарын билдәләй, ә эпитеттар иһә төс форма, хәрәкәттә белдерә.

Күренекле яҙыусы Рәшит Солтангәрәев «Иманы әҙәбиәт ине» очеркында үзенең шағир Рәми Ғарипов менән бергә редакцияла эшләгән мөлдәрән һүрәтләй. Авторҙың геройҙы ярайһы уҡ яҡшы белгәнән, уның менән һәйбәт мөнәсәбәттә булыуҙарын да яҡшы тойомларға була. Геройҙың тышҡы киәфәтен, йәғни художестволы портретын Р. Солтангәрәев зур оҫталыҡ һәм сағыштырыуҙар аша бирә алған: «Был киҫкарәк буйлы, ныҡлы кәүҙәле, арыҫлан ялы шикелле ҡалын бөҙрә сәсле кешенең эре һырҙар ятқан йөзөнән былай ҙа һәр сәк уй, фекер, һағыш һырҡырап торған һымаҡ ине. Шиғыр уҡыған сағында был һыҙаттар айырата сағыуланып китә»[Султангареев, 1991, 197].

Автор геройын ауыр тормошондағы көсөргәнешле һәм киҫкен ситуацияларҙа ғәҙеллеген юғалтмаған көслө ихтыярлы, ҡыйыу шағир итеп һүрәтләй.

«Томан» тигән очеркында автор Учалы төбәгенән сыҡкан мәшһүр йырсы Абдулла Солтанов тураһында яҙғанында әкиәт формаһына мөрәжәғәт итә. Халыҡ йырҙарын оҫта, үзенсәлекле йырлаған кеше лә шул халыҡ ауыҙ-тел ижадынан сыҡҡандай тойола булһа кәрәк. Халыҡтан сыҡкан халыҡ йырҙарын йырлап халыҡқа еткерә. Тимәк, тормошо ла әкиәттәй хозур, мөғжизәле, илаһи - моң йырҙарылай тойола. Автор уның тормошонан мөһим бер вақиғаны художестволы оҫталыҡ менән еткерә.

Очерк образлы сағыштырыуҙарға, эпитеттарға бай. Автор тәбиғәт күренештәрән төрлө

сағыштырыузар аша бына нисек тасуирлап күрһәтә: «... Яңы ғына ямғыр яуып үткән, әйтерһең, тәбиғәт йылы мунсанан һуң кибенә – бәтә ергә күкшел томан таралған. Бер ҡарағанда ул томан да түгел һымаҡ әйтерһең, күкшел аҡ мамыҡты күзгә күренмәҫлек итеп, ваҡтына итеп теткәндәр ҙә ер өҫтөнә һибәләгәндәр, шунан ул мөһабәт тараҡ тештәре шикелле сурайып сығып торған ағас баштарына эләккән, уйһууҙарға һылашқан да китә алмай тора... Томан... Бер ҡарағанда, ул ысынлап та тәбиғәттең хозурлығы... » [Султангареев, 1991, 259].

Авторҙы тәүҙә геройҙың ихласлығы, бер ҡатлылығы, битарафлығы икеләндәрһә лә, һуңынан был шикле уйҙары юҡҡа сыға. Был зур йөрәкле, йыр-моңға мөкиббән киткән, талантлы һәм асыллы кешенән һокланыуын йәшерә алмай. Уның моңон баҫалҡы ғына ағып ятқан Яйыҡ йылғаһына оҡшата. Сөнки Абдулла Солтанов һымаҡ «Томан»дағы мөхәббәт фажиғәһен, «Абдрахман»дағы – көнкүреш, «Ҡолой кантон» менән «Бейеш»тәге социаль фажиғәһен, «Урал»дағы тыуған илгә булған мөхәббәттен тоймай, атай-олатайҙарҙың ҡаһарманлығы менән һокланмай һәм шуларҙы кисермәй тороп йырлаған кеше юҡтыр, тигән уй ҡалдыра был очерк.

Ҡаралған очерктан күренеүенсә, автор ошо тәбиғәт күренештәре аша геройының образын бик оҫта аса алаған. Бында иң мөһиме, герой менән тәбиғәттең тулы гармонияһы бирелә.

Башҡорт яҙыусыларының үз очерктарында халыҡ ижады өлгөләрен ҡулланыуы – отошло алымдарҙың береһе. Әйтәйек, Сәлимйән Бәзретдиновтың ниндәй генә очеркын алһаҡ та, нәфис эсәр һымаҡ ҡабул ителә, сөнки унда мәжәл, әйтеһәм һәм легендалар ярылып ята. Мәҫәлән, «Башҡорт ҡурайы» очеркын ҡурайға бәйле легенданан башлап ебәрә: «...Бер ваҡыт, ныҡ арығандан һуң, ташты яҫтыҡ үләнә түшәк итеп, ағас күләгәһендә хәл йыйып ятҡанда, егеттең ҡолағына ниндәйҙер моңло бер тауыш ишетелгән. Ул урынынан тора һалып, шул тауыш сыҡқан яҡҡа табан киткән. Бара торғас, егет һорғолт ҡая ташта бер тау түбәһенә ҡурайҙы өҙөп алып, эсенә өрөп ҡараһа, баяғы моңло тауыш тағы ла көслөрәк ишетелгән. Шунда ул таҡыя башлы бер ҡыу ҡурай ултырғанын күргән... Шул ҡурай ел өрөүҙән моңло бер тауыш сығарып, һыҙғырып ултыра икән. Егет быға бик ҡыуанған. Ҡурайҙы өрә-өрә үҙе белгән көйҙәргә лә уйнарға оҫтарып киткән. Егеттең йөрәген өйкәгән сер, ҡайғы-хәсрәте таралып, күңеленә еңел булып киткән» [Бадретдинов, 1996, 22].

Автор, легендаға таянып, ҡурайсы яҙмышы һәм сәнғәт юралы булған ҡурайҙың тарихын һөйләй; йәғни кеше яҙмышында уның әһәмиәтен, хәл иткес ролен фольклор мотивтары ярҙамында асып бирә. Легенда был осраҡта – уҡыусыларҙың иғтибарын нығыраҡ йәлеп итеү сараһы. Ысынлап та, нәҫелдән нәҫелгә тапшырыла килгән ҡурай, мираҫ булараҡ һүҙ барған эсәрҙә ике быуын вәкиленең ғүмерен фажиғәлә хәлдән ҡотҡарып ҡала. Эш былай була: һаҡмар буйының данлығы ҡурайсыһы Ғәзиз Ҡәҙерғолов өсөнсө мәртәбә Мәккәгә барғанда ҡараптары диңгез хайуандарына осрай һәм уларға ҡорбан бирелергә тейеш була. Ҡәҙерғолов ҡорбан булырға тейеш була, әммә Ҡолбаҡты исемле бер юлдашы: «Һин – ҡурайсы, һин йәшәргә тейеш, һин ҡорбан булаһ, миңә иҫтәлеккә ҡайтҡансы ҡурай тарт», – тип үҙен ҡорбан итә.

Күреүебеҙсә, «Башҡорт ҡурайы» очеркының үҙенсәлегә шунан ғибәрәт: автор эсәрән фольклор мотивтарына ҡороп, тел-һүрәтләү сараларын уңышлы ҡулланып, шуның менән уның идея-эстетик йөкмәткеһен художестволы яҡтыртуға өлгәшә, композицияға төрлөлөк өҫтәй. Ул артабан да был алымдан тайпылмай, фашистик Германия ғәскәрҙәрен убыр образы менән сағыштыра, ә совет армияһы һалдаттарын батыр образына тиңләй. «Ҡурайҙың осонан берсә ҡан тама, берсә бал тама», – тигән әкиәт формулаһы ошо аяныслы һуғыштың символы рәүешендә күҙәлләнә. Ошо урындан автор оҫта ғына итеп ҡурайсы Ғәзиздең, ейәнәнен олатаһы юлынан китеүен, йәғни үҙен сәнғәткә бағышлауын һәм хәҙер инде танылған ҡурайсы, Башҡортостандың атҡаҙанған мәҙәниәт хеҙмәткәре Мөхәммәт Ҡәҙерғоловҡа әйләнеүен бәйән итә.

Ошо рәүешле, авторҙың бер очеркы миҫалында ғына ла фольклор мотивтарының оҫта ҡулланылыуы сәбәпле, очерктың йөҙө үзгәрәүен, йөкмәткеһе тәрәнәйеүен, баҙыкланыуын, образлығының артыуын күрергә мөмкин. Фольклор мотивтарына әленән-әле мөрәжәғәт итеү эсәрҙә халыҡсан итә, юҡһа ул уҡыусылар араһында үтеһле, уҡымлы, иҫтә ҡалырлыҡ булмаҫ

ине.

Автордың тағы бер очеркын миҫалға алайық «Донъя бизеп, күнел нурлап...» исемле очеркта һүз бейеүсе Әлфирә Сафиуллина тураһында бара. Автор язмаһында шулай ук эпос элементтарын, риуәйттәрҙе унышлы қуллана. Был алым автордың оҫталығына бәйле. Геройының образын асыр өсөн сағыштырыу, эпитеттарҙы унышлы қуллана: «Алтын тәхет өҫтөндә алтын сәстәрен һалындырып, бер қыз сәс тарап ултыра, уның тирәһендә күк күгәрсендәр уйнай. Һарайы матур күл булған қыз, ай нурына мансылып, көн дә юштай қойона, ер қояшы сыҡҡанда, көлөп, йөзөп қыуана. Ул – нурҙан яралған, һыу илендә рәхәт ғүмер иткән һыуһылыу». Әкиәттәге һыуһылыуға тиңләп, «Мифик һыу қызындай ер һылуыҙары ла булып: айҙай яҡты йөзлө, қыйғас җара җашлы, озон керпекле, көмөштәй тешле, бал җортондай билле, күнеле нурлы, көлөүе наҙлы, йөрәккә ятышлы», – ти ул [Бадретдинов, 196, 163].

Артабан күнелендәге тәҫвираттарын да бына нисек еткерә ул: «Қояштай йылмайып, йәйғорҙай йәмләнәп, ләйсән ямғырҙай күнелде һуғарып, фәрештәләй бер һын сәхнәлә тирбәлә. «Йәдкәр» фольклор-эстрада ансамбле бейеүсеге Әлфирә Ғариф қызы Сафиуллина «Һыуһылыу» бейеүе менән нур булып балқый. Ул йәншишмәләй һыуы тылсымлы күнәге менән һөзөп алып, тирә-яҡка һибә, тәбиғәттә уята, үҫмектәрҙе йәшәртә, тереклек донъяһын терелтә. Яңырған ерҙә тормош йәмләнә, халықтүлләнә» [Бадретдинов, 1996, 164].

Әлфирә Сафиуллинаның «Сыңрау торна» бейеүен бейегәндә иһә С. Бәҙретдинов боронғо ырым-ышаныуҙарға бәйле тыуған риуәйттәрҙең береге – «Сыңрау торна»ның тарихына туктала. Был үз сиратында инеш ролен үтәй. Автор легенданы һөйләй ҙә бейеүсенең хозурлығы һәм тәрән һағышты, сафлығы һәм серлелекте, қыуанысты һәм қайғы-хәсрәттә символлаштырған тылсымлы юштоң художестволы образын, рухын ҙур оҫталыҡ менән башқарып, тамашасыны хайран итеүен һызыҡ өҫтөнә ала. Тамашасы тын җала, онотла, ти, автор. Сыңрау торна сыңрауы, бейеү хозурлығы һәм мөгҗизәһе илаһи тылсымы менән арбап, моңһоу ауазы, тойғоһо менән йөрәкһетә, тәрән һағышы менән сорнай. Изге торна илемде, еремде җурсып, халқымдың йыуанысы булып, быуаттарҙан-быуаттарға талпына». Һәм бында автордың шулай ук Рәми Ғариповтың «Сыңрау торна»ға арналған шиғыры ла үз сиратында лейтмотив рәүешендә қабул ителә. Өзөк килтерәйек:

Сыңрай-сыңрай осоп килде

Сыңрау торнақай.

Уралыңдан сәләм, тине

Сыңрау торнақай.

Уралқайым, Уралқайым,

Тыуған Уралқай!

Ысынлап та, Әлфирә Сафиуллина қайҙа ғына гостролдә булмаһын: Анкараһа, Стамбулда, Қазақстанда һ.б. сит илдәрҙә, «Сыңрау торна» бейеүенә һоҡланмаған кеше җалмағандыр. «Сыңрау торна қайҙа? Сыңрау торна! Сыңрау торна!» – тип уны җат-җат сақыралар сәхнәләрҙә.

Очеркын тамамлап С. Бәҙретдинов тарих фәндәре кандидаты, Башҡортостандың атқазған артисткаһы Лидия Нагаеваның Әлфирәнең бейеү оҫталығына биргән баһаһын миҫалға килтерә: «Әлфирәлә – Урал характеры. Уның кешелек һызаттары һәм сифаттары Урал тәбиғәтенән айырылғыһыҙ. Ул – уйсан, нәфис, үтә лә тыйнақ баҫалқы һәм шул ук вақытта романтик рухлы натура. Уның ритмик тән хәрәкәттәре яһау оҫталығы, һығылмалылығы, зифалығы милли характерҙы аныҡ һәм зауыҡлы сағылдыра» [Бадретдинов, 1996, 166]. Был һүзҙәргә дәлил булып Әлфирә Сафиуллинаның башқарыуында «Сыңрау торна», «Йылан арбау», «Заһиза», «Һинд қызы», «Һыуһылыу» һәм башқа бейеүҙәр торалыр.

Ошо рәүешле, автордың бер-ике очеркы миҫалында фольклор мотивтарының оҫта қулланылыуы сәбәпле, очерктың йөзө үзгәреүен, йөкмәткеһе тәрәнәйеүен, баҙықланыуын, образлығының артыуын күрергә мөмкин.

Шулай итеп, җаралған очерктарҙан күренеүенсә, тел-һүрәтләү саралары, сағыштырыуҙар, эпитеттар, фольклор мотивтары теге йәки был шәхестең образын асыу өсөн тәбиғәт күренештәрен дә һүрәтләгәндә лә мөһим роль уйнай. Бында языусылардың тел

байлыгы, фэлсәфәүи фекерләүзәре аша очерктарын юғары художестволылыкка еткерәүзәре тора.

Литература

Бадретдинов С. М. За жизнью – жизнь. Уфа: Китап, 1996. 224 с. (на башк. яз.). {Badretdinov S. M. After life – comes life. Ufa: Kitap, 1996. 224 p. (in Bashkir)}.

Султангареев Р. Г. Очерки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. 228 с. (на башк. яз.). {Sultangareev R. G. Essays. Ufa: Bashkir publishing house, 1991. 228 p. (in Bashkir)}.

УДК 811.512.154'28

Ясин Севим, Турция

АТООЧТУКТУН КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕ ИЗИЛДЕНИШИ

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ. В грамматике кыргызского языка вопросы разграничения причастия и омонимичных глагольных форм не достаточно изучены. В статье обсуждаются вопросы, связанные с изучением причастий в кыргызском языке и предлагаются формальные методы разграничения омонимичных явления.

Ключевые слова: кыргызский язык, причастие, история изучения.

THE STUDY OF PARTICIPLES IN THE KYRGYZ LANGUAGE. In the grammar of the Kyrgyz language, the issues of demarcation of participle and homonymous verb forms are not sufficiently studied. The article discusses issues related to the study of participles in the Kyrgyz language and suggests formal methods for distinguishing homonymous phenomena.

Keywords: Kyrgyz language, participles, history of the study.

Кыргыз тилиндеги атоочтуктар жөнүндө биринчи жолу 1939-жылы жарык көргөн У.Бактыбаевдин грамматикасынын этиш бөлүмүндө маалымат берилген. Бирок бул эмгекте атоочтуктар өзүнчө категория катары берилбей, жалпы этиштердин курамында каралып, атоочтуктарды уюштуруучу бир гана *-ган* формасы көрсөтүлөт [Бактыбаев, 1943]. Ал эми 1940-жылы басылып чыккан Ү.Асылбековдун «Грамматика. I бөлүк. Морфология» аттуу окуу китебинде атоочтуктар *этиштик атооч* термини менен өзүнчө категория катары көрсөтүлүп, аларга «өзүнүн этиштик мааниси менен формасын сактоо менен бирге атоочтук мааниге да ээ болгон этиштер этиштик атооч» деген аныктама берилет [Асылбеков, 1940, 23]. Ушундан баштап атоочтуктар өзүнчө бөлүнүп иликтене баштаган. Бул эмгекте атоочтукту уюштуруучу мүчөлөр катары *-ган, -ар, -бас, -оочу, -уучу* мүчөлөрү көрсөтүлөт. Ошондой эле, автор *-ачак* мүчөсүн атоочтук мүчө катары өзүнчө бөлүп көрсөтпөй туруп, аталган мүчө аркылуу жасалган *болочок* деген сөздү да атоочтук катары мисал келтирет. Биздин оюбузча, бул жөнүндө С.Кудайбергенов: «Бул мүчө кээ бир түрк тилдеринде атоочтуктарды уюштуруучу мүчө болгону менен кыргыз тилинде жок, жана ал «болочок», «келечек» деген сөздөрдө гана сакталган, бирок алар этиштик маанисинен ажырап, зат атоочтук маанисинде колдонулат» - деп туура белгилеген [Кудайбергенов, 1956]. Ү.Асылбековдун грамматикасында да атоочтук сүйлөмдө көбүнчө аныктоочтук милдет аткарып, жөндөмө, жак, таандык мүчөлөр менен өзгөрбөй тургандыгы көрсөтүлөт [Асылбеков, 1940].

И.А.Батманов *-ган, -ар, -бас* көрсөткүчтөрүн гана атоочтук формалар катары көрсөтүп, Ү.Асылбековдун грамматикасында берилген *-оочу, -уучу* формасы жөнүндө сөз кылган эмес [Батманов, 1940, 17-24]. Бул кемчиликтер К.Бакеевдин 1943-жылы чыккан «Морфология. I бөлүк» аттуу окуу китебинде да, 1948-жылы басылган «Кыргыз тилинин грамматикасы» деген окуу китебинде да кайталанып, *-оо, -уу, -ыш, -мак* сыяктуу кыймыл атоочторду

уюштуруучу мүчөлөр да атоочтук мүчө катары жаңылыш киргизилген. К.Бакеев атоочтуктарга: «этиштин уңгусуна тийиштүү мүчөлөр уланып, бирде этиш маанисинде, бирде атооч маанисинде болгон жана атоочторчо өзгөргөн этиштин түркүмүн атоочтук дейбиз» деген туура эмес аныктама берген [Бакеев, 1943, 125; Бакеев 1948, 128-130]. Анткени атоочтуктар, бул аныктамада айтылгандай, бирде этиштик маанисинде, бирде атоочтук маанисинде болбостон, бир эле мезгилде атоочтук да, кыймыл-аракеттик да мааниге ээ болот.

Ы.Жакыпов, Д.Майрыков, С.Турусбековдордун грамматикасында *-ган, -ар, -бас, -оочу/-уучу* мүчөлөрү менен бирге жогоркудай кыймыл атоочту уюштуруучу мүчөлөр атоочтук мүчөлөр катары көрсөтүлүп, атоочтуктарга «этиштик формада туруп, атооч маанисинде колдонулган сөздөрдү атоочтук дейбиз» деген так эмес аныктама берилген [Жакыпов, Майрыков, Турусбеков, 1954, 215-217].

Д.Исаевдин мектептер үчүн жазылган окуу китебинде да ушундай кемчиликтер кездешет [Исаев, 1951]. Китептин 2-басылышында атоочтук формалар мурдагыдан бир топ такталып, алардын курамынан *-ыш, -мак, -оо, -уу* мүчөлөрү чыгарылып салынган, бирок атоочтуктун негизги формаларынан болгон *-ар, -бас* мүчөлөрү да киргизилбей калган. Анда атоочтуктарга «этиш сөздөрдүн сын атооч сыяктуу белгилерди билдирген формалары атоочтук деп аталат» деген атоочтуктардын табиятын бир жактуу (сын атооч сыяктуу белгини билдиришин) гана камтыган аныктама берилген [Исаев, 1951, 182].

Атоочтук формалар С.Кудайбергеновдун 1956-жылкы макаласында бир кыйла такталып, *-оо, -уу, -ыш, -мак* мүчөлөрү кыймыл атоочту уюштуруучу мүчөлөр экендиги көрсөтүлгөн. Ал *-ган, -ар, -бас, -оочу / -уучу* мүчөлөрү менен бирге, *-а, -е (й) + элек* жана *-а, -е (й) + турган* формаларын да атоочтукту уюштуруучу мүчөлөрдүн катарына киргизген, ошондой эле атоочтук формалардын тарыхына кыскача экскурс жасап өткөн. Автор *-ган* мүчөсүнүн мааниси байыркы түрк тилдеринде *-мыш, -дык* мүчөлөрү аркылуу берилгендигин, ал эми азыркы кыргыз тилинде кийинки формалар сенек түрдө *турмуш, жазмыш, Токтомуш* өндүү сөздөрдүн курамында сакталгандыгын белгилейт [Кудайбергенов, 1956]. Ч.Хидирова «кыргыз тилиндеги *-мыш, -дык* формаларын атоочтуктун тарыхый формалары деп атоо туура. Анткени жогоркудай сөздөр азыркы кыргыз тилинде атоочтук катары колдонулбайт жана бул формалар аркылуу азыркы мезгилде атоочтуктар жасалбайт. Мына ушундай эле формалардын катарына сөз болуп жаткан макалада, К.К. Юдахиндин сөздүгүндө, 1920-жылдардагы айрым жазуучулардын чыгармаларында кездешери белгиленген *-асы, -еси* формасын да киргизүүгө болот. Мындай форма азыркы учурда колдонулбайт» - деп белгилейт [Хидирова, 2006, 21].

М. Мураталиев «Кыргыз тилиндеги этиштик сыпаттар жөнүндө» деген 1960-жылкы макаласында *-ган, -ар, -бас, -оочу / -уучу* формалары менен бирге *-а, -е (й); -ып, -п+жүргөн, жаткан, турган* сыяктуу мүчөлөрдү да атоочтуктарды уюштуруучу татаал формалар катары көрсөтөт [Мураталиев, Турсунов, 1961, 33]. Мисалы: *Карап турган* дубана кайып болду көзүнөн. *Байкап турган* адамдар жыгуудан күдөр үзүптүр («Манас»). Мындагы *карап турган, байкап жүргөн* деген атоочтуктар *-ган* формасынын *карап жүр, байкап жүр* деген татаал этиштерге жалгануусу аркылуу жасалды.

Окумуштуунун бул пикири да кыргыз тил илиминде талаш маселени жаратат. Алсак, Ч.Хидирова *-ган, -ар, -бас, -оочу/-уучу* формалары менен бирге *-а, -е (й); -ып, -п+жүргөн, жаткан, турган* сыяктуу көрсөткүчтөрдү атоочтуктун татаал формалары деп эсептөө туура эмес деп эсептейт: «Эгерде жогоркудай формаларды атоочтукту уюштуруучу татаал формалар дей болсок, анда *-а, -ып, -п* түрүндөгү чакчыл этиштерге *сал, кой, ташта, бер* ж.б.у.с. этиштердин айкашып келүүсү аркылуу түзүлгөн этиштерге *-ган* формасы жалганган учурда, *-ып, -п + салган, койгон, таштаган, берген* деген сөздөрдү да атоочтуктун татаал

формасы деп атоого туура келет. Бул болсо, чындыкка такыр жакындашпайт. Мисалы: *бүткөрүп салган* жумуш, *тигип койгон* көйнөк, *мага сатып берген* китеп, *ыргытып таштаган* чирик алма десек, биринчиден, атоочтукту уюштуруучу форма катары бир гана жөнөкөй форма, *-ган* формасы эсептелет. Мында *-ган* формасы *бүткөрүп сал*, *тигип кой*, *сатып бер*, *ыргытып ташта* деген татаал этиштерге жалганып келип, атоочтукту уюштуруп жатат. Экинчиден, мына ушул эле татаал этиштер чакчыл этиш, кыймыл атооч, жакчыл этиш боло алат: Кыздарың коркпосун, ээрчитип айылга *бара тур* (Т.С). Өзүмө ылайык кетмен болсо чоңдордон калышпайт элем,- деди Алымкул, - атасынын жанына бир аяк талканды *коюп жатып* (У.А.). Сен мойнундагы салыгыңды мага *төлөбөй жүрүп*, эми эчкилеримди жегин келдиби? (К.Ж.)» [Хидирова, 2006, 22].

М. Мураталиев аталган эмгегинде *-ган* формасындагы атоочтуктар *эле, эмес, бейм* сыяктуу жардамчы сөздөрдүн компоненттеш болуп айтылуусу менен түзүлгөн татаал формаларды да атоочтукту уюштуруучу формалар катары караган [Мураталиев, Турсунов, 1961, 35]. Бул маселеде да биз Ч.Хидированын пикирине кошулабыз. Бул да туура эмес, анткени *де, эле, эмес, бейм* сыяктуу жардамчы сөздөр чакчыл этиш, кыймыл атооч жана атооч сөз түркүмдөрү баяндоочтук позицияда келгенде деле катыша берет: Биздики элден обочо, жалгыз тамдын түбүндөгү *кара үй эле*. (баяндоочтук позицияда келген зат атооч) (М.Э.). Устага балтамды *таштадым эле*, таптаса, балтамды алганча тегирменге мына бул буудайды *жүгүртө келейин дедим* (жакчыл этиш) (Т.С.). Сен *келгенче эле* (чакчыл этиш) алар кетип калышты [Хидирова, 2006, 22].

Кыргыз тилиндеги атоочтуктар 1980-жылы жарык көргөн «Кыргыз адабий тилинин грамматикасында» бир топ такталып берилген. Анда буга чейинки грамматикаларга караганда атоочтуктарды уюштуруучу формалар такталып, алардын табиятын толугураак камтыган төмөнкүдөй аныктама берилген: «Грамматикалык жагынан этиштик касиетке да, атоочтук (сын атоочтук жана зат атоочтук) касиетке да ээ болгон жана кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөткөн этиш сөздөр атоочтук деп аталат» [1980, 421-422]. Бирок бул аныктама дагы тактоону талап кылат. Анткени атоочтуктар грамматикалык жактан бир мезгилде үч тараптуу мааниге. Аныктамада белгиленгендей, этиштик да, сын атоочтук жана зат атоочтук мааниге ээ болбостон, эки тараптуу - кыймыл-аракеттик-белгилик же кыймыл-аракеттик-заттык мааниге гана ээ болот. Ал эми атоочтук формалар катары көпчүлүк эмгектерде белгиленген *-ган, -ар, -бас, -оочу/-уучу* жана *-а, -е (й) + элек*, ошондой эле, атоочтуктун татаал түрлөрү катары *-а,-е (й); -ып, -п + турган, жаткан, жүргөн* жана кош сөз түрүндөгү атоочтуктар көрсөтүлгөн.

С. Давлетов, С.Кудайбергеновдун «Азыркы кыргыз тили» аттуу окуу китебинде буга чейинки грамматикаларда бериле элек *-гыдай* формасы да атоочтук форма катары көрсөтүлөт. Биздин оюбузча, Ч.Хидирова: «аталган форманы, ошондой эле кээ бир илимий эмгектерде [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 183] атоочтуктун татаал формасы катары берилип жүргөн *-гандай* формасын да семантикалык жана грамматикалык жагынан нагыз жана функционалдык атоочтуктардан айырмаланган окшоштуруу, салыштыруу, болжолдоо маанисиндеги атоочтуктардын формасы катары бөлүп кароо туура болчудай. Биринчиден, *-гыдай, -гандай* формалары аркылуу түзүлгөн атоочтуктарда дайыма окшоштуруу, салыштыруу оттенону басымдуу болот. Бул жагынан алар сын атоочко жакындашат, бирок сын атооч боло албайт, себеби кыймыл-аракеттин динамикалык белгиси бир аз солгун тарткан абалда болсо да сакталып турат. Мисалы: Башын жара чапсаң да, *чынын айткыдай* (*чынын айта тургандай*) түрү жок. *Унчукпай тургула дегендей* белги берди. Экинчиден, атоочтуктун *-ган, -ар* жана башка мүчөлөрү *-дай* мүчөсүз келгенде, кыймыл атоочтук маанидеги, б.а., актанттык атоочтуктар катары кеңири колдонулат. Мисалы: *Жаш чырпыктын ийилгени - сынганы, жаш жигиттин уялганы - өлгөнү* (Макал). *Жүргөн-*

турганы да, сырткы кебетеси да кадимки өкмөтчүлөргө окшош (Т.С.). *Бараарың чынбы?* Ошол эле маалда *-дай* мүчөсү менен келген учурда атоочтуктар мындай касиетке ээ боло албайт. Мисалы: *Баргыдайың чынбы?* деп айтылбайт»- деп туура белгиленген [Хидирова, 2006, 23].

Грамматикада «функционалдык атоочтуктар» деген түшүнүк киргизилип, аларга төмөнкүдөй мүнөздөмө берилет: «Функционалдык атоочтуктар этиштин чактык формалары боло алышпайт, бирок аныктоочтук орунда атоочтук катарында кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт. Алар *-гылык, -максан, -аган, -еген* мүчөлөрү аркылуу уюшулат» [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 186].

Функционалдык атоочтуктардын нагыз атоочтуктардан айырмачылыгы чактык маанини билдире албагандыгында гана эмес, аныктоочтук милдетте гана атоочтук касиетке ээ болуп, ал эми башка учурларда башка сөз түркүмдөрүнө жакындашып, аларга өтүп кетишинде да. Сал.: 1. *Ит тургулук* жер эмес. 2. *Көргүлүктү* көрөсүн. Биринчи мисалда *-гылык* мүчөсү менен келген сөз атоочтук болуп турат да, ал эми экинчи мисалда *-гылык* мүчөсү аркылуу жасалган сөз зат атоочко жакындашат. Мындай мүчөлөрдүн дагы бир мүнөздүү касиети пассивдүүлүгүндө [Хидирова, 2006, 24].

1980-жылдардан кийинки илимий грамматикаларда атоочтуктардын синтаксистик табиятына көбүрөөк көңүл бурула баштаган, бирок толук, системалуу түрдө берилген эмес. 1982-жылдан бүгүнкү күнгө чейин кыргыз тилиндеги атоочтуктарга арналган үч кандидаттык диссертация жазылган [Мусаев, 1982; Кеңешбекова, 1988; Хидирова, 2006].

Н.А.Кеңешбекова кандидаттык диссертациясында кыргыз жана орус тилдериндеги атоочтуктарды салыштырма-типологиялык аспектиде иликтегенден, эки тилдеги атоочтуктарды салыштырууга көп көңүл бурулуп, кыргыз тилиндеги атоочтуктардын семантика-грамматикалык функциялары иликтенген эмес [Кеңешбекова, 1988]. Кыргыз тилиндеги, дегеле түрк тилдериндеги атоочтук конструкциялардын синтаксистик табиятын ачып берүүдө өзгөчө ролду С.Ж. Мусаевдин эмгеги ээлеп тургандыгын баса белгилеп кетүү зарыл. Анткени бул эмгекте атоочтук конструкциялар жаңыча багытта иликтенип, түрк тилдеринде атоочтук конструкциялардын парадигматикалык жана деривациялык типтерин изилдөөгө биринчи жолу кадам шилтенген [Мусаев, 1982].

С.Ж. Мусаев кыргыз тилиндеги атоочтук конструкцияларды иликтеп, алардын грамматикалык табиятын, семантика-функционалдык типтерин, синтаксистик функцияларын кеңири ачып берген. Автор атоочтук конструкцияларды багыныңкы сүйлөмдүк жана түрмөктүк деңгээлде карап, атоочтук түрмөктөрдүн парадигматикалык типтерин (үч негизги тип жана 43 ядролук структуралык типтердин схемасын, 37 ички структуралык моделдердин схемасын) схемалаштырып берген. Кыргыз тилиндеги атоочтук түрмөктөрдүн синтаксистик функцияларын иликтеген. Ошондой эле атоочтук түрмөктөрдүн бир составдуу же эки составдуу болорун белгилеген. Булардын ичинен бир составдуу атоочтук түрмөктөр өзгөчө кеңири каралган [Мусаев, 1982].

Ч.Х.Хидированын эмгегинде атоочтуктардын семантикалык-грамматикалык табияты, синтаксистик кызматы менен деривациялык типтери андан ары тереңдетилип иликтенген. Автор негизги атоочтуктарды семантикалык-грамматикалык жактан нагыз атоочтуктар; затташкан атоочтуктар; заттык функциядагы атоочтуктар: а) кыймыл атоочтук маанидеги атоочтуктар, б.а., актанттык атоочтуктар; б) сирконстанттык атоочтуктар; 4) окшоштуруу, салыштыруу, болжолдоо маанисиндеги атоочтуктар деген топторго бөлүп карайт. Атоочтук түрмөктөрдүн гана эмес, жөнөкөй жана татаал атоочтуктардын да семантика-грамматикалык кызматын жана деривациялык типтерин терең жана системалуу изилдөөгө алат [Хидирова, 2006].

Кыргыз жана түрк тилдеринин салыштырма грамматикасын жазган окумуштуулардын эмгектеринде да атоочтуктар жөнүндө маалыматтар берилген [Садыков, Сагынбаева 2010; Сагынбаева, Дербешева 2014].

Кыргыз жана түрк тилдеринин салыштырма грамматикасында атоочтуктар (*sifat fiiller*) этиштин өзгөчө формаларынын бири деп каралат. Кыймыл-аракетти, чакты билдиргендиги жагынан этиштик касиетке ээ болсо, заттын белгисин билдиргендиги жагынан сын атоочко жакын келет. Ошондуктан атоочтуктар сүйлөм ичинде мүнөздүү түрдө аныктоочтук милдетти аткарышы белгиленип: *okunacak kitap* - окулуучу китеп, *solmuş çiçek* - соолуган гүл, *kırılmaz cam* - сынбас айнек ж.б.у.с. мисалдар келтирилген. Атоочтукту уюштуруучу мүчөлөр катары *-an/-en*, *-miş* /*-miş*/ *-muş* /*-müş*, *-r* /*-ar*/ *-er*/ *-ır*/ *-ir*/ *-ur*/ *-ür*, *-acak* /*-ecek*, *-maz* /*-mez*, *-ası* /*-esi*, *-dik* /*-dik*/ *-duk* /*-dük* формалары көрсөтүлүп, алардын маанилери мисалдар менен түшүндүрүлгөн [Садыков, Сагынбаева, 2010, 242-243].

Кыргыз жана түрк тилдеринин, башка салыштырма грамматикасында атоочтуктардын түшүндүрмөсү андан ары кеңейтилип «Этиш сөздөрдөн жасалып, кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтүп, сүйлөмдө баш жана айкындооч мүчөлөрдүн милдетин аткаруу менен этиштик жана мамиле категорияларынын өзгөчөлүктөрүнө ээ болгон сөздөр атоочтуктар деп аталат» деген аныктама берилген. Атоочтуктардын этиштик жана атоочтук белгилери, атоочтук түрмөктөр жөнүндө кыскача маалымат көрсөтүлгөн [Сагынбаева, Дербешева, 2014, 188-190]

Ошентип, жогортодогу серептен төмөнкүдөй жыйынтык чыгат:

1. Азыркы кыргыз тилинде *-ган*, *-ар*, *-бас*, *-оочу*/ *-уучу*, *-а*, *-е* (*й*) +*элек*, *-гандай*, *-гыдай*, *-гыс* атоочтук формалары колдонулат, ал эми *-ачак*, *-мыш*, *-дык*, *-гур*, *-атын*, *-етин*, *-аган*, *-малы*/*-мели*, *-чаң*, *-аси* формалары колдонулбайт.

2. *-ган*, *-ар*, *-бас*, *-оочу*/ *-уучу* формаларындагы сөздөр бир гана кыймыл-аракет, ал абалдык маанини билдирип, баяндоочтук милдет аткаrsa, нагыз этиш болуп эсептелет.

3. Эгерде *-ган*, *-ар*, *-бас*, *-оочу*/ *-уучу* мүчөлөрү аркылуу жасалган сөздөр бир эле мезгилде кыймыл-аракеттик жана заттык мааниге, же бир эле мезгилде кыймыл-аракеттик жана белгилик мааниге ээ болуп, заттын кыймыл-аракеттик белгисин же фактысын билдирип турса атоочтук болот.

4. Кыргыз тилиндеги атоочтуктардын табияты системалуу түрдө кыйла терең иликтенген, бирок тектеш тилдер менен салыштырма пландагы кыргыз тилинде жазылган атайын илимий эмгектер жокко эсе.

Адабияттар

Бактыбаев У. Кыргыз тилинин грамматикасынын этиш бөлүгү. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1943. 138 б. {Baktybaev U. Grammar of the Kyrgyz language. Verb. 1943. 138 p.}

Асылбеков У. Грамматика. I бөлүк. Морфология. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1940. 23 б. {Asylbekov U. Grammar. I part. Morphology. Frunze: Kyrgyzymbamb, 1940. 23 p.}

Кудайбергенов С. Атоочтуктар жана кыймыл атоочтор // Мугалимдерге жардам. Фрунзе: 1956. № 3. 58-64 б. {Kudaibergenov S. Participles and gerunds / To help teachers. Frunze: 1956. No 3. 58-64-p.}

Батманов И.А. Грамматика киргизского языка. Вып. 3 (Типы отглагольных образований и их функции). Фрунзе: Киргосиздат, 1940. 72 с. {Batmanov I.A. Grammar of the Kirghiz language. Issue. 3 (Types of verbal formations and their functions). Frunze: Kirgosizdat, 1940. 72 p.}

Бакеев К. Морфология. I бөлүк. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1943. 40 б. {Bakeev K. Morphology. I part. Frunze: Kyrgyzymbamb, 1943. 40 p.}

Бакеев К. Кыргыз тилинин грамматикасы. I бөлүк. Фонетика жана морфология. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1948. 138 б. {Bakeev K. Grammar of the Kyrgyz language. Part I. Phonetics and morphology. Frunze: Kyrgyzymbamb, 1948. 138 p.}

Жакыпов Ы., Майрыков Д., Турусбеков С. Кыргыз тилинин синтаксиси. I бөлүк. (Жогорку окуу жайлар үчүн). Фрунзе: Кыргызокуупедмамбас, 1954. 229 б. {Zhakupov Y., Maurykov D., Turusbekov S. Syntax of the Kyrgyz language. Part 1 (for universities)}

Исаев Д. Кыргыз тилинин грамматикасы. Фонетика жана морфология. 5-6 класстар үчүн. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1951. 212 б. {Isaev D. Grammar of the Kyrgyz language. Phonetics and morphology. For grades 5-6. Frunze: Kyrgyzymbamb, 1951. 212 p.}

Хидирова Ч.Х. Кыргыз тилиндеги атоочтуктар.-Бишкек: Гүлчынар, 2006. 224 б. {Khidirova Ch.X. Communion in the Kyrgyz language.-Bishkek: Gulchynar, 2006. 224 p.}

Мураталиев М., Турсунов А. Кыргыз тилиндеги сүйлөм мүчөлөрү.-Фрунзе: Кыргыз ССР АН, 1961. 148 б. {Murataliev M., Tursunov A. Members of the proposal in the Kyrgyz language. Frunze: Kyrgyz SSR Academy of Sciences, 1961. 148 p.}

Кыргыз адабий тилинин грамматикасы. Фонетика жана морфология. Фрунзе: Илим, 1980. 539 б. {Grammar of the Kyrgyz literary language. Phonetics and morphology. Frunze: Ilim, 1980. 539 p.}

Давлетов С., Кудайбергенов С. Азыркы кыргыз тили морфология. Ф.: Мектеп, 1980. 236 б. {Davletov S., Kudaibergenov S. Amorphology of the modern Kyrgyz language. F.: Mektep, 1980. 236 p.}

Мусаев С.Ж. Структурно-функциональные типы и семантика причастных констукций в киргизском языке. Дис...канд.филол.наук. М: 1982. 215 с. {Musayev S.Zh. Structural-functional types and semantics of participial constructions in the Kyrgyz language. Candidate of Philology. Moscow: 1982. 215 p.}

Кеңешбекова Н.А. Сопоставительно-типологический анализ причастия киргизского и русского языков. Автореф. дис...канд.филол.наук. Алма-Ата: 1988. 16 с. {Keeshbekova N. Comparative-typological analysis of the Communion of the Kyrgyz and Russian languages. Author's abstract. dis Candidate of Philology. Alma-Ata: 1988. 16 p.}

Садыков Т., Сагынбаева Б. Кыргыз жана түрк салыштырма грамматикасынын негиздери. Бишкек: Аврасяпресс, 2010. 479 б. {Sadykov T., Sagynbaeva B. Foundations of the Kyrgyz-Turkish comparative grammar. Bishkek: Avrasyapress, 2010. 479 with.}

Сагынбаева Б., Дербишева З. Түрк жана кыргыз тилдеринин салыштырма морфологиясы. Türkçe-kırgızca karşılaştırmalı morfoloji. Бишкек.: Кыргыз-түрк Манас университети, 2014. 268 б. {Sagynbaeva B., Derbisheva Z. Comparative morphology of the Kyrgyz and Turkish languages. Bishkek: Kyrgyz-Turk Manas University, 2014. 268 p.}

УДК 811.512.154'28

Ясин Севим, Турция

КЫРГЫЗ ЖАНА ТҮРК ТИЛИНДЕГИ ЧАКТЫК МААНИДЕГИ АТООЧТУКТАР

ПРИЧАСТИЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ В КЫРГЫЗСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ. В статье описываются виды и сравнительный контекст причастий со значением времени в кыргызском и турецком языках.

Ключевые слова: кыргызский и турецкий языки, причастие со значением времени, виды, сравнительный контекст.

Кыргыз жана түрк тилиндеги атоочтуктар чактык маанини камтуу өзгөчөлүгүнө карай төмөнкүдөй үч топко бөлүнөт:

1. Өткөн чактык атоочтуктар - Geçmiş zaman. sıfat fiiller,
2. Учур чактык атоочтуктар - Geniş zaman sıfat fiiller,
3. Келер чактык атоочтуктар - Gelecek zaman sıfat fiiller [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 178-186; Korkmaz, 1955; Hengirmen, 1955, 251-254].

Өткөн чактык атоочтуктар - Geçmiş zaman sıfat fiiller. Кыргыз тилинде өткөн чактык атоочтуктар *-ган /-ген / -гон /-гөн; -кан/-кен / -кон / -көн* көрсөткүчтөрү аркылуу жасалып, мурда болуп өткөн кыймыл-аракетти заттын белгиси катары көрсөтөт [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 178]. Түрк тилинде бул мүчөнүн мааниси *-an / -en; -miş / -miş /-muş /-müş; -dik / -dik /-duk /-dük* көрсөткүчтөрү аркылуу берилет. Бирок түрк тилинин көпчүлүк грамматикаларында кийинки эки мүчө гана өткөн чактык атоочтук көрсөткүчтөр катары көрсөтүлүп, *-an / -en* мүчөсү учур чактык атоочтук катары берилет [Korkmaz, 1955; Hengirmen, 1955, 253-254], ал эми А. Н. Баскаков менен Бенхүр *-an / -en; -dik / -dik /-duk /-dük* көрсөткүчтөрүн өткөн чакты же учур чакты билдире турган атоочтуктар десе [Баскаков, 1959, 110-115], А.Н.Кононов *-(y)an /-(y)en* мүчөсүнүн келип чыгышын *-kan /-ken; -gan /-gen* көрсөткүчтөрүнөн деп эсептейт [Кононов, 1956, 251].

Биздин оюбузча, бул окумуштуулардын пикирлери чындыкка дал келет. Экинчиден, фактылык материалдар *-an / -en* мүчөсүнүн өткөн чактык маанини да билдирерин көрсөтүп турат: *Күткөн* дервиш муратына жетиптир. - *Bekleyen* derviş muradına ermiş. Мындан биз бул *-an / -en* өткөн чактык мүчө деп атоодон алыспыз. Себеби атоочтуктардын негизги чактык мааниси болгону менен, кээде контекстке жараша башка чакты туюнтушу мүмкүн. Мисалы, кыргыз тилинде да *-ган / -кан* көрсөткүчтөрү дайыма эле өткөн чакты билдире бербейт. Кээде учур-келер чакты да туюндурат. Бул алардын өтмө же өтпөс экендигине байланыштуу болору илимий адабияттарда берилип келет [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 178]. Өтмө этиштерден (*geçişli fiil*) жасалган нагыз атоочтуктар баяндоочтук милдет аткарган этиштик кыймыл-аракеттен мурда болгон кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт: Бу *берилген* жерди бир ай эмес, бир-эки жумада эле бүтүрүп ийишчүдөй (Ө.Д.). - Бу *verilen* yeri bir ay değil, bir-iki haftada tamamlaçak gibi. *Мен кетирген* жаңылыштык болсо өз жазамды өзүм тартканым оң (Т.С.). - *Benim yaptığım* hata olsa kendi hatamı kendim çektiğim munasıptır. *Жылуу сөз сүйлөй турган* тууганым жок. - *Cıлуу sözleri söyleyecek* kardeşim yok. Өткөн жылы бул терминдер үчүн комиссия жыйнашкан. - *Өткөн* жылы бул терминдер үчүн комиссия жыйнашкан. - *Geçen* sene bu istihlar için bir kimisiyon toplandılar.

Өтпөс этиштерден (*geçişsiz fiil*) жасалган нагыз атоочтуктар баяндоочтук кыймыл-аракет менен мезгилдеш кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 178]: Өрөөндө *гүлдөп турган* жайыттар көрүнөт (К.Ө.). - *Vadide çiçeklenen* otlaklar görünüyor.

Агарган чачтар сүйүүгө тоскоол боло албайт. - *Agarmış* saçlar sevgiye engel değildir.

Мындан атоочтук көрсөткүчтөрдүн чактык маанисине карай бөлүштүрүлүшү шарттуу көрүнүш деп эсептөөгө болот. Аларды чактык маанисине карай бөлүштүрүүдө көрсөткүчтөрдүн негизги чактык маанисин эске алынат.

Демек, эки тилде да атоочтук көрсөткүчтөрдүн негизги чактык мааниси бар, бирок бул маанилер кээде контекстте түзүлүш өзгөчөлүгүнө жараша өзгөрүшү мүмкүн.

Түрк тилиндеги өткөн чактык атоочтуктарга **-miş / -miş /-muş /-müŝ; -dik / -dik /-duk /-dük** көрсөткүчтөрү кирет. **-miş** мүчөсүндөгү атоочтуктар көбүнчө өтпөс этиштерге же туюк мамиле мүчөсү менен келген этиштерге жалганып келип, белгисиз өткөн чак маанисиндеги кыймыл-аракеттик белгини туюндурат [Benhür, 1993, 36] . **-miş / -miş /-muş /-müŝ** көрсөткүчтөрүнө жак-таандык көрсөткүчтөр жалганбайт [Баскаков, 1959, 110]. Бул мүчөнүн мааниси кыргыз тилинде **-ган** аркылуу берилет [Turganbaev, 2002, 324]. Мисалы: **Okunmuş kitaplardan bazılarını yeniden okumak gerekir.- Окуган китептердин кээ бирлерин кайрадан окуу керек. Günü geçmiş bir gazeteyi okuyordu. - Өткөн күндүн гезитин окуп жатты. Tanınmış tavla oyuncularları vardır. - Атагы чыккан нард оюнчулар бар.**

-dik /-dik /-duk /-dük формасындагы атоочтуктар негизги чактык мааниси өткөн чак болгону менен, кээде учур жана жалпы чакта колдонулат [Benhür, 1993, 23], жак-таандык көрсөткүчтөрүн кабыл алат [Баскаков, 1959, 110]. -An мүчөсүндөгү атоочтуктар сыяктуу «olmak» жардамчы этишине жалганып келип, чак белгисин туюндурдуу жеңилдетет. Бул жол менен **-dik** мүчөсү өткөн чактык мааниси камтып, тубаса же туунду нагыз этишке **-miş** өткөн чак мүчөсү жана **-dik** атоочтук мүчөсү менен келген **ol** жардамчы этишинин айкашып келиши аркылуу да жасалат. Кыргыз тилинде бул мүчөнүн мааниси **-ган** мүчөсү аркылуу берилет [Turganbaev, 2002, 324]. **Okumadığınız kitaplar hakkında önce bilgi edininiz, sonar okuyunuz. - Окуй элек китептер тууралуу алгач түшүнүк алыңыз, андан кийин окуңуз. Okuduğunuz kitapları arkadaşlarınıza veriniz. - Окуп бүткөн китептериңерди досторуңарга бергиле. Görmediğim, bilmediğim şeyler hakkında fikir yürütemem. - Көрбөгөн, билбеген нерселер тууралуу пикир айта албайм. İnsanın her gördüğü rüya çıkmaz. - Адамдын көргөн ар түшү орундалбайт. Bir orman pazarlığı için Kastamonu'ya inmiş olduğu günlerde, kendi kazalarında hem sandarma kumandanı değiştirdi, hem askerlik şubesi reisi. - Бир токой соодалашканы Кастамонуна түшүн барган күндөгүндө, өзүнүн районунда жандарма командири да аскердик бөлүмүнүн төрагасы да алмашты.**

Учур чактык атоочтуктар - Geniş zaman sıfat fiiller.

Кыргыз тилиндеги илимий адабияттардын ичинен С.Кудайбергеновдун эмгегинде учур чактык атоочтуктар жөнүндө кененирээк маалымат берилген: Кыргыз тилиндеги учур чактык атоочтуктар **-ын// -un** формасындагы чакчылдарга **-ган** мүчөсү жалганган **жат, тур, отур, жүр** деген жардамчы этиштердин айкалышынан курулат. **-ган** мүчөсү атоочтуктун өткөн чагынын морфологиялык көрсөткүчү болуп эсептелгени менен, жогорудагыдай конструкцияда ал касиетинен ажырайт да, атоочтук белги катарында гана кызмат аткарып калат: **жазып жаткан кыз - yazaуan kız, жазып отурган кыз - yazmakta olan kız, окуп жүргөн кыз - okuyan kız, окуп турган кыз - okumakta olan kız.**

Учур чактык маани булардан тышкары чакчыл **-a// -e // -й + жаткан, жүргөн** жардамчы компоненттердин кошулушу аркылуу да берилет. Ушул маанидеги атоочтук конструкцияга **олтур (-a + олтурган // отурган)** түрүндө этиши кемде-кем катышат, кошула албайт десе да болот; **тур** этиши жогорудагыдай конструкцияда **(-a+турган түрүндө)** келер чактык мааниси берет. Ошентип, аталган төрт жардамчы этиштин **(-ган формасында)** чакчыл **-ын// -un** менен айкалышы аркылуу атоочтук учур чактык мааниси ирети менен берилсе, чакчыл **-a// -e** менен айкалышканда ал иреттүүлүк сакталган эмес: **келе жаткан аял - gelen kadın, кармай турган сумка -ele tutan çanta; карай олтурган киши - bakmakta olan kişi, сүйлөй олтурган карыя - söylemekte olan ihtiyar ж.б.** Учур чактык атоочтуктун мааниси жогоруда аталган жардамчы этиштердин маанисине байланыштуу. Узакка созулган, дайыма болгон, же мезгил-мезгили менен кайталанган, же кандайдыр бир абалга келтиргенди билдирүүчү кыймыл-аракет заттан азыркы учурдагы белгиси катарында көрсөтүлөт: **Алакөөдөн**

Манасты ала жүргөн кол ошол («Манас»). Текшерилбей жүргөн иш болсо, айткыла. Бала кезинде ойной турган курбулары эсинен кеткен жок [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 178].

Ж.Турганбаев кыргыз тилиндеги бул татаал этиштерден жасалган учур чактык атоочтуктар түрк тилинде *-an/-en* мүчөсү аркылуу жана жатыш жөндөмөдө мүчөсүн кабыл алып келген *-tak* көрсөткүчтүү кыймыл атоочко *-an* мүчөсүн кабыл алган *ol* жардамчы этишинин айкашып келиши аркылуу берилерин; булардын ичинен учур чакта белгилүү аралыкта кайталанган бир кыймыл-аракетти билдирген жана *-ган/-ген* мүчөсү аркылуу уюшулган *жүр* жана *тур* жардамчы этиштеринин мааниси, бир гана *-an* көрсөткүчтүү атоочтуктар аркылуу туюндуруларын, бир убакта кайталанган кыймыл-аракетти билдирген *тур* жана жат жардамчы этиштери менен уюшулган атоочтуктар болсо, *-an* же *-makta olan* атоочтук көрсөткүчтөрү аркылуу да берилерин белгилейт: ...кылкылдап *чубан жаткан* көп көчтүн арасынан актайлакты издеп жатты. - ... *dalgalanıp uzamakta olan* kalabalık göçün arasında taylağı arıyordu. Заматта көз алдына көк жал карышкыр менен *алышып жаткан* киши келди - *Hemen gözlerin önüne mavi yeleli kurtla dövüşmekte olan* adam geldi. Ал *көрүп турган* көзүнө ишене албады. - *O gören* gözlerine inanamadı. Шер Датка жумшак үндү угуп өйдө карап, өзүнө ийиле чай *сунуп отурган* жигитти көрүп, бир кур көзү чоңойо түшүп, «Самарканддын жаман думанасы» деген ой кылт этти. - *Şer Datka yumuşak sesi duyup, yukarı bakınca, kendisine çay servisini yapan* genci gördü, birden şaşkınlıktan gözleri açılarak, “Semerkand’ın zavallı dervîşi” gibi bir düşünce harladı. Кылкылдаган гүлдөрдү ыргап жыпарын абага *сээп жүргөн* жумшак жел... -*Sallanan çiçekleri yavaşça seçerek hoş kokusunu havaya sepren* yumuşak yel... [Turganbaev, 2002, 37].

Кыргыз тилинде учур чактык атоочтуктардын терс формасын уюштурууда негизги этишке *-ба/-бе/-бо/-бө* көрсөткүчтөрүнүн жалганышы менен жасалат: *Окубай отурган* бала. - *Okumayan* çocuk. *Айтпай жүргөн* сыр - *Söylenmeyen* sır. *Көнбөй жаткан* киши. - *Razı olmayan* kişi. *Ачылбай жаткан* эшик. - *Açılmayan* kapı. *Барбай жаткан* окуучу - *Varmayan* öğrenci.

Түрк тилинде учур чактык атоочтук көрсөткүчтөр катары *-an (-en), -ar (-er, -ır, -ir, -ur, -ür), -ıcı (-ici, -ucu, -ücü)* көрсөткүчтөрүндөгү атоочтуктар эсептелет [Hengirmen, 1955, 251].

Жогоруда белгиленип кеткендей, *-an (-en)* көрсөткүчтүү атоочтуктардын чактык мааниси түрк тилиндеги илимий адабияттарда бир түрдүү берилбейт. Коркмаз, Хенгирмен сыяктуу окумуштуулар бул мүчөнү учур чактык атоочтук десе, Баскаков учур жана өткөн чакты билдирген атоочтук [Баскаков, 1959, 110-115], Бенхүр менен Турганбаев учур, өткөн жана келер чакты билдирген атоочтук мүчө деп карашат [Benhür, 1993, 12; Turganbaev, 2002, 285]. Биздин оюбузча, *-an (-en)* көрсөткүчтүү атоочтуктар кээде өткөн чак жана келер чакта да колдонулганы менен, алардын негизги чактык мааниси болуп учур чак эсептелет. Бул мүчө учур чактык маанисинде көбүрөөк колдонулат. Кыргыз тилинде *-ган* менен берилет. Мисалы: *Orada duran bir sandığın içindeki eskileri eşelemeye başladı.* - *Ошол жакта турган сандыгынын ичиндеги эски кийимдерди көңтөрө баштады. Ваşi döndüren* argidalın aşığında *ğürüldeп Karabalta akıyor.* - *Баши айланткан* капчыгайдын таманында күкүктөп *Карабалта* агып жатат.

-An мүчөсү татаал этиштердин тутумундагы *ol* жардамчы этишине уланып негизги этиши + *olan* түрүндө келип, учур чактагы кыймыл-аракетти билдирген татаал этиштен жасалган атоочтуктарды уюштурууда өтө жыш колдонулат: *O bir daha dervîşin dikerek bakmakta olan* gözlerini hissetti. - *Ал каландардын кадалып турган көзүн дагы сезди. Söylemekte olan* sözünü *söyleyor.* - *Айтмакчы болгон* сөзүн айтып жатат.

-ar (-er, -ır, -ir, -ur, -ür) мүчөсүндөгү атоочтуктар түрк тилинде учур чактык маанисин берет. Терс формасы *-maz/-mez* түрүндө колдонулат.

Хенгирмен бул мүчө жалпы учур чакты билдирерин [Hengirmen, 1995, 251], Ж.Турганбаев Бенхүр менен Ж.Денинин пикирине кошулуп, **-ar /-maz** көрсөткүчтүү атоочтуктар адатка айланган кыймыл-аракетти же ал-абалды туюнтарын белгилеген [Benhür, 1993, 34; Turganbaev, 2002, 353]. Бул окумуштуулардын эмгектеринде фактылык материалдар менен көрсөтүлгөн. Кыргыз тилинде **-ar /-maz** көрсөткүчтөрүнүн мааниси контексттеги маанилик өзгөчөлүгүнө жараша **-уучу/-оочу, -ар** жана **-ган** көрсөткүчтөрү аркылуу берилет:

Güler yüzle karşıladi. -Күлүмсүрөгөн жүзү менен кабыл алды. İşe yararar bi rev bulmuştu. - Ишке жарай турган бир үй тапты. Hakim, dosyaı bilir kişiye havale etti. - Хаким досьени билген кишиге тапшырды. Tükenmez kalemler dolma kalemlerden daha çok kullanılıyor. - Түгөнбөй турган калем сан толтурулуучу калем сантардан да көп колдонулат. Erenler hoş görürler! Sen halden anlar adamsın. - Кутмуу кишилер чыдамдуу! Сен ал абалды билчү кишисин. Onun sana benzer yeri yok. - Анын сага окшошкон жери жок. Onlara en umulmaz zamanlarda yardım ediyor. - Аларга эч күтүлбөгөн учурларда жардам берет.

Кыргыз тилинде **-ар** мүчөсү келер чактык мааниде колдонулат да, терс формасы **-бас /-нас** түрүндө келет.

-а, -е (й) + элек формасындагы нагыз атоочтуктар иш жүзүнө ашырыла элек кыймыл-аракетти заттын белгиси катары көрсөтөт. Мындай атоочтуктардагы кыймыл-аракет учур чактык планда болот, бирок терс формада: Түрк тилинде бул мүчөнүн мааниси **-асак, -ан** көрсөткүчтөрү аркылуу берилет: *Аялдамага келип, троллейбустун бүктөөсү жазыла элек эшигин шап кармап ичине кирди (С.Ж.). - Durağ'a gelip, trolleybus'un yığtağı açılmayan kapısı'n hızlı kavrayacak içerisi'ne girdi. Сөөмөйүнүн учу али эти толо элек тырыкка сайыла түштү (С.Ж.).- İşaret parmağı'nın ucu henüz eti dolmayan yara iziye batırıldı. Эки кабат кызыл кирпичтен салынган оорукананын имаратынын маңдайындагы карый элек бактын ичинен Мейилкан чыга калды (М.Б.). - İki kat kırmızı tuğla ile kurulan hastahane binası'nın karşısında henüz karımayan bahçe içinen Meyilkan çıktı.*

Келер чактык атоочтуктар - Gelecek zaman sıfat fiiller.

Кыргыз тилиндеги келер чактык маанини туюндуруучу атоочтуктарга **-ар/ -бас, -оочу/ -уучу, -а,-у -й + элек** формалары кирет [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 179-185; Хидирова, 2006, 38-39].

-ар /-ер/ -ор /-өр формасындагы атоочтуктардын мааниси түрк тилинде **-асак** формасындагы келер чактык атоочтуктар аркылуу берилет. **-ар** мүчөсүндөгү атоочтуктар эки түрдүү кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт: 1) келечекте иштелүүгө тийиш болгон кыймыл-аракетти заттын белгиси катары көрсөтөт. Мисалы: *Кыз барар жерине ыйлап барат (Макал). - Kız varacak yerine ağlaya varır. Артымда калар бала бар («Манас»). - Artımda kalacak çocuğum var. Эй, биздин көлөкөлөр алтын чынарыбыз. - O, bizim gölgeleyecek altın çınarımız;* 2) Белгилүү бир убакка тиешеси жок, затка жалпы эле мүнөздүү болгон кыймыл-аракетти билдирет, **-ар/-ер** формасынын бул мааниси көбүнчө макал-лакаптарга, фразеологиялык туруктуу сөз айкаштарына мүнөздүү: *Бйлар бала атасынын сакалы менен ойнойт. - Ağlayacak çocuk babası'nın sakalı ile oynar. Болор кулун желеде жулкунат. - Bolacak tay celede culkunar. Өз тукуму Жаш-Тегиндин кылычты бийик көтөрөр эр экенин билип калышты (Т.С.). - Kendi avladı Caş-Tegin'nin kılıcı yüksek kalkar erliğin bilmiş.*

Азыркы кезде **-ар** формасы азыраак колдонулуп, анын ордуна **-ган** формасындагы татаал этиштер көп колдонула баштады. С.Кудайбергенов бул формадагы атоочтуктун ордуна **-а, -е (й)+тур** формасындагы этиштерден жасалган атоочтуктар активдешип бараткандыгын туура белгилеген [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 179]. Мындай учурда да ошол эле маани камтылат: *Кызым экөөбүздү күм-жам кылып коюшса, артыбыздан издеп*

алар (ала турган) киши жок. - *Kızım ekimizi öldürüşse, **artımız'an araştıracağız** kişi yok.* Айлымды, тууган эл, туулган жеримди кайра көрөр (көрө турган) күн бар бекен (Т.К.). - *Köyümü, akrabalarım, doğulan yerim **yine görer** gün varmikin.*

Ж.Тургунбаев атоочтуктардын татаал этиштерден жасалган учурларына өтө кеңири токтолуп өткөн [Turganbaev, 2002]. -ар/-ер мүчөсү татаал этиштерге жалганып келип, келерчактагы кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт: *О, падыша, биздин душманыбыздын башына **түшүн турар** зулукарбыз.* - *О, padişah, bizim düşmanlarımızın başlarına her zaman **düşecek** zülfikarız.* Наманганга барып, бек Волот деп, чиркей менен бүргөгө таланын жатар алым жок (Т.К.). - *Namangen'e gidip, Bolot han için, sirvisinege ve hirelere **yağma edilecek** halim yok.*

-бас (< ба+с) мунун ичинен **-ба** мүчөсү - этиштин тангыч мүчөсү; **-с** - келерчак атоочтугунун оң формасынын өзгөргөн түрү). формасындагы нагыз атоочтуктар **-ар** формасынын терс маанилерин билдирет. **-бас/-бес/-бос/-бөс, -нас /-нес /-нос /-нөс** түрлөрүндө келет. Бул мүчөнүн мааниси түрк тилинде **-ан, -таз** атоочтуктары, айрым учурларда терс формасын кабыл алып колдонулган **-d°k** атоочтугу аркылуу берилет. Мисалы: *Ар дайым суукка тоңдурбас, ысыкка күйгүзбөс кийим бычкан киши эле (Т.С.).* - *Her zaman **soğuş'a dondurmayan, sıcak'a yakmayan** elbise biçen kişiydi* Бул аска дале турат, дале жапжаш, Кыргыздын өлбөс-өчпөс жүрөгүндөй. - *Bu kaya hala duruyor, hala Kırgızlar'ın **ölmeyen sönmeyen** kalbi gibi gençtir.* Менмин ошол алп Манастын тукуму, ташкындарды, тайфундарды тозотпос ошол Манастын тукуму. - *Bu kahraman Manas'ın selleri, fırtınaları **umutsamayan** nesli benim.* - Өлүм парз го, өкүмүнө көнөрмүн, Кез жеткенде келбес жайга жөнөрмүн. - *Ölüm farzdır, fermanını Kabul ederim, sıra gelince geri **dönülmez** bir yere giderim.*

-оочу/ -уучу формасындагы атоочтуктар тутуму боюнча татаал форма болуп эсептелет. Ал кыймыл атоочтукту уюштуруучу **-оо/-уу** формасына **-чу** адат өткөн чак мүчөсүнүн биригишинен туруп, мааниси боюнча мурда дайым болгон же келечекте аткарылуучу кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт. **-оочу/ -уучу /-үүчү/-өөчү** түрлөрүндө кезигет. Түрк тилинде бул мүчөнүн мааниси **-ан, -иси/-уси** формалары аркылуу берилет. Мисалы: *Казылчу жердин жалпы узундугун келген кишилердин санына бөлдүк да койдук (Ө.Д.).* - ***Kazılıcı** yer'in tüm uzunluğu'n gelen kişilerin miktarı'na böldük de oldu.* Изатка бул энеси айтуучу сыйкырдуу жомоктогу Көйкөптын өзүндөй (Ө.Д.). - *Izat'a bu annesi **söyleyen** sihirli masal'da verilen Köykab gibi.* Араба менен араң жүрчү капчыгайдан темир жол алып өтүү деген укмуш (Ө.Д.). - *Arava ile anca **yüren** argidal'an demir yol alğp ötmek harikadır.*

Түрк тилинде келерчактык атоочтуктар катары **-acak /-ecek** мүчөсүндөгү атоочтуктар эсептелет [Баскаков, 1959, 110-115; Кононов, 1956, 251-254; Korkmaz, 1955, 151; Hengirmen, 1995, 253; Benhür, 1993, 25]. Ж.Тургунбаев кыргыз тилинде бул мүчөнүн мааниси **-а/-о/-ў + турган, -уучу/-оочу, -ар/-ор жана -дыгы менен келген -ган, -ар, -бас** көрсөткүчтөрү аркылуу берилерин кеңири иликтөөгө алган [Turganbaev, 2002, 331-353].

-acak /-ecek атоочтуктар келечекте аткарыла турган кыймыл-аракетти заттын белгиси катарында көрсөтөт: *Kendine **konuşacak** birini arıyor.* - Өзүнө сүйлөшө турган бирөөнү издеп жатат. ***Boş durulacak** günler mi?* - ***Бекер турчу** күндөр эмес.* *Benim **güvenecek** hiç kimsem yok.* - Менин ишенчү эч кимим жок. *Onun **soyleyecek** hali, **kımlıdayacak** gücü yok.* - Анын сүйлөр алы, кыймылдар кубаты жок. *Sevim hanımla **konuşmanın kolay olmayacağını** anlıyordu.* - Севим айым менен сүйлөшүүнүн өзү оңой болбой тургандыгын түшүнүп жатты.

Ошентип, жогоруда чактык маанидеги атоочтуктардын кыргыз жана түрк тилиндеги салыштырма контексти каралып, анда жалпылыктар менен катар айырмачылыктар орун алары ачып көрсөтүлдү. Мындагы жалпылыктар тектештикке айырмачылыктар эки тилдин өзгөчөлүктөрүнө барып такалары бышык. Ошол эле маалда биз кол жеткирген натыйжалар

эки тилдеги атоочтуктардын салыштырма типологиясын иштеп чыгууга өбөлгө түзөрүндө шек жок.

Адабияттар

Давлетов С., Кудайбергенов С. Азыркы кыргыз тили морфология. Фрунзе: Мектеп, 1980. 236 б. {Davletov S., Kudaibergenov S. Azirki Kyrgyzi morphology. Frunze: Mektep, 1980. 236 p.}

Korkmaz Z. Türkiye Türkçesinde İktidar ve İmkan gösteren Fiiller ve Gelişmeleri // TDAY-Belleten-1955. S. 59-71. {In Turkey Korkmaz Turkish ruling and facilities Z. showing Verbs and Developments // TDAY-Belleten-1955. P. 59-71.}

Hengirmen M. Türkçe Dil Bilgisi. Ankara:1995. {Hengirmen M. Turkish Language Information. Ankara: 1995.}

Баскаков А.Н. О классификации причастий в турецком языке // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 110-115. {Baskakov A.N. On the classification of participles in the Turkish language. *Questions of linguistics*. 1959. No. 6. P. 110-115.}

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. –М.-Л: 1956. {Kononov A.N. Grammar of the modern Turkish literary language. Moscow –Leningrad: 1956.}

Benhür M.H. Türkiye Türkçesinde Sıfat-Fiil ve Zarf-Fiil eklerinin Fonksiyonları. Yüksek Lisans. Gazi Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Ankara: 1993. {Benhür M.H. Functions of the Turkish verb and adjective-verb-envelope adds Turkey. Master of Science. Gazi University, Institute of Social Sciences, Ankara: 1993.}

Turganbaev C. Kırgız Türkçesinde Sıfat-Fiil ve Zarf-Fiil ekleri. Şekil-Anlam-İşlev ve Türkiye Türkçesi ile Karşılaştırma. Konya: 2002. {Turganbaev C. Adjective-adverb and adverb-adverbs in Kyrgyz Turkic. Figure-Meaning-Function and compare Turkey with Turkish. Konya: 2002.}

Хидирова Ч. Кыргыз тилиндеги атоочтуктар. Бишкек: 2006. 224 б. {Khidirova C. Kyrgyz tilindegi atochtuktar. Bishkek: 2006. 224 p.}

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдарбекова Жадыра Кабенқызы, докторант Евразийского Национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана.

Алмадаков Эдуард Алексеевич, магистрант Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

Арзамазова Ольга Александровна, научный сотрудник Лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Бадртдинова Алсу Анисовна, младший научный сотрудник и аспирант отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

Балабекова Назгуль Рахатовна, докторант Евразийского Национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана.

Валиева Мадина Раилевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Гарипов Талмас Магсумович, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского госуниверситета, г. Махачкала.

Ганеева Галия Галияновна, кандидат филологических наук, доцент Бирского филиала БашГУ, г. Бирск.

Дыбо Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующая отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, г. Москва.

Жаксылыкова Куляй Баймендиевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры казахского и русского языков КазНИТУ имени К. Сатпаева, г. Алматы, Казахстан.

Ибрагимова Тансулпан Тагировна, студентка Бирского филиала БашГУ, г. Бирск.

Ивентьев Сергей Иванович, советник Российской Академии Естествознания, член Российского Философского Общества, г. Казань.

Иждавлетова Гульназ Идельбековна, студентка факультета башкирской и тюркской филологии Стерлитамакского филиала БашГУ, г. Стерлитамак.

Илимбетова Азалия Фаттаховна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Ишегулова Алсыу Минифариевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Каскинова Гульнур Нуримановна, кандидат филологических наук, доцент Бирского филиала БашГУ, г. Бирск.

Капишева Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук (РАН), г. Москва.

Касым Балкия Касымовна, доктор филологических наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы.

Касымбекова Айнур Талгарбековна, докторант Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы.

Кулманов Сарсен Кулманович, кандидат филологических наук, доцент Института языкознания имени А. Байтурсынова, г. Алматы.

Латыпов Фарит Рафгатович, кандидат технических наук, доцент ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет», г. Уфа.

Люкина Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, г. Глазов.

Махмудов Альберт Рафилевич, директор музея Бардымского районного краеведческого музея, Пермский край, с. Барда.

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, чл.-корр. РАН, заведующий Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Насырова Наиля Яхиевна, учитель МАОУ «Гимназия № 111», г. Уфа.

Нафиков Шамил Валиевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Никифорова Ольга Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», Арзамасский филиал, г. Арзамас.

Садыралиева Гульшан Эркинтуровна, кандидат филологических наук, доцент Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева, г. Бишкек.

Саидов Абдулкерим Магомедович, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.

Салихов Ахат Губаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом восточных рукописей Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Санникова Инна Иннокентьевна, кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Сиразитдинов Зиннур Амирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, руководитель Лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Ситимова Сара Саферовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка ГБУ РА Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, г. Майкоп.

Султангареева Розалия Асфандияровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Тенишев Эдхям Рахимович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, советский и российский тюрколог, монголовед, Институт языкознания РАН, г. Москва.

Тулекова Гульназ Хажымуратовна, кандидат филологических наук, профессор Академии гражданской авиации, г. Алматы.

Тулекова Гульжан Хаджимуратовна, кандидат филологических наук, доцент Университета «Туран», г. Алматы.

Удербает Алмас Жауынбаевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой казахского и русского языков КазНИТУ им. К. Сатпаева, г. Алматы.

Усманова Минсылу Губайтовна, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Файзуллина Гузель Чахваровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиала) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск.

Федина Марина Серафимовна, заместитель директора-руководитель Центра инновационных языковых технологий ГАУ РК «Дом дружбы народов Республики Коми», г. Сыктывкар.

Хакимьянова Айгуль Мужавировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, научный руководитель Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Хисияма Юто, докторант Университета иностранных исследований Токио, г. Токио.

Хусаинова Алина Ямилевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань.

Хусаинова Гульнур Равильевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом фольклористики Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Хуснетдинова Рамиля Янсафовна, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.

Хуснуллина Роза Диясовна, кандидат филологических наук, преподаватель башкирского языка и ИКБ МОАУ «Гимназия № 1», г. Нефтекамск.

Шакиров Искандер Аликович, кандидат философских наук, научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Чупров Василий Пантелеймонович, специалист ООО «Судебный эксперт», г. Москва.

Юлдыбаева Гульнар Вилдановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Юнысова Фирдаус Бариевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа.

Ясин Севим, аспирант Гуманитарного университета им. К. Карасаева, Кыргызстан-Турция.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....5

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Тенишев Э. Р. Дыбо А. В. Творческий путь Николая Константиновича Дмитриева6
Хисамитдинова Ф. Г. Н. К. Дмитриев и башкирское языкознание17

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Арзамазова О. А. Названия мяты (mentha) в удмуртских диалектах23
Бадртдинова А. А. Распространенные варианты гласных фонем среднего диалекта татарского языка30
Валиева М.Р. Вклад известного башкирского лингвиста Н.Х. Ишбулатова в башкирскую диалектологию36
Гарипов Т. М., Капишева Т. Ю. Бакалинский этнолект Башкирии – достойный кандидат на включение в «Красную книгу языков народов России»39
Гусейнов Г.-Р.А. -К. Вокализм кизлярского говора терского кумыкского диалекта в ареальном и историческом аспектах.....43
Ғәниева Ф. Ғ. Ырымбур өлкәһе Һарыкташ районы башҡорттарының һөйләш үзенсәлектәре46
Ибраһимова Т. Т. Спартак Ильясов әсәрҙәрендә диалектизмдар49
Иждәүләтова Г. И. Рәшит Солтангәрәев әсәрҙәрендә диалект һүҙҙәр50
Киселев М. Ю. Фонд Н. К. Дмитриева в архиве Российской академии наук: взгляд архивиста52
Ҡасқынова Г. Н. Тук-Соран әкиәттәре (Тук-Соран буйы башҡорттарының йәнле һөйләү теле һәм әкиәттәре миҫалында).....56
Латыпов Ф. Р. О содержании северо-иребийской надписи на свинцовой пластине из энсеруны и диалектных особенностях этого языка61
Люкина Н. М. Акцентуация в говоре жителей д. Варклед-Бодья Агрызского района Республики Татарстан65
Махмудов А. Р. Роль Дании Мирхазовны Сарманаевой в изучении говора среднеуральских татар и башкир68
Мызников С. А. Этимология некоторых лексических данных русских говоров в финно-угорском и тюркском контексте69
Насырова Н. Я. Диалект шарттарында башҡорт телен (туған тел булараҡ) уҡытыу..74
Нафиков Ш. В., Валиева М. Р. Этимологизация башкирских диалектальных апа 'дядя', эбә 'тётя'77
Никифорова О.В. Наименования подруги со стороны невесты в свадебном обряде (на материале нижегородских говоров)83
Саидов А. М. Вопросы диалектологии в «Грамматике кумыкского языка» Н. К. Дмитриева86
Салихов Ә. Ғ. Ғәрәп графикаһында башҡорт яҙма телендә яҙылған текстарҙың баҫылыуы тарихынан90
Санникова И. И. Русские слова в составе диалектной лексики современного якутского языка95
Ситимова С. С. К вопросу о некоторых особенностях хатукайско-адамийского говора адыгейского языка98
Удербәев А. Ж., Жаксыликова К. Б. Лексикографирование диалектной лексики в толковом словаре казахского языка101
Усманова М. Ғ. Н. К. Дмитриев һәм башҡорт тел ғилеме (-р аффиксының тарихы һәм халыҡ телендә булған мәғәнәләре)106

Файзуллина Г. Ч. Номинации человека с компонентом-наименованием пищи в тоболо-иртышском диалекте татарского языка	111
Федина М. С., Чупров В. П. Электронный корпус ижемского диалекта коми языка как ресурс для лингвистических исследований	115
Хакимьянова А. М. Лексика свадебно-обрядового фольклора башкир	119
Хисияма Юто. Башкорт теленең эйәлек конструкцияһы	123
Хусаинова А.Я. К Истории изучения консонантизма татарских диалектов.....	125
Хусаинова Г. Р., Сиразитдинов З. А., Шамсутдинова Г. Г. О языке и стиле эпоса “Кузыйкурпяс и Маянхылу” в записи Сайфуллы Салимова	128
Хуснетдинова Р. Я. Вопрос о безличных предложениях в трудах профессора Н.К. Дмитриева	133
Хуснуллина Р. Д. Төньяк-көнбайыш диалект һәм Ҡаризел һөйләше (Аскын районы Урмияз ауылы һөйләшсәһе миҫалында)	136

СТАТЬИ И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Айдарбекова Ж. К. Этнолингвистические значения чисел в древнетюркских енисейских эпитафиях	144
Алмадаков Э. А. Ойконимы Улаганского района Республики Алтай	146
Балабекова Н. Р. Средства выражения эмотивности в казахском языке	151
Ивентьев С. И. Юрислингвистика: юридическая истина	155
Илимбетова А. Ф. Змея – целительница людей в фольклоре и поверьях башкир	162
Ишегулова А. М. К юбилею известного башкирского языковеда-лексикографа, общественного деятеля И. М. Агишева.	171
Ҙасым Б. Ҙ. Метафора теориясы: когнитивті модельдеу	173
Ҙасым Б. Ҙ., Ҙасымбекова А. Т. Сөзжасамдық ұйдағы қозғалыс етістіктерінің мағыналық құрылымы	179
Құлманов С. Қ. Особенности функционирования иноязычных терминов в тюркских языках (на основе материалов казахского, турецкого, азербайджанского, узбекского и башкирского языков)	187
Садыралиева Г. Э. Кыргыз тилиндеги саясий дискурс	194
Сиразитдинов З. А. Жизнь, посвященная служению родному языку (к юбилею З. К. Ишмухаметова)	198
Султангареева Р. А. Урал-батыр: демиург, вероучитель и архетип Пророка с.г.с. (текстовые аргументы)	201
Тулекова Г. Х., Тулекова Г. Х. Актуальные вопросы перехода казахского языка на латинский алфавит	206
Хисамитдинова Ф. Г. Йозеф Торма – ученый, дипломат, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения)	210
Шакиров И. А. Влияние двуязычия на структуру личности: некоторые спорные вопросы билингвистической теории	213
Юлдыбаева Г. В. И. Ғ. Ғәләүетдиновтың башкорт халыҡ уйындарын өйрәнеү өлкәһендәге хезмәттәренә күзәтеү	223
Юнысова Ф. Б. Р. Солтангәрәев һәм С. Бәзретдинов очерктарында тел-һүрәтләү саралары	228
Ясин Севим. Атоочтуктун кыргыз тилинде изилдениши	231
Ясин Севим. Кыргыз жана түрк тилиндеги чактык маанидеги атоочтуктар	236

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ**
Материалы XVIII Всероссийской научной конференции
(с международным участием)
Уфа, 24-26 мая, 2018 год

Печатается в авторской редакции

Составление и компьютерная верстка: А.М. Ишегулова

Разработка и дизайн обложки: Т.К.Сурина

Подписано в печать 16.05.18.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная
Усл. печ.л. 14,42
Тираж 300

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
450054, г.Уфа, пр. Октября, 71.
Тел.: (347) 235-60-50